INSPIRIA
УТЁС ЧАЙКИ
ШАРЛОТТА ЛИНК
Несколько пропавших девушек,
мертвое тело у горных болот –
и ни единого следа...

INSPIRIA

Annotation

В МИРЕ ПРОДАНО БОЛЕЕ 30 МИЛЛИОНОВ ЭКЗЕМПЛЯРОВ КНИГ ШАРЛОТТЫ ЛИНК.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР ГЕРМАНИИ № 1.

Шарлотта Линк – самый успешный современный автор Германии. Все ее книги, переведенные почти на 30 языков, стали национальными и международными бестселлерами. В 1999–2023 гг. снято более двух десятков фильмов и сериалов по мотивам ее романов.

Несколько пропавших девушек, мертвое тело у горных болот – и ни единого следа… Этот роман – беспощадный, коварный, загадочный – продолжение мирового бестселлера Шарлотты Линк «Обманутая».

Тело 14-летней Саскии Моррис, бесследно исчезнувшей год назад на севере Англии, обнаружено на пустоши у горных болот. Вскоре после этого пропадает еще одна девушка, по имени Амели. Полиция Скарборо поднята по тревоге. Что это – дело рук одного и того же серийного преступника? Становится известно еще об одном исчезновении девушки, еще раньше, – ее так и не нашли. СМИ тут же заговорили об Убийце с пустошей, что усилило давление на полицейских.

Сержант Кейт Линвилл из Скотланд-Ярда также находится в этом районе, но не по службе – пытается продать дом своих родителей. Случайно она знакомится с отчаявшейся семьей Амели – и, не в силах остаться в стороне, начинает независимое расследование. Но Кейт еще не представляет, с какой жутью ей предстоит столкнуться. Под угрозой ее рассудок – и сама жизнь…

«Линк вновь позволяет нам заглянуть глубоко в человеческие бездны». – Kronen Zeitung

«И снова настоящий восторг из-под пера королевы криминального жанра Шарлотты Линк». – Hannoversche Allgemeine Zeitung

«Шарлотта Линк – одна из немногих мировых литературных звезд из Германии». – Berliner Zeitung

«Отличный, коварный, глубокий, сложный роман». – Brigitte

«Шарлотте Линк снова удалось выстроить очень сложную, но связную историю, которая едва ли может быть превзойдена по уровню напряжения». – Hamburger Morgenpost

«Королева саспенса». – BUNTE

«Потрясающий тембр авторского голоса Линк одновременно чарует и заставляет стыть кровь». – The New York Times

«Пробирает до дрожи». – People

«Одна из лучших писательниц нашего времени». – Journal für die Frau

«Мощные психологические хитросплетения». – Focus

- Шарлотта Линк
  -
  - Ноябрь 2013 года
  - Часть I
    - Пятница, 13 октября 2017 года
    - Суббота, 14 октября
    - Воскресенье, 15 октября
    - Понедельник, 16 октября
    - Суббота, 21 октября
    - Воскресенье, 22 октября
    - Понедельник, 23 октября
    - Понедельник, 30 октября
    - Среда, 1 ноября
    - Пятница, 3 ноября
  - Часть II
    - Понедельник, 6 ноября
    - Пятница, 10 ноября
    - Понедельник, 13 ноября
    - Вторник, 14 ноября
    - Среда, 15 ноября
    - Четверг, 16 ноября
    - Пятница, 17 ноября
    - Суббота, 18 ноября
    - Вторник, 21 ноября
    - Суббота, 25 ноября
- notes

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6

Шарлотта Линк
Утес чайки

Tok. Национальный бестселлер. Германия

Charlotte Link
DIE SUCHE

Die Suche by Charlotte Link © 2018 by Blanvalet Verlag, a division of Penguin Random House Verlagsgruppe GmbH, München, Germany

© Боченкова О., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство Эксмо», 2025

Ноябрь 2013 года

1

Было темно и холодно. Поезд до Скарборо ушел буквально у нее из-под носа. Тот самый, который они выбирали с отцом. Ханна поклялась, что успеет на него.

– Хотя бы на этот раз будь пунктуальна, – сказал Райан, отец. – Я совсем не уверен, что отпускать тебя в Халл одну – хорошая идея.

– Но бабушка ждет меня. У нее день рождения.

– Ты и бабушка! Я правда не понимаю, как ты…

Райан проглотил остаток фразы. Бабушка Ханны – его мать, их отношения всегда оставляли желать лучшего. Ханна не знала, как так получилось, но, поскольку с ее отцом никто не ладил, подозревала, что дело, скорее, в нем.

Райан часто бывал груб с людьми. И ходил мрачный – его обычное состояние. Даже жена его не вынесла. Скрылась в неизвестном направлении, когда Ханне было четыре года.

И вот теперь, в дождливый субботний ноябрьский день, Райану пришлось отпустить четырнадцатилетнюю дочь одну в Кингс-апон-Халл. Поездом. Чтобы она навестила бабушку в день ее рождения. При этом Райан ясно давал понять, что эта затея ему не по душе.

– Ты вечно витаешь в облаках. Ты такая непунктуальная, ничего не можешь довести до ума… Беспокоюсь, как бы чего не вышло.

Ханна знала, что отец ей не доверяет, но на этот раз не дала себя запугать. Умоляла, ныла – и наконец добилась своего.

Вместе они выбрали поезд из Скарборо до Халла и обратно. В Скарборо Райан предполагал забрать дочь на машине и отвезти в Стейнтондейл, где они жили, – маленький городок, куда редко ходили автобусы.

Но обратный поезд до Скарборо ушел, и с этим ничего не поделать. Ханна стояла на платформе и глотала слезы. Как так могло получиться? Она решила на этот раз не разочаровывать отца, доказать, что на нее можно положиться. Что она достаточно взрослая и

самостоятельная. Но вместо этого в точности подтвердила его худшие предубеждения…

Ханна вытерла глаза. Слезами здесь не поможешь. Она поговорила с кондуктором на платформе и выяснила, что следующий поезд до Скарборо будет почти через два часа. Потом достала телефон и позвонила отцу, который работал в клининговой компании и в тот день нарочно напросился на дежурство.

Как и ожидалось, отец отреагировал в резком тоне:

– Я думал забрать тебя в четверть восьмого! И где мне теперь околачиваться почти два часа, скажи на милость? Мы заканчиваем в семь. Господи, Ханна, ну почему каждый раз одно и то же? Неужели так сложно хотя бы один раз вовремя выйти?

Ханна сглотнула. Что она должна была на это сказать? В последний момент бабушка попросила вынуть белье из стиральной машины и положить в корзину. Может, это и была та решающая пара минут, которой ей не хватило…

Так или иначе, факт оставался фактом. Ханна проявила легкомыслие и недальновидность, как и всегда.

– Как и всегда! – закончил отец очередную лекцию, б*о́*льшая часть которой пролетела мимо ушей Ханны. – И знаешь что? Теперь думай сама, как будешь добираться домой! Мне надоело потакать твоим странностям.

С этими словами он дал отбой.

Ханна задумалась, что ей теперь делать. Медленно спустилась с платформы, прошла через здание вокзала и остановилась возле кафе. У нее было немного денег. Достаточно, чтобы посидеть за столиком со стаканом колы и маффином, скоротать время… Боже, как это по-взрослому! Но Ханна вспомнила строгий голос отца, и на глаза снова навернулись слезы. Лучше вернуться к бабушке, она утешит.

Она вышла на привокзальную площадь. В ранний субботний вечер движение на четырехполосной Ференсуэй было не менее оживленным, чем в обычный рабочий день. Сгустились сумерки, в холодном воздухе висел мелкий дождь. Ханна поежилась. Самое печальное в этой ситуации, что отец опять оказался прав. Ужасно! Как теперь убедить его, что она больше не маленькая глупая девочка?

Райан вечно изводил ее своими придирками и упреками. Ханна спрашивала себя, какой была бы ее жизнь, если б мама их не оставила?

Она плохо ее помнила, но на фотографиях мама выглядела молодой и очень красивой. У нее была такая ласковая улыбка… Где-то Ханна понимала, почему такая женщина рассталась с Райаном, но зачем было так далеко ехать?

– В Австралии как будто, – буркнул отец, когда однажды Ханна спросила его, где сейчас мама. – У нее там родственники.

За десять лет мама так и не объявилась.

Ханна вставила в уши наушники от смартфона. Грохочущая музыка заглушила звуки улицы, даже сердитый голос Райана, все еще звучавший у нее в голове.

Ханна их почти никогда не вынимала. Даже когда у отца имелись все основания для недовольства. Музыка позволяла отгородиться от проблем внешнего мира – на какое-то время, во всяком случае. Потому что проблемы никуда не исчезали, возвращались снова и снова.

Ханна вздрогнула, когда кто-то хлопнул ее по плечу. Развернулась и вытащила наушники из ушей. Посмотрела в темные глаза молодого человека.

– Ханна? – спросил он. – Ханна Касуэлл?

– Да?

Она не сразу узнала его из-за капюшона и мокрых прядей волос, падавших на глаза.

– Прости, не хотел тебя пугать. Я несколько раз окликал тебя, но ты не отзывалась.

Теперь она видела, кто перед ней. Кевин Бент жил в бывшей фермерской усадьбе в Стейнтондейле, всего в нескольких милях от Ханны, с матерью и старшим братом. Отца в семье не было, и никто толком не знал, что с ним сталось. Райан говорил о Бентах не иначе как с глубоким презрением и строго запрещал дочери водиться с кем-либо из сыновей.

Что он мог против них иметь, Ханна не понимала. Миссис Бент оставляла о себе самое положительное впечатление. Разве была она виновата в том, что страдала рассеянным склерозом, передвигалась только в инвалидном кресле и не имела ни малейшей возможности заниматься фермой? Бенты жили на пособие, но в этом нельзя было винить ни мать, ни мальчиков.

– Привет, Кевин, – ответила Ханна.

Она надеялась, что он не заметит следов слез на ее щеках. В конце концов, Кевину девятнадцать лет. Ханне не хотелось выглядеть в его глазах маленькой заплаканной девочкой.

– Ты здесь совсем одна? – спросил он.

Ханна кивнула:

– Да, и мой поезд только что ушел.

Кевин помахал ключами от машины:

– Могу подвезти. Правда, только до Скарборо… Мне нужно в Кроптон, повидаться с друзьями.

Ханна задумалась. Если она поедет с Кевином прямо сейчас, будет в Скарборо в оговоренное с отцом время. И совсем не обязательно сообщать Райану, кто ее подвез. По дороге она что-нибудь придумает на эту тему. Райан, пожалуй, будет даже впечатлен тем, что Ханне, несмотря ни на что, удалось уложиться в график.

– Но для тебя это большой крюк, – заметила она. – Ты доберешься до Кроптона гораздо быстрее, если поедешь не через Скарборо.

Кевин пожал плечами:

– Четверть часа разницы, не больше.

Ханна подумала, что гораздо больше, но возражать не стала. Она чувствовала себя польщенной. Красавец Кевин согласен ради нее потерять кучу времени… Неужели он так заинтересован в ее компании? Ханна с трудом могла себе это представить. Кто она такая, в самом деле? Серая мышка, которой до сих пор не заинтересовался ни один мальчик…

– Так ты едешь или нет?

Ханна взяла себя в руки. В чем она была уверена на все сто, так это в том, что, если сейчас откажется, потом будет жалеть.

– Да. Очень мило с твоей стороны.

Вместе они перешли улицу и оказались на большой парковке, полной машин. Кевин достал карточку и расплатился через автомат, а затем повел Ханну через парковку к маленькому, потрепанному, но сверкающему чистотой «Фиату». Открыл дверцу, и Ханна проскользнула на пассажирское сиденье, испытывая огромное облегчение от того, что ситуация разрешилась.

Отец не узнает, что она поехала с Кевином Бентом. По какой-то непонятной причине Райан следовал твердому убеждению, что все

Бенты – закоренелые преступники, отпетые бездельники, воры, мошенники, а то и того хуже.

На самом деле брат Кевина восемь лет тому назад действительно привлек внимание полиции. Тогда расследовали дело об изнасиловании пятнадцатилетней девушки, которую некие молодые люди уговорили пойти с ними по дороге из школы, а затем насиловали ее в течение нескольких часов в заброшенном здании фабрики. Брат Кевина, тогда шестнадцатилетний, всячески отрицал свою причастность к преступлению. У полиции против него так ничего и не нашлось, что, конечно, не убедило Райана.

– Разумеется, он был с ними, – сказал он. – Полиция не зря им интересовалась. Жаль, что они не смогли ничего доказать. Но этим парням место за решеткой.

Кевин завел двигатель. Они выехали с парковки и влились в плотный поток машин на Ференсуэй.

– Ты подросла, – заметил Кевин. – Я не сразу узнал тебя.

Ханна покраснела.

– Да, я… – (Господи, как можно быть такой неуклюжей!) – В апреле следующего года мне исполнится пятнадцать.

– Черт возьми!

Ханна быстро скосила глаза на Кевина. Он ухмылялся, ясное дело. Она же говорит как школьница, считающая месяцы до следующего дня рождения…

«Забудь об этом, Ханна, – сказала она себе. – Эти попытки произвести на него впечатление ни к чему не приведут. Он доброжелателен, только и всего. Потому и взял тебя с собой, хотя ты ровным счетом ничего для него не значишь. И не будешь значить никогда при таком поведении».

Они молча приближались к границе города. Свернули на A165 – трассу, которая вела в Скарборо. Их путь пролегал в двух шагах от моря, с тянущимися вдоль дороги потрепанными всеми ветрами живыми изгородями, сейчас скрытыми от глаз темнотой.

Движение все еще было оживленным. Они ехали в непрерывающемся потоке машин, выстроившихся на соседней полосе в бесконечную колонну. И так почти полтора часа. В салоне было тепло и уютно, но Ханна чувствовала себя напряженно и уже жалела, что не стала дожидаться следующего поезда.

Она сидела в машине с одним из самых симпатичных парней в Скарборо и знала, что не одна она так считает. О Кевине много было разговоров, и в школе, и в социальных сетях, где общались девочки из окружения Ханны. Любая из них отдала бы все за свидание с ним. Кевин часто менял подруг, но на данный момент считался свободным. Что, конечно, не исключало кратковременных случайных романов.

Ханна понимала, сколько девочек хотели бы сейчас оказаться на ее месте, и осознавала не менее ясно, что не становится от этого менее безнадежной. Она не считала себя привлекательной: несколько лишних фунтов на бедрах, по-детски припухлые щеки и совершенно невозможная одежда…

Что ей носить, решал отец. Денег Касуэллам вечно не хватало, поэтому выбор определялся прежде всего дешевизной покупки. Результат соответствующий – бесформенные тряпки, приходившие в полную негодность уже после нескольких стирок. И всегда хотя бы на размер больше, чтобы не так часто тратиться на обновки.

– Что ты делала в Халле? – вдруг спросил Кевин. – Так далеко от дома…

– Ездила в гости к бабушке, она там живет.

– И отец отпустил тебя одну?

В Стейнтондейле все знали, что дочь Райана Касуэлла шагу не ступит без разрешения отца. Как будто иначе при первом удобном случае она могла убежать в Австралию, как это сделала миссис Касуэлл десять лет тому назад.

– С отцом все не так просто, – призналась Ханна. – Он не хотел отпускать меня. Боялся, что я опять что-нибудь напутаю. И хуже всего то…

– …Что ты действительно опоздала на поезд, – закончил за нее Кевин, когда Ханна запнулась.

Она кивнула:

– Да. Мой отец лишний раз убедился, что он прав.

– Он сам слишком долго убеждал тебя в том, что ты обязательно сделаешь что-то не так, – сказал Кевин. – Если лишить человека уверенности в себе, у него все будет валиться из рук. Ты должна поверить в себя, Ханна. Тогда все будет хорошо.

Она задумалась:

– Трудно поверить в себя, когда…

– …Когда у тебя такой отец?

– Дело не только в отце. Я имею в виду, что я просто…

Она запнулась, ощутив на себе его взгляд.

– Что ты?

Наверное, не стоило вообще поднимать эту тему, но было поздно.

– Я не такая, как другие девочки. Не такая… крутая.

На самом деле она хотела сказать «красивая», но, по счастью, проглотила это слово. Кевин, конечно, обо всем догадался сам, но зачем тыкать его носом?

– Ты особенная, Ханна. Действительно не такая, как все. И это делает тебя интереснее. В моих глазах, по крайней мере.

Ханна сглотнула. Неужели он не шутит? Что вообще обычно говорят в таких случаях?

«И они это видят, – в отчаянии подумала она. – Все, не только он».

Оба снова замолчали. Они успели проехать множество городков и поселков, и многие машины свернули. Трасса опустела. Выглянув в окно, Ханна увидела простиравшиеся почти до горизонта луга. Где-то за ними было море.

«Так вот что такое свобода, – подумала она. – Ночь. Кевин. И отец понятия не имеет, где я».

– А ты что делал в Халле? – спросила Ханна, чтобы не молчать.

– Друг открывает там паб, – ответил Кевин. – Сегодня я помогал ему монтировать и расставлять мебель. Завтра поеду опять.

– Ммм… Очень мило с твоей стороны.

– Мы дружим целую вечность. Открытие в декабре. Если хочешь, тоже получишь приглашение.

Боже всемогущий…

– Я?.. Да, хочу.

– Думаю, отец не станет возражать против стакана колы.

– Конечно… С удовольствием… Спасибо!

Отец в жизни такого не разрешит. Паб в Халле, которым управляет друг Кевина Бента, – это безнадежно. Разве что придумать что-нибудь… У Ханны была подруга Шейла. Изредка, в особых случаях, отец позволял задержаться у нее на ночь. Что, если Ханна скажет ему, что переночует у Шейлы, а сама отправится в Халл?

– Можешь взять меня с собой? – спросила она. – Я имею в виду, на открытие.

– Конечно. Думаешь, отец отпустит?

– Нет. Но ему ведь не обязательно знать.

«Вот это действительно прозвучало круто!» – восхитилась про себя Ханна.

Кевин ухмыльнулся:

– Ладно. Если только на этот раз не оплошаешь.

Кроме них, на трассе было всего несколько машин.

Кевин включил авторадио. Арианна Гранде.

– Любишь такую музыку? – спросил он.

– Да. Ужасно.

Оба снова замолчали. Громкие звуки заполнили салон. Снаружи совсем стемнело.

«Может быть, сейчас для меня начинается новая жизнь, – подумала Ханна. Вот так…»

2

В самом начале восьмого они прибыли в Скарборо. Кевин отвез Ханну на вокзал. Он спросил, не хочет ли она сообщить отцу о своем прибытии, но Ханна равнодушно ответила, что отец на работе, в офисе, куда она сейчас и собирается направиться. Позвонить отцу из машины было немыслимо. Он немедленно захотел бы знать, кто ее подвез, и разозлился бы, даже если б Ханна не назвала имени Кевина Бента.

Отец строго-настрого запрещал ей садиться в машину к незнакомым людям. Прикрыться кем-либо из знакомых Ханна также не имела возможности. Отец не успокоился бы, пока не выяснил всех подробностей. Райан Касуэлл не доверял ни черту, ни богу.

Главная проблема заключалась в том, что ей сказать сейчас. Ханна ломала голову, но судьба снова оказалась на ее стороне. Они прибыли на вокзал почти одновременно с поездом, на который Ханна должна была сесть. Можно сказать, что она запрыгнула в вагон в последнюю секунду. Конечно, Райан станет ворчать, почему не позвонила раньше. Но эти упреки можно проигнорировать. Правда в любом случае хуже.

– Где его компания? – спросил Кевин. – Я мог бы подбросить тебя туда.

– Нет, лучше высади меня на вокзале. Скажу отцу, что приехала поездом.

– Хорошо… – Он сделал паузу. – И ты действительно собираешься туда? – В тоне вопроса звучало недоверие. – К своему отцу?

– Конечно.

Райан, наверное, уже уехал домой, но Кевину не обязательно об этом знать. Ханна позвонит отцу. Тот, конечно, расстроится, что ему придется возвращаться, спросит Ханну, включает ли она мозги, хотя бы изредка. Но в конце концов приедет за ней на вокзал.

Ханна вышла из машины, поежилась. Промозглый воздух после теплого автомобильного салона ощущался вдвойне неприятно. Кевин перегнулся через пассажирское сиденье:

– Так мы договорились насчет открытия?

– Да, договорились.

– Ты не поедешь автостопом в Стейнтондейл, обещаешь? Это опасно.

– Конечно, нет.

– Отлично. До скорой встречи, Ханна. И приятного вечера.

Она захлопнула дверцу и проследила за машиной.

Господь всемогущий, неужели это не сон? Получается, Кевин Бент назначил ей свидание. Не романтический вечер на двоих – речь все-таки идет об открытии паба, – и тем не менее… Впервые в жизни молодой человек захотел пойти с ней куда-то. И не просто молодой человек, а сам Кевин Бент!

Сгорая от нетерпения, Ханна вытащила из кармана джинсов смартфон. Она взорвется, если немедленно не расскажет обо всем Шейле.

Шейла, которую разлучить с телефоном могла только ампутация, ответила сразу:

– Привет! Что-то случилось?

– Я на вокзале в Скарборо. Приехала из Халла, и на чем, как ты думаешь?

– На поезде, наверное, – скучающе предположила Шейла.

– Не угадала. В Халле мне встретился мужчина, который подвез меня на машине.

– И кто же он? – не без раздражения спросила Шейла.

Ханна наслаждалась моментом:

– Кевин.

– Кевин? Кевин Бент?

– Он самый.

Повисла пауза. Лишь какое-то время спустя в трубку вернулся озадаченный голос Шейлы:

– Вот это номер! Кевин Бент подвез тебя на машине? Как это у тебя получилось?

– Мне не пришлось ничего делать. Мы встретились случайно, и Кевин спросил, не хочу ли я поехать с ним.

– Наверное, тебе просто повезло, – Шейле с трудом удавалось скрывать зависть. – Ну, и… как он? Как ты? Надеюсь, не проглотила язык от страха?

Она безошибочно метила в самые слабые места.

– Ну, я…

– Он не заскучал с тобой, надеюсь? – переформулировала вопрос Шейла.

«Не слишком любезно для лучшей подруги», – подумала Ханна. Но за Шейлу говорила ее зависть. И заставляла наносить один безжалостный удар за другим.

Ханна решила выложить следующий козырь.

– Не думаю, чтобы заскучал, – ответила она. – Иначе не назначил бы мне встречу в начале декабря.

– Что?

– Праздник, вечеринка, – Ханна подумала, что это прозвучит лучше, чем «открытие паба». – Кевин спросил, не желаю ли я пойти с ним.

– Кевин Бент пригласил тебя на праздник? – Шейла словно никак не могла в это поверить.

В конце концов, на такое можно и обидеться.

– Да.

– Ничего не понимаю. Правда? Кевин Бент и ты…

– Проблема в моем отце, – перебила ее Ханна. – Он не разрешит.

– Ясное дело, не разрешит, – согласилась Шейла почти с облегчением.

– Поэтому я и решила сказать ему, что заночую у тебя. Как тебе идея? Поможешь?

– Хмм…

Шейла не скрывала, насколько ей не нравится ее роль в этой игре. Ханна сопровождает Кевина Бента – самого симпатичного молодого человека в округе – на вечеринку, а она, Шейла, будет сидеть дома и обеспечивать ей алиби… И это при том, что она намного красивее и ярче Ханны, не говоря об одежде. Где, черт возьми, были глаза Кевина?

Как будто прочитав ее мысли, Ханна добавила:

– Можешь одолжить мне что-нибудь из одежды? То, что я ношу…

– В том, что ты носишь, ходить нельзя, это понятно. Неужели Кевин совсем не обращает на это внимания? Я имею в виду, его последняя девушка была очень симпатичная и хорошо одета.

Шейла сыпала словами, словно пощечинами. Но Ханна старалась не подавать виду.

– Значит, поможешь?

Шейла как будто поняла, что выбора у нее нет. Если только она не хочет прослыть плохой подругой. Кроме того, Ханна будет держать ее в курсе событий. Лучшего информатора не найти.

– Ну хорошо, – протянула она.

– Спасибо. Ты – сокровище.

– Собственно, почему Кевин не довез тебя до Стейнтондейла, он ведь живет там?

– Он ехал в Кроптон, к друзьям. И потом, как бы я объяснила это отцу? Теперь могу сказать, по крайней мере, что приехала поездом.

Все так. Они поговорили еще несколько минут. Шейла хотела знать о поездке все, вплоть до мельчайших деталей. Потом попрощались, и Ханна набрала номер отца. Не дозвонилась. Попробовала на домашний – тот же результат. И в том, и в другом случае включался автоответчик, но Ханна не стала оставлять сообщение.

Она не дозвонилась ни со второй, ни с третьей, ни с четвертой попытки. Отец не отвечал.

Ханна задумалась. В чем тут дело? Неужели Райан настолько зол, что намеренно не снимает трубку? Или застрял в пробке на дороге?

Стоя перед кирпичным зданием вокзала с высокой башней, часами и огромным куполом, в промозглом тумане, пронизанном мельчайшими дождевыми капельками, Ханна вдруг почувствовала, что

совсем продрогла. В этот субботний вечер на вокзале было мало людей, и почти никого на площади перед ним. Все, кто имел такую возможность, грелись дома, перед камином. Радостное возбуждение последних двух часов прошло, нарастала усталость и тревога. Отец ожидал ее дома позже. Что, если он отключил телефон на ближайшие пару часов?

Ханна могла бы подождать в здании вокзала, там, по крайней мере, не так холодно и тоже есть кафе. Но неопределенность пугала.

После очередной безуспешной попытки дозвониться до отца Ханна неуверенно пошла по улице, и тут рядом с ней остановилась машина.

– Ханна?

Ханна заглянула сквозь спущенное стекло – и замерла на месте.

3

Дастин Уокер, сопровождавший поезд из Кингс-Кросс в качестве кондуктора, прибыл на вокзал в Скарборо ровно в половине девятого и быстро пошел по платформе. Ему хотелось как можно скорее вернуться домой. В поезде каждый второй пассажир был простужен. Дастин уже кашлял и шмыгал носом. Дома первым делом нужно будет принять витамины. Есть надежда, что он все-таки не успел заразиться.

Внезапно на его пути встал мужчина. Дастин попытался его обойти, но незнакомец тоже сделал шаг в сторону. Раздраженный, Дастин посмотрел ему в глаза:

– В чем дело?

– Поезд из Халла давно прибыл, – сказал мужчина, который выглядел очень бледным. В широко раскрытых глазах застыл страх. – Сорок пять минут тому назад.

– Возможно, – ответил Дастин. – Я только что приехал из Лондона.

– Моя дочь должна была ехать этим поездом. Но ее нет!

– Ничем не могу вам помочь. Я, как уже сказал, только что из Лондона.

– Никто не может мне помочь, – повторил мужчина, судя по всему, уже на грани нервного срыва. – В диспетчерской никого. Я нажал на

красную кнопку в центре экстренной помощи, но они тоже ничего не знают. Никто ни за что не отвечает!

Дастин точно за это не отвечал, но ему стало жаль незнакомца.

– Ваша дочь приехала из Халла, говорите? – переспросил он.

– Да. Ей четырнадцать лет. На самом деле она собиралась приехать другим поездом, раньше, но опоздала. Позвонила мне, и мы договорились, что она сядет на следующий. Но там ее не было!

– Может, вы разминулись? Когда вы вышли на платформу?

– Я был там вовремя, даже на десять минут раньше. На той самой платформе, на которой нужно. Поезд пришел, но там ее не оказалось.

– Вы могли не заметить ее в толпе. Так бывает.

– Но тогда она должна быть где-то здесь. Я обыскал весь вокзал. Заходил даже в женский туалет. Ее нет нигде. И на площади перед вокзалом тоже.

– У нее есть смартфон?

– Разумеется, я звонил. Она не отвечает. Автоответчик отсылает меня на голосовую почту.

Дастин вздохнул. Мужчина, возможно, беспокоится напрасно. Скорее всего, ничего страшного с девочкой не случилось. Ох уж эти четырнадцатилетние подростки… Наверняка в поезде был парень, с которым она потеряла счет времени.

– Что она делала в Халле? – поинтересовался Дастин.

– Навещала бабушку. Я, конечно, звонил и ей тоже, но бабушка ничего не знает. Когда она в последний раз разговаривала с Ханной, та сказала, что опоздала на поезд.

– И после этого не выходила на связь?

– Ханна несколько раз пыталась до меня дозвониться. Между десятью и двадцатью минутами восьмого. Я был в машине, возле моря. Внизу, под замком, где никогда нет связи. Поэтому я слишком поздно узнал о ее попытках. И никаких сообщений. Я понятия не имею, откуда она звонила и в чем дело.

Дастин опять вздохнул. Зачем он только остановился… Теперь так просто не отделаться.

– Послушайте, мистер…

– Касуэлл. Райан Касуэлл. Я живу в Стейнтондейле с дочерью. Ее зовут Ханна. Я – отец-одиночка, работаю в клининговой компании.

Сегодня до семи дежурил в офисе, потом собирался на вокзал, за ней. Из-за того, что она опоздала, мне пришлось ждать следующего поезда.

«Забавный все-таки парень, – подумал Дастин. – Сидел почти два часа на холоде, в машине, вместе того чтобы дожидаться где-нибудь в пабе, где можно выпить хотя бы горячего чая… Скупой, похоже, до чертиков. Не удивительно, что девочке не хочется возвращаться домой».

– Я разозлился, когда она сказала, что опоздала, – тихо продолжал Касуэлл. – Пригрозил вообще не забирать ее. Меня взбесило, что каждый раз… Ханна вечно витает в облаках. Все время что-то забывает, теряет. Опоздать на поезд – как это на нее похоже!

– Бедняжка, – почти беззвучно пробормотал Дастин.

– Но она не могла убежать от меня. Она… еще ребенок. Я знаю, как быстро развивается сегодняшняя молодежь, но это точно не про Ханну.

«Как часто родители ошибаются на этот счет», – подумал Дастин. А вслух спросил:

– У Ханны есть друзья? Подруги, я имею в виду. Не могла она зайти к кому-нибудь?

– Ей не к кому идти в Скарборо, – ответил Касуэлл. – И тогда она все равно приехала бы тем поездом.

– По крайней мере, она могла сообщить подруге, где находится, после того как не получилось связаться с вами.

Глаза Райана Касуэлла вспыхнули надеждой.

– Шейла, – прошептал он. – Шейла Льюис, ее лучшая подруга, здесь, в Скарборо.

Он уже набирал ее номер. Дастин собирался было идти своей дорогой, но что-то – его идиотское мягкосердечие, не иначе – мешало ему оставить этого обезумевшего от горя человека на произвол судьбы. Теперь Дастин чувствовал себя ответственным за него.

– Шейла, это Райан. Райан Касуэлл! – закричал мужчина в телефон. – Ты не знаешь, где Ханна? Я на вокзале. Она должна была приехать поездом из Халла сорок пять минут назад, но… Да. Ее нет. Что случилось, не знаешь?

Он слушал.

– Ничего не понимаю. Прекрати ходить вокруг да около. Знаешь, где она, или нет? Послушай, Шейла, если с Ханной что-то случилось, а

ты из женской солидарности будешь держать рот на замке, тебя ожидают большие неприятности. Серьезные неприятности, это я тебе гарантирую.

«Не слишком любезный парень», – заметил про себя Дастин.

Похоже, Шейла, действительно что-то знала, но по какой-то причине не спешила развязывать язык. В любом случае не следовало на нее так давить. Но давить, как видно, в природе Касуэлла. Боже, сколько злобы в его лице… Мрачный тип, что и говорить.

Касуэлл опять слушал, а потом вдруг чуть не задохнулся от возмущения:

– Что? Что ты такое несешь?

«Ой-ой-ой…» – подумал Дастин.

– С кем она поехала?! – заорал Касуэлл, и те немногие, кто еще оставался на платформе, разом обернулись на него. – Быть того не может… Это невозможно!.. И вот теперь ее нет… Она пропала!

Мужчина оборвал разговор и резко повернулся к Дастину. Он выглядел так, будто только что видел самого дьявола.

– Она села в машину к Кевину Бенту. Она уехала с Кевином Бентом, в его машине!

Дастин не знал, кто такой Кевин Бент, но, судя по всему, сам факт, что его дочь села в машину к мужчине, поверг Райана Касуэлла в состояние шока.

– Это опасный преступник. Его брата обвиняли в растлении малолетней… – Касуэлл снова набирал номер на телефоне. – Я немедленно звоню в полицию.

Часть I

Пятница, 13 октября 2017 года

1

– Бездельники, отбросы общества – вот как это выглядело, – пожилая дама поморщилась от отвращения. – Но ваши жильцы с самого начала показались мне подозрительными. Я сразу почувствовала, что с ними что-то не так.

Кейт Линвилл оглядывала гостиную в бывшем доме своих родителей в Скалби, пригороде Скарборо. Как полицейский она многое повидала, но это… Горы пустых консервных банок в углах, засохшие остатки пиццы на бумажных тарелках, опрокинутые бутылки, содержимое которых оставило неопрятные пятна на ковре, кошачий лоток, не убираемый, похоже, в течение нескольких месяцев. Горы тряпок. Нижнее белье на подоконнике, блевотина на стуле. На стене непристойный текст, написанный чем-то похожим на кровь.

– Боже мой… – прошептала Кейт.

Было ли это действительно самое страшное из того, что она видела до сих пор, или все дело в ее эмоциях, в том, что на этот раз это касалось ее лично?

Наверное, если б не соседка, Кейт заплакала бы. Она всегда сдерживалась на людях.

– На кухне еще хуже, – сказала соседка.

У нее всегда были ключи от дома. Еще при жизни отца, и потом в этом плане ничего не изменилось. Это она позвонила Кейт в Лондон.

– Я не видела ваших жильцов две недели. Молочные бутылки перед входной дверью. Переполненный почтовый ящик. И мяукающая кошка… Что-то там не так. Мне посмотреть?

Кейт разрешила, и двадцать минут спустя соседка позвонила снова.

– Вам лучше приехать прямо сейчас.

Кейт, детектив-сержант Скотланд-Ярда, взяла отпуск на пару дней, что, при чрезвычайной загруженности отдела, вызвало, мягко говоря, недоумение у начальства.

– Этот дом я унаследовала от отца и сдала в аренду. Жильцы, судя по всему, исчезли. Теперь там все вверх дном. Я должна с этим разобраться.

Босс был в полной растерянности:

– Я думал, вы давно продали тот дом?

– Нет.

Отпуск ей, так или иначе, дали. И теперь, пройдя за соседкой на кухню и содрогнувшись от открывшейся картины и запахов – хуже, чем на свалке, – Кейт спрашивала себя, не было ли это расплатой за слабость. Да, дом нужно было продать. Но она не решилась, сдала в аренду, хотя знала, какими неприятностями это чревато. Не то чтобы предвидела катастрофу, с которой столкнулась, но дома требовали постоянных денежных вложений – ремонта, устранения неисправностей… Бывают арендаторы, которые звонят по поводу малейшей протечки в кране и каждой скрипучей половицы и требуют незамедлительного принятия мер.

И все-таки она рискнула. Потому что пока не находила в себе силы отказаться от родительского дома, где, после тяжелой болезни, умерла ее мать. Где был зверски убит отец. Кейт расследовала это преступление три года тому назад. То, что она узнала о прошлом отца, заставило ее содрогнуться. Тем не менее она не была готова окончательно расстаться с прошлым[1].

– Почему-то, когда здесь что-то не так, я всегда узнаю первая. – Соседка вытащила платок и прижала к носу. – О, этот запах… Ведь это я забила тревогу, когда убили вашего отца.

Это прозвучало как обвинение.

«Потому что ты любишь совать нос в чужие дела, – мысленно ответила соседке Кейт. – Здесь никто шагу не ступит без того, чтобы ты не заметила».

Линвилл старалась не показывать злобы. В конце концов, это несправедливо. Она должна быть благодарна старушке.

– Надеюсь, это последний раз, когда вы делаете в моем доме неприятные открытия, – сказала она.

– Кто знает… – Соседка пожала плечами.

Про себя Кейт отметила, что где-то ей даже нравится эта ситуация. Хоть какой-то просвет в череде серых монотонных будней.

Женщины продолжили обход. Везде одно и то же, включая спальни на первом этаже. Грязное белье, заплесневелые остатки еды. Вырванные электрокабели. Вывернутые шпингалеты на окнах. Сломанные дверные ручки. Дверь в ванную держится на одной петле. В ванне давно не спускали воду, и от этого запаха у Кейт заболел желудок. Она взглянула в зеркало над раковиной – бледное лицо блестит от пота, волосы над лбом взмокли…

– Это невозможно, – простонала Кейт.

Соседка, не отнимая платка от носа, кивнула.

– Ванна тоже очень грязная, – невнятно пробормотала она.

Воды в ванне было где-то с фут. В ней плавало нечто похожее на блевотину.

– Что они здесь делали? – тихо спросила Кейт.

Она помнила, как познакомилась с жильцами. Мужчина и женщина, обоим около тридцати. Не то чтобы особенно приятные люди, но и не отвратительные. Не поймешь. Он объяснил, что ищет работу. Но женщина предоставила трудовой договор со строительной компанией как подтверждение стабильного дохода. Арендная плата, так или иначе, поступала, хотя и не всегда день в день.

Кейт нравилось, что жильцы не беспокоили ее – никаких жалоб – и приняли дом с мебелью. Наверное, это и должно было ее насторожить – то, что у них нет своей мебели. И что они никогда ни на что не жалуются.

В бывшей родительской спальне обнаружилась кошка, о которой, очевидно, давно никто не заботился. Маленький угольно-черный комочек. Ей удалось выжить благодаря остаткам пищи на бумажных тарелках. Кошка лежала на незаправленной кровати, в куче насквозь пропитавшегося грязью белья, и жалобно мяукала.

– До чего довели животное… – Кейт покачала головой.

– Вчера я принесла ей молока, – сказала соседка. – Но я не могу ее взять, у меня аллергия на кошек.

Словно в подтверждение сказанного она чихнула.

Кейт почувствовала непреодолимое желание просто забиться в угол и закрыть лицо руками, в ожидании, что кто-то придет и скажет, что сейчас все исправит и ей не о чем беспокоиться. Она ждала чуда, того, что этот кошмар вдруг исчезнет, как по мановению волшебной палочки, и вернется уютный дом ее детства. Все эти годы она жила

под его защитой. И когда Кейт приехала сюда – сбежав от одиночества, холода лондонской квартиры и неурядиц на службе, – она погрузилась в то, чего давно уже нет, и что, тем не менее, согревает.

В этот момент Кейт осознала, что жизнь уже не будет прежней. Даже если дом отремонтировать, снова сделать его красивым и чистым, как раньше, останется рана. Вторая по тяжести и болезненности после убийства отца. Того, что она видит здесь сейчас, уже не искоренить никакими ремонтами. И никто не придет, не поможет. Кейт останется один на один с этой проблемой.

Она взяла себя в руки. Спрятаться в углу, к сожалению, не получится. Нужно думать, что делать дальше. Единственное, что было утешительного посреди этого ужаса – вполне внятное заявление о расторжении контракта на ее, Кейт, имя. Кейт еще покажет его адвокату, но, судя по всему, теперь она единственная, кто распоряжается в доме. Без этой бумаги расторжение контракта об аренде с жильцами, местонахождение которых неизвестно, могло вылиться в серьезную юридическую проблему.

– Где собираетесь жить эти несколько дней? – поинтересовалась соседка. – Не здесь же…

– Найду гостиницу, «постель и завтрак». Думаю, сейчас должны быть свободные номера. Потом буду искать ремонтную компанию. Прежде всего дом надо привести в порядок.

– Это дорого.

– Конечно, но разве у меня есть выбор?

– Вы заявите об исчезновении арендаторов?

– Придется, – Кейт кивнула. – Но не особенно надеюсь, что их найдут. Скорее всего, их вообще уже нет в Англии.

– Они, наверное, больны… – Голос соседки дрогнул.

Кейт спустилась в гостиную, которая, несмотря на грязь и бардак, выглядела более-менее сносно в сравнении с другими комнатами. Села на край дивана, достала ноутбук и стала искать в «Гугле» возможные варианты размещения на ночлег. Остановилась на гостевом доме «Скарборо-Норд-Клифф». От Скалби рукой подать, если на машине, и море близко. Кстати, разрешено проживание с животными.

У Кейт никогда не было домашнего питомца, но она не могла оставить кошку здесь. При этом что-то в ней противилось тому, чтобы

просто сдать ее в приют. Кошку она возьмет с собой. Возможно, позже для нее даже отыщется новый хозяин.

Кейт позвонила в гостиницу, и там сказали, что она может приехать в любое время и оставаться, сколько захочет.

– Сейчас вы наша единственная постоялица, – объяснила дружелюбная женщина на другом конце провода. – Так что будем рады.

Чемодан с вещами ждал в машине. Кейт поискала, в чем перевезти кошку, и нашла вполне годную переноску на кухне. Грязную, конечно, как и всё в этом доме. Кейт долго скребла ее в ванной, использовав жалкие остатки моющего средства. Она надеялась, что в отеле отыщется какое-нибудь одеяльце, постелить на дно. В доме не было ничего подходящего, что могло бы устроить кошку и администрацию гостиницы.

Кейт вышла из дома вместе с соседкой и тщательно заперла дверь. День выдался погожий. Октябрьское солнце светило на голубом небе, кое-где подернутом легкими облачками. Деревья во дворах и вдоль улицы шелестели красной и золотой листвой.

«И все-таки, – подумала Кейт, – как здесь тихо…»

Машину она унаследовала от отца и была привязана к ней, как и ко всему, что напоминало о нем. Включая этот дом. Нанесенные ему раны Кейт ощущала почти физически.

– На связи, – напутствовала соседка.

Кейт поставила переноску с кошкой на заднее сиденье и села за руль.

Я все исправлю. А потом продам дом как можно скорее.

2

Этот визит до вечера не шел из головы Кэрол Джонс. В департаменте по делам молодежи пятница выдалась жаркой, и все-таки Кэрол ни на минуту не смогла забыть об Аллардах. «Тебе нужно к Аллардам, – твердил навязчивый голос где-то в затылке. – Сегодня ты обязательно должна зайти к Аллардам».

Пятница, половина пятого. Почти все коллеги исчезли до понедельника, немногие оставшиеся собирали вещи. Кэрол с неохотой

убрала ноутбук в сумку. Ирен Каримиан, ее начальница, просунула голову в дверь. Она была в пальто, с сумкой через плечо.

– Я ухожу. Ты не забыла об Аллардах, Кэрол?

– Нет, конечно. Сейчас к ним собираюсь. – Кэрол старательно изображала заинтересованный тон, чтобы начальница не заметила ее истинного настроения.

Женщины вместе вышли из серого тоскливого здания в центре города. Ирен, жена богатого человека, села в «Мерседес», Кэрол – в маленький потрепанный «Рено». Последней надеждой было, что он не заведется. Но – пятница, тринадцатое – машина оказалась на высоте.

Алларды жили неподалеку от департамента по делам молодежи, на Роско-стрит, длинной, неприглядной улице, состоящей из цепочки домов с верандами, нуждавшихся в немедленной реновации, на что у их владельцев, очевидно, не было денег. Через обветшалые окна зимой тепло уходило наружу, а внутрь проникал влажный морской воздух. Бетонные площадки перед входными дверями – не больше пляжного полотенца. Краска на рамах облупилась, застекленные эркеры изнутри прикрыты выцветшими шторами, чтобы жильцы не сидели за чаем как в аквариумах, под взглядами прохожих.

Кроме того, на втором этаже было по одному-единственному окну. Небольшой угол наклона крыши не позволял увеличить жилую площадь за счет мансардных помещений. Кэрол знала, что с задней стороны дома – кухня, дверь которой выходит в огороженный каменным забором двор, примыкающий к соседнему домовладению. Кое-кто из жильцов разбил газоны, некоторые даже выращивали цветы и овощи. Но не Алларды, они просто заасфальтировали свой двор и устроили там свалку. Ржавела старая стиральная машина. Диван разваливался, местами покрываясь плесенью. Белье на веревках не снималось даже в дождь.

На втором этаже располагалась родительская спальня, ванная и комната девочек, Мэнди и Линн. Четырнадцатилетняя Мэнди с начала недели не появляется в школе, и родители, несмотря на неоднократные обращения администрации, не дают тому никакого объяснения. Директор школы связалась с департаментом по делам молодежи, так как знала, что семья состоит под их опекой.

Проблемы бывали и раньше. Девочки приходили в школу в неопрятном виде, пропускали уроки без причины, а два года тому

назад Мэнди повздорила с матерью и сломала руку. До сих пор не ясно, действительно ли она неудачно споткнулась о порог.

Изъятие девочек из семьи обсуждалось, но окончательного решения до сих пор нет. Найти приемную семью непросто, а помещение в специнтернат разрешается лишь в исключительных случаях. Поэтому Ирен и поручила Кэрол не спускать глаз с Аллардов, и Кэрол совсем не была настроена кого-либо разочаровывать, будь то Ирен, девочек или себя саму.

Припарковаться пришлось далеко в стороне, перед фитнес-студией, располагавшейся в особенно ветхом продолговатом строении. Броские плакаты рекламировали предложения. «Персональный тренер» – гласили ярко-красные буквы на матовом стекле окна.

Кэрол вздохнула. Она не оставила попыток борьбы с собственным телом, и, возможно, персональный тренер был именно тем, что ей сейчас нужно. Но Кэрол категорически не хватало силы воли на выполнение этого напряженного пункта программы после долгого трудового дня.

Она прошла по улице, пересекла ее и остановилась перед домом Аллардов. Окно эркера здесь лишь наполовину было прикрыто занавеской, поэтому, изогнувшись, можно было заглянуть внутрь дома.

По наполнявшему помещение мерцающему голубоватому свету Кэрол установила, что телевизор включен. Значит, кто-то дома. С высокой долей вероятности, во всяком случае.

Глава семьи Марлон Аллард перебивался случайными заработками, в основном на стройках. Мать, Пэтси Аллард, когда-то уволили из аптеки за воровство. С тех пор она была безработной и тиранила семью. Проблемой была прежде всего Пэтси. Марлон иногда выпивал лишку, но в целом держался миролюбиво. Пэтси, напротив, так и источала агрессию. Она ненавидела все – свою жизнь, мужа, семью. Уверяла, что любит детей, но нередко вымещала на них свою злобу. Кэрол ее даже побаивалась, и Пэтси это чувствовала – не лучшая предпосылка к предстоящей беседе.

Кэрол расправила плечи и позвонила в дверь. Приготовилась. Пэтси Аллард нередко уже с порога обрушивала на нее поток отборной брани.

Ей открыли быстро. Маленькая худая женщина. Крашеные волосы, у корней седина. Наверное, когда-то Пэтси считалась

привлекательной, но неудачи и разочарования, сопровождавшие ее по жизни, оставили отпечаток на лице. Кэрол дала бы Пэтси гораздо больше ее тридцати девяти лет. Сейчас и пятидесятилетние выглядят моложе. На Пэтси были узкие джинсы и объемный синий джемпер, подчеркивающий худобу.

– Ну, и?.. – недружелюбно бросила она через порог.

Кэрол улыбнулась, демонстрируя тем самым миролюбивый настрой:

– Добрый вечер, Пэтси. Как ваши дела?

– А вы как думаете? Паршиво, как и всегда. Спасибо, что спросили.

– Марлон нашел работу?

– Нет, как и я. Линн устроилась ученицей; ну, да вы об этом, конечно, знаете.

Конечно, Кэрол знала. Департамент по делам молодежи нашел шестнадцатилетней Линн место ученицы в столярной мастерской. По крайней мере, за одного члена семьи можно было не беспокоиться. Опыт подсказывал Кэрол, что в дом ее не пригласят. Нужно напроситься самой, остальное зависит от везения.

– Войти можно?

– В гостиную – нет. Марлон смотрит футбол по телевизору. Только на кухню.

Пэтси вздохнула, но отступила на шаг, пропуская гостью. В узкой темной прихожей два человека могли передвигаться, лишь следуя друг за другом. Изнутри дом выглядел довольно опрятно. Алларды устроили свалку во дворе, но в комнатах поддерживали порядок. Хотя в такой тесноте ничего другого им просто не оставалось.

Кухня была крошечной, но в углу стоял небольшой деревянный стол и четыре стула. Кэрол села без приглашения. Пэтси снова вздохнула и демонстративно встала, прислонившись к плите.

– Мне еще многое предстоит сделать сегодня, – намекнула она.

– Не волнуйтесь, Пэтси, мне самой не терпится поскорей закончить рабочую неделю, – вежливо отозвалась Кэрол и тут же перешла к делу: – Нам позвонили из школы Мэнди. Там ее не видели с понедельника. Администрация дважды просила вас по электронной почте прокомментировать ситуацию, но вы не ответили.

– И?..

– Вам известно, что родители обязаны объяснить отсутствие ребенка в школе?

– Хорошо, я напишу им по электронной почте. Это всё?

– Что с Мэнди?

– Грипп. Ничего удивительного для этого времени года.

Октябрь выдался на редкость теплым, и Кэрол ничего не слышала о том, чтобы бушевала эпидемия гриппа. Тем не менее кивнула.

– Бедняжка. Она лежит в постели?

– Разумеется.

– Можно взглянуть?

Глаза Пэтси сузились:

– Мэнди спит. Не станем ее будить.

– Я только загляну в комнату. Она не проснется.

– Она проснется, когда мы будем подниматься по лестнице, от скрипа ступенек.

– Тем не менее я хотела бы взглянуть.

– Мне жаль, – пробурчала Пэтси.

– То есть «нет»?

– Вы правильно меня поняли.

Пэтси знала свои права. Без ее разрешения Кэрол не могла подняться наверх. Разве что в компании полицейских, которым, в свою очередь, требовалось разрешение прокурора. Но обстоятельства дела пока не оправдывали радикальных мер.

Кэрол решила сменить тему:

– Вы помните ту неприятную историю, Пэтси, когда Мэнди сломала руку?

– Два года тому назад.

– Это не был несчастный случай. Руку ей сломали вы.

– Она неудачно упала.

– После того как вы швырнули ее в стену.

– Мы поругались.

– Когда ссора между матерью и ребенком заходит так далеко, что ребенок ломает руку, это ненормально.

– Это был несчастный случай.

– Я беспокоюсь о Мэнди.

– У нее грипп, не более того.

– Вы вызывали врача?

– Все не настолько плохо. Пара дней в постели – и она будет в порядке.

Голос Пэтси звучал невозмутимо. Даже слишком, пожалуй. Кэрол чувствовала, что женщина от нее что-то скрывает.

– Сообщите в школу, – спокойно сказала она.

– Я сделаю это, – пообещала Пэтси.

Женщины прошли к входной двери. Из гостиной доносился голос спортивного комментатора. «Что-то здесь не так», – подумала Кэролл. Она знала, что у этой женщины напрочь отсутствует материнский инстинкт. Пэтси не стала бы удерживать девочку в постели из-за гриппа. Были какие-то другие причины, почему она не пустила Кэрол наверх.

Оставалась Линн, старшая сестра Мэнди. Кэрол решила в ближайший понедельник навестить Линн в мастерской, где та проходила обучение. Линн пыталась дистанцироваться от семьи с тех пор, как закончила школу, но сестру не бросала. Если с Мэнди что-то случилось, Линн молчать не станет.

Кэрол вышла на улицу. Сгущались сумерки. Ветер сменил направление на восточное, стал прохладнее и нес с собой запахи моря.

– Прошу вас звонить мне в любое время, когда захотите что-то со мной обсудить, – сказала Кэрол. – Пожалуйста, не стесняйтесь. Лучше поделиться проблемой, чем носить ее в себе.

– Ясное дело, – отвечала Пэтси. – Позвоню, как только что-нибудь случится.

«Отвали, – говорили ее глаза. – Скорее мы все высадимся на Марсе, чем я тебе позвоню».

Кэрол направилась к своей машине. За «дворник» была заложена листовка с рекламой пиццерии.

Кэрол еще раз оглянулась на тоскливую улицу. Она беспокоилась за Мэнди Аллард.

* * *

Интересно, когда они ее найдут?

Я больше не увижу ее, но у меня есть фотография. На ней она до сих пор живая.

Она не была особенно красивой, разве по-детски миловидной. Прошел почти год с тех пор, как мы встретились. То, что в тот вечер мне довелось ехать по этой темной улице, было чистым совпадением. Пришлось объезжать пробку, образовавшуюся на главной трассе из-за стройки, иначе вряд ли так получилось бы.

Но случайностей не бывает. Все в жизни – судьба, таково мое твердое убеждение. Мы должны были встретиться с ней в тот вечер.

* * *

Она не хочет садиться в машину, несмотря на темноту, дождь и мое любезное предложение подвезти ее до дома.

– Как тебя зовут? – спрашиваю я.

– Саския.

Мрачный, подозрительный взгляд. Я тем временем выхожу из машины и встаю у нее на пути. Если развернется и попытается бежать, схвачу за ворот.

Краем глаза я слежу за тем, что происходит на улице, в окрестных домах и за темными палисадниками. Если кто-нибудь появится, мне придется спасаться бегством.

В такую погоду вряд ли кто-нибудь добровольно выйдет из дома. Разве собачники, их не остановит ни дождь, ни темнота. Но в этот вечер, как видно, даже собаки отказываются от прогулок. Все тихо. В окнах горит свет, и никому нет дела до того, что происходит снаружи.

– Ну… я пойду?

Саския дышит как загнанная собака. Это страх, я чую его запах. Саския не из тех, кто кричит или бьет по голени. Она слишком застенчива для этого. Слишком хорошо воспитана. Таких девушек учат хорошим манерам, и это имеет смысл, но только в своем кругу. То есть среди таких же, как они. Когда же такие девушки сталкиваются с настоящей жизнью, со всей ее неоднозначностью и жестокостью, в их распоряжении не оказывается ничего, что можно было бы использовать в качестве оружия. Они беспомощны.

Вне сомнения, Саския твердо усвоила, что нельзя садиться в машину к незнакомому человеку. Но когда незнакомый человек встает перед ней на расстоянии вытянутой руки, когда она чувствует его

решимость и то, что опасность неминуема… вся наука идет прахом. Возможно, ей говорили, что в таких случаях нужно бежать, но Саския инстинктивно чувствует, что это бесполезно.

По сути, она уже смирилась с тем, что проиграла.

Саския пытается меня обойти, но я тоже делаю шаг в сторону.

– Пожалуйста… – хнычет она.

– Садись в машину, – приказываю я.

Она начинает плакать.

Я хватаю Саскию за плечо, она не делает никаких защитных движений. Выходит, я не ошибаюсь на ее счет. Эта девушка всегда поступает так, как ей говорят. Дома это приносит дополнительные очки, ее любят, о ней заботятся. Родители всячески показывают ей, как они гордятся тем, что у них такая послушная дочь. При этом им не приходит в голову, что ребенок будет вести себя так всегда. В любой ситуации.

У меня крепкая хватка. Не болезненная, но крепкая. Даже если Саския закричит, я усажу ее в машину и уеду раньше, чем все эти люди в домах успеют подняться с кресел перед телевизорами, обуть тапочки и подойти к окну.

Но она не кричит. Я толкаю Саскию на пассажирское сиденье и пристегиваю ремень безопасности. У нее бежевые колготки, коричневые сапоги. Под пальто – ткань с цветочным рисунком. Похоже, вельветовое платье. Саския еще не в том возрасте, когда носят рваные джинсы, топы выше пупа и обильно мажут лицо косметикой. Не имею ничего против таких девушек, но на той стадии развития, на которой находится Саския, они более послушны. Податливы.

Дверца пассажирского сиденья оборудована замком от детей. Саския не сможет выскочить из машины где-нибудь на светофоре и попросить помощи у случайного прохожего. Ни малейшего шанса. Все, что ей остается, тихо плакать, что она и делает.

Я сажусь за руль, завожу мотор. «Дворники» равномерно скользят по лобовому стеклу.

Мы едем по городу. Я наблюдаю за Саскией краем глаза. На светофоре мы останавливаемся рядом с другой машиной. Саския пытается поймать взгляд водителя. Но мне совсем не хочется, чтобы потом, когда ее лицо будет во всех газетах, он вспоминал ее полный отчаяния взгляд сквозь завесу дождя.

– Смотри на меня, – приказываю я ей.

Она послушно поворачивает голову и трясется от страха. Она поняла, что я не отвезу ее домой, мы уже слишком далеко от их квартала. И она совсем не глупа. Понимает, что это будет долгая история.

– Куда мы едем?

Голос Саскии дрожит. Я улыбаюсь. В конце концов, я хочу завоевать ее доверие. Иначе все это не имеет смысла.

– В твой новый дом.

Я стараюсь говорить как можно мягче. Саския опускает голову и плачет сильнее. Я кладу руку ей на бедро. Чувствую, как она перестает трястись и становится совершенно неподвижной.

– Тебе нечего бояться. Тебе там понравится, вот увидишь. Все будет хорошо.

По ее щекам текут слезы. Это будет продолжаться месяцами, но об этом я пока не знаю. Я все еще думаю, что игра стоит свеч.

* * *

Я не пойду в подвал. Воздержусь, как бы тяжело это ни давалось. Так будет лучше.

Суббота, 14 октября

1

Когда это случилось? Она больше не маленькая девочка, которая рвет цветы на лужайке и рисует в альбоме.

Дебора Голдсби скосила глаза на дочь. Сама она сидела за рулем, четырнадцатилетняя Амели на пассажирском сиденье рядом. Наушники в ушах, смартфон в кармане джинсов. Длинные светлые волосы зачесаны наперед и почти закрывают лицо. «Оставь меня в покое», – недвусмысленно сигнализирует эта поза.

Нет ничего более приятного, чем субботним утром пройтись по магазинам в компании дочери-подростка, тем более если это нужно ей, а не маме. Утром, на какую-то долю секунды, у Деборы возникла мысль оставить Амели в постели и отправиться за покупками одной. Школьная экскурсия в понедельник, список получился длинный…

– Одна я управлюсь быстрее, – сказала Дебора за завтраком.

Но Джейсон, муж, возразил:

– Это ее экскурсия, ее вещи. И ее проблема, в конце концов.

– Которую она не может решить одна.

– Поэтому ты едешь с ней. Сопровождаешь ее. Платишь за ее вещи. Она не может нежиться в постели до полудня, пока ты носишься по городу за ее покупками. Пусть приложит хоть какие-то усилия, иначе никогда не научится отвечать за себя.

Конечно, Джейсон был прав. С другой стороны, это избавляло его от общества Амели, которая бывала агрессивной в плохом настроении.

– Хорошо, – согласилась Дебора. – Но разбудишь ее ты.

Дебора тем временем накрыла завтрак в столовой для единственной гостьи. Сами Голдсби ели на кухне. Красивая светлая столовая с выходящим на море стеклянным фасадом предназначалась для постояльцев.

На самом деле узкая полоска вдалеке – вот и все, что там можно было видеть от моря. Но перед ней было плато с колышущейся под ветром травой и низким стелющимся кустарником. Оно и стало

причиной, по которой Дебора пятнадцать лет тому назад купила этот дом в самом конце улицы – слишком большой и дорогой, за который, как заметил тогда Джейсон, им придется выплачивать взносы до самой пенсии.

Так или иначе, Дебора своего добилась – «как и всегда», сказал бы Джейсон. Но потом родилась недоношенная Амели, слабый, болезненный ребенок. Дебора оставила место преподавателя высшей школы, и они с Джейсоном, врачом общей практики в муниципальной больнице, оказались в затруднительном положении из-за процентных ставок по ипотечному кредиту.

Дебора слишком хорошо помнила то непростое время. Джейсон обвинял ее в том, что это она уговорила его купить дом, оказавшийся им не по карману. И что она слишком уж опекает Амели, которая не настолько слаба, чтобы нуждаться в постоянном присмотре.

Тогда Деборе и пришла в голову эта идея. «Завтрак и постель» – они оборудовали три комнаты для постояльцев и превратили кладовую на втором этаже в общую ванную. Влезли в новые долги из-за ремонта, но Дебора уверяла, что эти деньги быстро вернутся.

– Зато теперь у меня есть работа, которую я могу выполнять, не выходя из дома. И одновременно присматривать за Амели.

– Но у нас постоянно чужие люди, – ворчал Джейсон. – И общественная столовая вместо обычной.

Так или иначе, это давало деньги. Джейсон был вынужден сдаться.

В общем и целом, у них получилось. В летние месяцы, с начала мая и до конца сентября, почти все номера были забронированы. Дебора наняла девушку, которая помогала ей убираться в комнатах, а закупку продуктов, ужин и завтрак – «шведский стол» – взяла на себя. Она знакомилась с новыми людьми и больше не чувствовала себя одинокой матерью с больным ребенком на руках.

Джейсон по-прежнему не выказывал особенной радости по поводу того, что дом приходится делить с чужими людьми. Дебора утешала себя тем, что осенью и зимой их здесь обычно не было. Кто рискнет отправиться в путешествие по северо-восточному побережью Англии в холодное, влажное время года? Денег, конечно, тоже не поступало, что тормозило решение финансовых проблем. Кроме того, Деборе приходилось бороться с депрессивным настроением. Мужа не

было дома весь день, дочери – три четверти дня. Она сидела одна, в большом доме, и из окна кухни смотрела на так полюбившийся ей луг, над которым веяли восточные ветры, дребезжа ставнями. Иногда выходила прогуляться вдоль моря, укутанная с головы до ног и в солнечных очках, потому что глаза слезились от ветра.

Она убеждала себя, что все будет хорошо. Что весна вернется, и люди тоже. Что этот период расслабления – часть ее жизни, и она должна наслаждаться этим. Убеждала снова и снова, но, честно говоря, даже расслабиться не получалось. Утомительная борьба с собой – или за себя, продолжалась до конца зимы, когда Дебора чувствовала себя вконец обессилевшей.

И вот сейчас, в середине октября, у них появилась постоялица. Редкий случай сразу поднял настроение Деборе. Женщина с кошкой. Приехала навести порядок в своем доме в Скалби, разгромленном непорядочными квартирантами. Она уже была здесь и выглядела встревоженной и подавленной. Дом ее отца, можно себе представить…

Так или иначе, они с дочерью прошлись по всему списку – коврик-пенка, фонарик, блокнот и ручка для экскурсий, новый спальный мешок. Старый цел, но на нем изображены олени и феи, а Деборе не хотелось, чтобы ее дочь стала посмешищем для одноклассников. Походные ботинки, дождевик, два теплых свитера… Неделя в Шотландии, в горной хижине. Явно не тот случай, когда пригодятся мини-юбки Амели и топы выше пупа.

Амели следовала за матерью. С таким выражением лица идут на эшафот. Вечно на музыкальной волне и с затычками в ушах, она оставалась недоступной.

– Я никуда не хочу, – вдруг снова заныла Амели. – Почему я должна куда-то ехать, если не хочу?

– Потому что это обязательно. Как уроки.

– Что за отстой! Там будет дождь и больше ничего. Куда, скажи на милость, я буду подключать выпрямитель для волос?

Добора рассмеялась:

– Ничего не выйдет. Будешь ходить с вьющимися волосами.

– Фу… Что за отстой.

– Не смей так говорить!

– Как?

– «Отстой».

– Отстой, отстой, отстой, – несколько раз повторила Амели.

После чего закинула волосы наперед и снова погрузилась в музыку и в мрачное настроение.

На какое-то время Дебора подумывала отвезти Амели домой, а самой вернуться в город и закупить продуктов на выходные, но это означало лишнюю трату времени, а ей хотелось покончить с этим как можно скорее. Да и Амели эта идея, конечно, не понравилась бы. Дебора сказала себе, что не должна бояться капризов дочери. То же часто повторял Джейсон, но ему легко говорить. Проблемы Амели почти целиком ложились на плечи матери.

– Тебе не нужно было бросать работу, – отозвался Джейсон, когда Дебора упрекнула его в этом. – Реже бы виделись, меньше было бы ссор.

Возможно, Джейсон был прав, и Дебора совершила ошибку. Она насытилась по горло так называемыми прелестями семейной жизни, но сама мысль об этом ее пугала.

– Заедем в «Теско» на минутку, – сказала она, стараясь не показывать дочери мрачного настроения.

Амели тяжело вздохнула:

– Я не хочу на экскурсию.

– Я знаю, ты достаточно часто это повторяешь. Но по-другому, к сожалению, не получится.

– Могла бы сказать учительнице, что я заболела.

– Она потребует справку от врача. И ты совершенно здорова!

Амели издала рычащий звук.

Дебора включила радио. Все равно толку в этих разговорах немного.

– …Сообщается, что тело может принадлежать Саскии Моррис из Скарборо, пропавшей без вести с год тому назад, – объявил диктор.

– О нет! – вырвалось у Деборы.

– Тогда четырнадцатилетняя Саския Моррис не вернулась домой после встречи с подругой. Это произошло восьмого декабря две тысячи шестнадцатого года. Родители тут же заявили в полицию. Тогда, несмотря на интенсивные поиски и активное участие общественности, девочку найти не удалось. И вот теперь туристы обнаружили тело на болотах. По словам старшего инспектора полиции Скарборо Калеба Хей…

Дебора выключила радио. Она не могла этого слышать. Пропавшая девочка. Родители, месяцами не имевшие о ней никаких известий. Бездна отчаяния с проблесками надежды. А теперь вот труп на болотах. И это их дочь, Саския…

– Вот видишь, – подала голос Амели, на какое-то время пробудившаяся для внешнего мира, – видишь, что бывает с экскурсантами. Найден труп.

– Такое случается не каждый день, Амели, – возразила Дебора. – Только не с тобой и не в горной Шотландии.

– Повезло этой Саскии… Ей больше не придется ездить на школьные экскурсии.

– Амели!

Та застонала, спряталась за завесой волос и вставила в уши затычки.

«Она шутит, – подумала Дебора, – но на самом деле тоже порядком напугана».

Амели не была трусихой, просто страсть как не любила выходить из привычного окружения. Перспектива провести неделю в горной Шотландии, в спартанских условиях и в тесном контакте с одноклассниками, многих из которых она терпеть не могла, приводила ее в ужас. Но, к сожалению, все решено. Дебора подумала, что на самом деле все должно получиться гораздо веселее, чем того ожидает Амели.

Она свернула на парковку перед «Теско» и с трудом нашла свободное место. В субботу утром все закупаются. Дебора вздохнула. В супермаркете не протолкнуться, придется выстоять очередь в кассу.

– Ты, конечно, не пойдешь со мной? – Она повернулась к Амели.

Дочь покачала головой.

– Хорошо. Хочешь еще чего-нибудь взять в дорогу? Может, сладостей?

– Нет, – мрачно отвечала Амели, но потом смягчилась и добавила: – Нет, спасибо.

«Спасибо» было последнее, что Дебора услышала от дочери тем солнечным октябрьским утром. Когда через полчаса она вернулась к машине, Амели там не было.

2

– Успокойся, – Джейсон умоляюще посмотрел на жену. – Прошу тебя, возьми себя в руки. Пока ничего страшного не произошло.

Дебора помчалась домой, после того как не смогла связаться с Джейсоном ни по мобильному, ни по стационарному телефону. И набросилась на ни о чем не подозревающего мужа, только что вернувшегося с прогулки:

– Зачем тебе мобильник, если ты никогда не берешь его с собой?! Никогда… никогда… – Дебора билась в истерике, выкрикивая это слово.

Джейсон схватил жену за руку, затащил в дом и закрыл дверь. Дебора кричала на всю улицу, с белым как полотно лицом и выпученными глазами.

– Она пропала! Амели пропала!

Джесон огляделся. Он только сейчас заметил, что Амели не вернулась с матерью.

– Что значит «пропала»?

– Мы ездили в «Теско». Я пошла за покупками, Амели осталась в машине. Когда я вернулась, ее не было.

– Может, решила размять ноги, захотела в туалет? Или мимо проходила подруга – тысячи вариантов… Не сходи с ума, Дебора.

Дебора ударилась в слезы:

– Я искала везде. Везде! На парковке, в супермаркете, на улицах… Я расспрашивала людей – никто ничего не видел. Никто!

– Что случилось?

Дебора подняла голову. Женщина, которая вселилась вчера. Услышала шум и вышла на лестницу.

– Пропала Амели, наша дочь, – ответила Дебора.

И еще раз объяснила, как все было.

Она пробыла в супермаркете около получаса. Кругом толпились люди, трудно было подобраться к продуктам на полках. Потом пришлось выстоять бесконечную очередь к кассе. Дебора старалась не задерживаться, но от нее зависело не так много.

– Когда я вернулась к машине, там никого не было. Разумеется, дверца была не заблокирована. Я не оставила Амели ключей.

– А до того?

– Она сидела на пассажирском месте, слушала музыку на смартфоне. Отказалась пойти со мной в магазин.

Дебора запаниковала не сразу. В первый момент подумала, что дочь просто решила размять ноги. Совершенно не характерное для Амели желание, но об этом Дебора тогда почему-то не вспомнила. Обычно в плохом настроении Амели замыкалась в себе, погружалась в музыку, никого и ничего вокруг не замечала.

Дебора загрузила покупки в багажник. Амели не возвращалась. Деборе пришло в голову, что она может быть в супермаркете. Вспомнила о чем-нибудь, что нужно для экскурсии, и отправилась следом за матерью…

– Я вернулась в магазин. Пробежалась по всем отделам, заглянула в каждый проход, уголок. Я звала, люди вокруг смотрели на меня как на сумасшедшую. Потом подошел менеджер филиала, но его как будто не особенно заинтересовала моя история. Я снова выбежала на парковку.

– Когда пропадает четырнадцатилетний подросток, люди не спешат бросаться в панику, – заметила женщина, имя которой Дебора вспомнила только сейчас: Кейт. Кейт Линвилл. – Другое дело, если маленький ребенок…

Она спустилась с лестницы и мягким, успокаивающим движением коснулась руки Деборы:

– И это потому, что почти во всех таких случаях все кончается хорошо. Тем более на оживленной парковке, перед супермаркетом.

Дебора уставилась на гостью:

– Они нашли тело. Саския Моррис.

Кейт и Джейсон недоуменно переглянулись.

– Кто нашел? Кого? – спросил Джейсон.

– Нашли Саскию Моррис. Она пропала в декабре прошлого года. По радио говорили, что туристы обнаружили ее тело на болотах.

– Это не имеет никакого отношения к вашей дочери, – Кейт покачала головой. – Абсолютно.

– Вам-то откуда знать?

– Хотя бы из статистики.

– Вы знакомы со статистикой случаев исчезновения людей?

Дебора сама услышала, с какой агрессией это прозвучало. Она была на грани нервного срыва и держалась из последних сил. В то же время ее поражало легкомыслие окружающих, не воспринимающих ее трагедию всерьез.

Кейт кивнула:

– Я детектив-сержант лондонской полиции.

– Боже… – прошептал Джейсон. – Так вы из Скотланд-Ярда…

– Скотланд-Ярд! – закричала Дебора. – Но тогда мы можем немедленно…

– Я в отпуске, – перебила ее Кейт. – Однако могу пойти с вами в полицию, если вы того хотите. Мы напишем заявление, хотя не стоит ждать, что полиция сразу бросится переворачивать все вверх дном. Существует множество объяснений, почему ваша дочь покинула машину и, вероятно, парковку.

– Что за объяснения? – недоверчиво спросила Дебора.

Кейт задумалась.

– У Амели есть парень?

– Нет.

– То есть если и есть, вы об этом ничего не знаете.

– Разумеется, я бы знала, если б…

– Ты не знаешь, – перебил жену Джейсон. – На данный момент вы не особенно близки с Амели. – И добавил мягче, заметив, что Дебора собирается возразить: – Что совершенно нормально для ее возраста.

– Как вела себя Амели сегодня утром, – спросила Кейт, – с ней все было в порядке?

– Нет, – хором ответили Дебора и Джейсон.

– Она редко бывает в хорошем настроении по утрам, – пояснил Джейсон. – Особенно по выходным, когда так хочется понежиться в постели, а вместо этого приходится вставать и отправляться с матерью за покупками.

– Это ты настоял, чтобы я взяла ее с собой, – набросилась на мужа Дебора. – Я говорила, что обойдусь без нее, а ты…

– Прекрати искать виноватых, – оборвал ее Джейсон. – Да, я говорил, что Амели должна поехать с тобой, и до сих пор не жалею об этом. – Он повернулся к Кейт: – В понедельник Амели с классом отправляется на экскурсию в Шотландию. Нужно было много чего купить, и я не понимал, почему Амели должна спать, пока мать решает ее проблемы и бегает по магазинам.

– Лучше б она спала до сих пор…

На глаза Деборы навернулись слезы. Эти идиотские воспитательные меры Джейсона – ответственность, инициативность…

к чему это привело?

Утро у Деборы выдалось напряженным из-за пререканий с дочерью. А теперь она и вовсе пропала. В самом лучшем случае, пытается избежать предстоящей поездки.

– Она не хотела никуда ехать, – Дебора провела рукой под глазами. – Когда по радио сообщили о Саскии Моррис, она даже сказала…

– Что сказала? – спросила Кейт.

– Что Саскии повезло, потому что теперь ей не придется ездить на экскурсии.

– Она пошутила, – раздраженно заметил Джейсон.

– Но тем самым высказала, насколько ей ненавистна эта поездка, – возразила Кейт. – Это хороший знак, Дебора. Амели могла сбежать, скрыться от вас, если была настроена избежать экскурсии любыми средствами. У вас есть телефоны ее подруг, одноклассников? Их нужно обзвонить прямо сейчас. Готова спорить, Амели с кем-то из них. Может, одна из подруг случайно встретилась ей на парковке?

– Но как она могла так поступить с родителями? – воскликнул Джейсон.

– Обычно подростки так далеко не загадывают. Амели думала о себе и ненавистной экскурсии, время которой неумолимо приближалось. Родители, их ужас, паника… все это слишком далеко.

Дебора вздохнула. Уверенный тон Кейт Линвилл несколько ее успокоил. Дебора вспоминала, как все было: Амели не хотела ехать в Шотландию и обиделась на мать, когда та отказалась выставить ее больной перед учителями.

«Что ж, это на нее похоже, – с грустью подумала Дебора. – Сидит теперь где-нибудь в кафе с подругой и злорадствует на наш счет…»

– Сейчас же обзвоню их всех, – сказала она вслух.

– Вы действительно пробовали связаться с Амели по мобильнику? – спросила Кейт.

Дебора кивнула:

– Думаю, не одну сотню раз. Автоответчик – она не берет трубку.

Ближе к вечеру вспыхнувшая было надежда угасла. Кейт могла видеть, как менялось настроение Деборы. Она обзвонила всех друзей и знакомых Амели или их родителей. Никто ничего не знал, в голосах звучала искренняя обеспокоенность. Особенно взволновал Дебору разговор с лучшей подругой Амели, Леони.

– Она меня удивила, – сказала та. – Сегодня в одиннадцать прислала мне последнее сообщение в «Вотсаппе». Написала, что сидит в машине на парковке и до смерти не хочет никуда ехать в понедельник. Я ответила, но ничего больше от нее не получила. Амели вообще не была в Сети. Это на нее не похоже, обычно она любит поболтать…

Утром Кейт сопровождала Дебору и Джейсона в полицию, где они написали заявление. Дебора попросила Кейт пойти с ними, рассчитывая, что присутствие детектива-сержанта Скотланд-Ярда придаст ее словам вес и заставит полицию шевелиться.

Принявший их полицейский не выглядел равнодушным, но дал понять, что настроен занять скорее выжидательную позицию, потому что, судя по всему, Амели объявится не позднее сегодняшнего вечера. Тот факт, что она не хотела ехать на экскурсию, вылился в серьезную проблему. Дебора ничего не утаила от полицейского, но в этом месте рассказа его лицо осветила искра понимания: «Ах, вот оно что…»

«И ведь наверняка коллега прав, – заметила про себя Кейт. – Вероятность, что она где-то прячется от родителей, все еще очень велика».

Кое-что, конечно, свидетельствовало и против этой версии. Прежде всего тот факт, что Амели ни с кем не поддерживала связь. Все показания сводились к одному – с одиннадцати часов утра Амели не подавала признаков жизни. Обычно она зависала в Сети круглосуточно, семь дней в неделю, информируя всех о каждом своем шаге. Публиковала селфи и достойные, по ее мнению, внимания фотографии других людей и животных, описывала еду на тарелке, иногда даже объявляла, когда идет в туалет. Кейт знала, что среди современных подростков это обычное дело, и все же находила готовность выставлять свою жизнь напоказ, словно в аквариуме, по меньшей мере странной.

К тому же уже темнело – рановато для этого времени года. Где же пропадала Амели, если даже надвигающаяся ночь не могла загнать ее

домой? Помимо прочего, к вечеру заметно похолодало. Хотя день в целом выдался теплый.

– Она так легко одета, – плакала Дебора. – Замерзла, конечно… Почему она не приходит домой? Что-то случилось, я знаю… Я просто знаю это.

Так или иначе, полиция в тот же вечер приступила к поиску и начала с парковки возле «Теско» – последнего места, где видели Амели. Полицейские прочесали окрестные улицы, пообщались с прохожими, друзьями, одноклассниками пропавшей. Пытались локализовать ее мобильник.

Джейсон и Дебора не пожелали сидеть дома и взялись осмотреть места, где любила бывать Амели.

– Вы останетесь здесь? – спросила Дебора Кейт. – Если она придет домой…

– Я останусь, – заверила Линвилл. – И сразу свяжусь с вами, как только она объявится здесь или я что-нибудь о ней узнаю.

– И вы будете отвечать на звонки?

– Разумеется, не волнуйтесь. Я выдержу любой штурм.

Теперь и Джейсон не на шутку обеспокоился. До сих пор он выглядел разве что слегка раздраженным, поскольку полагал, что Амели их разыгрывает. Но шутка подозрительно затянулась. В такой холод, усталая и голодная, где она могла прятаться, если не у подруг? И как долго это еще могло продолжаться?

Джейсон и Дебора отправились в путь в сопровождении нескольких соседей, пожелавших принять участие в поисках. Кейт сидела в гостиной, не сводя глаз с освещенной дорожки, ведущей к входной двери, и держа под рукой телефон. Кошка, следовавшая за ней по пятам по всему дому, свернулась калачиком на диване. Кейт вспомнила, как собиралась провести эти дни – в поисках ремонтной бригады, за составлением документов с описанием ущерба, нанесенного ее дому, и заявления в полицию. А вместо этого оказалась втянутой в историю с пропажей девочки-подростка и за весь день ни на шаг не продвинулась в своих собственных делах.

Но Кейт не могла бросить супругов Голдсби на произвол судьбы в такую минуту, даже если отец поначалу не особенно беспокоился. Она также нашла вполне правдоподобным, что Амели решила отомстить родителям или скрылась, стремясь избежать поездки. Но со временем

эта версия казалась ей все менее убедительной. Против нее упрямо свидетельствовал тот факт, что Амели ни с кем не выходила на связь.

Кейт включила ноутбук и ввела в поисковик имя, которое упомянула Дебора: Саския Моррис. Вовсе не потому, что одно имело какое-то отношение к другому, Кейт очень надеялась, что нет. Но узнать больше никогда нелишне.

История Саскии была на первых полосах всех местных газет, и не только. «Дейли мейл» и «Обсервер» также опубликовали короткие заметки. Кейт сосредоточилась на более подробных материалах.

8 декабря 2016 года Саския Моррис попрощалась с матерью и отправилась навестить подругу Мелани, жившую всего в нескольких кварталах. На следующий день девочкам предстояла контрольная по французскому, и они решили вместе подтянуть лексику и грамматику. Саския оставалась у Мелани до девяти часов вечера и ушла, по словам последней, в прекрасном настроении.

Домой она не вернулась. Родители позвонили Мелани, после чего сообщили в полицию, которая немедленно приступила к поиску. Обстоятельства представлялись более угрожающими, чем в случае с Амели, – темнота, пустые улицы. Не было никаких оснований предполагать, что девочка намеревались зайти куда-то по дороге. Что-то произошло на коротком участке между домами Мелани и Саскии. Похоже, она кого-то встретила – ужасное, но самое правдоподобное объяснение.

Два дня спустя случайные люди нашли мобильник Саскии на обочине проселочной дороги, неподалеку от Скарборо. С того момента все следы обрывались. Поступали заявления и сообщения, но надежда, что одна из замеченных кем-то девушек окажется пропавшей четырнадцатилетней Саскией, быстро развеялась. И вот наконец теперь, спустя почти год, Саския найдена.

Сообщалось о состоянии тела, сильно затрудняющем опознание. Это могло значить, что Саския достаточно долго пролежала на болотах. Вопрос, все десять месяцев или все-таки меньше? В одной из газет был план местности, и все выглядело так, будто Саския лежала в подлеске возле туристической тропы, кое-как прикрытая ветками. Почему же ее не нашли раньше? Мимо проходили туристы, некоторые точно с собаками, и тело никто не заметил?

«Ее привезли туда позже, – сделала вывод Кейт. – По меньшей мере пару месяцев назад. В таких местах трупы разлагаются быстро, тем более при относительно теплой погоде. Где-то она была раньше, мертвая или живая, но, скорее всего, живая».

Кейт продолжила чтение. «Нельзя исключать связи с делом Ханны Касуэлл из Стейнтондейла, пропавшей в ноябре 2013 года, но доказательств тому пока нет», – заявил шеф-инспектор Калеб Хейл из криминальной полиции Скарборо.

Кейт вздрогнула. Калеб Хейл – он, стало быть, до сих пор оставался на своем высоком посту… Линвилл знала о его проблемах с алкоголем и не только. Когда-то они вместе раскрыли убийство ее отца. Точнее, раскрыла Кейт. Калеб Хейл пошел по ложному следу и совершал одну ошибку за другой, а когда понял это, снова запил, хотя до того был уверен, что навсегда победил в себе эту пагубную страсть.

Несмотря на это, Калеб Хейл – хороший полицейский, вот только смог ли он после этого снова в себя поверить? По крайней мере, не ушел с работы, и одно это о многом говорит. Кейт было больно видеть в газете его имя, даже теперь, три года спустя. Она была влюблена в Калеба, и он не отвечал взаимностью. Удивляться, наверное, нечему. У Кейт всегда выходило так с мужчинами, но привыкнуть не получалось.

Она заставила себя сосредоточиться на деле. Итак, несколько лет тому назад – не так давно, чтобы исключать связь с сегодняшними событиями, – исчезла еще одна девушка, Ханна Касуэлл. Кейт ввела ее имя в поисковую строку. Тревожное чувство внутри нее крепло. Линвилл все еще почти не сомневалась, что упрямая и озлобленная Амели где-то прячется от родителей, и тот факт, что в тот же день было найдено тело другой девушки, считала скорее зловещим совпадением. Возможно, плохим предзнаменованием в глазах родителей, но не имеющим к Амели никакого отношения.

И все-таки внутри уже проснулось неприятное гложущее чувство. Еще не панический страх, но Кейт уже не была такой спокойной, как вначале.

О Ханне Касуэлл писали много, этот случай взбудоражил весь округ. Кейт смутно припоминала, что об этом говорили и в коридорах полицейского управления. В отличие от Саскии Моррис, Ханна никогда больше не объявлялась – ни живой, ни мертвой. Подозреваемых двое: молодой человек, который, по его собственным

словам, подвез девочку до вокзала в Скарборо из Кингстон-апон-Халла, и Райан Касуэлл, отец Ханны, мать которой за десять лет до того оставила семью и эмигрировала в Австралию.

В том, что заподозрили отца, ничего необычного не было. В таких случаях подозрение падало на родителей почти всегда. Но версия с Райаном Касуэллом зашла в тупик. У него не было алиби на те решающие несколько часов, когда исчезла Ханна. По его словам, Касуэлл сидел в своей машине, неподалеку от моря. Свидетелей тому не нашлось. На допросе он признался, что злился на дочь. Она опоздала на поезд в Халле, и ему пришлось ждать почти два часа, чтобы забрать ее со следующего. Но Ханна не приехала и следующим, потому что в Халле ее подобрал их сосед из Стейнтондейла, девятнадцатилетний Кевин Бент, на своей машине.

Кевина Бента даже заключили под стражу, но в итоге и против него не нашлось никаких улик. То, что он высадил Ханну на вокзале в Скарборо, подтверждалось показаниями подруги Ханны Шейлы Льюис. Ханна звонила Шейле с вокзала и рассказала о поездке с Кевином и о том, что он пригласил ее на праздник.

После этого Ханна несколько раз пыталась связаться с отцом, но Касуэлл сидел в машине на берегу моря, где не было приема. Звонки прослеживались на его мобильный и стационарный домашний телефон и стали последней весточкой от Ханны.

Что касается Кевина Бента, он совершил большую ошибку, вначале солгав полиции, причем настолько неуклюже, что был немедленно разоблачен. Бент утверждал, что поехал к друзьям в Кроптон и провел у них остаток вечера. Но друзья, привлеченные к допросу одновременно с ним, так, что он не мог с ними договориться, уверяли, что Кевин позвонил и отменил встречу.

Уличенный во лжи, парень изменил показания. Сказал, что вернулся на вокзал, где искал Ханну, чтобы отвезти ее в Стейнтондейл.

– У меня возникло какое-то глупое предчувствие, – говорил он. – Ханна стояла перед зданием вокзала, такая потерянная, и я не знал, дозвонится ли она до отца, доедет ли до него. Я волновался – и, поскольку действительно устал и хотел домой, решил заехать на вокзал и забрать Ханну.

Но на вокзале Ханны не оказалось. Кевин Бент остановился там ненадолго, огляделся и, не увидев ее, поехал домой один. Свою ложь

он объяснил мгновениями панического страха.

– Она сидела в моей машине. Я последний, кто ее видел. Я знал, что меня будут подозревать, и не хотел говорить, что вернулся, чтобы не усугублять своего положения. Конечно, это была глупость с моей стороны.

Кейт вздохнула. Конечно, глупость… У некоторых людей талант к усложнению и без того деликатных ситуаций, и Кевин Бент, похоже, один из них.

Сержант встала и подошла к окну. По сторонам мощеной дорожки у входной двери покачивались ветви деревьев, все еще густо покрытые листвой. Искусственное освещение придавало им серо-желтый цвет, но Кейт знала, что на самом деле они огненно-красные и цвета червонного золота. Красивый дом, и чудесно расположен на краю плато… Дебора рассказывала, как хотела его купить, и в этом Кейт ее понимала. «Ну, а потом мне пришла идея открыть этот отель, “постель и завтрак”», – добавила Дебора, сияя лицом.

Линвилл привыкла не принимать все, что ей говорили люди, за чистую монету, но редко сталкивалась с таким откровенным, до неуклюжести, актерством. Дебора Голдсби была несчастной женщиной, Кейт чувствовала это. Хотя пока, за недостатком информации, не могла точно сказать, в чем состояло ее несчастье. Гостиничный бизнес, конечно, не был ее призванием – скорее, временным решением проблем. Большой дом, да еще в таком месте… Нетрудно догадаться, что Голдсби переоценили свои финансовые возможности. Зарплаты Джейсона явно недостаточно на покрытие выплат с процентами и расходов на жизнь. Вот почему Деборе пришла идея сдать три комнаты постояльцам.

То, что Джейсон не в восторге от этого, Кейт поняла уже вчера, как только приехала. Он спросил, не нужна ли помощь с багажом. Сделал это вежливо, но рот его сжался в красноречивую напряженную линию. Вокруг него все время незнакомые люди, и это ему не нравится. Он постоянно сталкивается с ними – на кухне, лестнице, в гостиной… Для Деборы эти люди – лучики света в беспросветном мраке одиночества, но Джейсон воспринимает все иначе.

Доктор Джейсон Голдсби, отец пропавшей девочки… Как полицейский Кейт не могла исключить того, что родители как-то причастны к исчезновению дочери. При этом ни на минуту не

забывала, во-первых, о школьной поездке, которой Амели, возможно, стремилась избежать любыми средствами, и во-вторых, что все это, по большому счету, не ее, Кейт, дело. Она приехала сюда, чтобы привести в порядок дом и окончательно решить, что с ним делать. Между тем времени на это у нее почти не оставалось.

Тем не менее Линвилл поневоле анализировала ситуацию. Дебора приехала в супермаркет с дочерью и не нашла ее, вернувшись к машине. Это ее слова, которые подтверждаются только сообщением, которое Амели отправила подруге в «Вотсаппе». В «Теско» тоже, конечно, найдутся свидетели. Хотя бы менеджер магазина, который должен подтвердить ее отчаянные поиски.

Джейсона в решающий момент не оказалось дома. Кейт не заметила, как он уходил, но Джейсон сам говорил о прогулке по побережью, с которой вернулся домой одновременно с Деборой. Свидетелей тому нет. С тем же успехом Джейсон мог пойти в противоположном направлении. Несмотря на риск быть замеченным соседями?

Конечно, Амели пошла бы с ним, если б Джейсон Голдсби вдруг появился рядом с машиной. Но он должен был знать наверняка, что жена с дочерью уже там. Амели могла отправить сообщение и ему, но зачем отцу похищать собственную дочь? Куда он мог ее увезти за такой короткий промежуток времени? Но главное все-таки – зачем?

Слишком много нестыковок. Хотя за годы работы в полиции Кейт твердо усвоила: нет ничего невозможного. Все бывает – самые безумные мотивы, причудливые сценарии, невероятные совпадения. И человек, не способный, казалось бы, нанести вред даже мухе, совершает жестокое убийство. Вечная любовь вдруг оборачивается ненавистью. Люди выстраивают цепочки событий, чтобы обеспечить себе алиби, и малейшее неверное звено переворачивает всю картину. На практике Кейт приходилось сталкиваться как с предсказуемостью, до банальности, разгадки, так и с чистым безумством. Поэтому она не стала бы исключать заранее ни один вариант, каким бы абсурдным он ни казался.

И все-таки Кейт еще не окончательно рассталась с надеждой, что все эти соображения излишни в случае Амели Голдсби. Потому что ничего страшного пока не произошло, и девочка может объявиться в любой момент.

За окном сгустилась непроглядная ночь. Где же Амели и как она это выдерживает? В ее годы Кейт до смерти боялась темноты, тем более если не была дома. Конечно, ей кто-то помогает. Но Дебора и Джейсон обзвонили всех, кого можно. Все подруги Амели с родителями и без их ведома, конечно, не смогут спрятать Амели у себя дома.

Кейт отвернулась от окна и принялась беспокойно ходить по комнате. С каждой минутой ситуация накалялась все больше.

Воскресенье, 15 октября

1

Солнечный день. Воздух быстро прогрелся после прохладных часов раннего утра. День, которым грех не воспользоваться. Метеорологи прогнозировали на следующей неделе дождь, туман и значительное понижение температуры.

Меган Тёрнер нравилось, что погода не спешит меняться и на редкость долгое лето никак не может окончательно перейти в осень. По крайней мере, не в эти выходные. Меган решила поделиться своими соображениями с мужем Эдвардом:

– Будет солнце, что толку сидеть дома? Давай куда-нибудь выберемся.

Но Эдвард не был так легок на подъем, как его жена:

– Ну вот, непременно надо срываться с места… Почему нельзя просто остаться дома, поспать подольше, посмотреть телевизор, поесть, отдохнуть?

– Отоспишься на следующих выходных. Будет сыро и холодно, тогда уж точно не высунем носа за дверь. Так что давай, шевелись.

В конце концов Эдвард сдался. Он не хотел ставить заранее ставить никаких целей, как сам объяснил. Можно просто покататься где-нибудь в районе горных болот. Там такие идиллические полянки, залитые солнцем плато и редколесье в чудном осеннем убранстве… Можно прогуляться, а потом устроить небольшой пикник.

Меган встала рано и приготовила пакет с продуктами – яйца вкрутую, бутерброды, слойки с паштетом, шоколадное печенье и минеральная вода. Пиво для Эдварда, это поднимет ему настроение. На обратном пути за руль сядет Меган.

Они ехали около сорока пяти минут, пока не остановились на неприметной парковке, вполне как будто подходившей как в качестве отправной точки прогулки, так и места для пикника. Помимо прочего, Меган просто устала сидеть в машине.

Они свернули с проселочной дороги, где уже четверть часа не видели ни одной машины. Супруги заехали хорошо в глубь территории, называемой горными болотами, которая, хоть и считалась популярным туристическим местом, была настолько обширна, что выглядела совершенно безлюдной. Можно было бродить весь день и не встретить ни единой живой души.

Вот почему Эдварду предстоящая экскурсия представлялась скучной. Лучше сидеть дома перед телевизором. Солнце – это прекрасно, но что еще? Бесконечные луга, вдали – узкая полоска леса… Ладно, пусть хоть у жены будет хорошее воскресенье. Семейная жизнь требует жертв. Не говоря о вкусностях, которые Меган захватила с собой.

На самом деле парковка представляла собой небольшую площадку, отгороженную от трассы узкой полоской потрепанных ветром кустов. Места от силы на три машины. С краю площадки несколько пней, отполированных, чтобы было удобно сидеть. Рядом доска с информацией о флоре и фауне. Больше ничего.

– Предлагаю прогуляться, а потом вернуться сюда и устроить пикник.

Эдвард вздохнул. По правде говоря, он предпочел бы наоборот. Или даже поесть и вообще никуда не идти. Хотя объемный, несмотря на юный возраст, живот и навевал мысли о пользе движения.

Они шли и шли. Меган впереди, Эдвард, тяжеловесный и задыхающийся, за ней. День прекрасный, он не мог этого не признать: тепло, солнечно и сухо. Растительность здесь, наверху, скудная, но яркие осенние краски так и играют в лучах солнца – огненно-красные листья стелющегося по земле кустарника, теплое золото в редких кронах деревьев, темно-бордовые ягоды колючей живой изгороди…

– Мне здесь нравится, – примирительно заметил Эдвард спустя некоторое время.

Меган остановилась и обернулась, вся сияющая:

– Правда? Все лучше, чем сидеть дома, ведь так?

– Так-то оно так, но… – Эдвард тоже остановился и вытер пот со лба; физическая форма действительно оставляла желать много лучшего. – Может, вернемся сейчас? Я устал и проголодался.

Меган была готова шагать хоть до самого вечера, но согласилась. Терпение мужа не беспредельно. Он и так многим пожертвовал ради

нее, согласившись на эту поездку.

Обратно шли молча, наслаждаясь дорогой. На парковке Меган занялась едой, а Эдвард удалился в кусты по естественной надобности.

В высокой траве мелькнуло что-то блестящее. Оказалось – женская косметичка. Эдвард поднял ее с земли.

– Странно, – пробормотал он. – Кто мог ее здесь потерять?

– Что случилось? – спросила Меган.

– Да вот, нашел в траве… – Эдвард вышел из кустов на парковку. – Помада, тушь, все такое…

Меган посмотрела на розовую дешевую косметичку:

– Похоже, какой-нибудь молодой девушки.

– Как молодая девушка могла оказаться в таком месте?

Меган пожала плечами:

– Поехала прогуляться с родителями.

– И потеряла косметичку в кустах?

– Может, зашла туда за тем же, что и ты… А косметичка выпала у нее из рюкзака, или что у нее там было. Возьмем с собой, сдадим в бюро находок.

– Хм, – хмыкнул Эдвард, которого ситуация почему-то насторожила. – Пойду посмотрю, нет ли там чего-нибудь еще.

Он обошел куст, внимательно вглядываясь в траву под ногами. В общем, Эдвард не особенно рассчитывал еще что-нибудь найти, потому что вряд ли человек способен потерять несколько вещей сразу и не заметить. Но тут в стороне мелькнуло что-то, что в первый момент выглядело как камень. Камни редко бывают такими пронзительно-розовыми, поэтому Эдвард подошел ближе. Розовая сумочка, а в ней… кошелек с несколькими фунтами в купюрах, проездной на автобус и ученический билет.

«Амели Голдсби, – прочитал Эдвард. – Родилась 2 июля 2003 года, школа в Скарборо. Фотография четырнадцатилетней девочки – большие голубые глаза, длинные светлые волосы. Очень симпатичная девочка, хотя какая-то угрюмая…»

– Нет, это в самом деле удивительно, – пробормотал Эдвард. – Эй, Меган, иди сюда!

Меган подошла:

– Что там?

Эдвард показал ей сумочку:

– Вот, лежала в траве. В ней ученический билет. А там я нашел косметичку. Сразу две вещи на расстоянии меньше двух метров одна от другой. Как получилось, что она их потеряла?

– Да, это действительно странно… – Теперь и Меган выглядела озадаченной.

– Мне кажется, их выбросили намеренно. Главное – с глаз долой.

– Кто выбрасывает косметичку и кошелек с деньгами?

– С деньгами и действующим проездным… Это выглядит даже… – Эдвард подыскивал подходящее слово. – Как-то зловеще, что ли…

Меган вздрогнула:

– Да, пожалуй. На чье имя билет?

– Амели Голдсби.

– Ни о чем не говорит.

– Мне тоже, но, судя по всему, эти вещи не могли быть здесь долго. Самое большее со вчерашнего дня. Если с этой Амели что-то случилось, это пока не попало в газеты.

– Почему с ней непременно должно что-то случиться? – спросила Меган.

– Предчувствие, не более того.

– Мы возьмем всё с собой, – сказала Меган. – И нужно запомнить эту парковку.

– Конечно, – согласился Эдвард. – Но мы не пойдем в бюро находок. Сразу в полицию.

2

Главный детектив-инспектор Калеб Хейл прибыл в дом Голдсби уже во второй половине дня и выглядел встревоженным, несмотря на все усилия сохранять внешнее спокойствие.

Супругам сообщили о молодой паре, которая нашла вещи их дочери во время пикника на отдаленной парковке на территории Национального парка. Дело приобретало совершенно другой уровень взрывоопасности. Версия с озлобленным, мстительным подростком, решившим, не задумываясь о последствиях своих действий, любой

ценой избежать нежелательной поездки, стремительно терпела крах. Судя по всему, дело обстояло гораздо хуже.

Амели Голдсби не могла добраться в одиночку до места, где были найдены вещи. Кто-то отвез ее туда на машине. Кто-то выбросил косметичку и сумочку в совершенно безлюдном месте… Калеб вздрогнул при мысли о мобильнике Саскии Моррис, найденном на обочине проселочной дороги вскоре после исчезновения девочки.

Сейчас полицейские прочесывают территорию вокруг парковки. Причем вещи Амели находились не так далеко от того места, где найдено тело Саскии, – еще одна мысль, способная лишить сна. Почти пятнадцать миль – не такое уж большое расстояние по меркам Национального парка. Теперь все выглядело совсем скверно.

В доме семьи Голдсби, удачно расположенном в самом конце улицы, с видом на море, царила паника. Доктор Джейсон Голдсби в гостиной, с ноутбуком на коленях, просматривал в Сети информацию о Саскии Моррис. Он тоже умел сложить два и два.

Дебора сидела на диване, смертельно бледная, с растрепанными волосами, и прерывисто дышала, словно всхлипывала. Судя по дрожащим рукам и взмокшему от пота лбу, у нее случилась паническая атака. Сотрудница полиции, занимавшаяся психологической поддержкой жертв преступления, успокаивающе держала Дебору за руку.

В комнате были еще две женщины, представившиеся Калебу как соседки. Ночью они участвовали в поисках и выражали готовность помогать в дальнейшем. Обе выглядели совершенно обессилившими.

– Я хотел бы поговорить с родителями наедине, – сказал Калеб.

Сотрудница-психолог и обе соседки вышли из комнаты. Детектив-сержант Роберт Стюард уже поджидал их за дверью. Он не мог упустить возможности побеседовать с соседями Голдсби. Что думают они об этой семье? Какие отношения у родителей Амели друг с другом и с дочерью? Не заметили ли чего-нибудь странного вчера утром?

Калеб закрыл дверь. Джейсон отложил ноутбук и подошел к нему.

– Саския Моррис, – без лишних предисловий начал он. – Вы думаете о том же, что и я?

– А о чем вы думаете? – в свою очередь спросил Калеб, хотя давно обо всем догадался.

– Ну…

Джейсон неуверенно оглянулся на жену, но Дебора тут же встала и подошла к мужчинам. Калеб подумал, что никогда прежде не видел такого бескровного лица.

– Ты можешь говорить об этом прямо, – сказала Дебора. – Все мы боимся, что Амели попала в руки того же человека, что и Саския Моррис.

– Мобильник Саскии был найден вскоре после ее исчезновения, – заметил Джейсон. – А сама Саския… Я смотрел на карте в «Гугле». Ее нашли неподалеку от того места, где лежали вещи Амели.

– Все верно, – согласился Калеб. – Но делать из этого далеко идущие выводы, на мой взгляд, преждевременно.

– Кое-какие выводы мы все же можем сделать.

– Давайте сядем, – предложил Калеб. – Я предлагаю еще раз спокойно пройтись по всем пунктам.

Они устроились в углу дивана. Калеб был в курсе всех подробностей пропажи Амели. Парковка перед «Теско». Девочка в плохом настроении и ее отношение к предстоящей поездке. «Зависть» к Саскии Моррис, которой больше не придется участвовать в школьных экскурсиях.

Именно эта фраза вселяла не надежду даже, а тень надежды, что Амели просто скрылась. Исчезла – как когда-то сама Саския, только добровольно. Но эта единственная обнадеживающая зацепка с каждым часом становилась все более эфемерной.

– Едва ли существует какое-нибудь утешительное объяснение тому, как сумочка моей дочери оказалась на болотах, – сказал Джейсон. – Амели не могла одна привезти ее туда.

– Нет, конечно. Но что, если сумочку украли? А потом преступник выбросил ее за ненадобностью…

– Думаете, такое возможно? – с сомнением спросила Дебора.

Калеб вздохнул. Родители в таких ситуациях реагируют по-разному. Одни всячески успокаивают себя, цепляясь за самые абсурдные теории, хотят слышать от следователей, что те сделают все возможное, хотя, в сущности, не видят никакой опасности. Другие предпочитают смотреть правде в глаза, какой бы жестокой та ни была, потому что их все равно ничто не может успокоить.

Голдсби явно принадлежали ко второй группе. Даже Дебора, с трясущимися руками и бледным как мел лицом. Она хотела знать, что

действительно думает Калеб Хейл.

Это было то, что Калеб особенно не любил в своей работе – беседовать с родителями пропавших детей. Готовить их к худшему.

– Признаюсь, вероятность этого невелика, – ответил Калеб на вопрос Деборы. – Мне жаль, но на данный момент ситуация действительно выглядит не лучшим образом. Поначалу были указания на то, что ваша дочь просто сбежала. Но тот факт, что ее вещи найдены в безлюдном месте, почти в сорока пяти минутах езды от Скарборо, делает эту версию весьма сомнительной.

– Кто-то подвез ее на машине, – предположила Дебора.

Калеб ободряюще посмотрел на нее:

– Такое возможно, и это задает новое направление расследованию. Среди бела дня, на оживленной парковке… есть все основания полагать, что Амели села в машину добровольно. Это может означать только, что она знала человека за рулем.

– Амели могла доехать туда автостопом, – предположила Дебора.

– Она часто это делала?

Родители, переглянувшись, покачали головами.

– Никогда, – ответил Джейсон. – Мы предупреждали, что это опасно, но, похоже, не особенно ее запугали. Конечно, я не стал бы совершенно исключать такой вариант, один из худших.

– Мы и не будем ничего исключать, – сказал Калеб, – но все-таки попробуем для начала держаться наиболее вероятных версий. Итак, кто-то из знакомых. У кого из друзей Амели есть водительские права?

– Друзьям Амели столько же лет, сколько ей, – ответила Дебора. – Самое большее пятнадцать. Никто из них не водит машину.

– А с более старшими ребятами она не контактирует? Может, занимается в театральной студии, ходит в спортивную секцию… не обязательно при школе?

– Она занимается плаванием два раза в неделю, в группе, но там все ее ровесники. Кроме тренера – ему шестнадцать.

– Мы обязательно поговорим с ним. Что-то еще?

– Не могу вспомнить ничего конкретного, – сказал Джейсон. – Конечно, бывают школьные праздники, мероприятия… В них участвуют и старшие ученики тоже. Разумеется, Амели как-то с ними контактирует.

– Имена? Может, кого-то из них она упоминала особенно часто?

– Нет. К сожалению, Амели всегда была скрытной девочкой.

– Мы поговорим со всеми ее друзьями, – пообещал Калеб. – Иногда друзьям известно больше, чем родителям. В ее возрасте это совершенно нормально. Вынужден попросить у вас ноутбук Амели. Нельзя исключать, что она…

– Встретила кого-то в чате, – догадался Джейсон. – Да, это и мне приходило в голову. Разумеется, вы можете забрать ее ноутбук с собой.

– Он у нее в комнате? Могу я взглянуть на ее комнату?

– Конечно.

Дебора вскочила. Она казалась более собранной, чем несколько минут назад. Наконец-то дело сдвинулось с мертвой точки. Речь зашла о ноутбуке. Ужас ситуации прояснился, но, по крайней мере, полиция перешла к конкретным действиям.

– Кейт тоже говорила, что нужно посмотреть ее ноутбук. Но он защищен паролем.

– Наши эксперты с этим справятся, – заверил Калеб и тоже поднялся с дивана. – А кто такая Кейт? У вас есть еще одна дочь?

– Кейт – наша постоялица. Она здесь с пятницы. Кейт Линвилл, из Лондона. Представьте, ваша коллега, сержант Скотланд-Ярда… Она точно сможет нам помочь.

– Кейт Линвилл, – озадаченно повторил Калеб. – Это невероятно!

– Вы знакомы? – спросил Джейсон.

– Возможно, возможно…

3

Они стояли в комнате Амели, и Калеб думал, что Кейт почти не изменилась за эти три года. Оставалась верна себе в своей непритязательной внешности, нестареющая, но не в том смысле, как того хочется большинству женщин. В ее случае это скорее отсутствие возраста, связанное с неприметностью. Если некто неуловим для вас как личность, вы не можете осознать происходящих с ним изменений, не только возрастных. В любых, самых драматических ситуациях она всегда оставалась закрытой. Что бы ни происходило внутри нее – а Калеб знал, что она не была лишенным сочувствия манекеном, – это не просачивалось наружу, не отражалось в ее чертах и не меняло

выражения лица. Человек, в совершенстве овладевший искусством замыкаться в себе, потому что привык подвергать сомнению все приходящее извне.

Кейт Линвилл была полна подозрений. Она закрылась раз и навсегда, не оставив ни для кого ни малейшей возможности причинить ей боль. Загородилась, в том числе и от любви. На этом основывалось ощущение, что ее постоянно отвергают.

Запертая в себе… Если Калеб и встречал человека, подходящего под это определение, это была Кейт Линвилл.

– Господи, кто бы мог подумать… – начал он.

Кейт дернула плечами:

– Не так уж это и странно. У меня все еще дом здесь. И я приехала, потому что мне очень не повезло с арендаторами.

– Неплатежеспособны?

– Они исчезли. Бесследно. И дом после них больше напоминает поле битвы. Всё в грязи, ни единого живого места… Хорошо бы их найти. По крайней мере, они оставили заявление о расторжении контракта. Теперь мне остается только вычистить все и отремонтировать.

– Вот черт, – посочувствовал Калеб. Он знал, как много значил для Кейт дом ее отца. – А мебель ваших родителей… получается, теперь ее только выбросить, так?

Кейт покачала головой:

– Все можно почистить, починить и отреставрировать. Ценой немалых усилий, конечно. Но в каком-то смысле они уничтожили дом. Он никогда не будет прежним. Для меня это возможность проститься с прошлым. Я его отремонтирую, а потом продам.

Это решение было принято три года назад, но тогда у Кейт не хватило духа его реализовать. Интересно, хватит ли сейчас?

– И все-таки, как вы здесь оказались? Из-за пропавшей дочери Голдсби?

– Совпадение, не более того. Это ближайший отель «завтрак и постель» к дому моих родителей. Мне нужно было где-то остановиться в эту пятницу, где-нибудь неподалеку от Черч-Клоуз. Я погуглила и… можно сказать, прямое попадание. Меньше всего хотелось влипнуть в историю вроде этой.

– Но… – начал было Калеб, но Кейт его перебила:

– Это действительно не моя история. Я не буду мешать вам, Калеб. Совершенно другие обстоятельства, не как тогда…

Она намекала на их споры три года назад. В расследовании смерти отца Кейт действовала на свой страх и риск, поскольку была убеждена, что Калеб ступил не на ту дорожку. Можно сказать, она вела свое, неофициальное расследование. И неоднократно сталкивалась с Калебом, но в конце концов именно она раскрыла это убийство.

Несмотря ни на что, прощание было дружеским, и у Калеба как будто хватило великодушия признать превосходство Кейт. Но потом произошел срыв – алкогольный рецидив, и довольно тяжелый. И сейчас Калеб читал в ее глазах незаданный вопрос: удалось ли ему теперь взять проблему под контроль? Пил ли он в это воскресенье?

– Скверная история, – заметил старший инспектор. – Совсем скверная.

Он попросил о встрече с Кейт сразу после того, как узнал от Джейсона, что она в доме. Калебу удалось увести ее в комнату Амели, пока Голдсби оставались внизу, с сержантом Стюардом.

Ее присутствие обнадеживало. Даже если она не была близко знакома с семьей Голдсби, видела их всех троих, по крайней мере, в пятницу. Как с полицейским с ней можно было говорить откровенно. Калеб отдавал должное ее следовательскому чутью и знанию человеческой природы. О своих способностях, напротив, был скромного мнения.

– Меня интересует ваше видение ситуации.

Кейт вздохнула:

– Сначала я почти не сомневалась, что Амели скрылась намеренно, но после того, как были найдены вещи… Конечно, остается вероятность, что у нее есть парень, о котором родители не знают и который забрал ее. Но зачем выбрасывать сумочку и косметичку? Выглядит пугающе странно.

– И что, вы думаете, произошло на парковке возле супермаркета?

– Думаю, к машине подошел кто-то, кого Амели хорошо знала и кто смог уговорить ее пойти с ним. Хочется надеяться, с добрыми намерениями.

– Хочется, хотя это совсем не обязательно.

– Да. При всем при том она поехала. Чтобы избежать злосчастной экскурсии в понедельник.

– Другие варианты?

– Она просто вышла из машины и побрела прочь. Не задумываясь, какие последствия это может иметь для ее матери, или даже желая ее напугать. Амели разозлилась на Дебору за то, что та отказалась похлопотать перед врачом насчет справки. Очень может быть, что Амели пошла домой, и у нее не было намерения бежать. Просто ее разочарование искало выхода.

– Вы имеете в виду, что по дороге…

– Да, ее могли похитить. Я хорошо знаю эти места. Она могла вернуться домой по одному из двух маршрутов, если, конечно, вообще того хотела.

– Прямо вдоль Бернистон-роуд.

– Да. Справа и слева пешеходная и велосипедная дорожки. Амели пришлось бы долго идти через безлюдные луга и пастбища, прежде чем показались первые улицы поселка, где она живет. Кто-то мог остановиться и затащить ее в машину.

– Рискованный шаг, – заметил Калеб. – Там довольно оживленная трасса.

– Иногда подолгу нет ни одной машины. Преступник мог вообще ничего не планировать заранее. Просто увидел на трассе молодую блондинку, остановился и схватил ее, воспользовавшись тем, что ни впереди, ни сзади никого нет. Это заняло у него не более полминуты, и никто ничего не видел.

– Но она сопротивлялась бы.

– Если есть мотив сексуального характера, с высокой степенью вероятности мы имеем дело с мужчиной. Конечно, значительно крупнее и сильнее маленькой, щуплой Амели. Учтем фактор внезапности, который был на его стороне. Можно предположить, что в ушах Амели были наушники, поэтому она не слышала, как он приблизился. И ни о чем не подозревала, пока он ее не схватил.

– Другой путь…

– Вдоль Норд-Клифф-авеню в сторону моря. Значительно более приятный, если в ее ситуации это имеет значение.

– Но там столько домов… Не думаю, что кто-то рискнул бы…

– В самом конце большая парковка. Именно там она могла встретиться с преступником. И здесь мы опять должны исходить из того, что ему повезло. Кроме него и Амели, там никого не было. Или

же там ничего не произошло и она пошла дальше. Поднялась на холмы – там, наверху, есть тропка – или пошла по Кливленд-уэй, у самой воды.

– Ни там, ни там нельзя проехать на машине, – заметил Калеб.

– Но он мог с ней заговорить. Увести ее в Си-Лайф, там есть парковка.

Си-Лайф-Санктуари – жилищный комплекс на берегу моря. Популярное туристическое место, где можно полюбоваться экзотическими рыбами в гигантских аквариумах. Там часто организуют детские праздники – например, дни рождения. Иногда жители проводят совместные трудовые рейды по уборке пляжа.

– Там довольно оживленная парковка, – возразил Калеб.

– Только не в субботу утром, когда люди по большей части заняты закупкой продуктов на выходные. И мы всё еще принимаем в расчет фактор случайности. В любом месте и в любое время у преступника может появиться возможность нанести неожиданный удар. Иногда для этого достаточно крошечного окошка во времени, когда нужно просто действовать.

– Кливленд-уэй, – задумчиво повторил Калеб. – Внизу, вдоль берега… Доктор Голдсби гулял там в интересующее нас время. Он мог встретить свою дочь.

– И?..

– Какое впечатление сложилось у вас об этой семье? Сейчас меня интересуют родители.

– Ну… я приехала сюда в пятницу днем. Не могу сказать, что сразу раскусила Голдсби, но, на первый взгляд, это вполне нормальная семья. Дочь вошла в трудный возраст и конфликтует с матерью, в чем нет ничего необычного. С отцом ведет себя гораздо спокойнее, что тоже достаточно типично. Джейсон – врач в большой муниципальной больнице, вечно в напряжении, много работает. Дебора открыла в доме пансион, что предполагает встречи с новыми людьми, но время от времени сталкивается с проблемой противоположного характера, когда ей приходится сидеть одной дома целыми днями, особенно зимой и осенью. Она была так счастлива, когда я забронировала комнату…

– Это на первый взгляд, а на второй? Есть что-нибудь, что еще хотелось бы отметить?

Кейт медлила:

– Ну… только с той оговоркой, что у меня было не так много времени, чтобы делать окончательные выводы. Дебора несчастна. Одинока, не находит понимания в семье. Джейсон много работает – долги заставляют. Это всего лишь мои рассуждения, не надо принимать их за истину в последней инстанции. Дом большой, да еще в таком месте… Думаю, на супругах висит крупный кредит. Джейсону никогда не нравилась идея Деборы насчет отеля, это видно. Он лишился единственного места, где можно отдохнуть после работы, побыть одному. По крайней мере, на лето. Я бы сказала, их брак переживает сложные времена. И ситуация усугубляется…

– …Что не может не затрагивать их дочь? Иногда отцы, которые больше не справляются со своими обязанностями, становятся способны на худшее.

– Устраивают кровавую бойню? Зверски умерщвляют жену и детей, а потом сами не могут поверить, что это их рук дело? Здесь явно не тот случай.

– Так или иначе, не мешало бы повнимательнее присмотреться к доктору Голдсби, – сказал Калеб. – У него нет алиби на предполагаемый момент совершения преступления.

– А как же Саския Моррис и Ханна Касуэлл? Вы не усматриваете связи с этими случаями?

Калеб посмотрел на коллегу с удивлением:

– Ханна Касуэлл? Это произошло четыре года назад. И за три года до исчезновения Саскии Моррис.

– Обе были ровесницами Амели Голдсби.

– Вы, конечно, наводили справки об этих расследованиях?

– В Сети, да.

– Тогда должны знать, что от Ханны Касуэлл не осталось никаких следов. Ни мобильника, ни сумки – ничего ровным счетом. Не говоря о теле. Я руководил тем расследованием. Мы с самого начала оказались в тупике.

– Это ничего не значит. Вещи Саскии и Амели были найдены случайно.

– Все так, но спрятать мертвое тело гораздо сложнее. Так, чтобы годами никто не мог его найти… Болота в Национальном парке – дикое, безлюдное место, это верно. Но и там бродят туристы с собаками, особенно летом. Я имею в виду, если Ханна Касуэлл мертва,

то преступник приложил все усилия, спрятал тело так, что его невозможно найти. Между тем как Саскию он положил рядом с туристической тропой и лишь слегка прикрыл ветками. Очень разный образ действия, я бы сказал.

– И в этом тоже нет ничего из ряда вон выходящего. Рецидивисты от раза к разу становятся менее осторожны, это бывает. Если им поначалу везет, бдительность быстро притупляется. И в этом одна из причин, почему в один прекрасный день они попадают к нам в руки и удивляются, как могли так просчитаться.

Калеб покачал головой:

– Ханна Касуэлл пропала четыре года назад. Саския Моррис – почти год назад, то есть спустя три года после Касуэлл. Амели Голдсби исчезла, как только обнаружили тело Саскии. Между Касуэлл и Моррис слишком большой временной промежуток, как мне кажется.

– Это лишь те, о ком мы знаем, – уточнила Кейт. – Что, если за эти три года были еще жертвы? В других городах, или девчонки с улицы, бездомные, кого не ищет полиция…

– Наш преступник, если он вообще существует, преследует жертв определенного типа, и в этом, как мне кажется, останется верен себе. Это неопытные молодые девушки, замкнутые, из семей среднего класса. Слабо верится, что его вдруг заинтересует уличная проститутка.

– Ну хорошо. Что, если первое преступление повергло его в состояние шока? В пользу этого говорит тщательность исполнения. Он не оставил ни малейшего следа и ушел безнаказанным. Поэтому, оправившись, решил снова рискнуть. Спустя годы, когда окончательно убедился, что ему ничего не грозит. Второй раз он действовал не так осторожно, и в этом нет ничего необычного.

Калеб вздохнул. Он понимал, что Кейт права. Похоже, они действительно имеют дело с серийным убийцей, и его активность с этого момента будет набирать обороты.

Он оглядел комнату, расположенную прямо под крышей, – со скошенными стенами и маленьким мансардным окошком, из которого открывался вид на море. Интерьер девочки-подростка… Розовые обои в цветочек, такого же цвета пушистый коврик на полу. Ручки на дверцах шкафа в форме цветов. Розовые девчоночьи мечты. Но на обоях постеры неизвестных Калебу поп-групп – черные демонические

одеяния, выбеленные лица с обведенными краской глазами. Туалетный столик заставлен косметикой – лак для ногтей, помада, спреи. На кровати рваные джинсы и джемпер в сеточку.

Амели определенно распрощалась с розовыми грезами детства. Ее родители уверены, что у нее нет парня. Но если Калеб в чем и уверен, так это в том, что они знают о дочери далеко не всё.

Он рассчитывал, что содержимое ноутбука даст какую-нибудь зацепку. Его скоро отвезут в отделение, и сержант Стюард с двумя коллегами тщательно обыщут комнату. Сейчас Калеб только мельком осмотрел шкаф, выдвинул несколько ящиков. На первый взгляд, ничего интересного. Обыкновенная комната самого обыкновенного подростка.

Он повернулся к Кейт, которая безучастно стояла в стороне:

– Что собираетесь делать дальше?

– Попробую привести дом в порядок. Потом передам его риелтору. Мне нужно торопиться. Шеф не хотел давать мне и этих нескольких дней… – Кейт улыбнулась. – На этот раз я действительно не стану вмешиваться. Это ваше расследование, целиком и полностью.

– Вы хороший следователь, Кейт. Я уже говорил, что был бы рад видеть вас среди своих сотрудников. Вы еще не передумали насчет моего предложения?

Калеб знал, как нелегко приходится Кейт в Скотланд-Ярде, как мало там ценят ее и ее работу. Кейт вечно чувствовала себя отвергнутой. Калеб не мог судить, до какой степени оправданно это чувство. У нее был талант самой создавать себе препятствия. Виной всему была ее мнительность и крайне низкая самооценка. Кейт смотрела на себя сквозь призму сомнений. Ей просто не приходило в голову, что возможен другой взгляд. Со стороны ее подозрительность нередко воспринималась как враждебность по отношению к внешнему миру.

Кейт покачала головой:

– Нет, я останусь в Лондоне. Так будет лучше.

Почему лучше, объяснять не стала. Калеб не настаивал. Они не были настолько близки, чтобы затрагивать темы личного характера. Тем более что Кейт, похоже, не желала давать никаких объяснений.

– Не буду вам мешать, – добавила она. – Если что, я у себя в комнате.

– Договорились.

Калеб проводил Кейт глазами и снова оглядел стены в цветочек, словно надеялся получить от них если не ключ к разгадке, то хотя бы намек, малейшую подсказку – что-нибудь.

«Мне нужна хоть какая-то зацепка, – подумал он, как будто обращался с просьбой, сам не зная к кому. – Нужно с чего-то начать, чтобы вернуть родителям ребенка. Положить конец этому кошмару».

Но стены хранили молчание.

Понедельник, 16 октября

1

Столярная мастерская, где проходила обучение Линн Аллард, располагалась на Вествуд-роуд, рядом с огромным супермаркетом «Теско». Линн могла дойти сюда пешком от родительского дома. Небольшая мастерская пряталась на заднем дворе, куда можно было попасть, толкнув створку неприметных ворот между двумя домами.

Во дворе стоял запах древесины и свежей смолы, из сарая доносился звук электропилы. Утро выдалось холодным и туманным. За прошедшую ночь долгое, припозднившееся лето окончательно распрощалось до следующего года. Кэрол поежилась, поплотнее закуталась в пальто. Она зашла сюда по дороге на работу, в надежде, что застанет Линн в мастерской.

Действительно, Кэрол почти сразу увидела девушку. Линн курила, прислонившись к побеленной стене сарая. Жалкое, тщедушное существо в обтягивающих джинсах, черном джемпере и кожаной куртке. На каждом пальце правой руки по серебряному кольцу. Желтоватые кончики пальцев выдают заядлую курильщицу. Под глазами черные тени. Замерзшая, не выспавшаяся, голодная.

«Слишком много курит и мало спит», – подумала о Линн Кэрол.

Линн не заметила ее приближения и вздрогнула от неожиданности.

– Ой, Кэрол! Я вас не видела… – Рука, державшая сигарету, слегка дрожала. – Решила вот курнуть перед работой. Босс не возражает, я ненадолго.

– Тебе не нужно оправдываться, Линн, – Кэрол было больно видеть, что девушка воспринимает ее как надзирательницу. – Я всего лишь хочу задать тебе несколько вопросов.

– Ну, спрашивайте.

Кэрол предпочла бы поговорить в более теплом месте, но в мастерской мастер и ученики, а ей не нужны лишние уши.

– Мне звонили из школы по поводу Мэнди. Она вот уже восемь дней не посещает уроки без объяснения причины. Надеюсь, ничего страшного не произошло?

У Линн задергалось веко:

– Вы были у моих родителей?

– Да, в пятницу. Твоя мать что-то говорила о гриппе…

Линн молчала, делая быстрые затяжки, одну за одной.

– К сожалению, твоя мать не позволила мне увидеться с Мэнди, – продолжала Кэрол. – Ну, вот я и решила спросить тебя. Насколько серьезен этот грипп?

Линн не отвечала.

– Линн?

Девушка бросила окурок и втоптала его в землю каблуком сапога.

– Спросите моих родителей, – быстро пробормотала она.

– Ты знаешь, что твоя мать не слишком охотно с нами сотрудничает.

Линн пожала плечами:

– Мне действительно пора работать.

– Ну, думаю, ты можешь уделить мне еще минутку.

Если в пятницу у Кэрол возникло ощущение, что с Аллардами что-то не так, то теперь оно усилилось. Почему бы Линн просто не сказать: «Да, с Мэнди все плохо: кашель, горло, температура…» К чему эти намеки, недомолвки?

– Что происходит, Линн? – мягче спросила Кэрол.

На глазах у девушки выступили слезы:

– Можете вы наконец перестать копаться в нашей жизни? В кои-то веки мои дела наладились. У меня появилось свое место в жизни. Очень может быть, у меня все сложится. Я не хочу… черт, я не хочу туда, откуда с таким трудом вырвалась.

Кэрол понимала ее, но настал момент, когда нужно проявить жесткость.

– Никто не собирается отнимать у тебя эту возможность, Линн, – сказала она. – Только не я. Мы вместе нашли тебе это место, именно для того, чтобы ты навсегда рассталась с прошлым.

По бледным щекам Линн растекалась черная тушь.

– Тогда оставьте меня и мою семью в покое.

– А как же Мэнди, Линн? Она твоя сестра. Ты не можешь ее бросить.

– Я помню о Мэнди, но она всегда все портит. Постоянно ругается с мамой. Не понимаю, почему нельзя хотя бы иногда промолчать… Но она все время провоцирует, спорит. Мэнди сама во всем виновата.

– В чем виновата?

Линн резким взмахом руки вытерла слезы:

– В том, что мать постоянно на нее нападает!

У Кэрол по рукам пробежали мурашки.

– Мэнди опять подралась с матерью?

– Опять подралась, – передразнила Линн. – Да они каждый день дерутся, и все по вине Мэнди.

Кэрол знала, какой агрессивной может быть Мэнди. Это у нее от матери. Что бывает, если столкнутся две шаровые молнии?

– Ну хорошо, они подрались. Не будем выяснять, кто первый начал. Но почему Мэнди уже восемь дней как не появляется в школе? Что случилось?

Линн отвела глаза:

– Она ушла.

– Ушла? Что это значит?

– Ушла значит ушла. Они поссорились. Мэнди собрала вещи, сказала, что с нее хватит, и ушла.

– То есть Мэнди ушла после ссоры с матерью?

– Да.

– Когда?

– Неделю назад, в воскресенье.

– И куда она могла пойти?

– Понятия не имею. Наверное, к кому-нибудь из друзей.

– Родители искали ее?

– Не думаю.

– А ты?

– Нет.

– Боже мой, Линн… Твоя сестра пропала восемь дней назад, и никого из вас не волнует, где она?

– У нее есть друзья. Мэнди с кем-нибудь из них.

– Но она должна ходить в школу!

– Я за нее не отвечаю.

– Из-за чего они повздорили на этот раз? – спросила Кэрол. – Это было хуже, чем обычно, ведь так? Иначе Мэнди не ушла бы.

Мастер просунул голову в дверь:

– Ты собираешься сегодня работать, Линн?.. Здравствуйте, миссис Джонс, – кивнул он, увидев Кэрол. Они были знакомы, ведь это Кэрол просила его взять Линн в ученицы.

– Сами видите… – Линн кивнула на мастера с выражением облегчения на лице. – Мне пора.

– Еще буквально пару минут, – обратилась Кэрол к мастеру.

Тот кивнул:

– Понял.

И снова исчез. Линн пристально посмотрела на Кэрол:

– Это вы вечно всё портите. Вы и Мэнди. Ну, теперь всё… Мои дела наконец пошли в гору, и…

– Ничего я тебе не порчу, и Мэнди тоже. – Тон ее голоса стал резче; Кэрол хотелось встряхнуть Линн. – Черт подери, Линн, я отвечаю за твою сестру так же, как и за тебя. Или ты расскажешь, что произошло, или мы будем стоять так до вечера. Я не уйду, пока не узнаю.

Глаза Линн сузились, но, встретив полный решимости взгляд Кэрол, она поняла, что все так и будет. Кэрол не уйдет. И не позволит водить себя за нос.

– Не помню точно, с чего все началось. Мы сидели за столом на кухне, и тут на Мэнди нашло. И то не так, и это не этак… Она стала жаловаться на еду. Мама ненавидит готовить. Она разогрела в микроволновке гамбургеры и заварила кипятком картофельное пюре из пакетиков. Не самая полезная для здоровья еда, но еда, так или иначе. И еще Мэнди сказала, что от таких вещей можно потолстеть. Это точно не про нас, в нашей семье все худые.

– И мать разозлилась?

– Она пришла в бешенство. Они с Мэнди кричали друг на друга. Папа, как всегда, молча смотрел в свою тарелку. И вот я подумала… – Глаза Линн снова наполнились слезами. – Почему она все время это делает? Зачем? Один-единственный мирный вечер, неужели это так сложно? Я о том, что, если у мамы хорошее настроение, зачем Мэнди ее заводит?

Кэрол вздохнула. Случай Пэтси сам по себе достаточно тяжелый, а тут еще Мэнди… Не хотела бы Кэрол жить с кем-нибудь из них под одной крышей.

– Наконец мама вскочила и сказала, что будет пить чай одна. Что ей нужен отдых от этой чертовой семьи. Она поставила чайник, и мы с папой вышли из кухни. Я шепнула Мэнди, чтобы шла за мной и не доводила маму, но Мэнди осталась. Ей хотелось скандала, настоящего. И следующее, что я услышала, были крики и грохот из кухни. Я сбежала вниз по лестнице. Папа вышел из гостиной. Мама и Мэнди стояли друг против друга и кричали. На полу была вода. Мэнди держалась за левую руку.

– Что…

– Мэнди кричала, что мама швырнула в нее чайник с кипящей водой и обварила руку. Рука выглядела ужасно.

– Боже мой… – в ужасе пробормотала Кэрол.

Линн плакала, больше не пытаясь сдерживать слезы.

– Она действительно спровоцировала маму, Мэнди… Я не хочу… не хочу, чтобы что-нибудь еще случилось, понимаете? Если мама сядет в тюрьму, я потеряю семью. Именно сейчас, когда жизнь как будто стала налаживаться…

Кэрол положила руку ей на плечо. Она поняла, почему Линн так долго молчала.

– То, что сделала твоя мама, плохо, но ей совсем не обязательно садиться в тюрьму.

Кэрол сама не вполне верила в то, что говорила, но Линн так или иначе нужно было успокоить. Швырнуть в человека чайник с кипятком – это не шутки. Пэтси могла попасть Мэнди в лицо. Хотя и рука – это тоже достаточно серьезно.

– И после этого Мэнди ушла из дома?

– Да. Собрала рюкзак, обернула руку мокрым полотенцем. Она плакала и с трудом сдерживала ярость. Зачем ей это было нужно? В любой момент она могла все остановить…

– Мэнди говорила что-нибудь о том, куда направляется?

– Нет.

«Ей требуется медицинская помощь, – подумала Кэрол. – С такими ожогами шутить нельзя».

Линн вытерла слезы и громко всхлипнула:

– Конечно, я испугалась. Но я не знаю, насколько у Мэнди серьезно с рукой.

– Мне нужно поговорить с твоими родителями, – сказала Кэрол.

– Отлично! Мама будет просто в восторге от того, что я ее выдала!

– У тебя не было выбора. Она поймет.

В этом Кэрол также совсем не была уверена. Пэтси Аллард не производила впечатления понимающего человека.

– Теперь я могу идти работать? – И, не дожидаясь ответа, Линн исчезла за дверью мастерской.

Кэрол осталась одна посреди окутанного туманом двора.

Что, черт возьми, происходит? Мэнди, четырнадцатилетняя девочка, пропала без вести больше недели тому назад. И она ранена. В лучшем случае скрывается у друзей. В худшем… Так или иначе, ситуация требовала незамедлительных действий.

2

– Боже! – Представитель компании по вывозу мусора огляделся, морща нос от отвращения. – Чем, черт возьми, они здесь занимались?

– Просто жили, – ответила Кейт.

– И ни в чем себе не отказывали, я бы назвал это так…

Кейт водила мужчину по комнатам, наблюдая на его лице отражение своего собственного ужаса. Сегодня бардак в доме ужаснул ее еще больше, чем в пятницу. Похоже, эффект привыкания в данном случае не срабатывал – скорее, нечто совершенно обратное. Кейт заметила, что у комода в родительской спальне сколоты углы, а от ящиков остались одни обломки. Стеклянные дверцы в кухонном шкафу, доставшемся по наследству от матери, разбиты, а полки и вовсе исчезли.

«Что они с ними сделали? – спросила себя Кейт. – Порубили на дрова?»

Но камин в доме электрический. Это вандализм в чистом виде, жажда разрушать. Вещи, о которых заботились, берегли на протяжении десятилетий, были уничтожены за считаные часы. Непонятно. Почти невероятно.

– И вы хотите все это вывезти? – спросил мужчина.

Кейт вспомнила, как его звали, – Болтон, мистер Болтон. Эта фамилия была написана большими синими буквами на белой машине, на которой он приехал.

– Многое можно починить.

– Нет, все должно быть убрано.

Что ей делать с этим хламом? Перевезти в крохотную квартирку в Бексли, в восточной части Лондона? Продать, сдать на хранение? Зачем? Пора наконец отпустить прошлое, отделить себя от него. Время пришло, лучшей возможности не представится.

По временам Кейт задавалась вопросом, действительно ли это что-то изменит. Что станет с ее одиночеством, неуверенностью в себе? Что, если роковое решение ни на что из этого не повлияет? Женские журналы и руководства по популярной психологии в один голос заверяют, что решительные шаги меняют жизнь, в первую очередь связанные с избавлением от старых вещей. Но Кейт сомневалась. Не стоит рассчитывать на награду, вместо которой могут последовать вполне ожидаемые сожаления. Хотя сейчас так или иначе сожалеть не о чем… Кейт попробовала сосредоточиться на том, что запланировала.

Туман снаружи действовал угнетающе. Ночью он выполз из моря и окутал город, поглотив звуки. Солнечные октябрьские деньки в одночасье сменились настоящей осенью, и быстрота перемены пугала.

– Как скажете, – пожал плечами Болтон. – Я уберу все, это моя работа.

– Спасибо.

– Только вот к следующим арендаторам советую присмотреться внимательнее. Если не хотите, конечно, чтобы подобное повторилось.

– Я собираюсь продать дом, – сказала Кейт.

Мистер Болтон кивнул:

– На вашем месте я сделал бы то же самое.

Оставалось найти ремонтников и попросить соседку впустить их в дом, как только мистер Болтон все уберет. Ей незачем следить за ремонтной бригадой. В Лондоне ждет работа, и босс будет рад, если Кейт вернется раньше.

Ей и самой того хочется. Находиться в доме Голдсби невозможно. Кейт жалела супругов, но ничего не могла для них сделать. Она видела, что Дебора рассчитывает на ее помощь. Для Голдсби Кейт – воплощение знаменитого Скотланд-Ярда. Она одна может вернуть им

дочь. На Калеба Хейла, шефа криминального отдела полиции Скарборо, надежда небольшая. Чины и звания в глазах супругов, судя по всему, значат немного. Иначе они увидели бы, что как детектив-сержант она стоит на одной из низших ступенек карьерной лестницы. Что, с учетом возраста Кейт, естественным образом наводит на подозрения. В сорок два года она могла и должна была достичь большего. Калеб Хейл единственный ценил ее следовательский талант. Но он не мог повлиять на ее продвижение, потому что по службе они почти не контактировали.

«Может, в самом деле стоит перевестись в криминальный отдел полиции Скарборо?» – подумала она.

Нет, хватит с нее Северной Англии. Раз уж решила порвать с прошлым, нечего оглядываться назад.

– Выйдет недешево, – заметил мистер Болтон в своей ободряющей манере.

– Понимаю, – кивнула Кейт.

Очень может быть, что придется брать кредит в банке, который она легко погасит после продажи дома. На нем нет долгов. Впервые на счету Кейт появится более-менее заметная сумма. Можно будет что-нибудь себе позволить. Круиз, например, где она наконец встретит мужчину своей мечты…

Кейт тихо вздохнула. Получится ли когда-нибудь распрощаться с этими мыслями или она будет мечтать до гроба? В таком случае, еще сорок лет напрасной надежды – светлый лучик, пронизывающий всю жизнь.

Кейт взяла себя в руки. Бывают вещи и похуже. Страшно представить себе, что сейчас переживают родители убитой Саскии Моррис. Десять месяцев они жили надеждой… А Дебора и Джейсон Голдсби? Утренние газеты наперебой кричат об исчезновении Амели. Конечно, они не забыли и о Саскии. У воображаемого преступника даже появилось имя – Убийца с пустошей. Он похищает молодых девушек на улицах, держит взаперти, пытает, издевается над ними, а в конце концов убивает. Согласно фантазиям газетчиков…

Кейт купила несколько газет по дороге сюда, просмотрела и выбросила в мусорный контейнер. К сожалению, тем самым она не могла уберечь от журналистского бреда Дебору и Джейсона. Родственники жертв тоже жертвы, но о них почему-то никто не думает.

Мистер Болтон обещал очистить дом к концу недели. Кейт проводила его взглядом и закрыла дверь.

Итак, первый шаг сделан. Можно приступать к поискам ремонтной бригады.

* * *

Журналисты осадили дом Голдсби. Прибыли даже телевизионщики со своим фургоном. Обычно исчезновения подростков не привлекают такого внимания, но с тех пор как Убийца с пустошей стал героем СМИ, они почуяли историю с продолжением. Для журналистов серийный убийца что мед для мух.

Кейт вернулась в пансион Голдсби в полдень. Отперла входную дверь, прислонилась к стене в коридоре и вздохнула с облегчением. Пора исчезнуть, пусть это станет последней каплей. Она не хочет увязать в этом глубже, из-за одного лишь рокового стечения обстоятельств.

В гостиной Калеб Хейл разговаривал по телефону и убрал трубку, как только она вошла. Он выглядел усталым и напряженным, глаза были красными.

– А, Кейт! – Калеб провел рукой по лицу. – Ужасный день…

– Где Джейсон и Дебора?

– Наверху. Дебора плохо себя чувствует, Джейсон с ней.

– Она читала утренние газеты? – предположила Кейт.

– Не сама. Одна хорошая подруга прочитала ей это по телефону. – Калеб покачал головой. – Понятно, почему так часто после подобных историй круг друзей пострадавших полностью меняется…

– Есть что-нибудь новое? – Кейт успела задать вопрос, прежде чем вспомнила о своем решении больше не вмешиваться в ход следствия. – Извините, я…

– Вы моя коллега, – оборвал ее Калеб. – Да, есть новости, и они, к сожалению, еще больше нагнетают панику.

Кейт вопросительно посмотрела на коллегу.

– Результаты вскрытия тела Саскии Моррис, – объяснил Калеб. – Она мертва около шести недель. Подозреваю, столько лежать на

болотах она не могла, иначе ее нашли бы раньше. Убийца перевез туда тело далеко не сразу, почему? Но самое ужасное, что…

– …Что она была жива еще около девяти месяцев после своего исчезновения, – закончила его мысль Кейт, когда Калеб запнулся. – Да, я подозревала нечто подобное.

– Ее держали взаперти, мучили.

– Как она умерла?

– Предположительно от истощения и обезвоживания организма.

– Господи… – прошептала Кейт в ужасе. – Значит, похититель долгое время кормил и поил ее, а потом почему-то перестал это делать?

– Судя по всему, так оно и было.

– Может, случилось что-то, что помешало ему навещать ее?

– Он отвез ее на болота, – напомнил Калеб. – Следовательно, был жив и достаточно здоров для этого. Хотя преступников могло быть и несколько.

Оба замолчали.

– Значит ли это, – робко начала Кейт, – что, если Амели в руках этого же человека, она еще жива?

– Да, но мы не знаем ни того, в чьих она руках, ни его мотива. Саския Моррис не подвергалась сексуальному насилию – во всяком случае, так, чтобы это оставило следы на ее теле. При этом, конечно, он мог использовать ее для порнографических съемок. В общем, с мотивом, как я сказал, полная неясность. Локализовать мобильник Амели также не удается. Предполагаемый похититель мог вывести его из строя. Версия, что Амели намеренно скрылась от родителей, все еще недостаточно опровергнута. Проблема в том, что мы не продвинулись ни на йоту и всё еще ничего не знаем. Но если убийца Саскии и похититель Амели – одно и то же лицо, вероятность того, что Амели жива, действительно возрастает. Притом что в девяноста процентах случаев похищения жертва погибает в течение первых двадцати четырех часов, если только мотив злоумышленника не шантаж и не требование выкупа. Чего в нашем случае ожидать не стоит.

– Вы должны найти ее, – сказала Кейт. – Девочка проходит через ад.

Калеб вздохнул. Кейт знала, о чем он думает: нет отправной точки, между тем как прошло довольно много времени. Если девушка и жива, она может быть очень далеко. В глуши, в какой-нибудь хижине… Кто-то почти год держал Саскию Моррис взаперти, и никто до сих пор даже не догадывается, где это могло быть.

Теперь эта проблема целиком и полностью легла на плечи Калеба. Кейт видела, как ему тяжело.

– Сейчас об этом раструбили все СМИ, – сказала она. – Я буду удивлена, если в ближайшее время не объявятся свидетели. Саскию Моррис похитили поздно вечером, в темноте, в тихом жилом квартале. Но Амели исчезла среди бела дня, с парковки перед супермаркетом в субботу утром. Уверена, что хоть кто-то что-то заметил.

– К сожалению, далеко не все звонят в таких случаях по делу, – мрачно возразил Калеб. – Одни просто хотят попасть в газеты. Другие жаждут нашего внимания. Третьи, если что-то и видели, дают показания, совершенно бесполезные для следствия.

Кейт знала, каково это, когда пресса дышит тебе в затылок. Пойдут возмущенные статьи. «Чем занимается наша доблестная полиция и как долго еще Убийца с пустошей сможет безнаказанно делать свое дело?» Плюс отчаявшиеся родители, для которых каждая потраченная попусту секунда оборачивается невыразимой мукой. Кейт не могла ничем помочь Калебу. Это не ее расследование. Она здесь по совершенно другому делу.

Как будто прочитав ее мысли, он спросил:

– Что собираетесь делать дальше, Кейт? Есть какие-нибудь зацепки в поисках арендаторов?

Она покачала головой:

– Нет. Сегодня же подам заявление в полицию. Без особой надежды, но я не хочу, чтобы это сошло им с рук. В конце концов, это стоит мне не только нервов, но и немалых денег.

– Сочувствую, – отозвался Калеб. – Я знаю, что значит для вас этот дом.

– С другой стороны, это всего лишь дом. Голдсби оплакивают своего единственного ребенка… Конечно, это несопоставимо.

– Даже если это всего лишь дом, здесь есть что оплакивать.

– Я наняла компанию по вывозу мусора. Нашла людей, которые сделают ремонт. У соседки ключи, она за всем проследит. Завтра я

могу вернуться в Лондон.

– Как дела на службе?

– Все хорошо.

Кейт преувеличивала, но она не хотела углубляться в эту тему. Она все еще считала себя отвергнутой и не чувствовала заслуженного признания со стороны коллег. Не то чтобы ее оскорбляли или унижали – люди предпочитали держаться от Кейт на расстоянии. И не только на работе. Никому из коллег как будто и в голову не могло прийти пригласить Кейт куда-нибудь вечером, выпить с ней вина или хотя бы поинтересоваться ее планами на выходные.

Конечно, Кейт часто спрашивала себя, кто первый установил эту дистанцию – окружающие или она сама. Так или иначе, проблема зашла слишком далеко, и теперь Кейт не могла одна ее устранить. Попытки сближения с коллективом кончались ничем. Очень может быть, нужно поменять что-то в жизни – работу, место жительства, окружение. Психологи утверждают, что подобные перемены творят чудеса. Но есть и другие психологи, и они считают, что старые проблемы запросто переходят в новую жизнь. Человек везде одинаков. Кейт почему-то опасалась, что правда на их стороне.

– С ноября я в отпуске, – сказала она. – Тогда и займусь продажей дома.

– Вряд ли мне удастся убедить вас сохранить за собой дом и перейти на службу в криминальный отдел полиции Скарборо, – отозвался Калеб.

Он часто высказывал то, что на удивление хорошо перекликалось с самыми сокровенными ее мыслями. Стоило Кейт подумать о переменах в жизни, как Калеб заговорил о новой работе.

На самом деле, именно для Кейт в этом не должно быть ничего удивительного. Три года назад она была влюблена в этого мужчину. Тому имелись все основания. Помимо внешней привлекательности, Кейт в жизни не встречала более близкого человека. Их связывало что-то, что имело отношение к жизненным неудачам обоих. К боли, разочарованиям. К ужасной неуверенности в себе.

Последнее как будто совсем не про Калеба Хейла, но Кейт умела разглядеть такие вещи. Калебу тяжело давалась его работа. Слишком часто стоял вопрос о жизни и смерти, и малейшая оплошность грозила

обернуться катастрофой. Калеб не выдерживал, начинал пить. Или впадал в депрессию – и тогда совершал одну ошибку за другой.

Кейт надеялась пробудить в нем ответные чувства. Калеб единственный ценил ее следовательский талант. Это означало, что он, как и она, мог разглядеть что-то, чего не видели остальные. Признание такого коллеги дорогого стоило, и Кейт понимала, что должна быть счастлива. Но Калеб не воспринимал ее как женщину, а это было единственное, чего ей хотелось и что казалось неосуществимым.

Потому что Калеб заслуживал лучшей женщины, не такой, как неприметная Кейт. Она знала, что он много лет в разводе и, как говорят, не имеет постоянной партнерши. Но вряд ли он жил как монах. Конечно, у Калеба случались кратковременные романы.

– Меня вполне устраивает мое место, – ответила Кейт на его вопрос.

Конечно, это было неправдой. Но работать с ним? Видеть Калеба каждый день и думать о том, что их общение могло бы вылиться в нечто большее? Кейт не привыкла себя жалеть, но и не была мазохистской.

Они попрощались друг с другом. Калебу предстояло пройти сквозь толпу представителей прессы. Кейт сочувственно вздохнула и отправилась в свою комнату. Ненадолго задержалась перед дверью, за которой уединились Джейсон и Дебора, и продолжила путь. Что она могла им сказать?

3

Во второй половине дня Кэрол вернулась в дом Аллардов в сопровождении своей начальницы Ирен Каримиан. Они решили прояснить обстановку в доме. Мэнди пропала больше недели тому назад. Если Пэтси действительно ничего не знает о ее местонахождении, остается только звонить в полицию.

Они устроились на кухне, и Пэтси, размахивая руками, произнесла длинную речь, суть которой заключалась в том, что она, Пэтси, в сущности не сделала ничего плохого. Марлон не произнес ни слова; просто сидел, опустив плечи, время от времени потирая красные глаза и проводя рукой по вспотевшему лбу.

На кухне стояла невыносимая жара – термостат отопления, похоже, был вывернут до упора. Кэрол хотелось снять теплый шерстяной джемпер, но Пэтси, похоже, не испытывала дискомфорта. Возможно, из-за худобы. Естественно бояться простуды, когда у тебя кожа да кости.

– Да, я бросила чайник, но, конечно, не в Мэнди. Боже мой, я не имела намерения обварить кипятком собственного ребенка. Хотя вы в департаменте по делам молодежи захотите представить это именно так… Вы рады нарыть хоть что-нибудь против меня.

– Рука Мэнди сильно повреждена, насколько нам известно, – сказала Кэрол.

Она пыталась игнорировать неприятное чувство, что вбивает клин в уже существовавшую трещину между Пэтси и ее дочерью Линн. Как и струйку пота, стекавшую между лопатками и по спине.

Пэтси пристально посмотрела на нее:

– Ведь это Линн меня выдала, так?

– Мне пришлось как следует на нее поднажать, так что выбора у нее не было. И, Пэтси, слава богу, что она все рассказала. Мэнди вот уже больше недели пропадает неизвестно где. Мы не можем закрыть на это глаза.

– У Мэнди много друзей. Она с кем-нибудь из них.

– Можно список? – попросила Ирен.

Как всегда, она сохраняла невозмутимость. Кэрол спросила себя, потеет ли Ирен вообще. Глядя на нее, трудно такое заподозрить.

– Я не знаю всех друзей Мэнди, – ответила Пэтси.

– Но хоть кого-нибудь из них?

– Вам лучше спросить Линн, ей известно об этом больше.

Кэрол курировала семью Аллард вот уже несколько лет. И ей хорошо было известно, что у Мэнди с друзьями дело обстояло плохо. Даже те немногие, кто мог таковыми считаться, были, скорее, не более чем одноклассниками, которые старались ладить с Мэнди, потому что боялись ее острого языка и мстительной натуры. Популярностью Мэнди не пользовалась, что и говорить. И Кэрол не раз поднимала с ней эту тему…

– Тебе следует быть добрее к людям, и они обязательно ответят тем же. Это работает. Правда.

– Меня все ненавидят.

– Это потому что ты никогда не пыталась.

– Что?

– Показать миру свое дружелюбие.

Ответом Мэнди был полный презрения взгляд.

– …Как вы думаете, где ваша дочь? – спросила Ирен. – У вас ведь есть какие-то соображения по этому поводу?

Пэтси пожала плечами:

– Где-то скрывается.

Ирен перевела взгляд на Марлона:

– Мистер Аллард, вы нам не поможете? У вас есть какие-нибудь соображения по поводу того, где может быть Мэнди?

Марлон вопросительно посмотрел на жену. Пэтси избегала встречаться с ним взглядом.

– Я не знаю, – пробормотал он.

– И вас это не интересует?

Тон Ирен стал резче. Кэрол знала, какой жесткой она может быть. Ирен не потерпит, чтобы Алларды водили ее за нос. Сидеть здесь, на душной кухне, и слышать в ответ на все вопросы «не знаю» – это для нее слишком.

– Должна вам сказать, нас такое положение дел не устраивает, – продолжала Ирен. – Мы поставим в известность полицию. Мэнди нужно найти. Она пропала и серьезно ранена. На улице холодно, и у нее, вероятно, мало или совсем нет денег. Мэнди в опасности. – Она встала. – То есть вы утверждаете, что не имеете ни малейшего понятия о том, где может быть ваша дочь?

Пэтси выдержала ее ледяной взгляд. Она была не из тех, кого легко запугать.

– Повторяю, с Мэнди ничего плохого не случилось. Я в этом уверена.

Кэрол тоже поднялась со стула:

– К сожалению, то, что происходит в Скарборо и окрестностях, не вселяет такой уверенности. На вашем месте, Пэтси, я бы обеспокоилась.

Пэтси презрительно посмотрела на Кэрол:

– Убийца с пустошей?

– Так его окрестила пресса. Но труп Саскии Моррис – не выдумки журналистов. Как и исчезновение четырнадцатилетней Амели

Голдсби.

– Это совсем другое дело, – возразила Пэтси. – Моя дочь сбежала после ссоры со мной. Которую, кстати сказать, сама и спровоцировала. Она обиделась, хочет отомстить мне и поэтому не появляется дома.

– Но факт остается фактом: Мэнди одна. Она беззащитна. И где-то рыщет извращенец, который может причинить ей вред. Мы должны сделать все, чтобы вернуть ее домой как можно скорее.

Тут вмешался Марлон. Только что смотрел в стол и вдруг поднял глаза на Ирен:

– Найдите ее, пожалуйста. Я очень волнуюсь. Ее рука действительно выглядела ужасно.

Он не осмелился оглянуться на Пэтси, взгляд которой был полон ненависти и презрения.

– Кто ваш семейный врач? – спросила Ирен. – Может, Мэнди обратилась к нему?

Ирен сама понимала, что вряд ли. При такой травме врач наверняка позвонил бы в департамент по делам молодежи.

– Я дам вам телефон, – сердито пообещала Пэтси.

– Хорошо, мы идем в полицию.

Куда угодно, лишь бы прочь из этой кухни, от этих людей.

Иногда Кэрол ненавидела свою работу.

*** * ***

Не то чтобы я признаю за собой вину, но Саския умерла тяжелой смертью. Все было испробовано, ей не раз давалась возможность примириться со мной, но она меня отвергала.

С каждой неделей, с каждым месяцем становилось только хуже. Поначалу мне казалось, что это нормально: она тоскует по родителям, плачет, не хочет принимать то, что я ей предлагаю. Но когда-то это должно было измениться. Она знала, что не вернется домой, ей было ясно об этом сказано. Этот вопрос она задавала мне с первого дня, каждый раз, когда мы виделись.

Когда я смогу вернуться домой? Когда я смогу вернуться домой? Когда я смогу вернуться домой?

Мне становилось все труднее контролировать себя, не называть ее неблагодарной сучкой. Мне хотелось, чтобы она меня полюбила; нужно было держать себя в руках, юлить, демонстрировать дружелюбие.

«Посмотрим», – был мой ответ. Или: «Если будешь себя хорошо вести, может, когда-нибудь мы навестим твою мать».

Но в какой-то момент, спустя восемь или десять недель, мне это надоело, и ей было сказано прямо: «Теперь твой дом здесь, у меня. Ты никогда больше не увидишь свою прежнюю семью, привыкай ко мне».

После ее прорвало. Если раньше Саския плакала время от времени, то теперь лила слезы безостановочно. Она рыдала и рыдала, стоило мне только приблизиться, и умоляла отпустить ее.

Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста…

Она могла часами повторять это слово, пока не оставалась одна, потому что терпеть это было невозможно. Тогда до меня стало доходить, что я ничего от нее не добьюсь.

Она не хотела меня. Не хотела нашей любви.

Мои визиты становились все реже. Надеюсь, понятно, почему? Что для меня означали эти встречи? Никто не вытерпит, если его постоянно отвергают. Быть с ней не доставляло мне никакого удовольствия. Так было с самого начала, но тогда еще теплилась надежда. Потом она погасла.

Заглядывая к ней через все бóльшие промежутки времени, я наблюдаю перемены не в лучшую сторону. Она плачет и умоляет все реже. Похудела. Иногда мне кажется, что она по несколько дней ничего не ест. Наверное, это из-за того, что есть ей нечего.

Внезапно меня охватывает стыд. Держать человека взаперти, обречь его на голод и жажду… Я делаю такое не в первый раз, но внутренний голос шепчет, что я поступаю нехорошо. Почему, в таком случае, она не хочет пойти мне навстречу? Она ранит меня своим отказом. Иногда сама мысль о том, чтобы пойти к ней, посмотреть в ее пустые глаза, невыносима, и я откладываю визит. На завтра, потом на послезавтра…

Я не хочу смотреть, как она с каждым разом становится все тоньше, прозрачнее. Как исчезает у меня на глазах.

Наконец я вообще перестаю к ней заглядывать.

Она пила воду из унитаза, теперь я знаю, и из бачка. Соскребала обои со стен и пыталась их есть. Рама входной двери исцарапана, на ней следы крови. Она вонзала ногти в дерево, царапала его, как кошка.

Она в отчаянии, но и я тоже.

Я тоже!

Мне тоже хотелось бы другого конца для этой истории. Я многим рискую. Жизнью, свободой, душевным спокойствием – всем.

Я рискую всем, каждый раз, но надежда еще теплится во мне.

Меня давно не было в подвале. Иногда хочется спуститься и посмотреть, что там, но я этого не делаю.

Возможно, все уже закончилось.

Суббота, 21 октября

Они в подвальном пабе, в Камдене, и каждый нерв Кейт натянут, как струна.

Ей не особенно нравится Камден, где жизнь так и кипит, особенно на площади. Проблема не в том, что Кейт не выносит, когда вокруг нее веселятся. Просто, поскольку она не может делать то же самое, чувство исключенности из человеческого общества усиливается. Это не ее праздник.

Но Колин Блэр выбрал этот паб на Камден-Хай-стрит, и ей нечего было предложить взамен. Что оставалось делать? Сказать: «Ой, мне там будет неуютно; я маленькая серая мышка и совершенно не умею веселиться, поэтому предпочитаю сидеть где-нибудь в темном углу, где не особенно ощущается контраст между мной и жизнью»? Скорее всего, после этого Колин отменил бы встречу. Или просто перестал бы выходить на связь и заблокировал Кейт в списке контактов.

Она проделала долгий путь с пересадкой, в Камден из Бексли. Вечер выдался дождливый, и на улицах не наблюдалось обычной для этого места суматохи. Но пабы были заполнены; люди отдыхали, смеялись, чокались бокалами. Кейт спустилась по лестнице, ступенек в двадцать, под кирпичный арочный свод, и устроилась в красном бархатном кресле рядом с барной стойкой, напротив мужчины, которого пыталась расслышать сквозь несмолкаемый гул в зале. Прямо над ее правым ухом бармен шумно смешивал напитки и звенел кубиками льда. Над головой висел телевизор, по которому шла музыкальная программа.

«Зачем я это делаю?» – спрашивала себя Кейт.

Но Колину Блэру как будто было вполне комфортно посреди шума. Кейт подозревала, что ему комфортно везде, потому что Колин Блэр в ладу с самим собой. Он считал себя выдающейся личностью, а потому был вполне доволен и собственной персоной, и жизнью. Идеальная спутница – вот единственное, по его словам, чего ему не хватало.

Кейт познакомилась с ним через uk.parship.com. Она зарегистрировалась там полгода назад, заполнила длинную анкету и

получила полный анализ личности, не открывший Кейт ничего нового. Она боялась сближаться с людьми, была замкнутой, возможно, из-за крайне низкой самооценки. Программа, впрочем, выразилась мягче – вместо «низкая самооценка» был употреблен другой оборот, – но суть сводилась к этому.

Кейт разместила на сайте фотографию, на которой выглядела довольно симпатичной, только лицо было немного не в фокусе. В общем, ее с трудом можно было узнать на этом снимке, и одно это многое о ней говорило. А именно, что эта женщина, по-видимому, не считает себя привлекательной, хотя, возможно, и не права.

Полгода программа подбирала ей мужчин на основании так называемых точек соответствия – совпадений, связывающих Кейт с тысячами и тысячами родственных душ. Несколько раз она ходила на свидания, и всегда очень волновалась. Кейт находила саму идею этих встреч, где обе стороны заранее знают, чего хотят друг от друга, ужасной, – но другого выхода из ситуации просто не видела. Она так и не решилась указать в анкете свою профессию, из опасения распугать немногих претендентов. Написала только, что работает в офисе. По информативности это соответствовало фотографии – не ответ, а прикрытие.

Тем не менее претенденты были, хотя ни один из них Кейт не понравился. Пара писем в обоих направлениях, потом встреча. При виде Кейт мужчинам едва удавалось скрыть разочарование. Большинство исчезали, едва успев осознать, что это и есть та женщина, с которой придется провести вечер. Некоторые прощались уже после аперитива. «Ужасно жаль, но я только сейчас вспомнил, что завтра мне предстоит провести сложную презентацию, а я еще не закончил с подготовкой… Но было приятно познакомиться с вами». Другие уходили в туалет и не возвращались, воспользовавшись служебным выходом и оставив Кейт наедине с официантами и счетом. Третьи вообще так и не появились. Одного из них Кейт прождала целый час в итальянском ресторане в Кенсингтоне, поминутно отвечая на вопросы официантов: «Хотите заказать что-нибудь? – Нет, спасибо. Я жду спутника…» Спутник не пришел, и Кейт стала объектом жалостливых взглядов персонала. Чтобы не доводить ситуацию до полной невыносимости, она заказала спагетти, которые сжевала без всякого удовольствия. Ужасно. Эта афера с сайтом знакомств только

усугубила проблему, еще ясней продемонстрировав, насколько низко Кейт котируется на брачном рынке. В результате она стала лишь еще больше зацикливаться на своих недостатках. Ну всё, это последний раз…

Кейт пошла на этот шаг, измученная одиночеством и тоской. Она давно перестала надеяться на судьбу. Так говорил отец, когда хотел ее утешить: «Придет время, и он обязательно тебе встретится, тот единственный, кто предназначен тебе, и только тебе. И кому предназначена ты». Но жизненный опыт говорил совершенно другое. Встреча двух близких по духу людей – чистая случайность. И даже в этом случае нет никакой гарантии, что все сложится.

В общем, Кейт решила подтолкнуть судьбу и зарегистрировалась на сайте знакомств. Наверное, это была безумная идея…

– А ты чем занимаешься? – услышала она голос Колина.

Он уже добрых полчаса говорил только о себе, без знаков препинания. Что занимается разработкой программного обеспечения, при этом так и сыпал терминами, которых Кейт никогда раньше не слышала. Без Колина Блэра компания не могла бы просуществовать ни дня – к этому выводу сводился смысл его длинной речи.

Кейт вздохнула, но признаться, что работает в полиции, не успела. Колин помахал официанту:

– Мне еще одно пиво, пожалуйста. – Только теперь он заметил, что бокал Кейт тоже пуст. – Тебе тоже?

– Да, и мне одно, пожалуйста.

– Счет разделим поровну, согласна? Пиво здесь замечательное. Мне очень нравится этот бар. Почти всегда приглашаю женщин сюда.

Он уже забыл, что задавал вопрос о ее профессии. Что ж, может, оно и к лучшему. Кейт сама не знала, почему так трудно признаться, что она работает в лондонской полиции. Наверное, все дело в страхе перед ответной реакцией, которую она могла с точностью до фразы предугадать заранее. «Правда? Боже мой… Честно говоря, я по-другому представлял себе женщин-полицейских». Каждый раз это ощущалось как удар в солнечное сплетение.

Колин махнул рукой:

– Я давно потерял им счет. Просто не вижу смысла в бесконечной переписке. Чтобы что-то получилось, нужно хотя бы раз увидеть друг друга в реальной жизни, понимаешь?

«В этом он прав», – подумала Кейт. Ей сделалось грустно. Пока она просто обменивалась электронными письмами с мужчинами, все шло хорошо. И стремительно летело под откос после первой же встречи. Колин, наверное, тоже не захочет второй. Но он до сих пор не сбежал, по крайней мере…

– Я пользуюсь популярностью, – самодовольно добавил Колин.

«Он действительно неплохо выглядит, – отметила про себя Кейт. – И, конечно, выложил на сайте всю правду». В отличие от Кейт, он вполне узнаваем на снимке. Возраст – сорок пять лет, вес – восемьдесят два килограмма. Кейт ни на минуты не усомнилась, что так оно и есть. Колин не стал бы жульничать, для этого он слишком высокого о себе мнения. Таким, как он, это не нужно.

– Зачем ты выложила на сайт такую нечеткую фотографию? – спросил он. – Я не мог составить о тебе никакого представления. За исключением того, что… – Кейт напряглась в ожидании удара, – …что у тебя довольно хорошая фигура, – продолжил Колин. – Мне нравятся стройные женщины. По-моему, ты вполне можешь носить что-нибудь более облегающее.

Кейт почувствовала, как вспыхнули ее щеки. На мгновение задумалась, когда в последний раз слышала комплимент от мужчины. Никогда, пожалуй, если не считать отца, но он совсем другое дело. Для него Кейт оставалась красавицей и в худшие моменты жизни.

Внезапно хвастливый Колин перестал казаться таким неприятным. Конечно, он шумный и самодовольный, но есть и хорошие стороны.

– Ты действительно так думаешь? – спросила она.

– Конечно. Тебе…

– Сорок два. – Кейт указала эту цифру в профиле.

– Все правильно, сорок два. В этом возрасте многие женщины начинают расти вширь.

– Мужчины тоже.

– Да, и с этим надо что-то делать. Я хожу в спортзал минимум четыре раза в неделю. А ты?

– Я бегаю.

– Отлично! Я, знаешь, люблю поесть. А тому, кто любит поесть, приходится…

Последовал длинный монолог с описанием его спортивных достижений. Колин не упустил возможности подчеркнуть, как выделяется среди прочих посетителей тренажерного зала идеальным мышечным рельефом, энергией и мощью. Кейт снова взгрустнулось. Хорошо, что этот парень не считает ее уродиной и, похоже, не собирается прерывать свидание раньше времени. Но то, что этих двух пунктов было достаточно, чтобы Кейт включила его в шорт-лист, было признаком ее полной безнадежности в вопросе отношений с противоположным полом. Нужно раз и навсегда оставить эти потуги и смириться наконец с одинокой жизнью. Есть в этом и хорошие стороны. Лучше завтракать в одиночестве в течение еще сорока с лишним лет, чем каждое утро слушать болтовню Колина Блэра.

– Кстати, о еде, – вдруг вспомнил он. – Я голоден. – Показал на меню. – Здесь отличные стейки.

Да, и это тоже…

– Я возьму салат.

– Думаешь о фигуре, да? Что ж, ты права.

Колин бегло просмотрел меню и заказал стейк для себя и салат для Кейт.

– Мы ведь поделим счет, правда?

Он раздражал ее все больше.

– Если тебя это так беспокоит, я одна заплачу за все.

Но Колин не был бы Колином, если б клюнул на это предложение, старательно игнорируя иронический тон.

– Отлично! Спасибо, это вполне в духе нашей эмансипированной эпохи… Вы тоже должны иногда за что-то платить.

– Ясное дело, никто не дает избирательное право просто так.

Колин рассмеялся, как будто в жизни не слышал более смешной шутки.

– Вижу, у тебя правильный настрой… Ты мне нравишься, Кейт. С тобой приятно общаться.

Он называл это общением. До сих пор Кейт только слушала.

Принесли заказ. Кейт безуспешно пыталась насадить на вилку лист салата, когда вдруг услышала *его* имя. Телевизор – и в нем Калеб Хейл.

Кейт подняла глаза. Музыкальная программа закончилась, начались новости. На экране появились знакомые виды Скарборо.

Колин собирался произнести очередной монолог, когда Кейт его оборвала:

– Помолчи, пожалуйста.

Он чуть не подавился стейком.

Кейт встала, подошла к барной стойке и впилась глазами в экран. За нестихающим гулом она вполне разбирала, что он говорит:

– Честно говоря, я почти не рассчитывал на такой удачный исход…

Старший детектив Хейл подчеркнул, что до сих пор нет конкретных указаний, что произошло с девушкой. Амели Голдсби еще не допрашивали, она в больнице со вчерашнего вечера.

Экран заполнила фотография улыбающейся Амели. Та самая, которая была в газетах.

– Невероятно, – прошептала Кейт. – Она вернулась…

Бармен кивнул:

– Это просто чудо. Случайный прохожий вытащил ее из воды.

Похоже, бармен смотрел программу с начала.

– Вытащил из воды? – переспросила Кейт.

– …Все еще нельзя исключать связь с делом Саскии Моррис, чье тело было найдено на прошлой неделе, – сообщил ведущий.

Снова кадры Скарборо. Вид с воздуха. Две большие бухты – характерный рельеф местности.

– Существование так называемого Убийцы с пустошей все еще не доказано. Неясно также, имеет ли он какое-либо отношение к исчезновению Амели.

– Похоже, упала с причальной стены на набережной, – предположил бармен, – во время прилива.

Кейт кивнула. В прилив уютные пляжи Скарборо превращались в кусочек моря, которое высокими волнами обрушивалось на побережье. Местами город защищала мощная каменная стена.

– Был шторм, – продолжал бармен. – Волны. Она бы утонула, если б этот парень ее не схватил.

– Но как получилось, что она упала?

Это было не так просто. Если только подойти к самому краю стены, которая, наверное, стала скользкой от дождя. Но это значило искушать судьбу. Амели выросла в Скарборо, она не сделала бы ничего подобного.

С другой стороны, кто знает, через что ей пришлось пройти…

– Понятия не имею, как такое могло получиться, – бармен пожал плечами.

Калеб Хейл стоял в окружении репортеров на ступеньках отделения полиции. Что он говорит, было не слышно. Наверное, пока толком ничего не известно. Но его перекрыл голос за кадром:

– Многое будет зависеть от того, что скажет Амели Голдсби в ближайшие несколько дней.

«Правильный комментарий», – мысленно одобрила Кейт.

Ей было больно видеть Калеба Хейла. Особенно имея за спиной ужасного Колина Блэра…

– Ты собираешься возвращаться к столу? – Обиженный Колин подошел и тоже уставился на экран. – Почему тебя так заинтересовала эта история?

«Если б ты дал мне возможность вставить хоть слово, наверняка уже знал бы, что я из Скарборо, – подумала Кейт. – Возможно, я даже успела бы рассказать о том, что случилось с Голдсби».

Она устала от его длинных самовлюбленных речей. Но сквозь это притупляющее чувство пробивалась светлая, перекрывающая все остальное радость: Амели вернулась. Почти неделю спустя после исчезновения.

– Слава богу! – с чувством воскликнула Кейт.

– Что?

Она помахала официанту:

– Счет, пожалуйста.

– Минуточку! – запротестовал Колин. – Мы еще не начинали есть!

– Я не голодна. Разумеется, я все оплачу, как и обещала. – Кейт выложила на стол несколько фунтовых купюр.

Колин чуть не задохнулся от возмущения:

– Это… уму непостижимо! Что ты себе позволяешь?

– Ты получил бесплатную еду и напитки. Можешь считать, что вечер прошел удачно.

Ей хотелось домой. Можно будет позвонить Калебу, Деборе Голдсби. Следить за новостями в интернете. Не исключено, что будет еще информация. Самовосхваления Колина Блэра здесь явно лишние.

Он схватился за голову:

– Уму непостижимо… просто не могу поверить!

Оставив его стоять посреди зала, Кейт, огибая столики, направилась к лестнице. На улице полной грудью вдохнула влажный холодный воздух. И только теперь заметила, что пропотела насквозь. Из-за духоты, конечно. Но и от волнения тоже.

Не исключено, что Амели действительно пряталась от родителей. Если же случилось худшее, то ее возвращение можно считать чудом.

«Совершенно безумная история», – подумала Кейт.

Воскресенье, 22 октября

1

Спасителя Амели Голдсби звали Алекс Барнс. Местная пресса уже провозгласила его героем. Именно он на набережной Кливленд-уэй вырвал девушку из лап бушующей стихии.

В этом месте море билось о причальную стену, дополнительно защищенную высоким металлическим забором. Предположительно, с нее девушка и упала, предоставив матери ломать голову над тем, как это могло произойти. Только не случайно – такое представлялось совершенно невозможным. Кто-то подтолкнул ее. Или же Амели прыгнула сама. Последняя версия повергала Дебору в ужас.

Был поздний вечер, холодный и дождливый, поэтому на улицах почти не было людей. Тем более на Кливлендуэй, один вид которой в скудном освещении отбивал любую мысль о прогулке. Дождь и холодные морские брызги. С одной стороны – штормовое море, с другой – холм, пересеченный ведущей в город тропинкой. Канатная дорога не работала. Исходя из человеческой логики, никто не мог расслышать крики Амели о помощи сквозь грохот прибоя. Но спаситель явился, даже двое. Амели повезло больше, чем можно было представить.

Решающую роль сыграл Алекс Барнс.

– Я услышал крики, – рассказывал он полицейским в машине «скорой помощи», мокрый и замерзший, с одеялом на плечах, глотая горячий чай с большим количеством сахара. – Крики о помощи. Поначалу я не понял, что это, – слишком громко грохотало море. Но потом ясно разобрал человеческий голос, будто кто-то зовет на помощь. Я посмотрел вперед, оглянулся назад – никого. Тогда я подошел к стене и увидел руки. Она висела с той стороны. Держалась из последних сил. Казалось, еще мгновение – и сорвется…

Молодая девушка. Алекс Барнс не знал, что это объявленная в розыск Амели Голдсби. Он схватил мокрые ледяные ладони, которыми она с почти нечеловеческим усилием цеплялась за скользкий камень.

Волны обрушивались на стены, угрожая унести девушку с собой. Алекс лег на живот и просунул руки сквозь прутья металлического забора. Именно эти прутья мешали ему перетащить девочку через стену. Кроме того, худенькая, миниатюрная Амели оказалась на удивление тяжелой. Похоже, дело было в морской воде, которая пропитала ее одежду и прибавила веса. Так или иначе, вытащить Амели не получилось. В тот момент Алекс думал только о том, сколько еще сможет удерживать ее. Он отпустил ее руку – Амели вскрикнула от ужаса, – вытащил из кармана телефон, но не смог ухватить его окоченевшими пальцами, и телефон соскользнул в воду.

– Нужно продержаться еще немного! – крикнул он ей сквозь рев прибоя. – Кто-нибудь обязательно придет!

Тогда Алекс Барнс совсем не был уверен в том, что говорил. Просто ему было нужно успокоить девушку. Между тем сам он уже чувствовал первые признаки надвигающегося панического страха. Кто может прийти сюда в такой вечер? Вода лила с Алекса ручьями. Волны хлестали через стену. Пальцы окоченели, мышцы ощущались как готовые лопнуть пружины.

Внутренний голос говорил ему, что это не может продолжаться всю ночь. Но сдаться означало обречь девушку на гибель.

Чудо произошло спустя полчаса. На набережной появился еще один мужчина. Он возвращался домой из гавани, где проверял, прочно ли причалены его лодки. До того мужчина выпил, поэтому оставил машину дома. Мужчина не мог не заметить Барнса – и тут же сменил его, чтобы тот смог размять сведенные судорогой замерзшие пальцы.

Потом Алекс сменил незнакомца, а тот достал мобильный и вызвал полицию и «скорую помощь». К моменту их прибытия Амели удалось даже перетащить через забор. Девушка была без сознания.

Теперь Алекс Барнс стоял посреди гостиной в доме Голдсби, и Деборе хотелось поцеловать ему ноги. Джейсона тоже переполняло чувство благодарности. Этому человеку они были обязаны жизнью единственного ребенка.

– Нет-нет… – смущенно повторял Алекс Барнс. – Благодарите того, кто спас нас обоих.

– Вы – тот, кто продержался до его появления, – возразила Дебора со слезами на глазах. – То, что вы сделали, превосходит человеческие возможности. Мы очень вам благодарны.

Алекс Барнс, тридцать один год, безработный. На Дебору он произвел впечатление умного молодого человека, не умеющего справиться с собственной жизнью. Алекс много учился – курсы, семинары, мастер-классы, – но ничего не закончил. Жил в Скарборо, в маленькой квартире, в районе, застроенном, насколько было известно Деборе, старыми обветшавшими домами. Денег у него не было – об этом свидетельствовала и одежда, и обувь, и волосы, которых давно не касалась рука парикмахера.

Полиция хотела знать, как Алекс Барнс оказался на набережной тем штормовым вечером. Дебора, конечно, не присутствовала на допросе, но инспектор Хейл говорил ей, насколько важно это прояснить. И что-то в его тоне выдавало настороженное отношение к Барнсу, при всем уважении и признании его героического поступка. «Все могло быть так, как он говорит, но и совсем по-другому», – заметил Калеб.

– В чем они его обвиняют? – возмущенно спросила Дебора мужа.

Но Джейсон взял сторону полиции:

– Они должны всё проверить, это их работа. Пока Амели не может говорить, всё, что у нас есть – его слова. И она не могла упасть в воду в этом месте. Там забор.

Пока Амели не может говорить… В том-то и проблема, что до сих пор Амели не произнесла ни слова. Она лежала в больнице, все еще в шоке после сильного переохлаждения, и молчала. Она даже не отреагировала на мать. Дебора несколько часов просидела у постели Амели, и та на нее даже не взглянула. Женщина появилась дома только для того, чтобы принять душ, переодеться и поблагодарить Алекса Барнса.

По словам врачей, физическое состояние Амели вполне удовлетворительное. Судя по всему, она не жила на улице и не голодала. Единственное, что смущало Дебору: у дочери была половая связь. Когда, медикам выяснить не удалось.

– Этого не может быть! – ужаснулась Дебора. – У Амели нет парня. Я бы знала об этом.

По лицам врачей и полицейского, присутствовавшего при разговоре, она легко угадала их мысли: иногда родители узнают о таких вещах последними.

– Может, все-таки есть? – робко возразил Джейсон, когда они опять остались одни.

Он упорно держался за эту версию. Остальное было слишком ужасно.

– Что, если это и есть причина ее исчезновения? Не Убийца с пустошей, или как там его, а просто приятель, к которому она сбежала, чтобы не ехать в Шотландию.

– И в итоге прыгнула в море?

– Любовь… Возможно, что-то пошло не так. В этом возрасте каждое любовное разочарование – конец света.

Деборе тоже нравилась эта версия, но она почему-то в нее не верила.

Так или иначе, невозможно было представить Алекса Барнса в роли преступника, даже если Дебора не вполне его понимала. После некоторой заминки он признался, что возвращался из пиццерии, где подрабатывает официантом. Проблема заключалась в том, что Барнс делал это неофициально, продолжая получать пособие по безработице.

В пиццерии его слова подтвердили, тоже не без заминки.

Почему он выбрал именно этот путь в такую погоду? Потому что любит море. Он всегда возвращается домой по набережной.

Это хороший крюк. Одно дело – летом, когда тепло. Но поздней осенью, в шторм…

По крайней мере, показания другого мужчины, подоспевшего на помощь Алексу и девушке, вполне укладывались в эту схему. Алекс действительно лежал на краю стены и держал Амели за руки. На пределе сил, как утверждали потом медики.

– Зачем ему было спасать ее, если он преступник? – спрашивала Дебора. Ей хотелось сохранить героический образ Барнса незапятнанным.

Исполненный благодарности, Джейсон снова и снова пожимал Алексу руку:

– Спасибо, от всего сердца. Понятно, что этот долг нам не оплатить, но, может, хоть в какой-то мере…

– Нет-нет… Вам не за что благодарить меня. Я имею в виду… любой на моем месте поступил бы так же. Если б вы услышали, что молодая девушка взывает о помощи, и увидели бы, в каком положении она оказалась… мимо такого пройти невозможно.

– Вы положили конец нашему кошмару, – сказала Дебора, утирая слезы.

Это было то, что они чувствовали. Кошмар вдруг рассеялся, подобно туману, и в их жизнь вернулось солнце. Дебора все еще пребывала в оцепенении и никак не могла освоиться с этим. Возможно, каким-то отдаленным уголком мозга она предчувствовала, что это никогда не закончится. Что истекшая неделя навсегда изменила их жизнь, и та никогда уже не станет прежней. Даже если в дом вернется покой, это будет покой после бури – хрупкий, настороженный.

– Наш дом – ваш дом, – сказал Джейсон. – Помните, что здесь вам всегда рады. Вы можете смело обращаться к нам, если потребуется материальная поддержка или другая помощь. Нам важно как-то выразить свою благодарность.

– Я рад, что сумел помочь… – повторял в ответ смущенный Алекс. – Это естественно… никто на моем месте не прошел бы мимо. Я надеюсь…

– На что? – спросила Дебора, когда Алекс запнулся.

– …Что в скором времени вы узнаете, что произошло. Нужно навести ясность, прежде чем делать выводы.

2

– Что вы думаете об Алексе Барнсе? – спросил Калеб Хейл.

Он стоял у окна, когда вошел детектив-сержант Роберт Стюард. Калеба совершенно измотала прошедшая неделя, но это с лихвой компенсировалось глубоким облегчением. Слава богу, не очередная смерть! Что бы там ни пережила Амели Голдсби, она вернулась к родителям.

Алекс не мог считать это возвращение своей победой. Утверждать, что это он вернул ребенка родителям, на этот раз было бы неправдой. Амели либо отпустили, либо не похищали вовсе. Не исключено и то, что ей удалось бежать. Так или иначе, ничего не прояснится, пока она не даст показания.

До сих пор Амели не произнесла ни слова. Обессиленная, с сильным переохлаждением, она была доставлена в больницу. Доктора

утверждают, что ее тело с этим справится. Что же касается души, время покажет.

Выходные прошли в запарке. Калеб беседовал и с обоими спасителями Амели. Разумеется, с Алексом Барнсом, которого онлайн-версии местной прессы наперебой прославляли как бесстрашного героя, но и с другим мужчиной, подоспевшим Барнсу на помощь в критический момент.

Причины, по которым эти двое оказались в нужном месте в нужное время, выдержали первоначальную проверку. По крайней мере, в той части, как они вообще оказались на улице в такую погоду. Но в обоих случаях Калеб не вполне понимал, почему тот и другой выбрали путь вдоль моря.

Сержант Стюард, которому тоже пришлось отказаться от всякой мысли о спокойном воскресном дне перед телевизором, вошел в кабинет и закрыл за собой дверь.

– Барнс, наш герой? О чем вы?

– Думаете, он действительно настолько любит море? Путь через город значительно короче. Тем более в такую погоду.

Роберт задумался:

– Он сказал, что всегда возвращается из пиццерии этой дорогой. Именно потому, что ему хочется немного прогуляться. Что-то вроде вечернего моциона. Вполне правдоподобно, вы не согласны?

– В такую погоду? – с нажимом повторил Калеб.

– Я бегаю в любую погоду, если позволяет время.

– Хм-м… Тот, кто подоспел ему на помощь, Дэвид Чапленд, застал Барнса лежащим на животе и держащим Амели за руки. Хотел ли он ее вытащить? Может, наоборот, избавиться от нее, когда ему помешали?

– А что с самим Чаплендом? – спросил Роберт. – Он тоже оказался в странном месте в странное время.

– Да, и он тоже… – Калеб обвел в кружок имя, записанное на листе бумаги. – Дэвид Чапленд. Руководит туристическим агентством – парусные туры по всей Европе. По его собственным словам, возвращался из гавани, где проверял, надежно ли пришвартованы лодки. Беспокоился из-за шторма. Лодки есть, проверено. Самого Чапленда в гавани никто не видел, но это неудивительно, с учетом

обстоятельств. Чапленд пошел в гавань пешком, из дома на Си-Клифф-роуд. На машине рукой подать, а так…

– Чапленд выпил, потому что поначалу не собирался никуда ехать. Поэтому и пошел пешком.

– Слишком идеально все складывается, вы не находите?

– О чем вы? – не понял Роберт.

– Ну… по словам коллег, беседовавших с Чаплендом на месте, он не был особенно пьян. Две бутылки пива – это похоже на правду. Большинство людей сели бы за руль после двух бутылок пива, тем более с учетом небольшого расстояния и под проливным дождем.

– Два пива – тоже алкоголь. Он не хотел рисковать.

– Но почему в обратный путь он пустился по набережной? По верху, через парковую зону, разве не короче?

– Разница не такая большая, как он сам объяснил. И дорога вдоль моря приятнее. Некоторым оно нравится именно таким – темным, неспокойным, с высокими волнами… Чапленд моряк, не вижу здесь особой странности.

Калеб задумался. Очень может быть, Роберт прав, и он, Калеб, находит подозрительными безобидные привычки других людей только потому, что на их месте повел бы себя иначе. Тут, конечно, сыграла роль полнейшая непроницаемость преступления – ни единого просвета. Если, конечно, преступление вообще было.

– Ее кто-то толкнул, или же она прыгнула намеренно, – сказал он. – Там невозможно упасть случайно. Разве если влезть на стену и балансировать на парапете, чего ни один нормальный человек делать не станет.

Роберт развивал теорию несчастной любви:

– Эту неделю она провела точно не на улице. Значит, была с кем-то. Держу пари, с парнем. Родители, конечно, понятия о нем не имеют, но это обычное дело. Кончилось тем, что они поссорились, или она поняла, что он ее не любит, или что-нибудь еще в этом роде… В общем, она решила покончить собой и убежала. Прыгнула в море…

– …и тут же вцепилась в стену набережной?

– И в этом нет ничего удивительного, – продолжал Роберт. – Отключить инстинкт самосохранения не так просто. Вид черной ледяной воды привел ее в чувство.

– Возможно, – согласился Калеб.

Действительно, версия Роберта Стюарда выглядела правдоподобной. В таком случае никакой связи между Амели Голдсби и убитой Саскией Моррис не существовало, что значительно упрощало дело. Не было и серийного убийцы… И все же чем-то Калебу не нравился этот Алекс Барнс. Чувствовалось в нем что-то неприятное… расчетливость, что ли?

Все зависело от того, заговорит ли наконец Амели Голдсби.

Понедельник, 23 октября

1

Сырое, неприветливое утро. Почему октябрь вдруг стал таким темным, промозглым и… осенним? Почти как ноябрь.

Поначалу она поселилась у Кота. Она не знала его настоящего имени, Кот и Кот. Наверное, потому что у него было так много кошек.

Кот жил в подвале старого, развалившегося дома в центре города. На что – оставалось загадкой, но точно не работал. Однажды она спросила его об этом, и Кот рассмеялся. Посоветовал не задавать так много вопросов. Возможно, он воровал. Или продавал гашиш. Так или иначе, он его курил и даже экспериментировал с более сильными наркотиками.

Мэнди встретила его на уличном празднике, где была с друзьями. Потом поддерживала случайное знакомство в «Вотсаппе». Время от времени они договаривались где-нибудь встретиться, но обязательностью Кот не отличался. Иногда приходил, чаще – нет.

Мэнди часто жаловалась ему на свою семью, потому что это действительно было невыносимо. Мать – ходячая молния. Сестра уступчива до омерзения. Линн очень важен покой в доме, иногда Мэнди ее ненавидела.

Отец – пустое место. Слабак – самое мягкое, что можно сказать о нем. Вечно рот на замке, глаза в стол. Он молчал, когда мать на него кричала. Мэнди никогда не видела, чтобы он сопротивлялся. Похоже, просто не знал, как это делается. Только и умел, что пожимать плечами и ждать, когда стихнет буря.

История с чайником стала последней каплей. Мэнди понимала, что спровоцировала мать. Просто вдруг захотелось скандала, и мать идеально подходила в качестве объекта нападения. С Линн и папой поссориться невозможно. Другое дело – с матерью, с ней можно схлестнуться насмерть. Мэнди побаивалась ее, но и уважала больше остальных.

И все-таки с чайником мать зашла слишком далеко. Она никогда особенно не церемонилась, в детстве Мэнди постоянно ходила с синяками. Один раз мать вырвала у нее клок волос, другой – сломала руку. Но кипяток… Последствия грозили привлечь слишком много внимания. Мэнди даже думать боялась, что могло бы стать с ее лицом, если б вода попала на него.

С рукой тоже все достаточно плохо. Вместо мышц – красная сочащаяся масса. Наверняка останутся шрамы, и все-таки это рука… С лицом была бы настоящая катастрофа.

Вот почему Мэнди сбежала. Она была в ужасе. И в ярости. Она действительно хотела, чтобы мать испугалась и задумалась. Поняла, что зашла слишком далеко, потому что история с чайником может навлечь на семью большую беду. В школе, конечно, заметят, что Мэнди пропала, и, поскольку Алларды считались проблемной семьей, немедленно уведомят департамент по делам молодежи. Кэрол Джонс начнет расследование. Милашка Кэрол, такая энтузиастка и оптимистка… Иногда Мэнди бывала с ней груба, но Кэрол никогда не отвечала тем же. Мэнди просто не понимала таких людей. Ладно, в случае Кэрол это не более чем профессионализм. Их учат этому – не поддаваться на провокации и всегда сохранять невозмутимый вид…

Мэнди прошла полгорода с рукой, обвязанной полотенцем. Ужасная боль добавляла злобы. Далеко не сразу она задумалась над тем, куда идет. Популярностью Мэнди не пользовалась, и друзей у нее не было.

«Будь добра к людям, и они ответят тем же», – говорила Кэрол. Банальная мудрость… Звучит неплохо, но вряд ли работает. Во всяком случае, будет сложно заставить ее работать. Будь добра к людям! Легко сказать. Никто никогда не был добр к Мэнди, откуда же взяться добру в ее душе? Ну, а потом все это раскручивается, как по спирали, и ты уже не в силах ничего сделать. Остается смириться с тем, что так уж сложилась жизнь.

Утром Мэнди переписывалась с Котом в «Вотсаппе» – просто посылали друг другу «сердечки». Этим до сих пор ограничивалось их общение – «сердечки», «розочки», «поцелуи». Безобидная игра.

Кот сидел на матрасе, курил косяк и доброжелательно смотрел на Мэнди. Вокруг него разлеглось десятка два кошек. Любой бездомный мог найти у него кров и пищу.

Внешне Кот вполне оправдывал свое прозвище – черные волосы до плеч, пронзительные зеленые глаза. Мэнди с порога спросила, может ли у него остаться. Конечно, может, ответил Кот.

Она прожила у него восемь дней. Курила «травку», что не вызвало никаких особенно острых ощущений, ночами обнималась с кошками и, как могла, лечила руку, походившую местами на кусок красного сырого мяса.

– Как бы не пошла инфекция, – волновался Кот.

Ему удалось раздобыть гель для лечения ожогов. Мэнди подозревала, что он слабоват для ее случая, но была рада и этому. Боль чуть отпустила, а с ней и страх. Мэнди каждый день меняла повязки, чтобы рана оставалась чистой. Беспокоил нехороший, гнилостный запах.

– Тебе нужно к врачу, – сказал Кот.

– Мне четырнадцать, – ответила Мэнди. – Думаешь, врач не станет задавать вопросы? Кончится тем, что они доберутся до моей матери.

– И что? Твоя мать заслужила наказание.

– А я? Что ждет меня, ты не подумал? В конце концов департамент по делам молодежи объявит, что они не могут оставить меня в этой семье. И я окажусь в каком-нибудь сраном приюте или у приемных родителей.

Мэнди очень нравилось с Котом, хотя она и плохо представляла себе, куда может завести такая жизнь. Днями напролет они валялись на матрасах в подвале. Иногда ходили к морю, но расслабиться на прогулке у Мэнди не получалось. Уж очень она боялась попасться на глаза кому не надо. Она не знала, ищут ли ее и как далеко зашли поиски. Встретить на берегу родителей или Линн маловероятно, они туда не ходят. Другое дело – Кэрол, учителя или одноклассники. Здесь риск велик. Только в подвале Мэнди чувствовала себя в безопасности, хотя по временам бывало тоскливо.

На восьмой день Кот объявил, что одна из его подруг хочет приехать на недельку, две или три, и было бы лучше, если б Мэнди на это время подыскала себе другое убежище.

– Кажется, она ревнует, – добавил он, ухмыляясь.

– У тебя с ней что-то есть? – встревожилась Мэнди.

Кот – совершенно не ее тип мужчины, при этом ей почему-то не нравилось, что рядом с ним будет другая женщина.

Оказалось, у Кота с ней давние отношения. Просто женщина странствует по миру и, как только оказывается в Скарборо, первым делом объявляется у него. Он не мог сказать, как долго она пробудет, – две недели, четыре… Может, больше. Так уж получилось, что ее приезд совпал с резкой переменой погоды и внезапным наступлением осени.

Кот дал Мэнди гель от ожогов, пять рулонов бинта и сотню фунтов. Она оценила его великодушие – денег у Кота было не так много.

Так Мэнди снова оказалась на улице. Ей хотелось плакать. Она знала, что самым правильным в этой ситуации было бы вернуться домой. Мэнди достаточно напугала родителей, и ей требовалась медицинская помощь. Но почему-то такой ход событий представлялся ей равносильным поражению. Признанием того, что она проиграла.

Следующую неделю Мэнди провела в сарае на окраине города. Он стоял в самом конце большого сада, позади дома, владельцы которого, по-видимому, были в отъезде. Во всяком случае, ставни были закрыты, и дом не подавал признаков жизни.

Сарай же оказался не заперт. Там хранились садовые инструменты и несколько сложенных шезлонгов, на которых можно хорошо выспаться. Было холодно, но в сарае обнаружились и одеяла. Даже спиртовка. Мэнди купила спирта, спички и еды в консервных банках, которую можно было разогреть. Рука болела. Мэнди продолжала ее лечить, хотя и знала, что долго не продержится.

Однажды вечером в дом приехали люди. Мэнди дремала в шезлонге, свернувшись калачиком, когда услышала, как подъехала машина. Потом послышались голоса. Хлопанье дверей. Мэнди резко села и посмотрела на дом. Ставни были открыты, внутри горел свет.

Кто бы они ни были, они вернулись.

Мэнди не ждала, что хозяева той же ночью побегут осматривать сарай, поэтому осталась, где была. Только разогревать еду не рискнула – спиртовка могла ее выдать. Содержимое очередной банки съела холодным. Тогда ей казалось, она достигла самого дна, ниже некуда.

Но в холодное утро понедельника, когда туман снова выполз из моря и окутал дома и улицы, Мэнди поняла, что вчерашний вечер был

не последней точкой падения. Теперь она лишилась крыши над головой и не могла исключить, что опустится еще ниже.

Спиртовку и спички Мэнди забрала с собой. Накинула на плечи шерстяное одеяло. Рука болела. У нее оставались две банки равиоли и шестьдесят фунтов.

Она брела по обочине дороги, сама не зная куда. Трасса была не особенно оживленной, но Мэнди непременно забрал бы первый попавшийся полицейский патруль. Несовершеннолетняя, явно школьница, и выглядит как бродяга – со спутанными волосами, рюкзаком и одеялом на плечах. Нужно срочно где-то остановиться, осесть. Она привлекает слишком много внимания.

«Может, это к лучшему, – шептал внутренний голос. – Тебе нужна помощь, ты не выживешь одна».

Сдаться? Но это совсем не в духе Мэнди.

Однажды на соревнованиях Мэнди бежала до полного изнеможения. Чувствовала, как закипает кровь, понимала умом, что нужно остановиться, но не могла. Это не срабатывало. В конце концов у нее потемнело в глазах, и Мэнди потеряла сознание. Очнувшись, увидела над собой обеспокоенное лицо учительницы физкультуры.

– Почему ты не остановилась? – спросила та. – Ты шаталась из стороны в сторону, я кричала тебе, но ты продолжала бежать.

– Я не могла, – ответила Мэнди.

То же и сейчас. Она не могла. Мэнди крепилась почти две недели, и все это пойдет насмарку, если она вернется домой. Усмехающееся лицо матери… Пэтси сумеет насладится триумфом. Тут, конечно, объявится Кэрол и станет спрашивать, не желает ли Мэнди в другую семью. Нет, не желает. В доме Аллардов ужасно, но там по крайней мере не ходят по струнке. Мэнди может исчезать и возвращаться, когда ей заблагорассудится, и никого не волнует, чем она занимается. В приемной семье все будет по-другому – согласно представлениям Мэнди, по крайней мере. Прием пищи строго в определенное время, свои часы для сна, танцев… Одна лишь мысль о дисциплине заставила Мэнди содрогнуться.

Разумеется, бесконечные скитания не выправят ситуации. Вмешательство полиции с каждым днем все более вероятно. Рано или поздно все как-то разрешится. Можно объяснить Кэрол, что именно

страх перед ее ведомством мешал Мэнди вернуться домой. Может, тогда она оставит ее в покое…

Погруженная в размышления, Мэнди не заметила, как сзади приблизилась машина. Позже она объясняла это тем, что туман заглушил шум двигателя, но в тот момент подпрыгнула от неожиданности, когда рядом затормозил темно-синий автомобиль. Стекло опущено. Мэнди посмотрела в лицо мужчины лет тридцати. Темно-русые волосы – симпатичный. Определенно не похож на человека, способного причинить боль.

– Проблемы? – спросил он.

– С какой стати у меня должны быть проблемы? – огрызнулась Мэнди.

Это была не полицейская машина, но полицейские тоже иногда ездят в обычных. Так что Мэнди оставалась настороже.

Он рассмеялся:

– А ты колючая… Я не навязываюсь. Просто подумал, что тебе нужна помощь.

Мэнди хотела ответить очередной грубостью, но остановилась. Мужчина прав: ей нужна помощь. Денег Кота хватит ненадолго, где тогда брать бинты и еду?

– Даже если так, – ответила она.

Мужчина снова рассмеялся. Мэнди не понимала, что в этом смешного.

– Я мог бы взять тебя с собой, – сказал он. – Выпьем где-нибудь кофе, и ты расскажешь, что случилось.

«Кофе» звучит хорошо. Просто фантастически.

Но что-то мешало Мэнди довериться ему. Она слышала, что нельзя садиться в машину к незнакомым людям. Парень производил впечатление совершенно безобидного существа, но разве не все маньяки таковы?

– Где мы будем пить кофе?

Он пожал плечами:

– Где хочешь.

– Не знаю даже…

Ее, конечно, уже ищут. В кафе тем более опасно.

– Из дома сбежала? – спросил мужчина. – Кафе – это недешево, понятно. Но я приглашаю тебя к себе.

Она не ответила.

– Я тебя приглашаю, – повторил он. – Можешь поехать с мной, если хочешь. Получишь еды. Вымоешься под душем. Согреешься. А потом поговорим о том, что с тобой произошло и что будет дальше. Что скажешь?

– Вы из департамента по делам молодежи?

– Нет. Просто мне нравится помогать людям.

Разве так бывает?

– Меня зовут Брендан. – Он выжидающе смотрел на нее.

– Годится, – буркнула Мэнди.

Он вздохнул:

– Вот и молодец.

Она обошла машину, открыла заднюю дверцу, бросила рюкзак.

Брендан толкнул дверцу переднего пассажирского сиденья, и Мэнди проскользнула в тепло. Это было как во сне, и где-то ждал ароматный кофе…

Машина тронулась с места.

2

В понедельник вечером Кейт вернулась с работы в свою квартиру в Бексли и с удивлением обнаружила на автоответчике три сообщения. Кейт звонили настолько редко, что поначалу она приняла мигающий красный свет за неисправность. Когда же неуверенно нажала кнопку воспроизведения, знакомый голос объявил, что у нее три непрослушанных сообщения.

– Это невозможно! – громко удивилась Кейт.

Первое было от соседки в Скалби. Она докладывала, что дом расчищен и в понедельник ремонтная бригада готова приступить к работе. «Не волнуйтесь, всё под контролем», – заверила соседка в конце.

Вот и всё. Родительской мебели больше нет. Дом ее детства перестал существовать. Какие чувства вызывала у нее эта мысль? Кейт прислушалась к себе, но нашла только холодную печаль и быстро нажала кнопку воспроизведения.

Об этом можно подумать как-нибудь в другой раз.

Следующее сообщение было от Колина Блэра, злополучного спутника Кейт в вечер субботы, и оно привело Кейт в полное недоумение. Впервые в жизни мужчина пытался связаться с ней после первого свидания.

– Привет, Кейт, это Колин. Вот, решил спросить еще раз… Я о твоем внезапном отъезде позавчера вечером. – Пауза. – Просто интересно знать: если дело во мне, то… что тебя смутило?

«Наверное, это очень необычная мысль для Колина», – подумала Кейт. Он явно не из тех, кто мучается сомнениями по поводу себя и своего поведения. Но в следующий момент она узнала того самого Колина.

– Ты точно ошиблась. Это… не может быть правдой.

Кейт не смогла сдержать улыбки.

– Это как-то связано с репортажем по телевизору о пропавшей девочке, которая вернулась? Не знаю, какое это имеет отношение к тебе, но ты очень бурно отреагировала… – Новая пауза. – Как так получилось, что у меня нет номера твоего мобильника? Я обязательно связался бы с тобой в течение дня и все выяснил.

Кейт никогда не давала свой номер людям, не имеющим отношения к ее работе. Проблематично отвечать на случайные звонки, когда ты при исполнении. Точнее, это было бы проблематично, но Кейт никто не звонил.

До сегодняшнего дня.

– Перезвони мне, – продолжал Колин. – Думаю, имеет смысл встретиться еще раз и разобраться. Согласна? Ну, вот и хорошо. Пока.

Он повесил трубку.

«Что происходит?» – подумала Кейт.

Третье сообщение было от Деборы Голдсби. Она плакала и просила срочно перезвонить.

Кейт налила бокал вина и села на диван, поджав под себя ноги. Кошка пропавших арендаторов прижалась к ее боку и замурлыкала. Кейт подумала, что приятно все-таки, когда дома тебя кто-то ждет.

После звонка Деборе она пыталась осмыслить услышанное.

Итак, Амели заговорила. Не с матерью, а с психологом – сотрудником полиции, в понедельник утром навестившим ее дома после выписки из больницы. Амели некоторое время молчала, а потом вдруг разрыдалась и рассказала об этом человеке.

Собственно, сказала она не так много, и сам контекст беседы заставлял относиться к ее словам с большой осторожностью. Тем не менее это был мужчина. Он увез Амели с Бернистон-роуд и держал взаперти. Ей удалось бежать. Она прыгнула в море, потому что ей показалось, что он следует за ней по пятам. Амели надеялась укрыться за причальной стеной либо спастись вплавь, но в итоге чуть не утонула. Сама она считала, что была на волосок от смерти.

Амели возвращалась к этому снова и снова. Высокие волны. Ледяная вода. Скользкие камни, за которые она пыталась цепляться. Пальцы окоченели. В какой-то момент у нее не осталось сил держаться.

– Я думала, что сейчас умру, – повторяла Амели с широко раскрытыми глазами. – Я думала, что умру… Я думала, что умру…

Она вспомнила, как появился мужчина, который держал ее за руки, но так и не смог поднять. Теперь они вместе, под проливным дождем, боролись за ее жизнь. Потом подошел еще один, и Амели была спасена, когда потеряла всякую надежду. Она до сих пор не могла поверить в это.

– Я умру, – шептала Амели снова и снова. – Я должна умереть…

Как ни старались полицейские, выжать из нее больше не получилось. Как только Амели начинала рассказывать, сразу возвращалась к тому, как висела над водой. Она не переставала описывать волны, ударявшиеся о стену. И воду, которая плескала ей в рот, нос, глаза. Иногда Амели казалось, что она уже под водой. А потом опять повторялась эта фраза:

– Я умру… Я должна умереть…

– Психолог из полиции говорит, что таким образом Амели бессознательно уходила от более страшного, – сквозь слезы объяснила Дебора. – От того, о чем боялась даже вспоминать, настолько это было ужасно. Поэтому и ходила кругами, снова и снова возвращаясь к описанию воды.

Когда Амели показали фотографию Алекса Барнса, она заявила, что не знает этого человека. То есть Барнс определенно не был ее похитителем. То же с Дэвидом Чаплендом, с которым, по словам Амели, она никогда не встречалась.

После нескольких часов осторожных и настойчивых попыток Амели дала наконец описание преступника. Точнее, указала некоторые

черты его внешности, неизвестно, насколько близкие к действительности.

Во время беседы она всячески пыталась уклониться от темы. Кейт знала, о чем сейчас думает Калеб Хейл: можно ли доверять этой информации или же девушка просто бросила полицейским кость, чтобы ее оставили в покое?

Но если исходить из того, что информация верна – а на данный момент ничего другого у полиции не было, – они имели дело с мужчиной лет пятидесяти, высоким, стройным, с мягкими чертами лица.

– Выражение лица почти детское, – добавила Дебора.

Ей и Джейсону показали фоторобот, но они не знали никого, кто выглядел бы так.

– Может, живет где-нибудь поблизости? – допытывался Калеб. – Кто-то из пациентов доктора Джейсона, случайный прохожий, привлекший ваше внимание? На парковке возле «Теско», к примеру.

Нет, нет и нет. Как ни ломали голову супруги, они не смогли вспомнить никого, кто хотя бы отдаленно напоминал предполагаемого похитителя Амели.

На вопрос, узнала бы она его, если б вдруг столкнулась с ним лицом к лицу, Амели сначала отвечала уклончиво, но в конце концов кивнула. Да, она его узнает.

– Сейчас возле нашего дома дежурит полиция, – сообщила по телефону Дебора. – Два человека в машине. Если вдруг…

Все понятно. Амели сбежала от преступника, она знает его в лицо и сможет описать. Если мужчина проживал в Скарборо или окрестностях, ее побег обернется для него кошмаром. На улице, в супермаркете, в автобусе или на берегу моря – он мог встретить ее в любой момент и где угодно. Следовало ожидать, что он снова попытается ее похитить. Или заставить замолчать как-нибудь иначе.

Кейт была готова держать пари, что он – добропорядочный горожанин, с постоянной работой, хорошей семьей и вовремя платит за квартиру. Об этом говорил весь ее полицейский опыт. Значит, просто взять и сорваться с места для него проблематично. Между тем каждую минуту ему грозит опасность быть опознанным и арестованным.

– Большего от нее пока не добились, – продолжала Дебора. – Ничего конкретного ни о побеге, ни о том, где и как она провела эти

дни. О чем бы ни спросили, Амели вспоминает, как перелезла через причальную стену и каким ужасным был для нее следующий час. Как будто вся ее жизнь вдруг свелась к минутам, когда она висела над водой. Она просто не может говорить ни о чем другом.

«Это проработка страха смерти, который таким образом стремится найти внешнее выражение, – думала Дебора. – И одновременно попытка вытеснения, избавления от него. Ей просто невыносимо думать и говорить, о чем ее просят».

Под конец Дебора заплакала:

– Это кошмар… Я так радовалась, когда Амели вернулась невредимой! Я думала… я надеялась, что это как-то связанно с мальчиком, в которого она была влюблена. Что это он подговорил ее исчезнуть, вместо того чтобы ехать в Шотландию. Но потом в отношениях случился сбой, и Амели от него убежала. Я так надеялась на безобидное объяснение этой драмы… Знаете, как это бывает с современной молодежью? Ситуация быстро меняется, потому что все зависит только от игры гормонов. Но то, что случилось… это ужасно. Непостижимо.

Кейт старалась сохранять объективный взгляд на вещи на протяжении всего разговора. Так ее учили в полицейской школе – быть опорой отчаявшимся родственникам, которым кажется, что земля уходит из-под ног.

– Вам известно, чем сейчас занимается полиция? – спросила Кейт.

– Сегодня они прочесывали территорию вокруг того места, где Алекс Барнс и другой мужчина перетащили Амели через стену. Они надеются, что ее побег даст какие-то зацепки. Откуда и как долго она бежала? Они хотели рассчитать расстояние, которое Амели могла преодолеть, но никто не знает, как долго она была в пути. Еще удивительнее, что ее вещи были найдены так далеко от города. Она не добралась бы оттуда пешком до Кливленд-уэй. Инспектор Хейл был сегодня у нас и пытался с ней побеседовать, но услышал очередное описание сцены на набережной. Завтра утром снова придет психолог из полиции. Инспектор Хейл говорит, каждая новая деталь чрезвычайно важна.

«Это так», – мысленно согласилась Кейт, обдумывая на диване недавний разговор с Деборой. Они близки к поимке мужчины, который, рано или поздно, убил бы Амели. Он не мог ее отпустить

хотя бы потому, что она видела его лицо. Не исключено, что Саския Моррис тоже на его совести. Как и Ханна Касуэлл. Не говоря о других возможных жертвах, о которых полиция ничего не знает. Можно представить себе, как Калеба Хейла сводит с ума молчание Амели.

Но теперь у них есть описание. Каким бы сомнительным оно ни было, это кое-что. Мужчина лет пятидесяти, и он должен где-то быть. Следует ожидать, что он уже вышел из своего укрытия, потому что четырнадцатилетняя Амели представляет для него угрозу.

«Как и он для нее», – добавила про себя Кейт.

Она чувствовала нервозность Калеба Хейла. Машина с двумя полицейскими круглосуточно дежурит возле дома Голдсби. Значит, угрожающую Амели опасность Калеб Хейл оценивает как крайне высокую.

– Не могли бы и вы к нам приехать? – попросила Дебора. – Пожалуйста. У вас… совсем другие возможности по сравнению с местными полицейскими.

Слышал бы это Калеб… Тщательно подбирая слова, Кейт попыталась объяснить Деборе, что такое невозможно.

– Вы не из моего округа. Мы работаем только по Лондону. Конечно, бывают исключения, но только по запросу местной полиции. От вашего управления ничего подобного пока не поступало. И, поверьте мне, Дебора, старший инспектор Хейл – талантливый полицейский с богатым профессиональным опытом. Нет ничего такого, что я могла бы сделать лучше него.

Кейт пообещала Деборе быть на связи, но отдавала себе отчет, что, по сути, сует нос в чужие дела. То же было, когда искали убийцу ее отца, однако тогда казалось естественным, что Кейт не может просто сидеть и молча наблюдать за действиями полиции. На этот же раз ее вмешательству не было никаких оправданий. То, что она остановилась в отеле Голдсби, разумеется, не имело никакого значения. Кейт заселилась туда на пару дней, Голдсби не могли считаться даже ее хорошими знакомыми.

Это не ее дело, во всех смыслах слова.

Кейт включила ноутбук и еще раз ввела имя Ханны Касуэлл в поисковик. Перечитала старые пресс-релизы, на этот раз более тщательно, чем в вечер исчезновения Амели.

Кевин Бент упоминался повсюду. Бедняга… Если он невиновен, можно представить, во что превратилась его жизнь. Остался ли он после этого в Стейнтондейле? Ответа на этот вопрос Кейт не нашла. Похоже, журналисты потеряли интерес с Кевину Бенту, после того как его окончательно отпустила полиция. Зато Кейт обнаружила другое. У Кевина был брат Марвин, пятью годами старше. Сейчас ему должно быть двадцать восемь лет. Будучи подростком, Марвин Бент фигурировал в деле об изнасиловании. СМИ не афишировали этот факт из этических соображений – нельзя использовать поведение одного брата в качестве доказательства вины второго. Но где-то это проскочило.

Полиция подозревала, что Марвин Бент входил в группу подростков, заманивших пятнадцатилетнюю девочку в здание заброшенной фабрики, где ее подвергали сексуальному насилию на протяжении нескольких часов. Сам Марвин всячески отрицал свою вину, и двое подростков из группы дали показания в его пользу. Марвин только что бросил школу и устроился официантом в одно из кафе в гавани, где был и в тот день, но только утром. На момент совершения преступления – нет.

Потерпевшая не опознала в Марвине одного из обидчиков. Как, впрочем, и в двоих других участниках группы, признавших свою вину. Девушка еще не оправилась от шока, и ее сбивающие с толку показания едва ли заслуживали доверия. В результате в отношении Марвина Бента ничего не удалось доказать, и расследование против него закрыли.

Тем не менее на нем осталась лежать тень подозрения. Сознавшиеся насильники были его лучшими друзьями, и у него не было алиби. Марвина спасли показания других преступников и жертвы – шаткие основания для оправдания.

«Странно все-таки, – подумала Кейт. – Два брата, каждый замешан в преступлении, и в обоих случаях вина не находит достаточного подтверждения, но и не может быть с уверенностью отведена…»

«Оправдан за недостатком доказательств» – старая история, никогда не удовлетворяющая ни следователей, ни подозреваемых.

Конечно, похититель Амели предположительно другого возраста. Тем не менее Кейт не могла избавиться от ощущения, что будет

нелишним приобщить к расследованию дело об исчезновении Ханны Касуэлл. Кейт сама не понимала, почему это казалось ей таким важным. Очень может быть, ее следовало игнорировать в силу большого промежутка времени. Но если она действительно была началом истории, это означало бы фатальную ошибку.

Кейт хотелось позвонить Калебу, чтобы поделиться этими соображениями, но она не решилась. Она здесь ни при чем, это так. Кейт разозлило бы, если б кто-то рискнул так бесцеремонно вмешаться в ее расследование. Очень может быть, Калеб мыслит в том же направлении, что и она. Он хороший полицейский. Поучать его выглядело бы непростительной самонадеянностью.

Кейт вздохнула и выключила ноутбук. Она ничем не может помочь Деборе. Но та в надежных руках, ей не о чем волноваться.

Линвилл вспомнила о Колине Блэре. Он хотел с ней встретиться, но хотела ли того она? Хвастливый болтун, он оставил о себе не лучшее впечатление. С другой стороны, надо признать, что выбирать особенно не из кого. Так, может, дать Блэру еще один шанс? Стоит ли отвергать человека только потому, что в первый раз между ними не пробежала искра? Кейт иногда спрашивала себя, как другим удается найти себе пару и оставаться с избранником долгие десятилетия? Что она делает неправильно, если у нее ничего такого до сих пор не получилось? Кейт осознавала, что не настолько привлекательна, чтобы мужчины клевали на нее, как рыба на червя, но женщинам, выглядевшим гораздо хуже, иногда удавалось обзавестись и преданным мужем, и целой оравой детей.

В конце концов речь не о том, чтобы стать для кого-то приманкой. Нужно убедить другого человека в его состоятельности. Возможно, решающий момент здесь – не рубить сплеча. Колин Блэр говорил только о себе и ужасно хвастался, но за этим могла скрываться еще б*о́*льшая неуверенность. Он стал бы другим, почувствовав, что его самолюбию ничто не угрожает.

А может, сама Кейт слишком высокого о себе мнения?.. Пустые слова. Позвонить – единственный способ прояснить ситуацию.

Кейт взяла мобильник. Номер скрыт, Колину Блэру он пока ни к чему.

– Привет, это Кейт. Ты хотел поговорить со мной?

Понедельник, 30 октября

1

Она жила у Брендана вот уже неделю и думала о том, что будет дальше.

Теперь он знал ее имя. Вечером второго дня она наконец призналась, что ее зовут Мэнди. Было бы глупо не представиться ему, доверяя во всем остальном. Брендан давал не только еду и крышу над головой, но и стал ее единственным собеседником.

Если верить его словам, он был писатель. Поэтому не ходил на работу.

– Разве вам не нужно что-нибудь писать дома? – удивилась Мэнди.

Брендан отмахнулся, как всегда, с улыбкой:

– Не сейчас. У меня творческий кризис.

Он жил в маленькой мансардной квартирке в центре Скарборо, в почти таком же ветхом доме, что и родители Мэнди. Кухня, туалет с ванной, две комнаты – у Брендана было очень тесно. Окна выходили на север, и в сумеречные осенние дни свет горел с утра до вечера. Мэнди подозревала, что и в остальные дни тоже. На эту сторону дома солнце никогда не заглядывало.

Радовало только множество цветов, о которых Брендан хорошо заботился. Горшки с растениями стояли повсюду. Остальное навевало тоску.

Судя по всему, зарабатывают писатели так себе. Даже его большая машина оказалась фикцией. Она принадлежала знакомому Брендана, он всего лишь забрал ее из мастерской. Свою машину Брендан продал два года тому назад, после того как потерял место редактора в ежедневной газете. С тех пор, судя по всему, писатель проживал бабушкино наследство. Он скучал и страдал от одиночества. Этим и объяснялось появление Мэнди в маленькой унылой квартирке.

Первые пару дней она наслаждалась комфортом: отогревалась после улицы, мылась под душем, досыта ела. Брендан обработал ее

руку, купил обезболивающую мазь и дважды в день менял повязку. Теперь рука выглядела не так страшно, как в садовом сарае, когда Мэнди боялась, что дело кончится заражением крови. Похоже, процесс медленно разворачивался в направлении выздоровления. Силы постепенно возвращались, и осознавать это было приятно.

Спустя несколько дней Мэнди совсем поправилась, заскучала, и хозяин начал ее раздражать. Брендан нуждался в собеседнике. Он говорил с утра до вечера, прерываясь только на заваривание чая и готовку еды. Дважды в день ходил в магазин. Мэнди использовала это время, чтобы осмотреть квартиру, но не нашла ничего интересного. Кроме десятифунтовой купюры в ящике стола, которую положила в карман. Вдруг понадобится…

Повсюду громоздились пирамиды книг, но Мэнди никогда ими не интересовалась. Бóльшую часть библиотеки Брендана составляла литература по прикладной психологии. Он уже объяснил Мэнди, что хотел стать психологом, но «не сложилось». Что за этим стоит, Мэнди не стала уточнять из деликатности. Возможно, не позволили оценки в школьном аттестате, или у Брендана вообще не было необходимого среднего образования.

Так или иначе, теперь у него появился объект для психологических штудий, которые ему, похоже, никогда не надоедали. Брендан садился напротив Мэнди и мог часами расспрашивать ее о жизни – отношениях с родителями, сестрой, учителями и одноклассниками. Его интересовало, почему у нее нет друзей, зачем она постоянно ищет ссор с матерью и за что презирает отца.

И в этом действительно было что-то помимо пустой болтовни, Мэнди сразу это отметила. Стоило обмолвиться – Брендан схватывал проблему и прикладывал палец точно к больному месту. Например, Мэнди упомянула только, что отец никогда не защищается от нападок Пэтси, и Брендан сам поднял тему презрения. Об этом она ничего не говорила, но теперь поняла, что это и есть то, что она чувствует, – глубокое презрение к отцу и другим мужчинам. И в этом причина, почему у нее не складывается с противоположным полом.

«Неудачник», – была первая рефлекторная мысль Мэнди о любом парне. Девочки ее возраста вовсю крутили романы, а у Мэнди с этим не ладилось. Даже старшие мальчики обходили ее стороной из-за злого языка.

И к ее жизни до сих пор никто не проявлял такого интереса, поэтому первые дни Мэнди нравились беседы с Бренданом. Но вскоре она ими пресытилась, заскучала и стала замечать, что Брендан мыслит упрощенными схемами. «Что ты чувствуешь, когда говоришь это?» – самая излюбленная его модель. По сути, все время одно и то же. Глупо и утомительно.

В понедельник она взбунтовалась. Они устроились друг напротив друга в гостиной. Брендан заварил имбирный чай. Мэнди была только из душа, с мокрыми волосами и в плохом настроении.

– Я чувствую исходящую от тебя агрессию … – начал Брендан.

– Ой, правда? – ехидно переспросила она.

Любой, не только психолог, уловил бы агрессию, бросив взгляд на ее угрюмое, раздраженное лицо.

Он обеспокоенно кивнул:

– Да. Не хочешь ли ты…

– Черт возьми, Брендан, я ничего не хочу, кроме как выяснить, что делать дальше! Я не могу провести остаток жизни в твоей вонючей квартире, отвечая на дурацкие вопросы!

Он вздрогнул.

– Я замечаю, что ты…

– Ты вообще можешь разговаривать по-человечески? – перебила она. – Нормально, я имею в виду… ну, или хотя бы вполовину нормально?

– Приносят ли тебе облегчение нападки на меня, вот как сейчас?

– Ты что, совсем спятил?

– Мэнди…

– Я не могу болтать с тобой остаток жизни! Да и тебе давно стоило бы озаботиться поисками работы.

– То, чем мы с тобой занимаемся, и есть моя работа.

– Оплачиваемой работы, я имею в виду! Мы едим, пьем, ты платишь за квартиру… Откуда все это берется?

– У меня есть сбережения.

– Но когда-нибудь они закончатся.

– Это моя проблема.

– Просто мне нужно куда-то двигаться, – устало повторила Мэнди и вдруг расплакалась.

Брендан серьезно кивнул:

– Куда?

Это был вопрос. Прошло три недели, как Мэнди спешно покинула родительский дом. Скоро месяц, и зима совсем не за горами…

Вернуться домой? Ну, нет.

– Мне некуда возвращаться… – Слезы уже текли по ее щекам. – Мать засмеет меня. Скажет, я слабая, как отец.

– Что ты чувствуешь, когда представляешь себе, как мать тебе это говорит?

Редко когда у Мэнди возникало такое желание влепить человеку пощечину.

– Боль! – закричала она. – Мне больно, черт возьми!

Она вскочила, опрокинув чайник. Чай растекался по столу, капал на ковер.

Брендан тоже вскочил:

– Мэнди!

– Оставь меня в покое! Все оставьте меня в покое! Особенно ты, со своими дурацкими вопросами… Зачем я только села в твою машину!

Внезапно его лицо стало непроницаемо-холодным:

– У тебя не было выбора. Ты была в плачевном состоянии, не знала, куда идти.

– Так же, как и ты. Ты тоже в плачевном состоянии. И нет жареного петуха, который бы клюнул тебя в задницу! Писатель, творческий кризис – не смеши меня. – Она пристально посмотрела на Брендана: – Никто не хочет читать тот бред, который ты пишешь, и ты прекрасно это знаешь. Но тебе нравится видеть рядом кого-то, кто в еще худшем положении, и поэтому ты подобрал меня. Ты чувствуешь свое превосходство надо мной, это придает тебе силы. Только, знаешь, это ошибка. Я влипла, да, но не так, как ты. У меня впереди жизнь, и я придумаю что-нибудь получше того, чтобы сидеть в дерьмовой лачуге и доводить людей дурацкими вопросами.

Брендан вздрагивал от каждого ее слова, словно от ударов по коленке.

– Придумаешь получше? Что ж, вперед… Ты уже кое-что придумала. Убежала из дома, не имея ни малейшего представления, куда. Ни денег, ни друзей, у кого можно перекантоваться. За

исключением того наркомана, что выставил тебя за дверь, как только нашел замену. Мне жаль тебя, Мэнди, правда.

– Придурок, – проворчала она. – Чертов придурок.

– Давай, продолжай. Если не можешь придумать ничего лучшего, кроме как осыпать меня ругательствами.

– Я ухожу. Ни минуты больше здесь не останусь.

– Давай.

Пару секунд она смотрела на него. Потом побежала в ванную, захлопнула дверь и повернула ключ.

Одна. Наконец-то.

В зеркале Мэнди увидела бледное лицо с покрасневшими глазами. Волосы торчали в разные стороны. Раненая рука пульсировала.

Что дальше?

Она не хотела и не могла здесь задерживаться, потому что просто не осталось сил терпеть этого парня. Только сейчас Мэнди поняла, кто из них настоящий агрессор. Он влез ей в душу, прикрываясь заинтересованностью и заботой, и своими дурацкими вопросами только усилил чувство неполноценности и беспомощности. Продолжал копаться и строить диагнозы, вместо того чтобы принять ее тем, кем она была, – девочкой, вошедшей в трудный возраст, из очень непростой семьи и в тяжелой жизненной ситуации. В крайне тяжелой.

– Нельзя уходить, пока неясно, куда, – сказала Мэнди своему отражению и попыталась улыбнуться. Это у нее получилось.

Она осторожно открыла дверь ванной комнаты. Поскольку исчезнуть сразу не получится, придется стиснуть зубы и потерпеть. Брендан не станет возражать. Он боится одиночества не меньше, чем она – холода и неопределенности снаружи.

В этот момент Мэнди услышала его голос. Брендан был в гостиной и говорил почти шепотом:

– Да, я же сказал. Она здесь. Что, прямо сейчас? Хорошо.

Мэнди застыла на месте.

Что это значит? С кем он разговаривает?

По телефону, как же еще. Но звонка она не слышала – значит, это звонил Брендан.

В полицию, конечно. Фраза «Она здесь» и следующий его вопрос: «Что, прямо сейчас?» просто не допускали иного толкования. Чертов

психолог сдал ее копам, только потому что был зол. Причина – она отказалась играть в его психологические игры. И донесла до него это в недвусмысленных выражениях.

Несколько секунд Мэнди размышляла, что делать дальше. Придется уходить, и как можно скорее, пока сюда не нагрянула полиция. Мысль о добровольном возвращении домой пугала, но гораздо хуже, если ее приведут полицейские. И дальше закрутится – Кэрол, школа, полиция – весь ад.

Ее рюкзак остался в спальне, потому что Брендан великодушно уступил ей, как гостье, свою кровать. Но чтобы попасть в спальню, нужно пересечь гостиную, что невозможно, потому что там Брендан. Мэнди не сомневалась, что он применит силу, чтобы не выпустить ее из квартиры. Ему хотелось получить работу в полиции, вот он и выслуживался перед ними, как мог.

Ее прошиб пот. В рюкзаке все ее имущество – спиртовка и последняя банка консервов. Нижнее белье, которое Мэнди захватила из дома. Джемпер на смену. Носки. Деньги и удостоверение личности.

Она не может убежать вот так – в джинсах, с десятью украденными у Брендана фунтами в кармане. Спички, кстати, тоже в рюкзаке. Куртка на вешалке рядом с входной дверью. Ее телефон на зарядке в спальне. Оставить все это значит оказаться в худшем положении, чем до встречи с Бренданом.

Но выбора, похоже, нет.

Мэнди на цыпочках пересекла прихожую. К счастью, в этой квартире всё рядом. Прислушалась – телефонный разговор, похоже, закончился. Брендан стоял у окна и высматривал полицейскую машину. Конечно, он увидит Мэнди, но, пока спустится по лестнице, она успеет исчезнуть за ближайшим углом. Что-что, а бегать Мэнди умеет. Как и прятаться, и преодолевать непреодолимые для других препятствия.

Она сняла с вешалки куртку и надела кроссовки. Не дыша, открыла входную дверь. Чуть слышно щелкнул замок – она была снаружи. Дальше – вниз по лестнице, перескакивая через ступеньки. Дверь в квартиру под Бренданом приоткрылась, но Мэнди было все равно. Она выскочила на улицу и поежилась от холодного, влажного воздуха.

Мэнди бежала, не оглядываясь. Завернула за угол и исчезла в лабиринте узких переулков. Полиция будет прочесывать окрестные кварталы. Нужно срочно где-нибудь спрятаться.

2

После *случившегося* Дебора беспрерывно плакала. «Случившееся» – так она это называла. При слове «похищение» словно что-то включалось, и слезы потоками струились из глаз, а Деборе были нужны хоть какие-то перерывы между приступами плача. Кожа из без того покраснела от соли, а под глазами не спадали припухлости. Что касалось Джейсона, он предпочитал называть вещи своими именами.

Амели не ходила в школу, днями напролет сидела в своей комнате. Говорила только в случае необходимости. Психолог из полиции навещала ее каждый день, но и с ней Амели по больше части молчала. И все-таки полицейским удалось вытянуть из нее еще некоторые подробности похищения. А именно, что на Бернистон-роуд рядом с ней остановилась машина, и водитель спросил Амели, как проехать на такую-то улицу. Амели не могла помочь ему, так как не знала, где это. Тогда он попросил ее взглянуть на карту на навигационном устройстве. Может, она разберет, в каком направлении ему ехать…

Амели склонилась над передним пассажирским сиденьем, почувствовала резкий запах и потеряла сознание.

– Хлороформ, – кивнул инспектор Калеб Хейл Деборе и Джейсону. – Он прижал ей к лицу тряпку, смоченную хлороформом, и затащил в машину. Преступник объезжал территорию в поисках жертвы, и Амели подвернулась ему случайно. Никто не возит с собой хлороформ просто так. Она шла по улице. Он огляделся, убедился, что других машин в поле зрения нет, и решил ловить момент. Можно сказать, Амели оказалась не в то время не в том месте. Ей просто не повезло.

При этих словах Дебора снова начала плакать.

Улицы, о которой спрашивал мужчина, не существовало – ни в Скарборо, ни в окрестностях. Когда ее спросили о машине, Амели смогла вспомнить только цвет. Темный – черный или темно-синий. На

просьбу описать дальнейшие события она сжала губы и отвернулась к стене.

Тем временем Джейсон вернулся в клинику. Дебора оставалась наедине с Амели. Она пыталась заботиться о дочери, но каждый раз встречала резкий отпор. Что бы ни предложила Дебора – выпить чаю, посмотреть фильм или сходить на прогулку, – ответ был один:

– Нет. Оставь меня в покое.

Отношения с Амели еще до «случившегося» оставляли желать лучшего. При виде матери девочка замыкалась в себе, грубила, ничего не желала слушать. Что касалось Деборы, она не ощущала в себе никакой агрессии. Снова и снова пыталась сблизиться с дочерью – и терпела неудачу.

– В чем дело, Амели? За что ты на меня обижаешься? – несколько раз спрашивала Дебора.

– Не знаю. Ни в чем, – был ответ каждый раз.

Но только не в тот день.

Дебора выглянула в окно гостиной. Машина с двумя полицейскими была на месте. Как, должно быть, тоскливо сидеть так и наблюдать за домом, в котором ничего не происходит… Не то чтобы Дебора хотела, чтобы что-нибудь произошло, боже упаси! И она была благодарна этим полицейским, мужчине и женщине. Просто жалела их. В машине, конечно, холодно. Они в теплых куртках, но вряд ли это спасает. На ее неоднократные приглашения войти и выпить чаю полицейские отвечали отказом. Наверное, им не разрешалось этого делать.

Дебора отвернулась и вытерла рукавом свитера мокрое от слез лицо. Сегодня Амели дала ей другой ответ. Не такой, как обычно. Девочка взглянула на мать с выражением холодного презрения на лице и выдала следующее:

– Почему я тебя отвергаю? Потому что больше всего на свете боюсь стать такой, как ты. Только поэтому. Мне приходится следить за собой.

– Следить? – механически переспросила Дебора, немея от шока.

– Да, следить. Чтобы не стать такой, как ты.

– Но почему… что я…

Амели отвернулась:

– Оставь меня. Просто оставь меня в покое.

Дебора успела покинуть комнату, прежде чем хлынули слезы. В книжках по популярной психологии писали, что нелицеприятные слова ранят сильнее в том случае, если объект критики признает их справедливыми, сознательно или подсознательно. С другой стороны, легче выстоять перед нападением, если вы считаете его совершенно абсурдным.

– Чепуха! – отозвался Джейсон, когда однажды Дебора заговорила с ним об этом. – Бесит прежде всего неоправданная критика. Потому что кто-то, не имея для этого достаточно мозгов, осмеливается раскрывать рот. Обвинения, имеющие под собой реальную основу, скорее наводят на размышления: «Ну… признаться честно, не так уж он не прав».

Похоже, у Джейсона мозги были устроены иначе. Деборе же слова Амели причиняли боль, потому что накладывались на более давние раны.

Дебора ежедневно подвергала сомнению свою жизнь, работу – все, что она делала. Где она оплошала, в какой момент свернула не туда? Сделала то, чего не следовало, или, наоборот, не сделала того, что нужно? Приняла неверное решение – из страха, нерешительности, трусости? Не использовала возможностей, которые были? Предпочла плавать в знакомых, хотя и мутных, протухших водах – или поплыла не в том направлении?

Она подошла к зеркалу, висевшему рядом с арочным переходом между столовой и гостиной. Оглядела заплаканное лицо, спутанные волосы. Давно пора в парикмахерскую. Нельзя так себя запускать.

В дверь позвонили. Наверное, женщина из полицейской машины. Иногда она просилась в туалет. Ее коллега, похоже, делал это где-нибудь на лужайке за домом.

Дебора протерла глаза, но стало только хуже. Хотя другой, кроме как в слезах, эта женщина ее не видела.

Дебора подошла к двери и открыла. Перед ней стоял Алекс Барнс с дорожной сумкой в руке.

– Здравствуйте, – сказал он.

Мужчина-полицейский тут же вышел из машины и приблизился к двери:

– Мистер Барнс, вы хотели видеть миссис Голдсби?

Алекс как будто смутился:

– Я… ну, да…

– Всё в порядке, – поспешила вмешаться Дебора, схватила Алекса за руку и затащила в дом. – Мистер Барнс может навещать нас в любое время.

– Но у меня инструкция…

Дебора устало улыбнулась и захлопнула дверь перед его носом. Что знает этот полицейский о тоске и одиночестве? Наконец появился кто-то, с кем можно поговорить. Дебора не позволит никаким инструкциям испортить ей праздник.

* * *

– То есть как это «он теперь живет здесь»? – тихо переспросил Джейсон. – Что ты имеешь в виду, Дебора?

Она встала и закрыла дверь гостиной. Дебора ждала Джейсона, после того как Алекс Барнс исчез за дверью одной из комнат для постояльцев.

– Временно, – шепотом ответила она. – Его выселили из квартиры.

– Никого просто так не выселяют из квартиры!

– Алекс не платил за аренду. Его предупреждали, а теперь вот выселили…

Джейсон вздохнул.

– Я не могла захлопнуть дверь перед его носом, – продолжала Дебора. – Он спас нашего ребенка.

Джейсон снова вздохнул. Он был измотан, работал весь день, а вечером провожали одного коллегу на пенсию. Он имел право рассчитывать на то, что дома не добавилось проблем – к тем, что уже были, с травмированной дочерью, вечно плачущей женой и полицейской машиной возле дома. И вот вместо этого узнает, что к ним переехал Алекс Барнс и женщина из полицейской машины теперь дежурит под дверью спальни Амели…

– Как инспектор Хейл мог позволить такое?

– Я уговорила его, – ответила Дебора. – Этому человеку мы обязаны жизнью нашей дочери. Он попал в трудную ситуацию, я не могу просто взять и указать ему на дверь.

– Он все еще в списке подозреваемых.

– Я тебя умоляю, Джейсон! Амели ясно сказала, что не встречалась с ним раньше. Алекс Барнс ни в малейшей степени не подходит под ее описание. Сам инспектор Хейл оценивает вероятность его вины как крайне низкую. Иначе близко не подпустил бы его к нашему дому.

– Но эта женщина… Он все-таки перевел ее из машины в дом, на всякий случай.

– И что? У нас все-таки отель. Мы почти не замечаем чужих людей в доме.

– К сожалению, – пробурчал Джейсон.

Старая песня. Супруги смотрели друг на друга, ожидая, что мирный диалог вот-вот перерастет в ссору. Оба знали, что ступили на опасную тропку.

– Что ты имеешь против Барнса?

– Ничего. Я ему благодарен. Просто не пойму, с какой стати он должен здесь жить.

– Ты сам говорил, что наш дом – его дом и ему здесь всегда рады.

– Говорил и не отказываюсь от своих слов. Конечно, мы всегда ждем его в гости – на ужин, летом на барбекю, на бокал вина под Рождество – вот что я имел в виду. Я не мог ожидать, что он сюда переедет.

– В любом случае обсудим это завтра, – сказала Дебора. – Хейл тоже против того, чтобы Алекс оставался у нас.

– И я думаю, что…

– Но мы должны ему помочь. Мы не можем бросить его на произвол судьбы.

– И как ты собираешься это сделать?

– Мы дадим ему денег, чтобы он смог снять квартиру.

– Господи! – Джейсон подошел к шкафу и достал уже початую бутылку виски. Ему нужно было чем-то поддержать себя. – Деньги? Дебора, мы сами едва сводим концы с концами.

– Не думаю, что наши дела обстоят настолько плохо.

– Может быть, но платить по кредиту… это очень непросто на одну зарплату.

– Почему на одну? В конце концов, я тоже работаю.

Джейсон допил бутылку.

– Ты? Извини, но это жалкие гроши, и только в летние месяцы. Едва ли их можно назвать заработком.

– Что же это, в таком случае?

– Твое хобби, которое до сих пор не окупилось.

Джейсон понимал, что жесток. Но он так устал от всего этого…

У Деборы опять задрожали губы. Господи, когда это наконец закончится? Или она так и будет плакать весь остаток жизни?

– Хобби? – переспросила она.

– Извини, но не более того. Это не решает наших проблем. Зато каждое лето по дому бродят чужие люди, лишая нас последней возможности частной жизни. А эти деньги…

– Люди звонят, бронируют. О нас знают…

– Да, но кредит, который мы взяли на ремонт…

– Конечно, для тебя работа – это прежде всего заработок. Всё на продажу, ради прибыли…

– Извини, что я разрушил твои романтические грезы, – холодно перебил жену Джейсон. – В нашей ситуации, когда так много долгов, деньги имеют значение. Кроме того, у меня нет ощущения, что тебе так уж нравится эта, с позволения сказать, работа. Ты не производишь впечатления счастливой женщины, Дебора.

– Какое же я произвожу впечатление?

– В данный момент ты выглядишь озлобленной, почти жалкой. Ты принимаешь антидепрессанты – не думай, что я не заметил флакон в шкафчике в ванной. Ты разучилась улыбаться, смеяться… Ты все время плачешь.

– Неудивительно после всего…

– То же было и до похищения, и ты это знаешь. Конечно, ты переживаешь из-за Амели, но внешне ситуация не сильно изменилась.

Дебора ощутила ужасную, колющую головную боль.

– Только потому, что я пустила Алекса к нам переночевать, ты…

– Не в нем дело.

– Но все началось с него.

Да. Джейсон задумался, имело ли его мнение по этому вопросу объективные основания или же все дело в усталости и ощущении, что у него нет больше дома. Конечно, они благодарны Барнсу, этому безработному, уже не очень молодому мужчине, обманувшему службу социальной защиты незаконным заработком. Или Джейсон лицемерит,

преувеличивает опасность, и любой нормальный человек в его ситуации проявил бы больше понимания?

– Я всего лишь говорю, что с ним нужно быть осторожнее. – Он старательно сохранял спокойный, ровный тон. – Конечно, мы будем благодарны ему по гроб жизни, но… он оказался в ситуации, которая тоже может вылиться в большую проблему.

– Ты говоришь о том, что ему нужна наша помощь?

– О том, что мы не знаем, в каком размере помощь ему потребуется и сможет ли он вообще встать на ноги… – Джейсон понизил голос: – В конце концов, Дебора, кто может поручиться, что он не подкарауливает прохожих где-нибудь в темном переулке? Не хочу его унижать, но…

– Ты все время это делаешь.

– Я опираюсь на факты. Он безработный, потерял место в пиццерии…

– Из-за того, что спас нашу дочь и был вынужден давать объяснения в полиции.

– Тем не менее это так. А теперь его еще выселили из квартиры. Насколько я понял из его путаных рассказов, Барнс не имеет законченного профессионального образования. Он учился и тут, и там, но ничего не закончил. Ему за тридцать, и совершенно нечего предъявить работодателю. Полагаю, Барнсу будет нелегко найти новое место. Его перспективы совсем не радужные. За исключением одного светлого пятна.

– Что ты имеешь в виду? – не поняла Дебора.

– Нас с тобой. Мы – лучик его надежды. Миллионный выигрыш в лотерею.

– Но…

– Именно так, Дебора. Он безработный и живет на жалкие гроши от социальной службы. Давно не платил за квартиру и сейчас выставлен на улицу. Мысли о будущем приводили его в отчаяние, пока в игру не вступили мы. Мы далеко не богаты, но в его глазах миллионеры. Он спас нашу дочь, и теперь мы обязаны ему. Разумеется, он не может не думать об этом. Мы не из тех, кто не отдает долгов, и в этом он прав. И вот теперь… он нашел у нас новый дом.

– Он остался без крыши над головой. Я всего лишь пустила его переночевать, а ты…

– Ты уже говорила о финансовой поддержке. Помочь ему снять новую квартиру. Дать денег. Дебора, какими бы благими не были твои намерения, как долго ты собираешься это делать? Следующие несколько месяцев? Лет? Десятилетий?

– Он не примет такой жертвы.

– Откуда ты знаешь? Ты успела так хорошо его изучить?

Дебора долго не отвечала, а потом произнесла:

– После того, что сделал для нас Алекс Барнс, мы не можем так просто выставить его на улицу. Если б мы были богаты, он получил бы хорошее вознаграждение. Но даже и в нашем случае мы не можем просто отмахнуться от него и сказать, что это не наше дело.

– Пойми, я тоже очень ему благодарен. Барнс не дал нашей Амели утонуть. Он молодец, но, положа руку на сердце, можешь ли ты представить на его месте человека, который поступил бы иначе? Увидел бы, как девушка из последних сил борется за жизнь, и пошел бы дальше своей дорогой, потому что это не его дело? Я не хочу преуменьшать заслуг Алекса Барнса, но то, что он сделал, естественно.

– Тем самым ты преуменьшаешь его заслуги.

– Нисколько. Просто я не считаю его героем.

Дебра отвернулась:

– Я все равно помогу ему. Дам денег из своих сбережений.

– Ага. А мне предоставишь одному выплачивать кредит на ремонт.

Она пожала плечами.

– Ты слишком все упрощаешь, – сказал Джейсон.

– Ты тоже, – отозвалась она.

Он со стуком поставил на стол бокал и пустую бутылку и вышел.

На сегодня достаточно.

Среда, 1 ноября

1

Полицейского психолога звали Хелен Беннет. «А ведь когда-то наверняка была симпатичной», – подумала о ней Амели.

Миссис Беннет предложила называть ее просто «Хелен», не упомянув о своем полицейском звании, которое могло быть внушительным.

Хелен появлялась каждый день. Сидела в комнате Амели, пила чай, который приносила Дебора, и болтала с Амели как лучшая подруга. Начинала с забот повседневной жизни, но в конце концов всегда выходила на похищение – и тут Амели замыкалась в себе.

Но сегодня Хелен не пила чай, потому что Дебора его не принесла. Ее вообще не было дома. Что странно, потому что с момента возвращения Амели Дебора не выходила из дома ни на шаг. Сидела внизу, как сторожевая собака, время от времени поднималась наверх и донимала Амели своей заботой. Не хочет ли она чаю? А поиграть в карты? Амели отвечала грубо. Знала, что причиняет матери боль, но просто не могла этого вынести.

И вдруг Дебора исчезла. Это однозначно тревожило Хелен. Она всегда радовалась чаю и клала в чашку много сахара: «Люблю сладкое». По ней было видно. «Сбросить килограмм десять, и все было бы в порядке, – думала Амели. – Она стала бы привлекательной».

– Твоя мама ушла, перед тем как я приехала, – сказала Хелен. – Не знаешь, куда?

Амели пожала плечами:

– Понятия не имею. Наверное, по магазинам.

Хелен кивнула, выдвинула стул и села. Амели устроилась на подоконнике, поджала ноги и обхватила колени руками. В этой позе она проводила бóльшую часть дня, иногда замирала на несколько часов. Если б она посмотрела за окно, увидела бы только небо, подернутое темно-фиолетовыми тучами. Солнце не проглядывало уже несколько дней.

Некоторое время Хелен говорила об этом – об ужасной погоде и том, как трудно встать утром. Она играла кольцами на пальцах, потому что не было чашки, которую Хелен обычно вертела в руках. Только сейчас стало заметно, как она нервничает. Такая мелочь, как чашка чая, могла бы все изменить.

– Каждая мелочь может иметь значение, – заметила вдруг она в тон мыслям Амели. – Все, что запало в память, даже если оно кажется тебе неважным.

Амели не ответила, как чаще всего бывало в последнее время. Странно все-таки, но психическая травма поставила ее в привилегированное положение. Теперь общие правила к ней неприменимы. Она может грубить или вовсе не отвечать на вопросы взрослых, и никто не скажет ни слова. Все стараются быть с ней внимательными и дружелюбными. Как и бедняжка Хелен, которая ерзает на стуле и не знает, куда деть руки. И все потому, что матери нет дома… Непривычно.

– Странно, что мама ушла, – сказала Амели.

Хелен обрадовалась ее ответу, даже если он не имел прямого отношения к теме, которую она затронула.

– Мама обязательно вернется, – заверила Хелен.

– Алекс все еще здесь?

– Алекс? – не поняла Хелен.

– Алекс Барнс, который меня спас. Он переехал к нам в понедельник.

– О! – Хелен изобразила удивление. – Инспектор Хейл знает?

– Да, и он не в восторге. Поэтому мистеру Барнсу разрешили остаться у нас только на одну ночь. Но он уже пробыл две.

– Ты говорила с ним?

– Нет.

– Что ты чувствуешь, когда о нем думаешь?

– Что я должна чувствовать?

– Ну… все-таки, он спас тебе жизнь.

– Не хочу об этом думать.

Волны, они опять обрушиваются на меня. Я должна умереть… Боже, как болят пальцы…

Амели застонала.

– Амели? – встревожилась Хелен.

– Я просто не хочу об этом думать… Не хочу. Этот ужасный вечер. Вода… Холод. У меня так болели руки… И было страшно. Я думала, что умру.

– Я знаю, Амели, знаю.

– Я прыгнула, – Амели опустила глаза. – Я прыгнула сама, потому что не знала, куда бежать. Я думала, он следует за мной по пятам и вот-вот меня схватит.

– Кто, Амели? Кто следовал за тобой по пятам?

– Мужчина из машины.

– Тот, который затащил тебя в машину?

Амели покачала головой:

– Нет, другой.

Хелен подалась вперед, перестав играть кольцом.

– Значит, был и другой мужчина?

Амели снова заплакала:

– Да, тот, что с машиной.

– А у другого тоже была машина?

– Машина, в которой я сбежала. Я спряталась там и уехала вместе с ним. – Амели закрыла лицо руками. Слезы ручьями текли по ее щекам. – Я спряталась в машине. Вышла, когда он остановился, и побежала…

2

Вид Алекса Барнса не внушал доверия, это Дебора понимала. Поношенные джинсы, джемпер не первой чистоты, стоптанные кроссовки, слишком длинные волосы. И, конечно, ни трудового договора, ни банковских выписок, подтверждающих постоянный доход. Явно не из тех, кого домовладельцы встречают с распростертыми объятиями. Даже если речь идет о такой обшарпанной квартире, как эта, маленькой и темной.

– Нет, – хозяин решительно покачал головой. – Нет и еще раз нет. Ни за что. Понятно, что денег я не увижу. Не хочу в это втягиваться.

Алекс и Дебора снова оказались на улице. Домовладелец ушел, возмущенно бормоча под нос. Они отправились в ближайшее кафе и

взяли по чашке кофе. Дебора сказала, что заплатит, и поймала недоуменный взгляд Алекса.

– Я не могу это принять, – сказал он.

– Конечно, вы можете, – возразила Дебора. – Чашка кофе – меньшее, что мы можем для вас сделать.

– Из-за Амели? Прошу вас… Любой на моем месте сделал бы то же самое.

Слова Джейсона. Трудно возразить, хотя, по мнению Деборы, это нисколько не умаляло заслуг Алекса. Но Дебора понимала, что имеет в виду Джейсон.

– Тем не менее вы спасли Амели. И наша жизнь была бы разрушена, если б не ваш мужественный поступок. Мы никогда не забудем этого, Алекс.

– Я еще не полностью оправдан в глазах полиции.

– Полиция подозревает каждого, кто так или иначе соприкасался с жертвой, это их работа. – Так говорила Деборе Кейт. Он должен это знать. – Меня и Джейсона они тоже подозревали. Особенно Джейсона, потому что у него нет алиби. Только представьте: отцу приходится обеспечивать себе алиби, если родная дочь исчезла…

– Наверное, родители не так уж редко совершают преступления против собственных детей. – Пожав плечами, Алекс помешал кофе, снял ложкой молочную пену и отправил в рот. – Но в вашем случае с этим, по крайней мере, все ясно. Амели узнала бы родного отца. И он совершенно не подходит под ее описание преступника.

– Вас она бы тоже узнала. Мне кажутся странными подозрения инспектора Хейла.

Алекс снова пожал плечами:

– Мне все равно. Я знаю, что не причастен к похищению, поэтому спокоен. В этом отношении, во всяком случае.

Дебора поняла, что он имеет в виду. Нужно искать жилье.

Алекс мрачно кивнул:

– Я сам виноват. Контракт был расторгнут несколько месяцев тому назад. Я не озаботился этим вовремя, и вот теперь оказался на улице…

– Мы всё еще с вами.

– Хейл против. Мне нужно искать место на следующую ночь.

– Снимем номер в отеле, в крайнем случае.

– Снимем?

Дебора сама почувствовала, как странно прозвучала ее реплика.

– Я имела в виду, что я заплачу, а вы переедете туда.

– Я не могу принять этого.

– Вы можете, Алекс. Я хочу, чтобы вы приняли. Пожалуйста, позвольте нам хоть так выразить нашу благодарность.

– Я чувствую себя паразитом.

– Не надо. Это естественно.

Дебора знала, что Джейсон смотрит на это иначе. И могла себе представить, как бы он отреагировал, если б Алекс поселился в отеле за ее счет. Но это было ее решение. И ее деньги. А потом можно приниматься за поиски квартиры.

– Давайте поступим по-другому. Я выступлю в качестве арендатора и подпишу договор. Со мной проблем не возникнет.

Алекс поставил кофе и улыбнулся.

– Потому что вы внушаете доверие? Не то что я?

Эта фраза прозвучала как насмешка – и больно ранила Дебору.

– Может быть, я и произвожу такое впечатление, – сказала она. – Внешне, но внутри… поверьте…

Алекс накрыл ее руку своей.

– Я не хотел причинять вам боль. Дело не в вас. Я имел в виду ваше окружение, которое видит не дальше фасада. У вас действительно все надежно. Муж, дочь, большой дом… Деньги. Это то, что видит большинство, и их это устраивает.

– А вас?

– Мне интересно то, что стоит за всем этим. За тем, что люди показывают миру. Не то чтобы я вижу всех насквозь – конечно, нет. И я тоже ошибаюсь. Но, по крайней мере, не принимаю за чистую монету то, что выставляется напоказ.

– И что вы видите за моим фасадом?

Она должна была это спросить.

Алекс посмотрел на Дебору, как будто хотел заглянуть внутрь нее, сквозь телесную оболочку.

– Вы не особенно счастливы, ведь так?

Тут же на глаза навернулись слезы. Проклятье… Дебора сдерживалась из последних сил, но ничего не помогало. Одного того,

что кто-то заговорил о ее несчастье, причем в сострадательном тоне, хватило, чтобы расплакаться в кафе на глазах всего города.

– Ну… – протянула она неопределенно.

– Как и большинство людей, впрочем, – поспешил добавить Алекс. – Редко кто бывает доволен собственной жизнью.

– Это так, – Дебора вытерла лицо, но слезинки продолжали катиться по щекам. – Боже мой, но не настолько же я несчастна, чтобы так рыдать. Это всего лишь…

– Что?

– Амели ненавидит меня, и я не знаю, за что. Джейсон раздражается при виде меня. А мой отель, «постель и завтрак», – изначально глупая затея, которая почти не приносит денег. В общем так, если в двух словах.

– Мужа и дочь поменять нельзя. Не так быстро, во всяком случае. А вот работу…

Только сейчас Дебора заметила, как у нее разболелась голова.

«Ты предпочитаешь ныть, чем слушать советы», – говорил Джейсон. Именно так, потому что советчики часто бывают назойливы. Давление – их обычная тактика. *И ты до сих пор ничего не поменяла ни в себе, ни в своей жизни? Мы же говорили тебе. Сделай это, в конце концов!*

– Я… действительно не готова отказаться от отеля. Мне хотелось бы… – Дебора не договорила.

– Вы боитесь почувствовать себя неудачницей, – догадался Алекс.

– Я…

Иголки с новой силой вонзились в мозг.

– Извините, – произнес он. – Понимаю, что напрягаю вас.

– Что?

– Я знаю, как ужасны бывают люди, которые указывают другим, что делать. Они ведь не могут видеть всего…

Для мужчины он обладал необыкновенно высоким уровнем проницательности и сочувствия. И все же Деборе с ним не было комфортно. Что-то настораживало ее в Алексе Барнсе. Может, то, что он столько раз отвергал их предложения помочь и тем не менее рассчитывал на благодарность. Он оставлял ощущение не вполне искреннего человека, и это смущало Дебору.

– Сначала давайте найдем отель, – предложила она окрепшим голосом. – А потом вернемся к поиску квартиры.

– Ваш муж не одобрит, если вы возьмете на себя и то, и другое. Давайте хотя бы что-то одно.

– Мой муж не меньше меня хочет выразить вам свою признательность.

Алекс покачал головой:

– Нет. Я слишком часто сталкивался с ним прошлым вечером.

Он был прав, спорить не имело смысла. Дебора выложила на стол несколько фунтовых банкнот, встала и потянулась за пальто.

– Идемте. Не волнуйтесь, спать под мостом вам точно не придется.

Алекс улыбнулся.

3

Второй мужчина стал сенсацией. Впервые появились хоть какие-то подробности побега Амели. Калеб Хейл оживился. Целую вечность они не двигались с места, искали, тыкались носом то в одно, то в другое. И вот теперь наконец есть с чего зайти. Преступников двое.

– Второй мужчина и побег на машине, – в задумчивости пробормотал Калеб. – Это многое меняет.

Они сидели в кабинете – он, сержант Роберт Стюард и психолог Хелен Беннет. Хелен – героиня дня. Ценой неимоверного терпения и настойчивости она вытянула из Амели новую информацию, что давало основания надеяться на большее. Шажок за шажком Амели открывалась миру.

– Помимо прочего, это означает прекращение поисков штаб-квартиры злоумышленника неподалеку от места спасения Амели, – заметил Роберт. – Ее держали где-то в другом месте, гораздо дальше. Скорее всего, вообще не в Скарборо.

– Это объясняет, почему ее вещи обнаружены на болотах, – добавила Хелен. – То, что до сих пор нас удивляло.

– Думаете, он настолько глуп, чтобы выбрасывать ее вещи рядом со своим убежищем? – спросил Калеб. – Вряд ли.

– Тем не менее он там был, – возразил Роберт. – Это задает хотя бы направление поисков, согласитесь.

– В самых общих чертах, к сожалению, – проворчал Калеб. – Он мог увезти ее во всех мыслимых направлениях от того места.

– Поездку в машине Амели помнит очень смутно, – сказала Хелен. После того, что ей удалось выудить из девушки, рассчитывать на большее казалось дерзостью, но все жили надеждой большого прорыва. – Ее затащили в машину в бессознательном состоянии, и она понятия не имеет, как долго ехала. А вот обратный путь… Амели говорит, что провела в машине около сорока пяти минут, хотя и не уверена в своей оценке. Что, конечно, неудивительно с учетом обстоятельств побега.

– Будем работать с тем, что есть, – сказал Калеб. – И надеяться, что ее оценка недалека от истины. – Он нервно поиграл шариковой ручкой. – Собственно, что мы имеем? Хелен, можете рассказать все с самого начала?

Хелен кивнула и пролистала свои записи.

– Итак, автомобиль. Амели затрудняется назвать марку. Но она спряталась в нише для ног, из чего можно сделать вывод, что это не маленькая машина. Водитель – мужчина, возможно, и ранее навещавший преступника. Амели его не видела, но может узнать голос. В чем, впрочем, тоже не уверена. Кстати, во время побега она его тоже не видела, так что описания мы, к сожалению, не получим. В прошлую пятницу, полторы недели назад, Амели услышала разговор двух мужчин и усмотрела в этом возможность бежать. Затаилась в машине и ждала.

– Теперь хотелось бы знать больше, – сказал Роберт. – Второй мужчина был в курсе дел первого? Даже если он друг преступника, совсем не обязательно сообщник. Амели замечала его там раньше, но, по крайней мере, она не исключает такой возможности? Если же она никогда не видела его лица, то видел ли он ее? Знал ли, что она там? Как вообще выглядело место, где держали Амели? В подвале, похоже; может, даже связанной… Но она заметила, что к ее мучителю кто-то приехал, сумела выбраться и спрятаться в машине. Что бы это ни было – дом, хижина, сарай, – ей удалось оттуда вырваться. И она не пошла пешком, а предпочла незнакомую машину, что, конечно, большой риск. Ее легко могли обнаружить.

– Это может указывать на то, что убежище преступника находится в глуши, – предположил Калеб. – Думаю, не одному мне пришли на ум болота в Национальном парке. Амели понимала, что пешком не дойдет. Заплутает в лесу и будет блуждать много дней, прежде чем кого-нибудь встретит.

– Хм… Но почему преступник не заметил ее отсутствия, прежде чем таинственный второй мужчина уехал? – спросил Роберт.

Хелен с сожалением покачала головой:

– Она ничего не говорит об этом. Ничего… Стоит затронуть тему преступника, укрытия, подробности ее заточения или заговорить о втором мужчине, как она тут же отключается. Просто потому, что не хочет возвращаться туда, откуда с таким трудом вырвалась.

– Будем надеяться, что это не навсегда, – ответил Калеб. – Так или иначе, нам придется переломить эту ситуацию, потому что нужно больше информации. Вы как будто нашли к ней подход, Хелен.

Хелен покраснела, не то от смущения, не то от радости.

– Итак, – продолжила она, – по мнению Амели поездка заняла около сорока пяти минут. Как ни странно, за это время преступник ни разу не позвонил второму мужчине. Ведь если б он обнаружил, что Амели сбежала, мог бы сложить два и два. То есть похититель в течение почти часа не подозревал о случившемся. Чтобы это объяснить, нужно знать условия заточения Амели. Как это выглядело? Возможно, б*о́*льшую часть времени пленница была предоставлена сама себе, поэтому ее побег и остался незамеченным.

Хелен остановилась перевести дух, а затем продолжила:

– Так или иначе, в конце концов они остановились. Водитель вышел, но не запер машину, из чего Амели сделала вывод, что он быстро вернется. Она открыла дверь и побежала. В никуда, в полную темноту. Амели понятия не имела, где находится, и времени осмотреться у нее не было. Краем глаза она заметила фонари, короткий крутой склон прямо рядом с машиной, дорожку, присыпанную гравием. Она слышала море. Но вплоть до того момента, как прыгнула в воду, не понимала, где оказалась, хотя хорошо знает эту местность. Амели была слишком напугана, почти в шоке, и действовала не столько из рациональных соображений, сколько инстинктивно.

– На этот счет у нас есть кое-какие идеи, – сказал Роберт. – Судя по тому, где ее нашел Алекс Барнс, а также из указаний на грунтовую дорожку, местом, где остановилась машина, могла быть парковка между Си-Клифф-роуд и Уиткрофт-авеню. Там все именно так: лужайка, гравий, крутой спуск к набережной. Место идеально подходит под описание.

Калеб кивнул. Он жил на Уиткрофт-авеню.

– Я уже отправил на парковку криминалистов. Они там всё прочешут. Поздновато, конечно, но, может, что и найдут… То есть территорию вокруг мы давно обыскали, но теперь поле деятельности сужено. И мы знаем, что был автомобиль. Совершенно другие предпосылки поиска.

Калеб сам услышал, как ободряюще-оптимистично это прозвучало. Впервые у них появилась возможность куда-то двигаться.

Хелен продолжила подводить итоги бесед с Амели:

– Итак, Амели добралась до Кливленд-уэй и побежала по набережной. Потом ей показалось, что некто преследует ее по пятам. Что касается по крайней мере этого пункта, я отнеслась бы к ее показаниям с осторожностью, но Амели до сих пор убеждена, что это не было пустой игрой воображения. Итак, шторм, ливень, грохот прибоя… Как она могла хоть что-нибудь за этим расслышать? Мы не можем утверждать, что водитель машины заметил ее побег и пустился в погоню. Так или иначе, внезапно она свернула вправо и схоронилась у причальной стены. Там небольшая выемка, наподобие ниши. А преследователь побежал дальше.

Калеб с Робертом кивнули. Оба прожили в Скарборо не один десяток лет и знали, о чем говорит Хелен.

– Некоторое время Амели сидела там, – продолжала Хелен. – Сжавшись в комок и прильнув к каменной стене. Она утверждает, что перелезла через стену после того, как услышала, как он возвращается. Повторю, что отнеслась бы с осторожностью к ее показаниям, но Амели уверена, что все было именно так. Конечно, паника могла сыграть с ней злую шутку…

– Такое вполне возможно, – согласился Калеб.

Он знал, насколько громким может быть море, заглушающее все остальные звуки. Когда штормовой ветер швыряет волны в стену набережной, человек едва ли способен расслышать собственный голос.

Тем не менее Амели могла чувствовать преследователя. Но не менее вероятно, что она его себе просто вообразила.

Калеб потер глаза – жест, помогавший привести мысли в порядок.

– Тут возникает несколько вопросов… – осторожно начал он.

Это было сильным преуменьшением, потому что вопросы хлынули лавиной. Оставалось сосредоточиться на самых актуальных.

– Почему он остановился на этой парковке? Как так получилось, что он вышел и не запер машину? Это действительно может свидетельствовать о том, что он собирался тут же вернуться. И вряд ли где-нибудь там живет.

– Почему бы и нет? – сказал Роберт. – Что, если он забыл ее запереть?

– Жители этого квартала паркуются в другом месте, – сказал Калеб. – К парковке примыкают две улицы; там жилые дома, и есть где поставить машину. Не говоря о том, что у многих гаражи. Этой парковкой пользуются в основном туристы.

– В основном, но не исключительно, – заметил Роберт. – Нет закона, который запрещал бы местным жителям там парковаться.

– Разумеется, я говорю о вероятности, – уточнил Калеб.

– Он вполне мог припарковаться и на одной из улиц, – заметил Роберт. – Амели ни в чем не уверена, в том числе и том, что касается парковки.

Хелен покачала головой:

– Она говорит о лужайке и крутом склоне, который начинался прямо под ее ногами и с которого она вышла на гравийную дорожку. Помнит темноту и фонари в отдалении. В этом она достаточно точна.

– Мы не должны исключать того, что он там живет, – настаивал Роберт. – Или же приехал кого-то навестить и в спешке забыл запереть машину. Он ведь не знал, что везет пассажирку.

– Разумеется, мы поговорим с жителями, – сказал Калеб. – И проверим их машины. Кстати, Дэвид Чапленд, который пришел на помощь Алексу Барнсу, живет на Си-Клифф-роуд. Я найду время присмотреться к нему внимательнее.

– Водитель мог выйти, чтобы справить нужду, – предположил Роберт. – В таких случаях машину обычно не запирают.

Калеб нахмурился:

– Странное он выбрал место для этого. Рядом с жилыми домами… Он ведь двигался туда целенаправленно, не просто проезжал мимо.

– Он заплутал, – предположил Роберт. – Петлял по кварталу, захотел в туалет и увидел безлюдную парковку.

– Хм… – Этот довод Калеба явно не убедил.

– Во всяком случае, – вмешалась в разговор мужчин Хелен, – он быстро вернулся к машине и увидел, что задняя дверца открыта. Подошел, понял, что Амели убежала, и пустился в погоню. Все как утверждает Амели.

– Самое удивительное, что ей вообще удалось убежать, – сказал Калеб.

– Подозреваю, что на ее стороне был фактор внезапности. И она оказалась более проворной, чем он, – продолжала Хелен. – Не менее важно, что Амели было нечего терять. Она бросилась прочь от машины. Он медлил, не решаясь пуститься за ней по крутому склону, сквозь ливень и штормовой ветер. Даже если он знал, что его друг или знакомый держит взаперти девушку, ему потребовалось время осознать, что это она выскочила из его машины. Но не исключено, что он понятия не имел ни о какой девушке и принял того, кто выскочил из машины, за вора. Так или иначе, логично предположить порог торможения, который ему нужно было преодолеть. Бежать за ней было небезопасно.

– Мне до сих пор неясно, как следует классифицировать ее героического спасителя, – заметил Калеб. – Алекс Барнс шел из города по Кливленд-уэй, что действительно странно. Уж очень неподходящие условия для прогулки. И до его квартиры довольно далеко. Зачем это ему понадобилось?

– Это мы уже обсуждали, – напомнил Роберт.

Иногда его утомляла склонность шефа снова и снова вгрызаться в одни и те же вопросы, даже если появились новые подходы к расследованию. С другой стороны, поведение Алекса Барнса и в самом деле вызывало недоумение. Что, конечно, само по себе не делало его преступником. Просто время от времени люди ведут себя нелогично.

– Барнс должен был столкнуться с преследователем Амели, – сказал Калеб, – даже не зная, что это преследователь. И он должен был запомнить, если б встретил кого-то в такое время в таком месте.

– Если Амели действительно не вообразила себе эту погоню, – поправила Хелен. – А если преследователь развернулся и пошел назад к машине, он мог вообще не встретить Барнса.

– Или же Барнс появился там намного позже, когда тот уже ушел, – сказал Роберт.

– Амели не могла долго оставаться в таком положении, – покачал головой Калеб. – Она говорит о вечности, но в такой ситуации и пять минут растянутся в вечность. Полагаю, все произошло довольно быстро. Она сбежала со склона, думая, что за ней гонятся, спустилась к стене. Услышала, как он пробежал мимо, а спустя несколько секунд ей почудилось, что он возвращается. Амели перелезла через стену и встала на выступ по ту сторону стены, цепляясь за скользкий камень. Волны обрушивались на нее сзади. Алекс Барнс должен был появиться быстро.

– Она могла продержаться довольно долго, – возразил Роберт. – И прибой, каким бы ужасным он ни был, прижимал ее к стене.

– Можно провести следственный эксперимент, – предложил Калеб, но не заметил особого энтузиазма на лицах сотрудников. – Я бы как следует проверил Барнса, – повторил он. – Нужен ордер на обыск его квартиры. Рассчитывать на это сейчас значит принимать желаемое за действительное, и все-таки я хочу присмотреться к нему внимательнее. Продолжим допросы, пока он не сможет дать более или менее разумного объяснения, как оказался на набережной в такое время.

– Вы его подозреваете? – обеспокоенно спросила Хелен.

– Допустим, водитель машины – Алекс Барнс. Он же преследователь Амели. Она заявила, что никогда раньше его не видела, потому не смогла его опознать. Насчет голоса также нельзя ничего утверждать наверняка. Если то, что она говорит, не игра воображения и нервов, водитель был совсем рядом. И проходил мимо нее, когда она схоронилась под стеной. Потом развернулся и пошел обратно к машине. А она перелезла через стену.

– Она звала на помощь, – напомнил Роберт.

– Здесь нет абсолютно никакого противоречия, – заметила Хелен. – Оказавшись над водой, Амели испугалась до смерти и инстинктивно закричала, не отдавая себе отчета, что ее может

услышать преследователь. В подобных ситуациях люди редко ведут себя рационально. Он обнаружил ее и схватил за руки.

– И пытался удержать ее от падения? – недоверчиво переспросил Роберт.

– Что, если то, что мы до сих пор принимали за попытку спасения, на самом деле было попыткой оторвать ее руки от стены?

– Не знаю, звучит как-то…

– Просто столкнуть Амели в воду было очень рискованно, – заметила Хелен. Ее голос звучал так, как будто она хотела несколько смягчить версию Калеба. – Потому что не было никакой гарантии, что она утонет. Она могла спастись вплавь и опознать в Барнсе человека, в машине которого пряталась. А потом и другого, похитителя. Мы не знаем, был ли водитель машины соучастником. Можем лишь утверждать это с некоторой степенью вероятности, учитывая то, как настойчиво он преследовал Амели. Так действовал бы тот, кто знал, что она представляет для него опасность.

Калеб с благодарностью посмотрел на Хелен.

– И почему бы нам не предположить, что он действительно намеревался вытащить ее из воды? – продолжала та. – Вернуть похитителю, чтобы не рисковать. Мы ведь до сих пор в полном неведении относительно мотива похищения Амели Голдсби. Что, если оба мужчины не могли или не хотели так просто отказываться от добычи? Да, она представляла для них опасность. И преследователь хотел вытащить ее на берег. Правда, тут ему не повезло – некстати подвернулся Дэвид Чапленд, который немедленно бросился на помощь. Ситуация вышла из-под контроля, и Барнсу ничего не оставалось, как только разыгрывать из себя спасителя.

– Тут есть две загвоздки, – сказал Роберт.

– Какие? – раздраженно спросил Калеб.

– Во-первых, Алекс Барнс действительно возвращался из пиццерии, где работал. И второе – у него нет машины.

Нависла пауза.

– Верно, – признала Хелен.

– Черт, – выругался Калеб.

– И еще кое-что, – продолжал Роберт. – Его выселили из квартиры. Поэтому Барнс и появился в доме Голдсби. Это я к тому, что если мы все-таки получим ордер на обыск…

– Я идиот! – Калеб вскочил со стула. – Конечно, выселение! Если в квартире сделают ремонт, все улики будут уничтожены. У нас нет ордера прокурора, но домовладельца нужно остановить. Может, он пойдет нам навстречу, даже пустит в квартиру…

– Сэр, мы должны помнить, что все возможные доказательства будут представлены в суде, – предупредил Роберт. – Будем по возможности придерживаться формы.

– Будем придерживаться, – заверил Калеб. – Конечно, пороть горячку ни к чему. Но если Алекс Барнс как-то в этом замешан, он может вывести нас и на убийцу Саскии Моррис.

– То есть вы считаете, что дело Моррис как-то связано с Голдсби? – спросила Хелен.

Калеб пожал плечами:

– Думаю, этого нельзя исключать.

Роберт Стюард тихо вздохнул. Одним из недостатков старшего инспектора Хейла было то, что он уж очень концентрировался на одной версии и одном преступнике. Иногда это позволяло быстро и решительно развернуть расследование, а не плутать в лабиринте теорий, как вечно сомневающийся Роберт. Но иногда Калеб становился уж очень упертым и просто не видел ни других вариантов, ни собственных слабых мест и ошибок.

Теперь он нацелился на Алекса Барнса. Роберт видел, сколь многое говорит против этой версии. Прежде всего, что в тот вечер Барнс действительно обслуживал столики, что подтвердили и владелец пиццерии, и многие посетители. Ничто не могло разубедить Роберта в том, что любую версию следует довести до конца, до полного опровержения или подтверждения.

Еще хуже было, что иногда Калеб отказывался исключить то, что подлежало исключению как очевидно невозможное. Или подгонял факты под полюбившуюся ему версию.

– Нужно найти хозяина квартиры, – сказал он, – и попросить его ничего там не трогать. Окрестности дома, где жил Барнс, тоже надо прочесать. Кто-нибудь когда-нибудь видел, как он водит машину? Где он мог ее взять? Вне зависимости от показаний владельца и посетителей пиццерии, я хочу это знать. И еще раз побеседовать с самим Барнсом. Кто-нибудь знает, где он?

Роберт и Хелен дружно покачали головами.

– Найдите его, – приказал Калеб.
– Будет сделано, – отозвался Роберт.

Пятница, 3 ноября

1

Не то чтобы Кэрол чувствовала себя обязанной выполнять работу полиции, просто ее сводило с ума, что ничего не происходит. Хотя об исчезновении Мэнди давно было заявлено – с детальным, насколько такое было возможным, описанием обстоятельств случившегося.

По крайней мере, со стороны действий полиции не было видно. Кэрол помнила переполох в связи с исчезновением Амели Голдсби три недели назад. Пресса пестрила заголовками на эту тему, повсюду шныряли полицейские, поисковые команды прочесывали территорию за городом. Теперь же Кэрол не наблюдала ровным счетом никакой реакции, будь то властей или общественности.

Отчасти это объяснялось тем, что Мэнди, в отличие от Амели, действительно сбежала из дома. Пополнив тем самым ряды беглых подростков, тысячами бродивших по стране, внезапно исчезавших, по тем или иным причинам, иногда вновь объявлявшихся спустя короткое время, а иногда пропадавших навсегда.

Вечный кошмар родителей, но ресурсы полиции требовалось увеличить в тысячи раз на расследование хотя бы одного такого случая. Кэрол понимала это, и все же…

Пропажа Мэнди не совсем вписывалась в эту стандартную схему. Прежде всего потому, что по городу и окрестностям бродил некто, похищавший и убивавший девочек подросткового возраста, ровесниц Мэнди. Саския была замучена до смерти, Амели Голдсби удалось бежать. Логично допустить, что злоумышленник ищет новую жертву. Мэнди беззащитна и может стать легкой добычей.

В ту пятницу днем Кэрол снова навестила Аллардов, прекрасно осознавая, что это вряд ли поможет сдвинуть дело с мертвой точки. Пэтси Аллард точно не пошла бы в полицию по доброй воле, даже если б и вспомнила, где может обретаться ее дочь, или та каким-то образом дала бы о себе знать. Во-первых, из-за грозящего Пэтси обвинения в нанесении телесных повреждений. С этим медлили,

поскольку в отсутствие Мэнди ничего невозможно было доказать. Сестра Мэнди Линн говорила о серьезном ожоге, Пэтси Аллард – о нескольких каплях кипятка, попавших на руку ее дочери. Все прояснится, как только появится Мэнди, и эта история может иметь неприятные последствия для ее матери. Для такой женщины, как Пэтси, этого вполне достаточно, чтобы оставить все как есть, вместо того чтобы активно помогать полиции в поисках девочки.

Ледяной ветер с северо-восточного побережья как будто задул отопление в доме Аллардов, а может, виной всему были покосившиеся окна с неплотно прилегающими к стенам рамами. Так или иначе, на кухне было холодней, чем обычно. Пэтси, конечно, не предложила ни чаю, ни печенья, лишь досадливо закатила глаза при виде Кэрол. Марлон сидел за столом и смотрел перед собой.

– Мы ничего не знаем, – объявила Пэтси, прислонившись к плите.

То же, что и всегда. Она не стала садиться, намекая тем самым, чтобы Кэрол не задерживалась.

– Я знаю кое-кого из знакомых Мэнди, из наших с ней бесед, – сказала Кэрол. – К сожалению, слово «друзья» было бы здесь преувеличением. Никто из них также ничего не знает.

Пэтси пожала плечами.

– Но ей кто-то помогает, – продолжала Кэрол. – С травмой руки, без денег, она не выжила бы одна.

– Ну, несколько капель кипятка не могли ее травмировать, – быстро заметила Пэтси.

Кэрол вздохнула:

– Неужели вы совсем не переживаете за Мэнди?

– А что толку переживать? Мэнди умна. И это ее решение. Двери нашего дома всегда открыты для нее, и она может вернуться в любой момент.

«Мэнди скорее откусит себе язык, чем сделает это», – подумала Кэрол.

– Саския Моррис, ровесница Мэнди, недавно найдена убитой, – сказала она вслух. – Похитили еще одну девушку, но той удалось бежать. Преступник до сих пор не пойман и бродит где-то в городе или окрестностях.

– Мэнди умна, – повторила Пэтси. – Она не пойдет с таким парнем.

– Мэнди может оказаться в ситуации, когда пойдет с любым, кто ее накормит и даст крышу над головой. Я знаю, что она не глупа и не наивна, но в одиночку ей на улице не выжить, тем более в это время года.

– Я не знаю, где она, – развела руками Пэтси. – Но уверена, что Мэнди есть где укрыться от холода. Иначе она давно вернулась бы домой.

– А если с ней что-то случилось и она не может вернуться?

– Нет, ничего не случилось, – уверенно заявила Пэтси. – Я – мать, матери чувствуют такие вещи.

– Ну, в отношении вас я не стала бы так уверенно утверждать… – начала Кэрол, но Пэтси резко оборвала ее:

– Меня не интересует, стали бы вы или не стали. Как вы можете что-то утверждать о том, о чем не имеете ни малейшего представления? Вы – не мать. У вас нет детей, как же вам понять мои чувства? Может, стоит наконец выйти замуж и забеременеть?

Но Кэрол не желала менять тему.

– Речь не обо мне, – холодно возразила она. – О вашей дочери, Петси. Вам следовало бы проявить больше участия. Когда-нибудь Мэнди объявится, и тогда встанет вопрос о причине ее бегства. Для вас будет лучше, если вам не придется объяснять, почему вас совершенно не волновало, где пропадала ваша дочь в течение нескольких недель.

Глаза Пэтси сузились:

– Вы мне угрожаете?

– Всего лишь указываю на факты, не более того.

– Вам лучше уйти прямо сейчас. От меня вы больше ничего не добьетесь, даже если просидите здесь до утра.

Кэрол встала:

– Если что-нибудь вспомните, вы знаете, где меня найти.

Пэтси не ответила. Она вообще не двинулась с места, когда Кэрол пошла к входной двери. Последние несколько минут Кэрол было жарко, несмотря на холод в доме. Она переживала за Мэнди и чувствовала себя оставленной всеми один на один с этой проблемой. Семья Мэнди, полиция, даже ее начальница Ирен – все отстранились.

– Сейчас мы все равно ничего не можем сделать, – сказала Ирен. – Не тратьте понапрасну силы, Кэрол.

Оказавшись на улице, застроенной тоскливыми, ветхими домами, Кэрол закрыла за собой дверь и смахнула с глаз слезы. Она слишком переживает за всех, вот в чем проблема. До сих пор не научилась держать дистанцию с людьми, с которыми имеет дело по работе. В какой-то момент нужно просто поднять разводной мост и почувствовать себя частным лицом…

В тот день Кэрол припарковалась довольно далеко от дома Аллардов, ближе не нашлось места. Поэтому ей пришлось долго возвращаться к машине. Когда она почти дошла, услышала за спиной торопливые шаги. Обернувшись, с удивлением узнала в спешащем к ней мужчине Марлона Алларда. Он выглядел встревоженным, напуганным и долго пыхтел, прежде чем заговорить, потому что страдал одышкой.

– Тсс… – Марлон приложил к губам палец и огляделся.

При других обстоятельствах Кэрол наверняка рассмеялась бы – уж очень забавно выглядел страх Марлона перед женой.

– Пэтси думает, что я лежу наверху, – прошептал он. – Она не знает, что я побежал за вами.

– Вам известно что-нибудь о Мэнди? – с ходу спросила Кэрол.

Марлон покачал головой:

– К сожалению, ничего конкретного. Но я вспомнил, что Мэнди как-то упомянула одного мужчину… ее друга, или что-то вроде того.

– Кто это?

– Я не знаю его настоящего имени. Его называют Кот, якобы из-за того, что у него много кошек. Он живет в полуразрушенном доме на Элм-роуд. Это я тоже слышал от Мэнди. Не думаю, что он ее парень… ну, в смысле романтических отношений. Но они время от времени общаются, и она ему доверяет.

Кэрол положила руку ему на плечо:

– Спасибо, Марлон. Я немедленно еду туда.

– Я беспокоюсь, – пробормотал Марлон. В его мрачном, тоскливом взгляде была и тяжесть неудавшейся жизни, и страх за дочь. – Мэнди вовсе не так умна. Иногда ведет себя как маленькая девочка. Пэтси явно недооценивает опасностей, которые могут грозить Мэнди на улице. И с каждым днем она становится все более слабой и беспомощной.

– Это то, что я говорю, – мягко подтвердила Кэрол. – И вы дали мне хоть какую-то наводку, спасибо.

Марлон тяжело вздохнул, развернулся и, тяжело волоча ноги, побрел к своему дому.

* * *

Место, о котором он говорил, Кэрол нашла сразу. В этом квартале несколько полуразваленных домов были расселены, но только возле одного из них по забору шла кошка, которая при появлении Кэрол быстро канула в туман. Здесь, должно быть, и жил тот самый Кот. Кэрол поежилась. Дом давно должен быть оцеплен и снабжен предупреждающими знаками. Обрушения можно ждать в любой момент.

Входная дверь косо держалась на одной петле и поддалась, как только Кэрол ее толкнула. В нос ударил запах кошачьей мочи. Казалось, весь дом пропитан ею. Поскольку на улице к тому времени совсем стемнело, а окна были заколочены, Кэрол пробиралась скорее на ощупь, но разглядела, что на ведущей на второй этаж деревянной лестнице нет ни одной целой ступеньки. Зато каменная, спускающаяся в подвал, была в полном порядке. Из-под двери внизу лился тусклый свет.

Кэрол собралась с духом – ей действительно было страшно в этой лачуге – и спустилась в подвал.

Она оказалась в помещении без окон, с каменными неоштукатуренными стенами и сырым затхлым воздухом. Мрачную обстановку скрашивали многочисленные свечи, там и тут испускавшие мерцающий свет. И повсюду были кошки. На грязном матрасе лежал молодой человек с длинными волосами и в испачканной одежде. Он курил с закрытыми глазами, вряд ли обычную сигарету. Сквозь кошачью вонь пробился запах гашиша. Смесь запахов ошеломляла, била по мозгам.

Рядом с молодым человеком сидела женщина постарше Мэнди, не меньше двадцати лет, со спутанными, давно не мытыми волосами, в грязной одежде и с лицом как на последней стадии истощения. Время от времени она тянулась к сигарете молодого человека, глубоко

затягивалась и возвращала назад. Женщина также не открыла глаз при появлении Кэрол. Оба как будто витали где-то не здесь.

– Добрый вечер, – поздоровалась Кэрол.

Женщина открыла устремленные куда-то в пустоту глаза.

– Привет, – механически отозвалась она.

– Я ищу Мэнди Аллард. Она здесь?

Женщина вскочила, как наэлектризованная, и бросилась на Кэрол:

– Ушла она! Ушла! И не вернется. И ты иди подальше, если тебе нужна эта сучка.

Мужчина – Кот, как нетрудно было догадаться – принял сидячее положение и устало заморгал:

– Что такое?

– Она ищет Мэнди, – женщина указала костлявым пальцем на Кэрол. – Она все-таки ищет Мэнди! Об этом все знают. Что у тебя было с этой чертовой сукой?

– Ничего не было, – пробормотал Кот, которому с трудом удавалось сосредоточиться на окружающей реальности.

– Я ее выгнала, – объяснила женщина, – слышишь? Я прожила с ней несколько дней и заметила, что она неровно дышит к Коту. Он мой, понятно?

– Так Мэнди была здесь? – спросила Кэрол.

– Была, и пыталась зависнуть. Она думала, я скоро уберусь отсюда, – женщина презрительно захихикала. – Не на ту напала! Я с ней справилась. Это у Кота на все «да» да «аминь», но я-то из другого теста.

Обкуренный Кот – яблоко раздора двух женщин – снова опустился на матрас и закрыл глаза.

– Если у нее осталась хоть капля мозгов, больше она здесь не появится, – сердито закончила женщина. – А то я в два счета подправлю ее симпатичное личико, так что больше ни один парень не взглянет.

Кэрол подумала, что не хотела бы иметь эту даму своим врагом. Неудивительно, что даже задиристая Мэнди сбежала отсюда.

– Когда это было? – задала следующий вопрос Кэрол. – Как давно Мэнди была здесь?

– Не так давно, – шепотом ответил Кот. – Минут десять назад.

Кэрол уставилась на него в недоумении. Нет, это не могло быть правдой. Должно быть, обкуренный Кот что-то путает…

– Минут десять или около того, – подтвердила его подруга.

Кэрол развернулась и побежала по лестнице.

– Только сюда пусть больше не заявляется! – хрипло прокричала ей вслед подруга Кота.

Десять минут назад – невероятно! Получается, Кэрол чуть не столкнулась с ней нос к носу. Она могла бы забрать отсюда Мэнди и перевезти куда-нибудь в более безопасное место.

Спотыкаясь, Кэрол добралась до сломанной двери и вышла на темную улицу.

– Черт, – выругалась она и осмотрелась.

Ни Мэнди, ни прохожих, у которых можно было бы спросить. Пронизывающий ветер с моря разогнал всех по домам.

Кэрол бродила по окрестным переулкам, заглядывала во дворы, но никого не видела. Холод щипал за щеки, слезились глаза. Где искать Мэнди в такую погоду? Она не может спать на улице, ей нужна крыша над головой. Кэрол стучалась в двери домов, некоторые из которых явно были нежилыми. Бесполезно.

Она вернулась к машине. Все проще, чем на своих двоих. Может, Мэнди все еще где-то здесь…

«Десять минут», – сказал Кот. Кэрол не приняла бы его слова всерьез, если б не подруга, которая на тот момент как будто вполне дружила с головой, хотя и была вне себя от ревности. Даже если прошло пятнадцать или все двадцать минут, Мэнди не могла уйти далеко.

Спустя три четверти часа Кэрол все еще кружила по улицам. Включала фары, когда замечала что-нибудь подозрительное, но каждый раз разочарованно вздыхала. Это была не Мэнди, которую она искала. Другой человек или просто тень на ветру.

Кэрол остановилась и в отчаянии стукнула кулаком по рулю.

2

Она брела по улице. От холодного ветра по щекам текли слезы. А может, Мэнди плакала от отчаяния, потому что понимала, что рано или

поздно придется сдаться. Вернуться домой и терпеть насмешки матери. Каждый день видеть отца, его уныние, страх. Сестру, которая сумела приспособиться даже к такой жизни. Наконец, Кэрол из департамента по делам молодежи. Вечно озабоченную Кэрол, с предупреждениями о последствиях и о том, что ничто не проходит даром…

Какую там еще чушь выдумали взрослые для тех, кто рискнул сойти с проложенного ими пути? «Последствия» – любимое слово Кэрол. Тебе придется столкнуться с последствиями. Такова жизнь.

Дерьмовая жизнь.

Мэнди вернулась к Коту после побега из квартиры Брендана, где чуть не попала в руки полиции. Она не знала, куда идти, вот и решила попробовать еще раз, хотя девушка Кота все еще была там. Ее звали Элла, и Мэнди подумала, что она похожа на измученную ведьму. Элла не пришла в восторг от появления Мэнди.

– Всего на одну ночь, – просила Мэнди. – Прошу вас. Мне некуда идти.

– Домой, – отрезала Элла, – к маме с папой. Там твое место.

Но накуренный Кот взял сторону Мэнди.

– У нее действительно паршивый дом, Элла. Ей туда нельзя. Посмотри, что они сделали с ее рукой.

Рука впечатлила даже не склонную к состраданию Эллу.

– Боже мой! Это сделали твои родители?

– Мать.

– Тебе нужно обратиться в полицию.

– Только не это. Меня поместят в дом ребенка.

– Может, так будет лучше?

Мэнди посмотрела ей в глаза и покачала головой:

– Нет.

Кот, уже предчувствовавший скандал, выглядел огорченным.

– Ты можешь остаться здесь на ночь, Мэнди, это ясно, но…

– Мне не ясно, – перебила его Элла. – Объясни.

– На улице холодно, я не могу выставить Мэнди за дверь, – ответил Кот. – Но ты должна решить эту проблему, Мэнди. Втроем нам будет тесно. Ну, и… жизнь идет, тебе надо куда-то двигаться.

Из всех ее знакомых только Кот говорил об этом. О жизни, которая должна куда-то двигаться. При том, что сам вел совершенно

бесцельное существование и вообще непонятно как держался на плаву. Однако Мэнди не стала спорить. Время для философских дискуссий было явно неподходящее.

В итоге она задержалась там еще на четыре дня и столько же ночей. Обстановка накалялась. На второй день Элла уже открыто выражала свою враждебность. Кот громко мычал, чтобы не слышать ее голоса, а Мэнди плакала. В пятницу днем противостояние достигло пика. Элла пошла в магазин и вернулась с полной сумкой продуктов, за которые платила *одна* – что не уставала всячески подчеркивать.

Кот не отвечал, Мэнди тоже не знала, что сказать. Тогда Элла перешла от намеков к прямому выяснению отношений:

– Ты в самом деле считаешь правильным, Мэнди, что мы тебя здесь кормим? Может, тоже что-нибудь внесешь?

У Мэнди оставалось десять фунтов, ее неприкосновенный запас. Теперь их пришлось достать:

– Вот. Больше у меня нет.

Лицо Эллы вспыхнуло от возмущения. Мэнди подозревала, что Элла всего лишь искала повод для ссоры. Она ведь знала, что у Мэнди нет денег, и было бы смешно этим возмущаться.

– Десять фунтов? – Элла презрительно поморщилась. – И что мне с этим делать? Ты околачивалась здесь сутками, ела и пила за наш счет, а теперь щедрой рукой швыряешь мне десять фунтов?

Мэнди снова заплакала:

– Если б у меня было больше, разве я не дала бы? Откуда мне взять?

– Не надо было убегать из дома, если понятия не имеешь, как будешь начинать новую жизнь. В итоге ты нас объедаешь, и…

Тут вмешался Кот – и сделал только хуже.

– Мэнди почти ничего не ест, – заметил он. – Ты не можешь так говорить, Элла.

Элла вспыхнула:

– Так ты еще и защищаешь ее? Ты – ее! Почему бы просто не признаться, что между вами что-то есть? Думаешь, я такая глупая? Вы оба считаете меня дурой!

Кот хотел ее успокоить, но Элла оттолкнула его. На какое-то мгновение показалось, что она вот-вот набросится на него с кулаками. Но Элла только встала посреди комнаты, источая гнев.

– Тебе пора, – прошептал Кот Мэнди.

Она немного подумала и согласилась. Надела куртку и поднялась по каменным ступеням к выходу. Слезы текли по ее лицу. Теперь точно придется сдаться. Сопротивление бессмысленно. Все в жизни потеряло смысл.

Ее ждет ненавистный родительский дом. Департамент по делам молодежи. Еще тот будет спектакль! Она ведь сбежала, да и рука выглядит совсем плохо… А значит, они решат забрать ее из семьи.

Из опасения привлечь к себе внимание Мэнди избегала появляться в центре города. В подвале у Кота не было зеркала, но она легко могла представить себя со стороны – немытую, с жирными спутанными волосами, в грязной одежде, насквозь пропахшей подвалом. При этом она очень молода. Такую полицейские точно не пропустят. Да даже и без полицейских, все равно придется сдаться.

Мэнди понимала, что попала в тупик, но где-то теплилась надежда, что выход существует. Вопреки неумолимой человеческой логике.

На этот раз она услышала, как приблизилась машина. Телефон с наушниками остался в квартире Брендана, поэтому водителю не удалось застать Мэнди врасплох. Он затормозил и остановился.

Большая темная машина – вот и все, что могла видеть Мэнди. Немного похожа на ту, что была у Брендана. Или у его приятеля. Может, та же самая, но этого Мэнди утверждать не могла. Окно пассажирского сиденья было опущено.

«Беги, – прошептал Мэнди внутренний голос. – Беги быстро, как только можешь».

Когда ее подобрал Брендан – это было не так давно, но казалось, вечность назад, – внутренний голос молчал. На этот же раз явно что-то происходило – внутренняя борьба, ощущение опасности, и этот голос…

Беги, беги, беги…

Мэнди не могла себе этого позволить. Слишком безнадежной была ее ситуация.

Она подошла к машине.

Часть II

Понедельник, 6 ноября

1

Переезжать в пустой дом – странное ощущение. В действительности, правда, все оказалось не так страшно, как представляла себе Кейт. Просто дом ее родителей, из которого вывезли абсолютно все, выглядел совсем по-другому. Свежевыкрашенные стены. На втором этаже – светлое ковровое покрытие. В гостиной – отполированный паркет. Серая плитка на кухне и в прихожей, вычищенная пескоструйным аппаратом. Сама кухня была единственным местом, где сохранилось что-то от прежнего интерьера – раковина, плита, холодильник и пара подвесных шкафов. Больше ничего.

Кейт захватила с собой коврик для йоги, спальный мешок и отнесла их наверх, в свою бывшую детскую. В ванной повесила полотенце. В гостиной поставила два складных столика перед встроенным в стену электрическим камином. Пластиковую посуду – чашки, тарелки и столовые приборы – убрала в кухонные шкафы. Кошачий лоток со свежим наполнителем поставила в прихожей. Месси[2] – так назвала Кейт свою новую питомицу, имея в виду образ жизни ее прежних хозяев – настороженно обнюхивала углы в доме. Она уже привыкла к лондонской квартире Кейт и, похоже, не была в восторге от переезда.

– Это временно, – успокоила кошку Кейт. – Как только объявится покупатель, мы вернемся домой.

Кейт вздохнула. Она и сама толком не понимала, что забыла в Скалби.

– Отправьте информацию риелтору, – советовала соседка по телефону. – А когда отыщется покупатель, приезжайте оформлять документы. Вам совсем необязательно быть там сейчас. Я могу проследить, чтобы все прошло гладко.

Конечно, соседка была права. Провести две драгоценные недели отпуска в пустом доме – ненужная жертва. Кейт уже связалась с

агентом по недвижимости в Лондоне. Он собирался приехать во вторник, посмотреть дом и сделать рекламные снимки. Кейт для этого не нужна.

– Все-таки как это на тебя похоже, – сказала она себе. – Просидеть две недели в пустом доме с кошкой… В Скалби, в ноябрьскую непогоду, в полной изоляции… Хорошо, если объявится покупатель. Иначе в ближайшие несколько дней ты не увидишь никого, кроме кассира в супермаркете. Браво, Кейт! Наконец ты ступила на правильный путь. Теперь в твоей жизни обязательно произойдет что-нибудь по-настоящему захватывающее и прекрасное!

И все-таки она подозревала, что истинная причина того, что она здесь, в другом. Ей трудно было расстаться с домом. Решение о его продаже казалось естественным и единственно верным – Кейт не уставала убеждать себя в этом по несколько раз в день, – но не навестить его в последний раз представлялось невозможным. Именно в качестве владелицы, с возможностью еще немного пожить в этих комнатах. Открыть калитку, войти в сад. Подмести опавшие листья – Кейт заметила себе, что давно пора это сделать – или просто сидеть в гостиной и смотреть на электрическое пламя, как бесконечными зимами в далеком детстве и позже, когда навещала отца на Рождество.

Нигде в мире Кейт не было так тепло, как в этой комнате с искусственным огнем, будто вобравшим в себя родительскую любовь. После того как дом будет продан, она больше не сможет прийти сюда, набраться этого тепла, так помогавшего противостоять холодному внешнему миру. Нужно искать новый источник.

Кейт прочитала множество книжек по психологии на тему любви, тепла и чувства защищенности. Их авторы единодушно утверждали, что все эти вещи нужно найти внутри себя. Что сам человек должен стать для себя источником собственного счастья, только в этом случае он может рассчитывать на чудесное вознаграждение извне.

Последнюю такую книжку Кейт в ярости швырнула в угол. Возможно, психологи правы, но как быть тем, кто не в состоянии сам за волосы вытащить себя из болота? Продолжать страдать от одиночества и бороться с осознанием собственной никчемности?

В общем, постараться за эти дни вобрать в себя как можно больше тепла – единственное, что оставалось Кейт в этой ситуации. А потом продать дом, если, конечно, отыщется желающий. А до тех пор у Кейт

будет возможность понаблюдать, как она умеет справляться с собой и собственной жизнью.

Линвилл вернулась к машине и достала продукты, которые только что купила в супермаркете на углу Бернистон-роуд. Это место снова напомнило ей об Амели и ее семье. Интересно, как дела у Голдсби? Получается ли у Амели, пусть медленно, шаг за шагом, прорабатывать свою травму?

Кейт положила продукты в холодильник, наполнила миску Месси и поставила чайник на плиту. Она любила пить чай перед камином, когда на улице холод, дождь, и уже сгущаются ранние осенние сумерки. Кейт включила отопление во всех комнатах. Смущал разве что резкий запах краски, но к этому можно привыкнуть.

Стоило Кейт налить кипяток в кружку и положить туда пакетик, как в дверь позвонили. Линвилл нахмурилась. Кто это может быть? О том, что она здесь, знают только коллеги в Лондоне да незадачливый соблазнитель Колин Блэр. Но он не настолько пылает страстью, чтобы мчаться за ней на север, а коллегам здесь тем более делать нечего.

Кейт открыла. В свете дворового фонаря вырисовывалась фигура доктора Джейсона Голдсби. «Он плохо выглядит, – вот первое, о чем подумала Кейт. – Как будто не спал ночь».

– Можно войти? – спросил доктор Голдсби.

Они устроились в гостиной перед электрическим камином, с кружками чая в руках. Джейсон был настолько растерян, что поначалу не заметил, что оказался в доме без мебели. И только возле камина, с благодарностью глотнув горячего чая, огляделся вокруг и издал возглас удивления:

– О-о-о…

Кейт кивнула:

– Все расчищено и отремонтировано. Риелтор приедет завтра. Я продаю дом.

– Понятно, – Джейсон сделал следующий глоток.

– Откуда вы узнали, что я здесь?

Он неуверенно посмотрел на Кейт.

– Заезжал в «Теско». Сегодня удалось пораньше освободиться на работе, вот и решил закупиться. Там я увидел, как вы расплатились и пошли к выходу. Мне хотелось закричать на весь магазин… Но я все-таки вернулся домой и отыскал ваш адрес здесь, в Скалби, в нашей

гостевой книге. И сразу приехал сюда… – Он замолчал и поднял на нее виноватые глаза. – Надеюсь, я не слишком вас побеспокоил?

– Нет-нет, – поспешила заверить Кейт.

Она предпочла бы провести вечер в одиночестве, но Джейсон не стал бы приезжать сюда без крайней на то необходимости. Было бы жестоко просто взять и выставить его за дверь.

Джейсон подул на чай. Он как будто не знал, с чего начать. Кейт ждала.

И вдруг его словно прорвало:

– Семь дней! Верите или нет, семи дней достаточно, чтобы полностью изменить жизнь семьи. Можете себе такое представить?

– Вы говорите о семи днях отсутствия Амели?

– Да. Ужасное время. Самое ужасное в нашей жизни. Но все кончилось хорошо. Жизнь могла бы наладиться. В какой-то момент все должно было стать не более чем кошмарным воспоминанием, но нет…

– Так не бывает, – мягко заметила Кейт.

– Нет, и нет. Теперь все… другое.

– Как Амели?

Джейсон пожал плечами:

– Все еще не ходит в школу. И она умалчивает о… самых важных деталях. Где он ее держал? Как это выглядело? Что этот… похититель делал с ней?

Лицо Джейсона болезненно исказилось. Кейт понимала его. Каково представить своего ребенка в руках психопата, который может сотворить с ним все, что вздумается? Но, так или иначе, Амели вернулась…

– Очевидно, в ее случае подавить кошмар – единственный способ с ним справиться, – сказала Кейт. – Значит, пока у полиции ничего нет, кроме фантомного образа мужчины пятидесяти лет?

– Да, хотя прояснились кое-какие детали побега.

– Правда?

Об этом Кейт ничего не знала. Джейсон вкратце изложил актуальную версию случившегося. Рассказал про второго мужчину, в машине которого Амели удалось бежать. Про погоню сквозь тьму, к набережной и далее вдоль нее. Амели уверена, что он ее преследовал. И что не было другого выхода, кроме как перелезть через стену.

– Ну, а потом появился наш мужественный Алекс Барнс…

По тону его голоса Кейт поняла, что героический образ спасителя заметно потускнел. Во всяком случае, в представлении Джейсона Голдсби.

Она доверительно подалась к нему:

– Что не так с Барнсом?

– Он паразит, – выпалил Джейсон. – Противный навязчивый кровопийца, который присосался к нашей семье.

– В каком смысла «присосался»?

– Однажды Барнс появился на пороге нашего дома с дорожной сумкой в руке. Якобы выселили из квартиры за неуплату. Разумеется, Дебора взяла его под свое крылышко. Что ей еще оставалось?

– Он спас жизнь Амели.

– Инспектор Хейл полон сомнений насчет него. Две ночи, которые Барнс провел в нашем доме, женщина-полицейский спала под дверью комнаты Амели. Обычно она дежурит в машине на улице с коллегой-мужчиной. Потом Барнсу пришлось съехать: Хейл посчитал его присутствие в доме слишком рискованным…

– Он подозревает, что Барнс сыграл в этой истории еще какую-то роль, кроме спасателя?

В этом не было ничего необычного. Барнс – участник событий. Разумеется, его проверили.

Джейсон кивнул:

– Видимо. Так или иначе, Барнс забронировал номер в отеле «Краун», со спа-салоном и видом на море. Не самый дешевый отель, я бы сказал.

Кейт нахмурилась. Джейсон продолжал:

– Как минимум пять ночей за наш счет. За это время Дебора успела организовать для него небольшую мансардную квартиру, в которую он въехал сегодня. Мы – официальные арендаторы, потому что его, конечно же, никто туда не пустил бы. Так что мы платим и за это тоже. Кроме того, Дебора дважды одалживала ему машину, чтобы он мог ездить на собеседования. В наших интересах, чтобы Барнс наконец нашел работу. Пока с этим глухо. Потому что он не горит желанием работать, как мне кажется.

– Вы делаете всё это из благодарности?

– Конечно, мы чувствуем себя в долгу перед Барнсом. Дебора тратит на него то, что заработала за лето в отеле. Но нам нужно

погасить кредит, который мы взяли на ремонт. Я должен сделать это в самое ближайшее время. Плюс кредит за дом. В общем, это… я перестал спать по ночам. На самом деле я ведь не так плохо зарабатываю, но этот дом…

Подозрения Кейт полностью подтвердились. Голдсби переоценили свои возможности в том, что касается дома. Они худо-бедно тянули эту лямку, но только до тех пор, пока не произошло нечто непредвиденное.

– Мы уже много лет не ездили в отпуск, – продолжал Джейсон, – потому что не можем позволить себе проживание в отеле. И при этом неделю лечили этого парня в спа-салоне «Краун».

– Доктор Голдсби…

– Джейсон, пожалуйста.

– Джейсон, я очень вам сочувствую. Ситуация действительно сложная. Я не думаю, что мистеру Барнсу стоило принимать от вас такую форму поддержки, тем более если он понимает, что вы чувствуете себя в долгу перед ним. Но его, похоже, это не смущает. Вам с Деборой ничего не остается, как только разорвать отношения с ним, как бы трудно ни было на такое решиться.

– Мы проговорили всю ночь, – устало сказал Джейсон. – Это огромная проблема для Деборы. Конечно, жизнь нашего ребенка не может быть оценена в деньгах, сколько бы Алекс Барнс ни вытянул из нас. Но для Деборы расстаться с Барнсом сейчас значило бы искушать судьбу. Это не поддается никакой логике, но она боится, что с Амели снова случится что-то ужасное. Потому что мы не смогли оценить по достоинству ее спасения, этого дара. Абсурд, конечно, но я где-то понимаю Дебору. Хотя, если б не она, давно бы вычеркнул Барнса из своей жизни.

Кейт вздохнула. Ей было больно видеть отчаяние и беспомощность Джейсона. Этих семи дней действительно оказалось достаточно, чтобы разрушить жизнь семьи. Каждый из Голдсби оказался травмирован по-своему.

– Рада бы вам помочь, Джейсон, но…

– Я звоню инспектору Хейлу каждый день, – перебил ее Джейсон, – но, к сожалению, не всегда получается с ним связаться.

«Бедный Калеб», – подумала Кейт. Слишком знакомая ситуация, чтобы не понимать, сколько проблем доставляет ему Джейсон Голдсби.

Ежедневные звонки… Боже мой! Они отнимают так много сил и времени, между тем как такое напряженное расследование, как это, явно не оставляет в избытке ни того, ни другого.

– Он подозревает Барнса, это видно, – продолжал Джейсон. – Иначе позволил бы ему жить с нами. Не то чтобы это было мне особенно приятно, но точно обошлось бы дешевле. К сожалению, мистер Хейл не держит меня в курсе расследования, хотя… я и сам могу сложить два и два.

– Джейсон…

– Представьте себе, что ваша дочь убегает от преступника, который держал ее в заточении. Прячется в задней части автомобиля. Выскакивает из машины на парковке на Си-Клифф-роуд и бежит в сторону набережной.

Кейт прекрасно представляла себе этот маршрут. А если в штормовой вечер, сквозь ливень… Она поежилась.

– Ее кто-то преследует, – продолжал Джейсон. – Вероятно, водитель машины. Она перелезает через стену набережной и стоит на крошечном выступе с той стороны. В буквальном смысле висит над бездной. И тут появляется Барнс и пытается поднять ее. Что бы вы подумали?

– Я бы рассмотрела множество вариантов, включая тот, где Барнс выступает в качестве преступника, – ответила Кейт. – Но знаете, Джейсон, эта мысль точно приходила в голову Калебу Хейлу и его коллегам. И они тщательно всё перепроверили, готова спорить на что угодно. Если Барнс до сих пор не арестован и развлекается за ваш счет, это говорит о том, что против него найти ничего не удалось. Ничего такого, что могло бы хоть как-то поддержать ваши подозрения. Мне жаль, но, судя по всему, Барнс чист.

– То, что они ничего не нашли, не значит, что ничего нет!

– Возможно, есть, но крайне маловероятно. Они досконально изучили его жизнь, уж поверьте.

Джейсон поставил на пол кружку с горячим чаем и посмотрел на Кейт.

– А не могли бы вы…

– Что?

– Вы из Скотланд-Ярда. Не могли бы вы еще раз проверить Алекса Барнса?

Кейт вздохнула. Скотланд-Ярд – волшебное слово, вселяющее в людей веру, что любая их проблема будет решена. Если Скотланд-Ярд за что-то берется, успех гарантирован. Но Кейт слишком хорошо знала, что это далеко не так.

– К сожалению, это невозможно, – ответила она. – Я не могу участвовать в расследовании другого полицейского учреждения, если меня специально об этом не попросят. Не могу, и всё.

– Но вы в отпуске. Вы можете вести расследование как частное лицо.

– Нет, к сожалению. И поверьте, инспектор Хейл и его коллеги отлично справляются со своей работой. Они обязательно выяснят, что там произошло, даже не сомневайтесь.

Джейсон сомневался. Он ощущал себя загнанным в тупик. Исчезновение дочери подточило его силы. А теперь, несмотря на благополучный конец, все становилось только хуже. Амели не могла справиться с душевной травмой, замыкалась в себе и не отвечала на вопросы полицейских. Дебора пыталась воздать должное спасителю, но в результате только усугубляла финансовые проблемы семьи. Джейсон был в отчаянии. Он не видел выхода из этого заколдованного круга.

– Положим, Барнс действительно появился случайно и не имеет никакого отношения к похищению, – продолжал Джейсон. – Но то, как он ведет себя сейчас… он потерял всякий стыд, согласитесь, – Джейсон умоляюще посмотрел на Кейт. – Он использует нас, как только может.

– Но это не уголовное преступление. Джейсон. Даже если Барнс совсем потерял совесть и наживается на вашем горе, его за это не посадят. Вы должны открыть Деборе глаза на правду. Убедить ее в том, что она не права. Это единственный выход.

– Если б в жизни Барнса отыскалось что-то такое, что оттолкнуло бы от него Дебору… хоть какое-то доказательство его жадности, беспринципности…

– Возможно, но…

Кейт сочувственно вздохнула. Он возводил стены из воздуха и сам же из последних сил цеплялся за них, чтоб не сорваться.

– Не могли бы вы заняться этим… ну, как частное лицо? Ради Деборы…

– Как вы себе это представляете?

– Поговорите с ним.

– Джейсон…

– Прошу вас.

– То, что вы мне предлагаете – балансирование на краю пропасти. Слишком близко от того, что делает инспектор Хейл. Я рискую навлечь на себя большие неприятности.

– Но ведь вы будете действовать как частное лицо, – напомнил Джейсон.

Он не собирался сдаваться.

– Ничего не могу вам обещать, – ответила Кейт. – Я подумаю над тем, как помочь вам и вашей семье, особенно Деборе, но не уверена, что это получится. То, что вы предлагаете…

Джейсон кивнул. Потянулся за чашкой и допил чай маленькими глотками. Потом встал.

– Простите меня, – сказал он. – Понимаю, что сегодня я был невозможен.

Он вышел из комнаты. Кейт последовала за ним.

У входной двери Джейсон снова повернулся к ней:

– Если будет нужно, я проведу расследование один. Не могу спокойно наблюдать, как этот… шантажист разрушает нашу жизнь.

С этими словами он исчез в темноте. Кейт смотрела ему вслед, обеспокоенная и грустная. Ей было жаль доктора Джейсона Голдсби, как и всю его семью.

2

Калеб ушел с работы пораньше, что делал всякий раз, когда возникала необходимость в уединении. Что можно придумать в гудящем улье, в который иногда превращалось здание полиции в Скарборо?

Никто из его коллег не возмутился и не расстроился. Они привыкли, что в таких случаях шеф возвращается на следующий день с блестящей новой идеей, проливающей свет на дальнейшие действия. Правда, на этот раз сам Калеб почти не сомневался, что, открыв утром глаза, обнаружит себя стоящим в том же тупике, где уснул вечером. Если вообще уснет. Это расследование напоминало куст, ветвистый и непролазный, и не было ничего, что могло бы послужить подсказкой.

На самом деле Калебу очень хотелось в паб. Не потому, что там тихо, – тишина была не совсем тем, что он искал. Просто инспектору нравилось видеть вокруг людей и слышать их голоса, и чтобы при этом никто не мешал ему блуждать в собственных мыслях. В пабе не так давило одиночество. С другой стороны, Калеб Хейл был предоставлен самому себе.

Не то – дома, где само пространство комнат действовало угнетающе. Слишком много пространства для него одного, но из комнат наверху видно море. Именно это до сих пор удерживало Калеба Хейла от продажи дома. Иначе давно подыскал бы себе маленькую, уютную квартирку.

От паба, конечно, пришлось отказаться. Слишком много опасностей там подстерегало. Точнее, опасность была одна: алкоголь. Калеб никогда не поверил бы, что можно так чувствовать его запах, но сам замечал алкогольные пары´ в дыхании случайного прохожего или в комнате, где накануне вечером была распита бутылка шампанского. В коробке конфет, которыми кто-то решил поделиться на работе с коллегами, если даже только одна из них содержала дозу коньяка примерно с наперсток.

Он чуял спиртное, как специально обученная собака – наркотики. И каждый раз при этом на лбу выступал пот, иногда начинали слегка дрожать руки. Тело реагировало всеми нервами, сенсорами и волокнами, и Калеб ничего не мог с этим поделать. Он стыдился, что не умеет владеть собой, это казалось унизительным. На самом деле Калеб терял контроль над собой всякий раз, когда бывал пьян. Особенно по выходным, когда не нужно было себя ограничивать. Слишком часто просыпался он по утрам с привкусом рвоты во рту, не имея ни малейшего понятия о том, какие позорные вещи говорил и делал несколько часов назад, до того как забылся сном. Но даже это не беспокоило Калеба так сильно, как едва заметная дрожь в руках и мелкие капли пота на лбу.

Наверное, дело было в осознании того, что это никогда не кончится. Какие бы обещания ни давал Калеб Хейл себе и докторам, какими бы радужными иллюзиями себя ни тешил, изжить недуг до конца не получится.

Калеб знал, что не выдержит в пабе и в какой-то момент закажет пива. И не ограничится им, что самое страшное. Убеждать себя в

обратном означало закрывать глаза на правду. Ну а если совсем не повезет и в паб заглянет кто-нибудь из коллег, его падение может обернуться настоящей катастрофой.

Дома, конечно, он тоже мог поддаться искушению. Вопреки соглашению с терапевтом, кое-какие запасы на кухне все же имелись. Ни одной бутылки дома – непременное условие исцеления, которое Калеб давно нарушил. Но здесь, по крайней мере, не было свидетелей.

Он сидел за обеденным столом в просторной гостиной, отделенной стойкой от совмещенной с ней кухней, перед стаканом воды. А мысли крутились вокруг нескольких бутылок виски в шкафу за его спиной, примерно стольких же – французского красного вина и пива в холодильнике.

Усилием воли Калеб сосредоточился на другом. Были куда более важные темы для размышлений.

Алекс Барнс. Они прибыли слишком поздно, чтобы обнаружить хоть какие-то следы в бывшей его квартире. Алекс съехал за несколько дней до того, как появился в доме Голдсби. Это время он жил у друга. Домовладелец, у которого давно чесались руки выставить Барнса на улицу за неуплату, немедленно начал ремонт. На момент прибытия полицейских полы были сняты, стены покрашены; заказан комплект кухонной мебели, но пока не доставлен.

– Что было на кухне раньше? – спросил Калеб. – И что вы сделали с его мебелью?

– Да какая там мебель? – махнул рукой домовладелец. – Древняя плита, холодильник в нерабочем состоянии да стол со сломанными ножками. Больше у него ничего не было. Вместо кровати – спальный мешок. Вместо платяного шкафа – большой полиэтиленовый пакет. Одежда валялась повсюду… Был, правда, еще стул. Я все вывез на помойку.

Калеб выругался, но сержант Стюард тут же его успокоил. Что, собственно, он рассчитывал здесь найти? Следы Амели Голдсби? Ее точно никогда не было в этой квартире. Дом в центре города, в окружении дворов. Совершенно невероятно предположить, чтобы кто-то прятал там жертв похищения.

– Машина, – сказал Калеб. – Нам нужно добраться до машины, в которой она сбежала.

Но у Алекса Барнса не было машины, теперь в этом не оставалось никаких сомнений. Они проверили компании по прокату автомобилей; Барнс не обращался ни в одну из них. Расспросили людей – никто не видел его за рулем.

– Он не мог себе такое позволить, – пренебрежительно заметил один из соседей.

Опрос жителей домов вокруг парковки на Си-Клифф-роуд также ничего не дал. Никто не заметил ничего подозрительного в тот вечер. Никто не узнал Алекса Барнса на фотографии, которую показывали полицейские.

– Я в тупике, – пробормотал Калеб и глотнул воды.

Главное сейчас – не думать о виски. Он посмотрел на окно. Пять часов вечера, а на улице темно. Комната отражалась на мокром от дождя стекле. Калеб видел мужчину, одиноко сидевшего за большим столом. За тем самым столом, который выбрала его жена в расчете на множество гостей. Ей нравилось собирать вокруг себя людей, разговаривать с ними до глубокой ночи, смеяться. С ней было хорошо. Но в один прекрасный день жена ушла, не выдержав его алкоголизма. С тех пор Калеб жил один, и гости к нему не ходили. Он просто не знал бы, что с ними делать.

Ну, вот, отвлекся… Калеб заставил себя вернуться к сложному расследованию. Он сидел, с ручкой в руке, над листом бумаги, на котором было написано имя Алекса Барнса. Калеб обвел его в кружок.

Возможно, с Барнсом пора распрощаться. Калебу не нравилось, что этот человек злоупотребляет благодарностью Деборы Голдсби. Доктор Джейсон звонил по этому поводу каждый день. Но до сих пор не удалось найти ничего, что подтверждало бы участие Барнса в преступлении. Кто знает, может, в тот вечер он действительно случайно проходил по набережной… Сделал крюк по Кливленд-уэй в штормовую погоду на обратном пути из пиццерии, где работал. Почему бы и нет?

Тогда откуда у меня это глупое предчувствие?

С какой стати Калеб так цепляется за этого Барнса? Просто потому, что больше у него никого и ничего нет, и без Барнса он потеряет всякую надежду пролить свет на эту историю в обозримом будущем. Никаких других зацепок, ни похитителя, ни загадочного

второго мужчины, в машине которого Амели Голдсби удалось бежать. Заколдованный круг какой-то…

Калеб написал на листке три имени – Ханна Касуэлл, Саския Моррис и Амели Голдсби. Кейт Линвилл предположила, что Ханна Касуэлл как-то связана с другими девушками. Она тоже исчезла, когда была на улице, и возраст соответствовал. Но Калеб не был в этом уверен. В свое время он руководил расследованием дела Касуэлл, которое в какой-то момент окончательно застопорилось. У них не было ничего. Абсолютно никаких следов – ни телефона, ни сумочки, как в случаях Моррис и Голдсби. И никакого трупа – ничего. Само по себе это не исключало того, что связь все-таки существует, но заставляло усомниться. Да и временной промежуток между Касуэлл и двумя другими девушками был слишком большим.

Оставались Саския Моррис и Амели Голдсби. Одну нашли мертвой, вторая пропала на следующий день после этого. С какой стати преступнику вдруг понадобилось столько жертв?

«Ломка, – подумал Калеб. – Как у наркомана». И тут же почему-то вспомнил о виски в шкафу.

Зачем он уморил Саскию Моррис голодом? Пассивное убийство. Удобный способ устранить кого-то без кровопролития и прямого физического воздействия. Потом он вывез ее тело на болота. Что было до этого? Саския Моррис жила у него несколько месяцев. У него или с ним? Где можно прятать человека так, чтобы об этом никто не знал?

Такое бывало. Подземные темницы психопатов – Приклопиль, Фриц Хонка. Наконец, Филипп Гарридо, восемнадцать лет державший под замком американку Джейси Ли Дугард[3]. Или они имеют дело с такого рода извращенцем?

На теле Саскии Моррис не обнаружено следов насилия, но преступная фантазия неистощима. Почему он все-таки ее уморил? Она стала настолько неуправляемой? Или все дело в возрасте? Саскии Моррис было четырнадцать, когда ее похитили, и пятнадцать на момент смерти. Что, если интересующий его возрастной промежуток ограничивается четырнадцатью годами?

Педофилы народ привередливый. Калеб достаточно работал с ними и знал, какими специфичными они могут быть в своих предпочтениях. Иногда они вообще не понимали, что совершают насилие. И далеко не всегда были способны на убийство. Но голодная

смерть – зачем это?.. Преступник устал от Саскии. Будучи не способен на убийство, он просто перестал к ней ходить. Игнорировал ее, подавляя ее существование в сознании. Должно быть, она кричала, пытаясь привлечь его внимание. Это наводило на мысль, что ее держали там, где никто не мог ее услышать. Даже сам преступник, который, возможно, не вынес бы этого.

Тело Саскии найдено в горных болотах. Там же – сумочка Амели. Болота Национального парка – бесконечные пространства. Холмы, долины, плато. Редкие одинокие усадьбы. «Иголка в стоге сена», – подумал Калеб. Но Амели говорила о достаточно долгой автомобильной поездке. Злоумышленник, конечно, хватал своих жертв в городе – слишком редко попадаются молодые девушки на пустынных проселочных дорогах, – а потом увозил в глушь, где они целиком и полностью были в его власти.

Калеб вздрогнул, представив, что могло бы статься с Амели.

По сути, она оставалась их единственным козырем. Амели видела преступника. Теоретически она могла описать помещение, где ее держали и откуда ей чудом удалось спастись. Она же – единственный источник информации о возможном сообщнике. Амели – мечта каждого следователя. Теоретически – потому что она замолкает, как только речь заходит о заточении. Сержант Хелен Беннет ходит к ней каждый день.

– Амели говорит только о воде, – вот ее слова. – Снова и снова, и о страхе умереть в воде.

Они в тупике. Плохо.

Но есть, в конце концов, описание преступника. Фантомно-призрачное, и все же… Фоторобот показывали родителям Саскии Моррис, но те никогда не встречали мужчину, более-менее соответствующего изображению. С фотографией Алекса Барнса тоже ничего не вышло.

– Никогда не видели, нет. Очень жаль, но мы не знаем никого, кто бы так выглядел.

Этого следовало ожидать. О том, что жертвы выбирались случайным образом, говорит многое. Он ехал по улице, видел добычу и хватал, если позволяли обстоятельства. Это означало, что нечто подобное может повториться в любой момент. Хотя бегство Амели

могло сбить его с толку. Он ведь не знал, что она будет молчать… Не исключено, что преступник затаится на некоторое время.

«Фантомное» изображение, созданное по описанию Амели, опубликовано в большинстве местных газет и распространяется через Интернет. Поступают звонки, но ни одна из версий, которым до сих пор следовала полиция, не подтвердилась. И в какой степени можно доверять показаниям психически травмированной Амели? Она старается, это видно. Но может оставаться в более-менее стабильном состоянии, только пока подавляет бóльшую часть истории. Нет никакой гарантии, что ее описание похитителя соответствует действительности.

Того, что у них есть, слишком мало.

Когда «болотный убийца» снова выйдет на охоту, припечет по-настоящему. Второго шанса, второй Амели у них не будет. Однажды от него убежала добыча, и больше он такого не допустит. Не оставит девушкам, которые будут после Амели, ни малейшей возможности.

Знакомое чувство… что-то вроде паники. Когда в голове все путается. Огромный клубок ниток, и невозможно ухватить за конец. Нужно что-то, что повело бы их дальше. И где-то оно есть, его не может не быть. Просто пока Калеб его не видел. И от того как будто запутывался все больше.

Бутылка виски в шкафу обрела новый смысл. Определенный уровень алкоголя в крови порождал блестящие идеи. Не раз таким способом Калебу удавалось вывести расследование из тупика. Раньше он мог держать ситуацию под контролем. Хотя выпить нужно много, от такой дозы другой давно валялся бы под столом. Но не Калеб, которому виски придавал решительности и прозорливости, когда мысли в голове обретали более четкие очертания и он начинал видеть то, что раньше было скрыто. А потом удивлял коллег, внезапно предоставляя совершенно иной ракурс видения дела.

Говорили о гениальном шефе и его озарениях. Алкогольных озарениях – Калеб собственными ушами слышал, как коллеги шушукались за его спиной. Вообще он никогда не отличался прозорливостью в том, что касалось алкогольной проблемы. Долго полагал, что никто ни о чем не подозревает. На самом деле все давно обо всем знали. Однажды это открытие его шокировало.

Длительное воздержание привело к тому, что сейчас Калеб не мог контролировать дозировку. Следствием ничтожной дозы мог стать припадок, какие раньше случались только когда он пил всю ночь. Это усложняло ситуацию. С другой стороны, возвращение к прежнему ритму было невозможно. Врач приставил пистолет к груди Калеба Хейла – либо он бросит пить, либо в скором времени его печень придет в негодность. Года два, и это если повезет.

Калеб вышел на кухню. Всего один бокал. Проблема в том, чтобы остановиться. Что никогда не удавалось после первого бокала.

Ты никогда не добивался успеха в том, что касается владения собой. Ни разу.

Калеб проигнорировал неприятный внутренний голос и открыл шкафчик. Виски в бутылке как расплавленное золото. Или как жидкий янтарь.

Он тут же почувствовал запах. Калеб не знал, что сделал бы с тем, кто попытался бы помешать ему достать с полки эту бутылку.

Телефон зазвонил. Калеб выругался и вернулся к столу. Он должен оставаться на связи, игнорировать звонки невозможно. Руки дрожали, так что попасть на нужную кнопку получилось только со второй попытки.

Это был сержант Стюард.

– У нас новости, сэр.

– Хорошие? – Услышав собственный хриплый голос, Калеб откашлялся.

– Как сказать, – ответил Роберт. – Я обзвонил все компании по прокату автомобилей в Скарборо и окрестностях. Нигде никаких упоминаний об Алексе Барнсе. И вот десять минут назад со мной связались из «Ай-эс-уай рент». Они обнаружили его в своих базах. Некий Уильям Браун, предположительно друг Барнса, арендовал у них машину. Но водительские права Барнса там тоже зарегистрированы. То есть Барнс тоже мог водить эту машину. А теперь пристегните ремни: бронирование состоялось четырнадцатого октября…

– В день, когда похитили Амели Голдсби, – подхватил Калеб. – Это же…

– Проблема в том, – перебил его Роберт, – что машину не забирали до вечера. Уильям Браун забронировал ее по интернету днем и забрал

только вечером здесь, в Скарборо. Спустя много часов после того, как Амели похитили.

– Браун вполне мог это сделать. Вместе с Барнсом, сообщником.

– Да, но нестыковка по времени…

У Калеба в висках запульсировало:

– Тем не менее. Это не может быть совпадением. Как долго они держали машину?

– До вечера следующего дня, воскресенья, пятнадцатого октября.

– Что это была за машина?

– Фургон с закрытым кузовом.

– Что ж, вполне подходит…

– Белый фургон. Амели говорила о темной машине. Она могла перепутать, но не до такой степени.

– А как насчет дня, когда она сбежала? Пятница, двадцатое октября. Они что-нибудь бронировали?

– Нет, и в промежутке между похищением и побегом тоже.

– По крайней мере, не в этой компании.

– Я опросил все. Ни одной не осталось.

– Они могли одолжить машину частным порядком. Этого Уильяма Брауна нужно проверить и перепроверить. Черт, мы потеряли столько времени… Слишком поздно озаботились арендой машины.

– Так или иначе, они мне позвонили.

Калеб задумался.

– Это не может быть совпадением, – повторил он. – Слишком много получается совпадений. Барнс случайно появляется на набережной, когда Амели, уцепившись за стену, висит над водой. И по чистой случайности вместе с приятелем арендует машину в день ее похищения. Если я во что-то не верю, так это в совпадения. Когда их слишком много, по крайней мере.

Сержант Стюард смотрел на это иначе. Его жизненный опыт говорил, что иногда совпадений действительно бывает много. Что не мешает им оставаться не более чем совпадениями. Тем не менее новости из «Ай-эс-уай рент» не могли его не встревожить.

– Сейчас машину осматривают криминалисты, – сказал он. – Но после возвращения ее, конечно, почистили. И уже несколько раз сдавали в аренду после этого. Так что я, честно говоря, не надеюсь что-то найти. Хотя мы, конечно, попробуем.

Калеб вздохнул. В квартире ремонт. Автомобиль почистили. Даже если мозгов у этого Барнса немного, удача на его стороне.

– Завтра утром я встречаюсь с Барнсом, – сообщил Роберт. – Он охотно согласился побеседовать.

– Лучшее, что он мог сделать, – ответил Калеб. – А что с тем парнем, Брауном?

– У нас есть его адрес. Двое коллег едут к нему.

– Хорошо.

– Есть еще кое-что… – осторожно добавил Роберт.

– Что?

– Не знаю, насколько это актуально… речь идет о той пропавшей девушке, Мэнди Аллард. Она так и не объявилась.

Дела о пропаже людей обычно попадали в другой отдел, но на этот раз, учитывая ситуацию, поставили в известность и подразделение Калеба.

– Дело о домашнем насилии? – вспомнил он. – Мать напала на девочку, после чего та сбежала… Вряд ли это наш случай.

– Поэтому я и не стал говорить об этом сразу. Но в субботу к нам заходила куратор девушки из департамента по делам молодежи. Она сказала, что знает последнее местонахождение Мэнди Аллард. Какой-то полуразрушенный дом, где живет наркоман. Коллеги там уже побывали, но девушку не нашли.

– Не думаю, что в нашей компетенции…

– Кроме того, – прервал его Роберт, – сегодня днем в отделение обратилась пожилая женщина. Утром тридцатого октября она видела девушку, которая, судя по всему, сбежала из дома. Девушка выходила из квартиры этажом выше, где, по словам старушки, обитает некий Брендан Сондерс, тот еще чудик. Описание девушки соответствует Мэнди Аллард.

– Но почему эта женщина обратилась только сейчас, неделю спустя?

– Вероятно, не была уверена, что ее наблюдение будет нам интересно. И потом, она не хотела проблем. Старушка живет в одном доме с Сондерсом. Но то, что она видела, не давало ей покоя.

– Хм…

Честно говоря, Калеб до сих пор не думал, что это наблюдение может быть им интересно.

– Нужно проверить этого Сондерса, – продолжал Роберт. – Он есть в наших базах.

– В смысле?

– Один из банды, которая в течение нескольких часов издевалась над девушкой в здании старой фабрики в две тысячи пятом году. В тот день Сондерса якобы не было с ними. Но он из той компании. Странно, правда?

Вторник, 7 ноября

– Если б у меня была своя машина, разве стал бы я вас просить? – сказал Алекс. – Мне так неловко…

Они зашли в кафе в Халле, чтобы согреться горячим чаем после часовой прогулки по продуваемому насквозь торговому кварталу, где одевали Алекса. Дебора заплатила за все и теперь чувствовала себя виноватой. Вечером они с Джейсоном опять поссорились. Дебора пыталась успокоиться, внушая себе, что сегодняшний шопинг увеличивает шансы Алекса получить работу, что в интересах прежде всего ее семьи. Пока мистер Барнс не встанет на ноги, он будет висеть у них на шее.

Алекс позвонил в полдень и рассказал о собеседовании в Халле, которое состоится ближе к вечеру. Офисная работа в строительной компании. Это не совсем то, чего ему хотелось, но он не может позволить себе привередничать.

– Халл довольно далеко от Скарборо, – добавил Барнс.

Последнее окончательно убедило Дебору. Если Алекс получит это место, ему, конечно, придется найти жилье в Халле. Ездить туда каждый день – абсурд, даже если удастся каким-то образом раздобыть машину. Больше всего ей хотелось, чтобы Барнс исчез где-нибудь на краю света. Но и Халл уже кое-что.

Поэтому Дебора согласилась его отвезти, а потом потащила в парикмахерскую и провела по отделам мужского платья в разных магазинах. Барнс все время повторял, что не может принять такой жертвы, но в итоге все принял. Дебора знала, ради чего старается. А Барнс… ей все время казалось, что он над ней насмехается. Не в открытую, конечно; напротив, Барнс напускал на лицо серьезную, даже скорбную гримасу. Но внутренне как будто смеялся. Потому что ведь это здорово – носить дорогие хорошие вещи, не заплатив за них ни пенни. Джейсон не ошибался. Барнсу действительно нравилось, что

семья Голдсби в долгу перед ним, и он был полон решимости использовать эту ситуацию, насколько позволят обстоятельства.

Точнее, насколько позволят Голдсби.

Дебора посмотрела на него через стол. Ее окоченевшие пальцы, обхватившие чашку, оттаивали и возвращались к жизни. Надо же было забыть дома перчатки…

Одетый с иголочки и с новой прической, Барнс выглядел гораздо солиднее. Насколько солидным может выглядеть такой, как он. Дебора подумала, что в нем чувствуется какое-то скрытое коварство. Хотя, возможно, все дело в ее эмоциях. Для других людей Барнс был просто хорошим парнем. Не особенно работящим и ответственным, но в сущности, добрым и отзывчивым человеком. Каким показался и ей в самом начале их знакомства, когда Дебора была готова бросить к его ногам весь мир.

– Сегодня меня снова вызывали в полицию… – Он тихо вздохнул. – Это никогда не кончится. Инспектор Хейл копает под меня.

– Что на этот раз? – спросила Дебора.

Ей не нравился Алекс, но она не разделяла подозрений Хейла. Она сама не смогла бы объяснить, почему не считала Барнса преступником. Попрошайка – да. Озабочен только собственной выгодой. Но не убийца.

– Мой друг арендовал машину четырнадцатого октября, – ответил Алекс. – В «Ай-эс-уай рент», фургон с закрытым кузовом. Меня тоже зарегистрировали водителем.

– Четырнадцатое октября – это день…

– Да, что и насторожило Хейла. Он блуждает в тумане и хватается за любую соломинку. Кажется, на данный момент эта соломинка – я. Похоже, я у него единственный… – пояснил Алекс и на мгновенье остановился. – Вы заметили, что он пьет?

– Нет, – Дебора покачала головой.

Пьет ли Калеб Хейл? У нее не было никаких оснований подозревать его в этом. Похоже, Барнс заговаривает ей зубы.

– Я такое сразу подмечаю, – пояснил он. – По зрачкам, цвету кожи… Ну и поведение, конечно. На работе ему приходится держаться, что дается с трудом. Но на ночь, подозреваю, у него всегда припрятана бутылка виски.

Деборе нравился инспектор Хейл.

– Осторожнее, – предупредила она Барнса. – Так можно по ошибке сломать человеку жизнь.

– Когда-нибудь вы убедитесь, что я прав.

– Так что с машиной?

– Мой друг, как я уже сказал, взял ее напрокат. Он переезжал, и мы все воскресенье перевозили вещи в его новую квартиру. Уильяма, моего друга, допрашивали несколько часов. Он до сих пор в шоке. К счастью, соседи подтвердили, что видели нас с коробками. Хейл рвет и мечет… – Алекс грустно усмехнулся. – Он-то думал, теперь мы у него под колпаком.

– Фургон, говорите?

– Белый фургон. Амели, если вы помните, затащили в большую темную машину. И я совершенно не подхожу под ее описание преступника. И потом, разве она позволила бы мне ее спасти, если б я ее похитил?

– Но вы могли быть тем, в чьей машине она сбежала, – заметила Дебора и быстро добавила: – Не то чтобы я вас подозреваю, но…

– Похоже, ваш муж тоже хочет, чтобы этим сообщником оказался я. К счастью, когда Амели ехала в той машине, я обслуживал столики в пиццерии. Это подтвердило множество людей. – Он допил чай и огляделся в поисках официанта. – Мне нужно кое-что покрепче. Вам тоже?

– Нет, спасибо. И вам лучше не пить перед собеседованием.

– Я не пьянею от граппы, а немного сбавить напряжение не помешает.

Барнсу принесли заказ, и он продолжил:

– Вашему мужу не терпится избавиться от меня.

– Но мы действительно многим вам обязаны, Джейсон и я, – возразила Дебора.

Алекс рассмеялся:

– Это так, но кому приятно быть обязанным? Хейлу не за что меня зацепить, при всем его желании. Помимо того факта, что в тот вечер я работал, я не арендовал машину в день побега Амели.

«Официально не арендовал», – мысленно поправила Барнса Дебора.

– Как Амели? – вдруг спросил он.

Дебора почувствовала, как ее лицо помрачнело.

– Неважно. Весь день сидит в своей комнате и смотрит в окно. По дому почти не передвигается, ест отдельно…

Собственно, до похищения ситуация была немногим лучше. В течение последних месяцев девяти Амели все больше замыкалась в себе. Сторонилась родителей, особенно матери. Просто тогда они воспринимали это иначе. Джейсон настаивал на семейных ужинах, во время которых Амели так и не произнесла ни слова.

Теперь они решили оставить ее в покое. Амели выглядела так, будто малейшее насилие над ее волей могло сломить ее окончательно.

– Она такая… замкнутая… Как будто где-то не здесь.

– Для Амели было бы лучше вернуться в школу, – посоветовал Алекс. – Это ее отвлекло бы.

– Да, но она отказывается идти в школу. Амели сказала психологу, что не может вести себя так, будто ничего не было. Мне почему-то кажется, что она не готова принять нормальную жизнь… То, что мы называем нормальной жизнью.

– Это я могу понять, – задумчиво кивнул Алекс.

– Я тоже, но… таким образом она остается вовлеченной в то, что пытается в себе подавить. Она не говорит о главном – похищении и заточении. Вместо этого все время возвращается к ситуации на набережной. К воде, волнам. Ожиданию смерти. Это похоже на карусель. Как будто она часами ходит по кругу. Так и хочется встряхнуть ее…

– Она все расскажет, – заверил Алекс. – В свое время.

– Иногда я даже надеяться на это не смею.

– У Амели есть друзья?

– Да, и это самое странное. У нее всегда были друзья, прежде всего подруги. Раньше Амели днями напролет зависала с ними в Сети. Я еще шутила, что она приросла к смартфону.

– Разве ее смартфон не пропал?

– Мы купили ей новый. Надеялись помочь восстановить контакт с внешним миром. Но ничего не получилось. Амели почти не прикасается к нему. Боже мой! – Дебора грустно рассмеялась. – Думала ли я, что когда-нибудь буду умолять ее посылать сообщения в «Вотсаппе»… Раньше я ругала ее за это. Теперь молюсь, чтобы она снова начала это делать. Это могло бы стать первым шагом к нормальной жизни.

– Она поправится, – беззаботно заверил Барнс.

«С какой стати тебя это так волнует?» – мысленно спросила его Дебора. А вслух сказала:

– Вам пора. Я буду ждать здесь.

– Отлично, спасибо. Держите за меня пальцы. – Он встал.

Дебора взмолилась, чтобы на этот раз все получилось. Чтобы Барнс наконец получил работу и тоже вернулся к нормальной жизни.

У нее были дурные предчувствия на этот счет.

*** * ***

Ее зовут Мэнди. Я знаю ее имя. Оно было известно мне уже в прошлую пятницу.

До сих пор вижу, как она идет по темной улице. Ежится, прижимая руки к тощему телу. Она мерзнет. Вечер выдался промозглый, но, кажется, холод идет откуда-то изнутри нее. Она несчастна. Отчаявшийся, одинокий ребенок. Молодые девушки ее возраста ходят по улицам иначе, даже в ненастную погоду. Они уверены в своей неотразимости, поэтому расслаблены. В них столько молодости, красоты, силы… И они совсем не ценят это, как будто останутся такими навсегда и не состарятся.

Но эта девушка не излучает ни силы, ни уверенности. Саския тоже была такой. Ох, Саския… застенчивая, она едва решилась пару раз открыть рот. С ней было трудно. Поначалу мне казалось, что это нормально, просто ей надо ко мне привыкнуть. Но потом… все становилось только хуже. Ужасное разочарование.

Как только Мэнди села в машину, мне стало ясно, что по натуре она совсем не депрессивный человек. Просто сейчас ей приходится тяжело – замерзла и, по ее словам, несколько дней толком не ела. Но говорит уверенно и громко, выражается ясно. Похоже, ей не очень повезло с родителями. Так или иначе, видно, что она не такая, как остальные.

Я думаю, подойдет ли она мне. Мэнди рассказала, что уже давно живет на улице. Впрочем, это и так видно. Она невероятно грязная. От нее воняет – п*о́*том, давно не стиранной одеждой, немытыми волосами.

Первое, что нужно будет сделать – нагреть ведро воды и как следует ее вымыть. А потом понадобится чистая одежда. Та, что у меня есть, ей не подойдет. Мэнди слишком высокая и тощая. Может, у меня получится немного ее откормить… Хотя нынешние девушки делают всё, чтобы выглядеть именно так. Они морят себя голодом, натягивают узкие джинсы, ведут дневники контроля над весом и очень осмотрительны с едой. Судя по тому, что я вижу по телевизору, по крайней мере.

У меня в машине отыскалась упаковка печенья, которое Мэнди тут же уничтожила до крошки. Она сказала, что ушла из дома в начале октября и с тех пор голодает. Несколько дней жила у приятеля, но возникли проблемы с его девушкой, и Мэнди пришлось уйти.

– Я думала, придется сдаться, – повторяет она. – В такой холод…

Мэнди показывает мне левую руку, которая действительно выглядит ужасно. Мать швырнула в нее чайник с кипятком. Мэнди повезло, что не было заражения крови.

– У меня дома хорошая мазь от ожогов, – говорю я. – И бинты. Так что с твоей рукой мы разберемся.

– Я не хочу домой, – ноет она. – Не лажу с матерью, и отец не может мне помочь. Сестре тоже до меня нет никакого дела. Боюсь, департамент по делам молодежи отправит меня в дом ребенка…

– Не надо бояться, – утешаю ее я. – Ты можешь остаться со мной, если захочешь.

Я чувствую, как мое сердце подпрыгивает от радости. Мэнди девушка совсем не моего типа, но она не стремится вернуться домой, совсем наоборот. Значит, не будет плакать по прежней жизни. Мы нужны друг другу. Она будет рада, что нашла новый дом, где ее не обварят кипятком. И откуда ее никто не отправит в дом ребенка. Может, потому у меня и не получилось с остальными, что им больше повезло с родителями…

– Где вы живете? – спрашивает она.

Мы только что выехали из Скарборо и держим курс на север.

С другими именно этот момент был самым сложным. Точнее, с этого момента начиналось самое сложное. Как только они понимали, как далеко мы заехали, все остальное, кроме расстояния, отделяющего их от того, что они называли «домом» и «нормальной жизнью», больше не имело значения. Их охватывала паника, и с этим ничего

невозможно было поделать. Вот почему я готовлю себя к тому, что настроение Мэнди сейчас изменится.

– За городом, – отвечаю я.

На какое-то мгновенье она выглядит обеспокоенной, но явно не паникует. Самое страшное для нее сейчас – снова оказаться на улице. На холоде, без еды и защиты.

Мэнди нечего терять. Она полностью обессилена. Я вижу, как ее голова клонится на сторону, к стеклу, и Мэнди засыпает. Это ровное, спокойное дыхание – лучшая музыка для меня. Все чудесно. Поистине, Мэнди – дар небес. Мы едем и едем, местность вокруг становится все более безлюдной. Теперь на трассе нет ни одной машины, но Мэнди ничего этого не замечает. Она готова ехать со мной хоть на край света.

Интересно, что сейчас в подвале? Думаю, там все кончено.

Среда, 8 ноября

1

Кейт было так хорошо сразу после переезда… Но прошло всего несколько дней, и она поняла, что вряд ли сможет вынести более длительную изоляцию в пустом доме. Тишина оглушала ее. Воспоминания, ставшие невыносимо яркими в этой обстановке, тяготили. Пустые комнаты ввергали в депрессию.

Если б Месси не прижималась к ее боку всю ночь и не следовала бы за ней по пятам в течение дня, Кейт точно сошла бы с ума.

Риелтор приезжал во вторник и был настроен оптимистично.

– Это именно то, что ищут молодые семьи, – заверил он. – Идеальная планировка. На первом этаже кухня, столовая и гостиная. Наверху – три спальни и ванная комната. Сад, с которым вполне можно управиться. Всё в самый раз.

«Как и для нас когда-то», – с грустью подумала Кейт.

В среду утром риелтор вернулся с потенциальными покупателями. Женщина была беременна и в плохом настроении. Муж все время ворчал, как будто его привели в жалкую лачугу. Кейт ожидала чего-то подобного, потому что покупатели обычно стремятся снизить цену и поэтому не спешат восторгаться. Но она не думала, что это будет так тяжело вынести.

– Может, у нас и получится что-нибудь с этим сделать, – сказала женщина, когда они все стояли в гостиной. – Но на это уйдет уйма денег и времени.

– По нынешним меркам, скажем прямо, так себе вариант, – вторил ей мужчина.

– Так найдите себе что-нибудь другое, – огрызнулась Кейт.

Пара в недоумении уставилась на нее.

– Конечно, у каждого из нас свое видение, – поспешил вмешаться риелтор. – Ничего личного. Было бы неправильными принимать на свой счет…

– Именно личное, – перебила его Кейт. – Я не продам вам дом. Подыщите себе другой.

Пара ушла, качая головами. «Забавная старая дева», – шепнул мужчина жене, и его слова отдались болью в голове Кейт. Риелтор, не переставая, извинялся неизвестно за что перед всеми участниками несостоявшейся сделки. Выпроводив гостей, Кейт надела пальто, шарф и пошла к морю.

Берег был пуст, и погода как никогда располагала к прогулке. Кейт думала о том, как многолюдно бывает здесь в летние месяцы. Когда-то она сама ходила сюда купаться. Больше всего ее раздражали ослы – усталые, апатичные животные, на которых возили визжащих и смеющихся детей. Ослики – символ Скарборо. Дети катались на их спинах, а родители шли рядом с бессмысленными улыбками на лицах и как будто не замечали усталости ослов. Тогда Кейт сделала вывод, что животных не следует доверять детям, разве в исключительных случаях. И что родители многого не замечают, когда дело касается их потомства.

Когда Кейт вернулась, усталая и еще больше озадаченная, она обнаружила в «Вотсаппе» сообщение от Колина. До ее отъезда они успели встретиться еще два раза, то есть всего три. До сих пор редкий мужчина отваживался и на второе свидание. Колин Блэр побил все рекорды. Кейт уже дала ему номер своего смартфона и рассказала, где работает, чем окончательно покорила его. Лондонская полиция, Скотланд-Ярд – теперь Кейт думала, что причина в этом, а не в ее женском обаянии.

Колин Блэр был впечатлен, что, судя по всему, случалось с ним крайне редко. И, поскольку он был хвастун, не приходилось сомневаться, что отныне список его достоинств пополнило знакомство с сотрудником Скотланд-Ярда. Кейт могла представить себе, как он это преподносил. Как будто сам там работал. Хотя какая разница? Колин

скрашивал ее одиночество, отправляя время от времени сообщения и предлагая встретиться. Этим, правда, его роль ограничивалась. Он явно не тот мужчина, к которому Кейт могла питать нечто большее. Но он – все, что у нее было на данный момент.

«Привет, Кейт, – писал Колин. – Как дела в Скарборо? Держишься пока или одолевает тоска по Лондону? Покупатели есть? Помни, что ни в коем случае не стоит занижать цену. Если нужна поддержка, я приеду. На связи. Колин».

Он прикрепил фотографию. Селфи – Колин любил делать их практически в любой ситуации и размещал в «Инстаграме» и «Фейсбуке»[4]. На этот раз он стоял на оживленной улице, где-то в Лондоне, между машинами и спешащими людьми; в руках небольшая сумка из магазина «Сейнсбери». На шее теплый шарф, нос и щеки покраснели от холода. Колин улыбался, несколько смущенно, но, конечно, был уверен в собственной неотразимости.

Кейт не смогла сдержать улыбки. Сначала она раздражалась, но теперь смотрела на него с почти материнской снисходительностью. Большой ребенок. Иногда совершенно невыносимый, но в принципе безобидный. Застрял где-то на пути к взрослой жизни и никак не сдвинется с места.

«Привет, Колин. Я только вернулась с прогулки по побережью. Честно говоря, не очень скучаю по Лондону. Тут так красиво… Приходили первые покупатели, но я их выгнала. Надеюсь, риелтор не разочаруется во мне. Кейт».

Колин ответил почти сразу:

«А по мне ты скучаешь? Ну, хоть немного».

И добавил плачущий смайлик.

Неужели флиртует? Кейт не могла в это поверить. Ни один мужчина до сих пор с ней не флиртовал. Просто неприлично в ее годы не иметь такого опыта.

«Конечно, я скучаю по тебе, – ответила она. – Немного».

На этот раз Колин не сразу прочитал сообщение и не ответил на него. Кейт подождала немного, пожала плечами и отложила смартфон в сторону. За окном начинало темнеть, а она так и не пообедала. Кейт включила электрический камин, распаковала несколько свечей, которые привезла с собой, закрепила на пустых консервных банках и поставила на подоконник. С улицы, конечно, смотрелось красиво.

Никому и в голову не пришло бы, что в пустом доме только женщина с кошкой, и будущее так неопределенно.

Кейт прошла на кухню и открыла очередную консервную банку – макароны с фрикадельками. Консервы на завтрак, обед и ужин. Нужно бы купить фруктов, овощей, наконец, что-нибудь приготовить самой. Но на кухне нет ни подходящих ножей, ни разделочных досок, не говоря о сковородах и кастрюлях. Кейт рассчитывала питаться полуфабрикатами и привезла из Лондона только самое необходимое для этого.

– Быстрое решение, – пробормотала она. – Жизнь подталкивает к быстрым решениям.

Кейт насыпала корма в миску Месси, налила ей воды. Затем устроилась на раскладном стуле перед камином и принялась за макароны. После еды вымыла посуду и заварила чай. Свечи на окне всё еще горели. Сумерки сгущались, Колин не отвечал.

Кейт подумала о Джейсоне и его визите. Руки чесались поглубже копнуть эту историю, но это означало балансировать на грани дозволенного, время от времени почти с неизбежностью ступая на территорию Калеба Хейла. Нет, ей действительно нечего делать в этом расследовании. И то, что Кейт тоскует здесь, в тишине пустого дома, распугивая потенциальных покупателей и флиртуя в «Вотсаппе», и до сих пор не знает, что делать с этим домом, это ее и только ее проблема. В темноте пространство комнаты сужалось, стены будто сдвигались, и свеча на окне казалась прозрачной, а Кейт по-прежнему не находила в себе сил взять сумку и сходить в ближайший супермаркет за яблоками. Вместо этого продолжала довольствоваться нездоровой пищей в обществе кошки. Все это, конечно, нисколько не смягчило бы ее вины, если б однажды Калеб Хейл застиг ее с поличным на его территории, роющейся в вещах, которые ее не касались.

Но она все равно, так или иначе, занималась этим. Вопросы возникали один из другого, и этот поток не остановить. Не имея никаких следовательских полномочий, она все же не была сторонним наблюдателем в этой истории. Когда Амели пропала, Кейт жила в одном доме с Голдсби. Так уж получилось, что она занялась этим делом раньше, чем Калеб Хейл. Наконец, ее навестил доктор Джейсон Голдсби, рассказал последние подробности побега Амели и изложил свои опасения насчет Алекса Барнса. «Я бы так хотел, чтобы они что-

нибудь против него нашли… Что-то подсказывает мне, что Барнс – вовсе не тот благородный спаситель, за какого себя выдает. Мне надоело чувствовать себя обязанным ему. Он вцепился в нас мертвой хваткой и просто так не выпустит. Можете что-нибудь сделать? Вы же в Скотланд-Ярде!»

Кейт не сомневалась, что не сможет сделать большего, чем уже сделал Калеб Хейл. Она слишком хорошо знала Калеба, который, конечно, просканировал жизнь Алекса Барнса со всех ракурсов. Если бы Барнс действительно не был тем, за кого себя выдавал, Хейл знал бы об этом. Проверять за инспектором Хейлом – напрасная трата времени и сил. Не говоря о риске столкнуться с ним на узкой тропинке.

Кейт включила ноутбук и написала в чистом вордовском документе два имени – Райана Касуэлла и Дэвида Чапленда. Она не имела возможности следить за ходом расследования, но, исходя из того, что знала, могла предположить, что было бы нелишним присмотреться к этим людям. В разговоре с Калебом, пару недель тому назад, Кейт поставила Ханну Касуэлл в один ряд с Саскией Моррис и Амели Голдсби и предположила, что она – жертва того же преступника. Калеб как будто с ней не соглашался, говорил о слишком большом временном разрыве между исчезновением Ханны Касуэлл и двумя другими преступлениями. Кейт не исключала, что он прав, и все же… профессиональное чутье подсказывало ей другое. И если Ханна действительно была частью всего этого, все началось с нее – насколько, по крайней мере, это было известно полиции. А Кейт полагала, что расследование лучше начинать с начала. Иногда установление исходной точки позволяет придать собственным действиям структуру. И иногда дает единственную возможность докопаться до мотива.

Кейт написала еще два имени – Кевина и Марвина Бентов. Кевином Бентом, впрочем, полиция уже занималась. Он был последним, кто видел Ханну Касуэлл. Она ехала в его машине, но Кевин божился, что высадил ее на вокзале в Скарборо. Подруга Ханны Шейла, с которой та разговаривала по телефону на вокзале, подтвердила это. Высадив Ханну, Кевин поехал дальше, но потом снова вернулся на вокзал, где искал ее. Первоначально он утаил от полиции этот факт. Но доказать что-либо против него, судя по всему,

так и не удалось. Кейт задалась вопросом, были ли Кевин Бент и его старший брат, ранее фигурировавший в расследовании другого преступления на сексуальной почве, допрошены в связи с делом Саскии Моррис и Амели Голдсби? Она поставила знак вопроса. Скорее всего, да, но не особенно тщательно.

Дэвид Чапленд. Он тоже оказался на Кливленд-уэй в тот поздний штормовой вечер. Чапленд помог вытащить Амели на берег и вызвал полицию и «скорую». Если водитель машины, в которой сбежала Амели, преследовал ее, Чапленд вполне мог быть этим человеком. В этом случае его планы расстроил Алекс Барнс. Чапленду пришлось помогать Барнсу, иначе это выглядело бы странно.

Чапленда тоже наверняка проверили. Хотя, возможно, не так дотошно, как Барнса.

Итак, нужно вернуться к самому началу. Кейт встала, погасила свечу на окне. Посмотрела на часы – самое начало пятого. Еще не поздно навестить Райана Касуэлла, отца Ханны.

Она надела пальто и обула ботинки. Успокоила себя тем, что, поскольку Калеб Хейл вообще не интересуется Касуэллами, предстоящий визит к отцу Ханны нельзя рассматривать как вмешательство в чужое расследование. С Чаплендом было бы по-другому, но и там наверняка можно будет что-нибудь придумать. Потом, если это «потом» вообще у нее будет. Это Кейт еще предстояло решить.

Она вышла из дома.

2

Кейт не знала адреса Райана Касуэлла и не смогла найти его в телефонной книге в «Гугле». Но в Стейнтондейле все знают всех. Можно спросить первого встречного – наверняка скажет.

Небольшой сельский магазин, почта, автобусная остановка на обочине проселочной дороги да множество разбросанных среди лугов и полей ферм и домовладений – вот и весь Стейнтондейл. С плато открывается великолепный вид на море. Кейт хорошо помнила побережье и маленькие скалистые бухты, в которые так любила заплывать в детстве. Песчаного пляжа не было. Острая галька ранила ноги, но тогда это никого особенно не волновало. Лишь спустя десятилетия люди стали придавать значение таким вещам.

Когда Кейт появилась в Стейнтондейле, на улицах было уже совсем темно, лишь в отдалении блестело море. Фары освещали живые изгороди и каменные заборы, окаймлявшие проселочную дорогу с обеих сторон. Увидев женщину на автобусной остановке, Кейт затормозила и опустила стекло.

– Мне нужен Райан Касуэлл, – сказала она. – Не знаете, как его найти?

Женщина приблизилась. Похоже, она совсем замерзла.

– Он здесь больше не живет. Переехал в Скарборо три года тому назад.

– Ох… Может, знаете, где он там живет?

Женщина пустилась в многословное описание дороги до дома Касуэлла, потому что забыла название улицы.

– Садитесь в машину, – оборвала ее Кейт. – Покажете дорогу, а я довезу вас до Скарборо. Там автобусы ходят чаще.

Женщина с готовностью согласилась. Конечно, она не посчитала рискованным садиться в машину к другой женщине. Но Кейт подумала, что в таком глухом месте, как эта остановка, у человека поневоле может притупиться бдительность. Особенно темным вечером поздней осени, когда у замерзшего путешественника вдруг появляется возможность спасения от холода и промозглого ветра.

Подростки на этот счет особенно уязвимы. Они почему-то всегда спешат. Вечно где-то что-то происходит, в чем они непременно должны принять участие, причем любой ценой. Ханна сошла с поезда в Скарборо дождливым ноябрьским вечером и понятия не имела, как доберется домой. С отцом связаться не получилось, и это привело ее в отчаяние. Возможно, Ханне тысячу раз говорили, что опасно садиться в машину к незнакомцам, но легко представить себе ситуацию, когда она сознательно решилась пойти на риск.

В ее случае это решение имело катастрофические последствия. Ханна исчезла, и точно не добровольно.

Пассажирка оказалась довольно разговорчивой.

– Райан не смог оставаться в своем доме после того, что случилось с Ханной… его дочерью. Вы ведь знаете об этом?

– Я журналистка, – сказала Кейт. – Да, знаю.

– Журналистка? – Женщину явно впечатлил такой ответ. – И пишете об этом?

– Девушки продолжают пропадать, причем в этом же месте. Что не может не настораживать.

– Все верно. То, что случилось с Саскией Моррис, ужасно. Ханну так и не нашли. Все мы надеемся еще увидеть ее живой, но чем больше времени проходит…

– Райан Касуэлл не догадывается, что могло с ней случиться?

– У него своя теория. Райан убежден, что Ханну увез Кевин Бент. Тот самый молодой человек…

– Я знаю. Тот, в чьей машине она ехала из Халла до Скарборо.

Женщина вздохнула:

– Кевин неплохой парень. Я уверена, что он рассказал всю правду. Но Райану нужно кого-то обвинять, чтобы не задохнуться от ненависти и боли. Поэтому он и вцепился в Кевина. И все только из-за того, что тогда случилось с его братом…

– Да, я знаю. Кстати, что вы думаете о брате?

– О Марвине? Совершенно безобидный парень. Он попал в плохую компанию, это так. Но точно никого не насиловал, в это я верю. Кто угодно, только не братья Бенты.

– Чем они сейчас занимаются?

– Живут в доме своей матери в Стейнтондейле. Она умерла два года тому назад, и мальчики сумели навести там порядок. Они держат паб в гавани в Скарборо. Очень приятное место. Простая еда. Живут в основном за счет паба, хотя приходится нелегко. Времена сейчас не лучшие, туристов у нас не густо после Брекзита[5]. Ну и Райан, конечно, не упускает возможности…

– Какой возможности? – спросила Кейт, когда женщина запнулась.

– Сплетни про них распускает… что Кевин – убийца его дочери. Ну, те, кто знает Кевина, конечно, не воспринимают это всерьез. И все-таки Кевин говорит, что если б Райан не напоминал о том случае, посетителей у них было бы больше. Так ли это, трудно сказать.

– Что с ней произошло, сами как думаете?

– С Ханной? Думаю, она не знала, как добраться домой. Отцу не дозвонилась. Ну, вот он и подвернулся. Убийца, я имею в виду, он же подбирает девушек на улицах, так? Так было с Саскией Моррис и с этой… Голдсби. Больной парень, хватает и делает с ними бог знает что. Убивает в конечном итоге. – Женщина покачала головой. – Ужасно.

– То есть вы считаете, что это один и тот же человек?

– А разве полиция думает иначе?

Кейт оставила этот вопрос без ответа.

– Что вы можете сказать о Ханне? – спросила она вместо этого.

– Ханна? Тихая девочка… мечтательная. Совсем не похожа на свою подругу Шейлу, которая уже тогда красилась и одевалась вызывающе. Райан не позволил бы своей девочке крутить перед мальчиками хвостом. Он держал Ханну на коротком поводке… слишком коротком.

– А о нем что можете сказать?

– Что я могу сказать? – женщина вздохнула. – Неплохой человек, но ужиться с ним непросто. Когда-то от него ушла жена, в одну ночь. Оставила его с четырехлетней Ханной… Конечно, Райан очень переживал.

– Почему она ушла, не знаете?

– Ну… думаю, они просто не подходили друг другу. Линда была так молода, когда за него вышла… всего восемнадцать лет. А Райану почти сорок. И он оказался прижимист, в чем мы все быстро убедились. Раньше жил где-то возле Ньюкасла. Купил здесь небольшую ферму, наверняка взял кредит. Работал в компании по уборке помещений в Скарборо. С соседями – «да», «нет», слова лишнего не скажет. Но человек надежный, на такого можно положиться. Я, конечно, очень его уважаю, но жить с Райаном Касуэллом… – женщина положила руку на грудь, – не приведи Господь.

* * *

Кейт поняла, что она имела в виду, когда оказалась за столом напротив Райана Касуэлла, после того как случайная пассажирка показала его дом на Куинс-пэрэйд. Улица над морем в Норд-Бэй-Скарборо, вопреки помпезному названию, была застроена ветхими обшарпанными домами. Большинство квартир вообще выглядели пустыми.

Райан без проблем впустил Кейт в квартиру, после того как она пробормотала что-то насчет журналистки и желания написать о

пропавших девушках.

– Тогда вам сразу следует взять на заметку Кевина Бента, – сказал он.

Они устроились в маленькой гостиной, дверь которой вела на крохотную кухню. Диван, стол, телевизор, шкаф – вот и вся меблировка. Ни картин на стенах, ни цветов на окнах. На полу линолеум без ковра. Кейт подумалось, что ее пустой дом со складными стульями перед электрическим камином выглядит гораздо уютнее этого холодного запустения. Краем глаза искала фотографии – их тоже не было. Ничто в квартире не напоминало ни о Ханне, ни о ее матери, словно Райан решил забыть о прошлом.

Только не о Кевине Бенте.

– Конечно, это был он. Удивляюсь слепоте нашей полиции. И вот вам, пожалуйста, результат. Он убил еще одну девушку и одну похитил. Последней повезло, удалось бежать. Но он ведь не остановится. Таким ублюдкам всегда мало.

– Амели Голдсби описала своего похитителя, – осторожно заметила Кейт. – Он совсем не похож на Кевина Бента. Ей показывали фотографии Кевина, и она его не опознала. Преступник намного старше.

Райан отмахнулся от возражений:

– Чего вы хотите от четырнадцатилетнего травмированного ребенка? Не думаю, что стоит принимать всерьез то, что она говорит.

– Но игнорировать полностью тоже нельзя.

Райан в недоумении уставился на Кейт:

– То есть вы из тех, кто считает Кевина несчастным безобидным парнем, которого я преследую?

– Из тех? Вы хотите сказать, многие вокруг вас думают, что это был не он?

Райан презрительно фыркнул:

– Он красивый молодой парень. Женщины от него без ума. Все, или почти все – молодые, пожилые, среднего возраста. Еще бы, такой обаятельный молодой человек… Вежлив, элегантен. Даже некоторым мужчинам нравится, хотя…

– Что?

– Репутация у него не из лучших. Слишком часто меняет подруг. Наверняка крутит сразу с несколькими. Ему все равно, замужняя или

нет. Поэтому поклонников среди мужчин у него меньше, чем среди женщин. Логично, правда? Но это касается прежде всего тех мужчин, чьи женщины прошли через его руки. Среди остальных есть и такие, кто обожает Кевина. Еще бы, он ведь такой обаяшка!

– Но вы никогда ему не доверяли. Даже до того, как…

– Кевин Бент никогда мне не нравился, – подтвердил Райан. – Слишком смазлив, ну и… самоуверен. Знает, как расположить к себе людей. К сожалению, многие ведутся.

«Просто полная противоположность тебе, – мысленно обратилась к Райану Кейт. – Ты вообще когда-нибудь улыбаешься?»

«Надежный человек, на него можно положиться», – сказала о Райане женщина из Стейнтондейла. Кейти понимала, что она имела в виду. Райан определенно не из тех, кто бросит человека в беде, когда тот просит поддержки. Но доброго слова от него не дождешься.

– Как вы думаете, что произошло с Ханной тем ноябрьским вечером? – спросила Кейт.

– Я тысячу раз объяснял это полиции. И всем остальным, вне зависимости от того, хотели они меня слушать или нет.

«На самом деле в ситуации Кевина Бента действительно непросто держать паб в таком небольшом городе, – подумала Кейт. – Обаяние Кевина здесь как нельзя кстати. Если б не оно, он давно разорился бы, имея такого врага, как Райан Касуэлл».

– Бент посадил Ханну в свою машину в Халле, после того как она опоздала на поезд, – продолжал Райан. – Мы договорились, что она поедет следующим поездом и я заберу ее в Скарборо. Конечно, я расстроился. Я рассчитывал забрать ее после работы, а теперь нужно было околачиваться где-то около двух часов. Мы жили в Стейнтондейле. Можно было съездить домой и вернуться, но я решил подождать. Припарковался где-то на побережье и сидел в машине. Холод собачий. В паб идти не хотелось. Там пришлось бы взять что-нибудь из еды и выпивки, а для меня это слишком дорого. Я никогда не ем вне дома.

– Ханна знала, что вы на нее злитесь?

– Да. Я ясно дал ей это понять.

– И она встретила Кевина Бента, который отвез ее в Скарборо?

– Да. Она знала, как я отношусь к Бентам. Я никогда не позволил бы ей сесть в машину к кому-то из них.

– Чем именно вам не нравился Кевин Бент? Ну, кроме беспорядочной личной жизни.

– Чем он мне не нравился? – Райан рассмеялся. – Бенты были и остаются бандой, – он вложил в это слово всю свою обиду. – Банда, самая настоящая. Отец исчез неизвестно где, мать болела рассеянным склерозом, не могла управляться с фермой и жила на пособие.

«Само по себе это не преступление», – возразила про себя Кейт.

– Старший брат еще подростком попал в плохую компанию. Он причастен к групповому изнасилованию пятнадцатилетней девочки…

– Погодите, – перебила Райна Кейт. – Я читала об этом. Согласно моим источникам, Марвин Бент к этому не причастен. Его не было с друзьями в тот день.

– Он не смог предоставить алиби.

– Девушка его не опознала.

– Как и двух других парней, вскоре во всем сознавшихся. Сколько можно говорить об этом! – Райан нетерпеливо замахал руками. – Когда подобное случается с молодой девушкой, пусть даже и зрелой женщиной, которую похищают, над которой издеваются, не нужно быть чертовым психологом, чтобы понять, что она травмирована на весь остаток жизни. Если, конечно, вообще останется жива. Первые недели и месяцы самые тяжелые. То же с этой, как ее… Амели Голдсби. Она пробыла целую неделю во власти этого маньяка. И вы всерьез верите, что после этого она может дать адекватное описание хотя бы его внешности? В конце концов он мог ее запугать. Дать понять, что ее ждет, если она его выдаст. Что он найдет ее хоть на краю света, и дальше… С чего вы взяли, что словам Амели Голдсби можно верить?

Это была новая мысль, по крайней мере для Кейт. Она не знала, рассматривал ли такой вариант Калеб Хейл. Амели умалчивала о важнейших моментах похищения, и всем казалось очевидным, что все дело в бессознательной блокировке, что срабатывает механизм защиты, не позволяя Амели заново столкнуться с пережитым ужасом. Но что, если все сложнее, или, если угодно, проще? Что, если Амели боялась говорить, потому что преступник запугал ее? Если же наконец, не без ее помощи, он все-таки окажется за решеткой, некоторое время она сможет жить спокойно. Но рано или поздно он выйдет. Раньше, чем хотелось бы, потому что безопасность жертвы преступления –

далеко не главная задача системы правосудия. Не говоря о друзьях злоумышленника, которые останутся на свободе.

Если б Кейт официально состояла в следственной группе, то непременно обсудила бы этот вопрос с Калебом. А так… уж очень велик риск быть неправильно понятой.

– Ну, хорошо… – Кейт решила вернуться к тому, с чего начала: – Значит, брат. Но что вы имеете против самого Кевина?

– Неприятный парень, – Райан мотнул головой.

– Неприятный парень – или насильник и похититель людей? Здесь есть разница, и значительная.

Глаза Райана сузились:

– Для какой газеты вы пишете? Какая-нибудь левая газетенка в защиту прав обаятельных убийц?

– Я свободная журналистка, – пояснила Кейт, – и еще не решила, кому предложу этот материал. Просто хочу знать, что произошло и как люди с этим живут.

Эта легенда с журналистикой – чисто спонтанная идея. Надо же было как-то объяснить случайной пассажирке в Скарборо, почему Кейт задает так много вопросов о Райане Касуэлле и его дочери Ханне. Она не могла представиться сотрудником лондонской полиции, хотя в большинстве случаев это действовало безотказно. Но если по следам Кейт пойдет Калеб и люди будут говорить ему, что с ними только что беседовала сотрудница Скотланд-Ярда, он, конечно, сумеет сложить два и два. При этой мысли Кейт опустила голову.

Итак, сейчас она журналист-фрилансер, имеющий слабое представление о своей работе. Интересно, как далеко она может зайти? Но Райан Касуэлл, похоже, не усомнился в истинности ее слов – забеспокоился только, что Кейт напишет не то, что ему хотелось бы.

– То есть вы хотели знать, что, по моему мнению, произошло, – сказал он. – Кевин Бент случайно встречает Ханну на вокзале. Предлагает подвезти. Высаживает в Скарборо, потому что сам собирался в Кроптон. Но по дороге решает, что глупо упускать такую возможность. Возвращается, снова разыскивает ее на вокзале и говорит, что все-таки сможет подбросить до Стейнтондейла. Она садится в машину, ни о чем не подозревая. Он отвозит ее куда-нибудь в глушь, лезет целоваться и все такое. Она сопротивляется. Бент насилует ее, а потом для верности убивает. Выбрасывает тело в какое-

нибудь болото в Национальном парке, где ее никогда не найдут. Вот и все, – он встал. – Можете идти. Ах да, вы еще хотели знать, как с этим живут… Ну, здесь я могу говорить только за себя.

Тут лицо Райана Касуэлла исказила такая гримаса, что Кейт содрогнулась. Никогда не приходилось ей видеть столько боли на лице человека.

– У меня отняли все… все, что придавало жизни смысл. Я не смог оставаться в доме, где жил с Ханной. Теперь я здесь… не живу, просто жду, когда все это закончится. Развалина, а не человек… Можете написать об этом.

Райан поднял руку в нетерпеливом жесте в направлении двери.

Он сказал все.

3

Констебль Китти Вентворт когда-то иначе представляла себе работу в полиции. Все-таки она детектив! Пусть не суперинтендант, она не особенно задумывалась о пути, который ведет к таким высотам. Трудно, да, ничто на свете не дается даром, но какого характера будут трудности, на счет этого она, похоже, ошибалась.

В самых кошмарных фантазиях Китти не могла вообразить себе ту мучительную скуку, холод, усталость и давящее ощущение жалости к себе, которое представляла собой ее служба в данный момент. Никто не был бы способен этого сделать. Некоторые вещи были просто за гранью человеческого воображения.

Вот уже две с половиной недели они с констеблем Джеком О’Донеллом дежурят в полицейской машине в тихом жилом районе в Скарборо, возле дома семьи Голдсби. Конечно, время от времени их сменяют, но часы, когда Китти наконец сможет вернуться домой, принять душ и насладиться уютом собственной квартиры, ощущаются как нечто нереальное, не только в воображении, но и в действительности. Такое чувство, будто она сидит здесь месяцами, семь дней в неделю, двадцать четыре часа в сутки. Рядом с коллегой Джеком, которого Кейт находила крайне неприятным и которому, насколько ей было известно, сама тоже не особенно нравилась. Нет, между ними не случалось ничего, что могло бы породить обоюдную неприязнь. Просто несовместимость. Возможно, на уровне химии.

«С другой стороны, – думала Китти, – в такой ситуации я надоела бы самому Джорджу Клуни. Даже влюбленная пара вряд ли выдержит

подобное испытание».

Дежурство началось в октябре, когда деревья в садах были покрыты густой листвой, переливающейся на солнце всеми оттенками золотистого, красного и коричневого. Вместе с Джеком они наблюдали, как все это опадало на аккуратные тротуары, иногда планируя по воздуху и танцуя на ветру, иногда срываясь с веток за струями ледяного ливня.

Миновал октябрь, теперь на деревьях оставалось совсем мало листьев. За окнами горели свечи, а кое-где с обратной стороны стекол были уже наклеены маленькие золотые звездочки. Рядом с домом Голдсби некий поклонник Рождества установил иллюминированных оленей, а между ними – Санта-Клауса и ангелов. И опутал все деревья и кустарники гирляндами. Китти с интересом наблюдала, как каждый день добавлялось что-то новое. Когда каждый вечер, ровно в семь, срабатывала система автоматического включения, и Китти, и Джек дружно подпрыгивали, ослепленные внезапным светом.

– Какого черта! – ругался Джек.

А сегодня, когда сосед Голдсби расставлял новых оленей, он пригрозил, что когда-нибудь прокрадется туда и перережет чертовы кабели.

– Ты полицейский, – напомнила Китти. – Как ты можешь так говорить!

– То, что он делает, граничит с физическим насилием, – ответил Джек. – Удивительно, что соседи молчат. Их это тоже должно беспокоить.

– Может, им нравится.

– Чертов квартал, – пробурчал Джек. – Полжизни отдал бы за кофе… У тебя осталось что-нибудь в термосе?

Китти с сожалением развела руками:

– Пусто.

Они уже проводили наблюдение в более людных кварталах – и пришли к выводу, что дежурство дается значительно легче, когда вокруг магазины и закусочные, где всегда можно быстро выпить кофе и перекусить.

В этом квартале ничего такого не было. Ближайший вариант – супермаркет «Теско Экспресс» на Бернистон-роуд, но это десять минут езды в оба конца. В лучшем случае, если не будет проблем с

парковкой, очереди к кассе и тому подобное. Десятиминутная отлучка во время дежурства – серьезное нарушение инструкции.

– Я усну, если не выпью кофе, – сказал Джек. – Когда нас сменят?

– Не раньше десяти вечера, – ответила Китти.

Она тоже устала. Хуже всего была эта скука и удручающее однообразие. В этом квартале как будто совсем ничего не происходило. Утром люди уходили на работу, вечером возвращались. После обеда прошла группа школьников. Может, летом они играют на улице, рисуют, прыгают со скакалкой, гоняют футбольный мяч, но сейчас, в ноябре, ранние сумерки не оставляли времени для таких занятий. Плюс холод. Китти не просто сидела и смотрела в одну точку, она мерзла. Несмотря на толстую куртку, шарф и ботинки на подкладке. Тоска по ванне становилась почти непреодолимой.

Амели и ее мать весь день не выходили из дома. Отец, доктор Голдсби, ушел на работу рано утром, как сообщила предыдущая смена. В полдень появилась полицейский психолог Хелен Беннет. Посидела в машине, поговорила с Китти и Джеком. От нее они узнали, что продвинуться с Амели пока так и не удалось, а Алекс Барнс после долгого допроса благополучно вернулся домой.

– Инспектор Хейл в ужасном настроении, – сообщила Хелен. – Он так обрадовался, когда узнал об аренде машины… Думал, теперь Барнс у него под колпаком. Оказалось, нет. Либо этот парень умнее нас всех, либо он действительно невиновен.

С этими словами Хелен исчезла в доме, чтобы в очередной раз попытать счастья с Амели Голдсби.

Джек, как видно, погруженный в раздумья о событиях дня и Хелен Беннет, вдруг выпалил:

– Что за ерунда эта психология! Хелен уже несколько дней болтает с девчонкой, а что толку? Ничего из этого не выйдет. Абсолютно.

– Знаешь лучший способ?

– Все, что я знаю, это то, что они не поймают этого парня, пока Амели не заговорит. А мы до тех пор будем сидеть здесь и мерзнуть… Черт меня дернул пойти в полицию!

Китти разделяла его возмущение.

– И что это был за черт? – вдруг спросила она.

– Слишком много американских фильмов по телевизору. Где полицейские – крутые ребята, в одиночку противостоят криминальным группировкам и находят выход из любой ситуации. Ну и под конец получают самых красивых девушек в качестве награды…

– А ты сидишь здесь со мной, – съязвила Китти.

Джек не отличался ни остроумием, ни галантностью, иначе ответил бы изящным комментарием.

– Да уж… – вместо этого согласился он. – Сижу с тобой в этой дурацкой машине, смотрю на эту улицу и чувствую, как у меня замерзает мозг… – Он решительным движением толкнул дверь, в машине сразу стало холоднее: – Я иду в «Теско» за кофе. Что тебе принести?

Нарушение инструкций. Даже если она останется и Джек отправится один, пешком на это уйдет еще больше времени. Но идея с кофе была слишком заманчивой. В «Теско» автомат, можно купить разные сорта и горячий шоколад. И там все такое вкусное…

– Мне американо с молоком, – сказала Китти. – И чего-нибудь поесть.

– Что поесть?

– Сэндвич с яйцом, если не трудно. – Сэндвичи там тоже сносные.

Джек кивнул и ушел. Китти провожала его взглядом с легким чувством беспокойства. Она знала, что будущему суперинтенданту не к лицу нарушать инструкции, но до сих пор с ней такого и не случалось. В конце концов, все пройдет незаметно. В этом квартале, как всегда, тихо. Джейсон Голдсби вернулся домой полчаса назад. Выйдя из машины, приветливо кивнул полицейским.

Китти нравился Джейсон. Он добрый и не воспринимает услуги, которые они оказывают его семье, как нечто само собой разумеющееся. Часто благодарит и даже сожалеет, что отнимает у них так много времени.

«Он выглядит таким несчастным, – подумала Китти. – С октября похудел, и лицо такое бледное… Устал, конечно».

Она откинулась на спинку сиденья и прикрыла глаза. Вспомнила о кофе и сэндвичах и почувствовала воодушевление. В десять она освободится, дома примет ванну, нальет себе бокал вина и зажжет несколько свечей…

Первым, что увидела Китти, открыв глаза, был Алекс Барнс под дверью дома Голдсби.

Китти рывком выпрямилась на сиденье. Похоже, Барнс пришел не по дороге, а приблизился к дому со стороны сада, то есть поднялся по скалистому склону от моря. Странно, конечно, но не запрещено. Теперь он звонил в дверь, судя по положению его руки.

Китти выругалась. И, как назло, Джека нет на месте…

Она знала, что инспектор Хейл хотел бы запретить Барнсу на пушечный выстрел приближаться к дому Голдсби. Но прокурор не даст такую бумагу без достаточных на то оснований, а их нет. Поэтому все, что оставалось Хейлу – предписать охраняющим дом полицейским реагировать на появление Барнса с повышенной бдительностью. Если же он войдет в дом, позвонить в дверь не позднее, чем десять минут спустя, и все проверить.

Хейл просил Голдсби вообще не пускать Барнса. Но тот не появлялся вот уже много недель, и об этом перестали говорить.

Китти в отчаянии вглядывалась в окно машины. Где Джек? Конечно, так рано он не мог вернуться. Наверняка еще не дошел до магазина.

Она достала телефон и набрала его номер. Пошли сигналы. Джек не отвечал. Или нет приема, или по какой-то причине он не слышит звонка. Китти выругалась. Оставалось надеяться, что ничего страшного не произойдет и Барнс уйдет до истечения десяти минут, после чего она найдет Голдсби живыми и невредимыми. Но, случись что, отлучка Джека в «Теско» дойдет до начальства, и тогда им обоим не миновать выговора.

– Черт! – громко выругалась Китти и посмотрела на дом Голдсби.

Все тихо… Может, все-таки позвонить в дверь?

*** * ***

– Хотите чего-нибудь выпить, мистер Барнс? – вежливо осведомился Джейсон.

Они с Деборой собирались накрывать на кухне стол к ужину. Обменявшись короткими взглядами, решили, что не будут приглашать Алекса Барнса. Лазанья в духовке, верхний слой сыра пузырится,

источая аромат. Дебора повернула ручку, погасив пламя. Теперь оставалось избавиться от непрошеного гостя.

Тот устроился в углу дивана и с радостью принял предложенный шерри. С новой прической Барнс выглядел моложе и гораздо привлекательнее, как заметила Дебора, вернувшись в гостиную. Но в этот вечер на нем была старая одежда – джинсы в жирных пятнах и свитер с протертыми до дыр локтями. Настроение как будто хорошее, несмотря на холод на улице.

– Я чуть не отморозил нос по дороге сюда. Но у вас так тепло… Все равно нужно включить камин. Замечательный камин, кстати. Как и всё в этом доме.

– Спасибо, – пробормотала Дебора.

Почему-то даже комплименты из его уст звучали как-то грязно. Как будто Барнс решил наложить руку на все, что считал красивым и замечательным.

«Я слишком мнительна, – подумала Дебора, – потому что боюсь, что он присосется к нам навсегда. Или уже присосался? Почему мне так несимпатичен человек, спасший жизнь Амели?»

– Как прошло собеседование? – спросила она.

В конце концов Дебора потратила на это день. Не говоря уже о деньгах, заплаченных за его новую одежду.

Алекс Барнс с сожалением покачал головой. При этом он вовсе не выглядел унылым.

– Сегодня утром они позвонили мне и сказали, что выбрали другого. Сложная ситуация на рынке труда.

– Что ж, – вздохнул Джейсон.

Они с Деборой продолжали стоять. И так и не налили себе шерри.

– Как Амели? – спросил Алекс.

– Не очень, – ответила Дебора. С какой стати она должна его обманывать? – Все так же апатична. Ничего не меняется, и нас это беспокоит. Амели по-прежнему сидит в своей комнате и смотрит в окно. Разговоры с психологом ни к чему не приводят. По крайней мере, со стороны успехов не наблюдается. Может, идут какие-то скрытые процессы…

– Ей нужно вернуться в школу, – сказал Джейсон. – Любой заболеет, если днями напролет сидеть и пялиться в окно.

– Но она не хочет. И мы не можем в такой ситуации заставлять ее что-то делать.

Это прозвучало резче, чем рассчитывала Дебора. Но Барнс затронул вопрос, бывший яблоком раздора между ней и Джейсоном. Джейсон придерживался мнения, что Амели следует прямо сейчас вернуться к нормальной жизни. Только так она сможет забыть то, что пережила. Дебора же полагала, что Амели просто не сможет начать жизнь с чистого листа, и будет ошибкой делать вид, будто ничего не было. Как может Джейсон этого не понимать? Нужно набраться терпения. Время работает на них.

– Она что-нибудь еще вспомнила? – спросил Алекс. – Ну… может, что-то о преступнике или месте, где ее держали?

– Нет, – покачал головой Джейсон. – Ничего, к сожалению.

Он терпеть не мог этого парня. Мысль о том, что ему неприятен человек, которому они с Деборой обязаны по гроб жизни, разрывала Джейсона на части. Если б не Барнс, Амели, вероятно, не сидела бы сейчас в своей комнате, в теплом родительском доме. Она бы утонула. И в их дверь позвонил бы полицейский и осторожно сообщил, что тело девушки выбросило на берег где-то под Саут-Бэй. При мысли об этом по спине Джейсона пробегала холодная дрожь.

– Странно все-таки, – задумчиво произнес Барнс, имея в виду состояние Амели. – Просто наваждение какое-то…

– Не думаю, что в подобных случаях это выглядит странно, – возразила Дебора. – Опасные воспоминания подавляются в сознании, так устроена человеческая психика. Кто знает, что там пережила Амели…

Дебора осеклась на половине фразы. Собственно, сама она не в лучшем состоянии, если боится даже подумать об этом. Чего, в таком случае, она хочет от Амели?

Джейсон задумался, был ли интерес Барнса к Амели невинным любопытством или за этим стоит нечто большее? Что, если он знакомый или даже друг преступника и пытается разведать, представляет ли Амели опасность на данный момент? Для преступника она – бомба с часовым механизмом. Если заговорит, это может обернуться для него катастрофой.

Алекс залпом осушил бокал и резко поднялся с дивана:

– Собственно, зачем я пришел…

Дебора с Джейсоном дружно вскинули головы.

Он подбирал слова, но даже это казалось фальшивкой. Как будто Барнс точно знал, что будет говорить, и только нарочно напускал на себя нерешительный вид.

– Давайте будем откровенны друг с другом. Я чувствую, что порядком надоел вам.

– Ну что вы, Алекс… – начал было Джейсон, но Барнс оборвал его жестом руки:

– Именно так. Я спас жизнь вашей дочери, и вы чувствуете себя в долгу передо мной. Тем не менее я вас раздражаю. Неудачник, который никак не может встать на ноги…

– У вас обязательно… – попыталась возразить Дебора, но Барнс ее перебил:

– Я видел ваше лицо, Дебора, после того как сказал, что не получил это место. «Черт, теперь это никогда не закончится», – вот что я прочитал на нем. Вы приложили столько усилий, отвезли меня в Халл, ходили со мной по магазинам, купили одежду, какой у меня никогда не было…

Джейсон оглянулся на Дебору. Он впервые слышал об этих покупках. Дебора мужественно выдержала его взгляд.

– И эта великолепная стрижка! – Алекс усмехнулся и провел ладонью по пышным волосам. Он выглядел как большой мальчик, расслабленный и невинный, без внутренних конфликтов и противоречий. – Честно признаюсь, заглядываюсь каждый раз, когда прохожу мимо витрины магазина с зеркалом, и никак не могу налюбоваться.

– Рад за вас, – сказал Джейсон.

Лицо Алекса стало серьезным и как будто сразу повзрослело. Морщины у рта стали глубже.

– Я вам не нравлюсь, и пора наконец расставить точки над i. Скажу прямо, что мне нужно. Тридцать тысяч фунтов – и я оставлю вас в покое. Деньги – самое меньшее, что могут родители предложить за жизнь дочери, но вы, похоже, смотрите на это иначе. Вы таскаете меня по парикмахерским, отвозите на собеседование, а в остальном стараетесь держать дистанцию…

– Послушайте, – перебил его Джейсон, озадаченный внезапной переменой атмосферы. – Мы платим за квартиру, в которой вы живете.

– Это не квартира, а жалкая ночлежка. И я не намерен каждый месяц ждать от вас очередной подачки. Вы много спорите об этом, я знаю. «Сколько еще это может продолжаться, удастся ли нам когда-нибудь от него избавиться… но он ведь спас нашу девочку… Жалкий неудачник…» Не думайте, что я ничего не замечаю.

Дебора почувствовала, как запылали ее щеки. Потому что Барнс был прав. Именно так они с Джейсоном говорили и думали. И им действительно казалось, что он ничего не замечает.

– Тридцать тысяч фунтов, – повторил Алекс Барнс, – за спасение вашей дочери. Тридцать тысяч – и больше вы меня не увидите.

– Это большие деньги, – пробормотал Джейсон.

В этот момент во всем доме погас свет. Дебора вскрикнула. На улице не горели фонари, и другие дома, насколько она могла видеть, темнели сплошными стенами. На луну набежали тучи. Дебора редко когда оказывалась в такой темноте.

– Что, черт возьми… – услышала она рядом голос Джейсона, чей темный силуэт различала рядом с собой.

Сверху закричала Амели:

– Папа! Папа!

Одновременно супруги услышали стук в входную дверь:

– Откройте, полиция! Немедленно откройте!

«Почему они не позвонили? – спросила себя Дебора за секунду до того, как поняла, что электрический звонок на двери, конечно, не работает.

Пока Джейсон пробирался к лестнице, чтобы подняться к дочери, Дебора пошла открывать. Ударилась обо что-то ногой, стиснула зубы, подавляя крик боли, нащупала замок…

Констебль Китти Вентворт, приятная молодая женщина из полицейской машины, тут же проскользнула в дом.

– Всё в порядке?

– Да… Всё в порядке, – Дебора всмотрелась в темноту позади Китти: – Где ваш коллега?

– Скоро будет, – неопределенно махнула рукой Китти и посветила фонариком в коридор: – Где мистер Барнс?

Алекс вышел из гостиной, встал в луч фонаря и поднял обе руки:

– Я здесь. Безоружный.

– Где Амели? – спросила Китти, игнорируя его шутовской тон.

– Она здесь, со мной! – послышался голос Джейсона со стороны лестницы.

– Что произошло? – Дебора посмотрела на Китти. – Почему нигде нет света?

– Я не имею к этому никакого отношения, – поспешил заверить Алекс. – Дебора и Джейсон могут подтвердить. Я сидел с ними в гостиной. У нас был деловой разговор.

– Деловой разговор? – раздраженно переспросила Китти.

«Можно сказать и так, – мысленно ответила Дебора. – Хотя было бы правильнее назвать это шантажом».

Китти снова направила фонарик на Алекса:

– Похоже, произошло короткое замыкание. Неудивительно, если ваш сосед позволяет себе такие фейерверки. Сегодня оленей добавилось, и случилась перегрузка энергосистемы.

Алекс заморгал:

– Нельзя ли приглушить свет, констебль? Я почти ничего не вижу.

– Вы собирались домой, не так ли? – холодно спросила Китти вместо ответа.

– Если найду дорогу в такой темноте… Где ваш коллега?

– До свидания, мистер Барнс, – ледяным тоном отозвалась Китти.

Алекс усмехнулся:

– В любом случае, привет ему от меня. Он оглянулся на лестницу: – До свидания, мистер Джейсон. И подумайте над моим предложением, хорошо?

– До свидания, – отозвался Джейсон.

Алекс прошел мимо констебля Вентворт и исчез за дверью.

– До скорой встречи, Дебора! – были его последние слова.

Китти плотно прикрыла за ним дверь:

– О чем это он?

– Это… не так легко объяснить, – замялась Дебора.

Она не была уверена, что стоит посвящать еще кого-либо в предложенную Барнсом сделку. Деборе казалось, это может ограничить свободу ее действий. Неприятная ситуация, что и говорить… По сути, они должны откупиться от спасителя Амели. Деборе крайне сложно было бы объяснить постороннему человеку, что она чувствует.

При помощи Китти – точнее, ее фонарика – удалось расставить и зажечь свечи по всему первому этажу. Джейсон дал понять, что хочет остаться с Амели. Внезапная темнота разбудила в девочке старые страхи. Дебора слышала, как она плакала. «Сколько еще времени пройдет, прежде чем мы вернемся к более-менее нормальной жизни?» – спросила она себя.

Китти развернулась к выходу.

– Если что, я в машине. И прошу вас, Дебора, не пускайте больше мистера Барнса в дом. Может, я не права, но он мне не нравится. Какой-то… фальшивый, что ли.

– Вы правы, – ответила Дебора.

* * *

Когда она открыла дверь, на пороге возник констебль Джек О’Донелл и в ужасе уставился на Китти.

– Что здесь происходит? – спросил он.

– Почему не отвечаешь на звонки? – в свою очередь спросила Китти.

– Я ничего не слышал.

Китти пристально посмотрела на коллегу.

Дебора заметила две высокие чашки с кофе на заборе за его спиной и упаковку сэндвичей и без труда восстановила цепочку событий. О’Донелла не было на посту, поэтому Китти появилась в доме одна. Кофе и сэндвичи он мог купить только в «Теско» на Бернистон-роуд, что означало довольно долгую отлучку. За это время успел появиться Алекс и произошло короткое замыкание. Ряд неудачных совпадений, но это создало ситуацию, которая могла быть очень опасной. В особенности если Алекс действительно представлял для них угрозу.

Виноватые лица обоих полицейских подтверждали предположение Деборы. Китти и Джек думали о том же, что и она, и, конечно, беспокоились и за себя тоже. Проблем с начальством не миновать, хотя Дебора уже решила держать язык за зубами. Их, конечно, заставят отчитаться за дежурство, и будет разумнее честно

обо всем рассказать. Дебора надеялась, что все обойдется без последствий.

«Мы дадим ему эти чертовы деньги, – подумала она, вдруг почувствовав сильную усталость. – Это невозможно, когда так хочется указать ему на дверь и не находишь в себе сил это сделать».

Убедить Джейсона будет нелегко. Для него деньги на первом месте. Но он должен осознать, что это единственный способ избавиться от Барнса, не испытывая угрызений совести. Конечно, ничто не помешает ему и после этого объявиться в любой момент и просить о помощи. В этот момент Дебора поняла, что сравнение Барнса с шантажистом было ошибочным. Он не мог оказывать на нее давление иначе, чем апеллируя к чувству справедливости, пробуждая голос совести. Тридцать тысяч фунтов – цена свободы…

«И все будет кончено», – подумала Дебора.

И, как ни странно, сама не очень-то в это поверила.

Четверг, 9 ноября

1

Брендан Сондерс был в полном отчаянии, когда двое полицейских ввели его в комнату для допросов, и после пяти минут беседы с Калебом Хейлом и Робертом Стюардом, казалось, был готов разрыдаться. Он ничему не противился, не требовал адвоката и не напоминал о своих правах. Встревоженный и напуганный, Сондерс как будто был готов выполнить любое желание полицейских.

Его задержали только сегодня утром, после того как Сондерс вернулся из Эдинбурга, где, по его словам, провел несколько дней.

– В ноябре? В Эдинбурге? – Калеб недоуменно поднял брови. – Там сейчас довольно неуютно, как мне кажется.

Сондерс сразу начал заикаться:

– Я… мне… просто нужно было сменить обстановку. Мама родом из Эдинбурга, так что… Я ведь… знаете, я писатель. Отсюда вечные проблемы с вдохновением.

– Писатель? – переспросил Калеб.

– Да.

– Что-то уже опубликовано?

У Сондерса ничего не было опубликовано, но он писал книгу – портрет английского общества на момент разрыва с Евросоюзом, «на примере семьи, чей бизнес рухнул с Брекзитом».

– На что же вы живете, пока не вышла книга? – поинтересовался Калеб.

Сондерс ответил, что переживает творческий кризис, поэтому и отправился в Шотландию «прочистить мозги». Останавливался в небольших отелях типа «завтрак и постель».

– Можете предоставить чеки?

Брендан снова начал заикаться:

– Я… я правда не знаю, где они… придется поискать.

– Адреса, названия отелей… вы бронировали?

Он покачал головой:

– Нет. Искал пристанища прямо на месте. Рассчитывал, что в начале ноября свободные номера должны быть.

– Хорошо, постарайтесь вспомнить, где именно вы останавливались, и поищите чеки, будьте добры, – бесстрастно повторил Калеб и подался вперед, протягивая Брендану фотографию Мэнди Аллард. Этот снимок передал Калебу дежурный, принимавший заявление о ее пропаже. – Знаете эту девушку?

Ответом была реакция Брендана. Он побледнел, глаза чуть не вылезли из орбит.

– Э-э… да, я ее знаю.

– По крайней мере, вы этого не отрицаете. Есть свидетель того, как эта девушка выбегала из вашей квартиры тридцатого ноября этого года. Это выглядело как бегство.

– Миссис Вайн, да? – с ненавистью в голосе спросил Брендан. – Она, кто же еще… Она живет подо мной и вечно сует нос в чужие дела.

Калеб не ответил.

– Мэнди Аллард пропала в начале октября, об этом сообщила ее куратор из департамента по делам молодежи. Ушла из дома, и больше ее никто не видел.

– Она не просто так ушла, – возразил Брендан Сондерс. – С ней плохо обращались. Мать швырнула в нее чайник с кипятком, обварила ей руку. Ужасный ожог! Я купил мазь, бинты… Позаботился, чтобы не было заражения крови.

– Очень мило с вашей стороны, но не могли бы вы объяснить, что заставило вас подобрать на улице четырнадцатилетнюю девочку и пустить жить к себе в квартиру?

Это был пробный шар. Калеб не знал, где и при каких обстоятельствах Брендан Сондерс познакомился с Мэнди. Он также не имел ни малейшего представления, как долго она прожила в его квартире. Свидетельнице – миссис Вайн – нечего было сказать по этому поводу, о чем она искренне сожалела.

Сондерс насупился.

– Я заговорил с ней, – ответил он. – Она шла по улице…

– Какой?

– Кросс-лейн.

Калеб сделал пометку.

– Дальше.

– …вся такая… потерянная, одинокая. Беззащитная – да, именно это слово пришло мне в голову в первый момент. Беззащитная…

– Понимаю. Вы были за рулем?

– Своей машины у меня нет. В машине друга, я забрал ее из ремонта.

– Как зовут вашего друга? И название ремонтной мастерской, пожалуйста.

– Джозеф Мейдоуз. Мы не так близки с ним, но у него был грипп, поэтому… Мастерская на Бернистон-роуд. Пункт технического обслуживания Скалби-Миллс.

Калеб записал.

– Значит, Мэнди Аллард тут же села к вам в машину. Добровольно?

Лицо Брендана вспыхнуло от возмущения:

– Разумеется, добровольно. Я не похищал ее. Просто предложил место, где можно отдохнуть, поесть и попить. И она сразу согласилась.

Калеб покачал головой. Родители Мэнди наверняка не раз предупреждали дочь, чтобы она ни при каких обстоятельствах не делала ничего подобного. С другой стороны, Мэнди из неблагополучной семьи. Сбежала из дома, жила на улице… Ситуация, в которой она оказалась, запросто могла вынудить ее забыть все родительские наставления.

– И она прожила с вами… десять дней? – осторожно спросил Калеб.

Не будь Брендан так напуган, давно сообразил бы, как мало знает полиция обо всем этом, и даже заявление соседки не имеет под собой

никакой доказательной почвы. Но он явно был не в том состоянии, чтобы трезво оценить ситуацию, чем существенно облегчил работу Калебу.

– Неделю, – ответил Брендан на вопрос инспектора. – Она рассказала мне свою историю. После этого у меня не хватило сердца отправить ее обратно домой.

– Но Мэнди пропала, о чем было заявлено в полицию. Она несовершеннолетняя. Вам не приходило в голову сообщить о ней хотя бы в департамент по делам молодежи?

– Мэнди доверяла мне. Мы с ней достаточно говорили на эту тему. Я всего лишь пытался ей помочь.

– Хм… Знаете, мистер Сондерс, вы, конечно, человек отзывчивый и сострадательный. Пока, во всяком случае, все выглядит именно так. Но когда одинокий тридцатилетний мужчина пускает жить в квартиру четырнадцатилетнюю девушку, в голову поневоле лезут разные мысли. Тем более с вашим прошлым… – Калеб кивнул на увесистую папку на столе рядом с ним. – У вас ведь уже были неприятности в две тысячи пятом году, верно?

Брендан побледнел еще больше. Наверное, полагал, что старое дело пылится в каком-нибудь забытом архиве и никогда больше не выйдет на свет.

– Тогда вам было семнадцать лет, – продолжал Калеб. – Вы только что закончили школу и поступили на работу в «Йоркшир пост».

– Да, – прохрипел Брендан и прочистил горло: – Да, именно так.

– Вы жили с матерью в Скарборо.

– Да.

– И общались с молодыми людьми, которые пользовались дурной репутацией. Угоняли автомобили, издевались на улицах над прохожими. Совершали кражи в магазинах. Подобные вещи были у них чем-то вроде испытания на мужество.

– Я никогда не делал ничего подобного, – заверил Брендан.

Калеб склонялся к тому, чтобы ему поверить. Брендан из тех, кто боится собственной тени. Странно, что он вообще примкнул к этой банде. Как видно, хотел, спрятавшись за спинами дерзких и беспринципных, почувствовать себя сильнее…

– Двадцать второго сентября две тысячи пятого года, – продолжал Калеб, – когда пятнадцатилетняя Сара Фишер возвращалась из школы

домой, к ней подошла группа молодых людей, с предложением приятно провести время в уединенном месте. Раскурить косяк-другой, выпить спиртного. Сара, как девушка любознательная и искательница приключений по натуре, естественно, согласилась. Молодые люди завели ее в здание заброшенной фабрики на окраине Скарборо…

– Меня не было с ними, – тихо заметил Брендан.

– По словам Сары Фишер, спустя полтора часа атмосфера в здании фабрики накалилась до предела. Алкоголь и наркотики, конечно, сыграли свою роль. Молодые люди сначала домогались Сары в самых непристойных формах и выражениях и насильно удержали ее, когда она захотела уйти. Потом, как вам известно, мистер Сондерс, ее изнасиловали. Это продолжалось…

– Меня не было там, клянусь, – оборвал инспектора Брендан.

Калеб кивнул. Он внимательно прочитал материалы дела.

– Согласно вашим показаниям, в тот день вы ушли из редакции около полудня, потому что почувствовали себя плохо. Кишечная инфекция, судя по всему. Это подтвердил ваш начальник. Вы вернулись домой и остаток дня провели в постели.

– Да, моя мать это подтвердила.

– Я знаю. Мне интересно только, как далеко может зайти мать, защищая сына.

– Девушка тоже меня не опознала.

– К сожалению, как и двух других преступников, позже во всем сознавшихся. Сара Фишер была глубоко травмирована, путалась в показаниях, иногда откровенно противоречивых.

– Но я и вправду был…

Калеб перебил его:

– Не стоит понапрасну тратить время. Дело против вас возбуждено не было, поэтому ничего не надо доказывать. Показания вашей матери и Сары Фишер опровергнуть невозможно. В любом случае для вас это был неприятный опыт. Одно только, кого вы считали своими друзьями… Как следствие, вы попали под подозрение в соучастии в поистине чудовищном преступлении. Даже если вы невиновны… незавидная участь.

– Все верно, но после этого я больше никогда с ними не встречался. Даже с теми, кого, как и меня, там не было. Ради бога, я не

желаю иметь с ними ничего общего! То, что произошло, действительно ужасно.

– Так почему вы привели в свою квартиру Мэнди Аллард? – Калеб пристально посмотрел на Брендана. – Зачем, отделавшись легким испугом один раз, заново искушать судьбу?

Брендан опустил голову.

– Я так одинок… Два года назад потерял работу в «Йоркшир пост». Тяжело переживал. Решил начать с начала, сесть за книгу, которую давно хотел написать. Но что из этого получится, честно говоря, я не знаю… – Брендан с трудом сдерживал слезы. – Я так одинок, – повторил он. – Можете представить, каково это? Ничего, кроме работы, и неизвестно, заинтересуется ли ею кто-нибудь. В то утро, когда я увидел Мэнди на улице… она выглядела такой же одинокой, покинутой и несчастной, как я. И я подумал, если она побудет со мной какое-то время, может, мне станет легче… Хорошо, когда есть кто-то на долгие осенние вечера. Кто-то, с кем можно поговорить, поесть, посмотреть телевизор… Я пальцем ее не тронул, клянусь. И она могла уйти в любой момент, я не стал бы ее останавливать. Дверь я держал незапертой.

– Но, насколько мы поняли из показаний вашей соседки снизу, Мэнди от вас сбежала.

Брендан пожал плечами:

– Я могу это объяснить.

– Давайте.

– В то утро я разговаривал по телефону с мамой… больше у меня никого нет. – Его голос дрогнул.

Калеб вздохнул. Брендан Сондерс барахтался и тонул в жалости к себе.

– Итак, вы разговаривали по телефону с матерью, – напомнил инспектор.

– Да. Я рассказал ей о Мэнди… Ну, приврал немножко насчет возраста…

– Вы представили ее как женщину, с которой познакомились, – подсказал Калеб.

– Да. Мама всегда переживала, что у меня нет постоянной спутницы. Так что мне пришлось немного приукрасить. Мэнди была в ванной. Подозреваю, она могла слышать, как я рассказываю о ней

кому-то по телефону. Это ее напугало, ведь я мог позвонить в полицию или департамент по делам молодежи. Мэнди больше всего боялась, что ее поместят в дом ребенка или в другое подобное заведение.

– То есть, по-вашему, Мэнди могла слышать обрывки вашего разговора и сделать из этого неправильные выводы?

– Почти уверен, что так оно и было. Потому что она убежала, пока я разговаривал с мамой. Убежала спешно, даже вещей своих не взяла. Украла у меня немного денег, но в остальном ушла практически ни в чем.

Вполне возможно. С тем же успехом Мэнди могла сбежать от назойливости своего нового покровителя. Но Брендан не производил на Калеба впечатления сексуального преступника, тем более серийного убийцы. При том, что инспектор из опыта знал, как сильно можно ошибаться на этот счет.

Что совершенно точно, у Брендана Сондерса были проблемы с женщинами.

Калеб помахал бумагой. Ему потребовалось сорок восемь часов, чтобы убедить прокурора ее подписать.

– У меня ордер на обыск вашей квартиры. Сейчас туда поедут мои коллеги. Настоятельно советую это время оставаться здесь.

– Я арестован? – Глаза Бренадна засверкали.

– Нет. Просто я считаю, что, пока вашу квартиру будут обыскивать, вам лучше посидеть у нас, – объяснил Калеб и неохотно добавил обязательные в таких случаях слова: – Вы всегда можете позвонить родственникам или адвокату.

Плечи Брендана поникли:

– Да, спасибо. Я позвоню маме.

Он казался напуганным и отчаявшимся, но Калеб пока не готов был исключить Брендана Сондерса из списка возможных преступников. Теперь все зависело от того, что найдут в его квартире. Следы Мэнди Аллард – конечно, этого следует ожидать. Но если обнаружат ДНК Саскии Моррис или Амели Голдсби, дело примет совсем другой оборот…

Что-то подсказывало Калебу Хейлу, что это будет не так просто.

2

Рано утром Кейт поехала в Стейнтондейл навестить Кевина и Марвина Бентов. День выдался ясный, но очень холодный. Белели

покрытые инеем поля. На кристально-голубом небе не было ни облачка.

Женщина, которую Кейт подобрала на автобусной остановке в Стейнтондейле, говорила, что Марвин и Кевин привели в порядок некогда заброшенную ферму после смерти матери, и все-таки Кейт приятно удивило, насколько ухоженным все выглядело.

Дом и старые конюшни в прекрасном состоянии. Живая изгородь вдоль подъездной дорожки к ферме между оградами пастбищ аккуратно подстрижена. Похоже, в конце лета кто-то косил траву. Ферма давно не использовалась, и нигде – ни дырки в заборе, ни брошенного сельскохозяйственного инвентаря. Идеальный порядок, причем за счет минимальных денежных ресурсов. Потому что дом, конечно, не ремонтировался с пятидесятых годов прошлого века. При этом стены снаружи оштукатурены, оконные рамы выкрашены в голубой цвет. Входная дверь – в темно-синий. Похоже, братья не такие уж отшельники и нелюдимы, какими представила их случайная попутчица Кейт.

К сожалению, Бентов не оказалось дома. Линвилл несколько раз подходила к двери и стучала. Дом оставался все таким же тихим и темным.

Она обошла его и увидела позади небольшую кирпичную веранду с садовой мебелью, покрытой брезентом. За ней, до самого моря, отражавшего в тот день кристальную голубизну неба, простирались луга. Земли у Бентов достаточно, но есть ли место, где они могли бы неделями держать взаперти девушку?

В доме – вот первое, что приходило в голову. Вокруг много сараев и конюшен, но что, если кто-то придет или пленница закричит? Могли ли они где-то здесь держать Амели Голдсби, которая нашла в себе силы спрятаться в машине таинственного гостя?

Кейт попыталась заглянуть в сарай и старые конюшни, но все было плотно заперто. Посмотрела в окно – пустые ящики, немного соломы на полу. Ничто не указывало на пребывание здесь человека.

Кейт вернулась к машине и поехала обратно в Скарборо, где зашла в паб Кевина и Марвина в гавани. Он назывался «Приют моряка» и представлял собой небольшое побеленное строение с магазином рыбацкого инвентаря на первом этаже. Внешняя деревянная лестница вела на второй этаж, собственно в паб, с двумя десятками

столиков и большим баром. За стойкой дверь на кухню, где Кейт обнаружила пожилую женщину, которая мыла полы и объяснила, что братья уехали за продуктами в город.

– Сегодня вечером оба точно будут здесь. Вы обязательно с ними встретитесь.

Кейт спустилась на улицу и остановилась в нерешительности. Возвращаться в пустой дом не хотелось. Для прогулок вдоль моря слишком холодно, придется заезжать за теплой одеждой и ботинками.

Она достала из сумочки листок с адресом Дэвида Чапленда, который Кейт отыскала в интернете. Мистер Чапленд жил на скале, на Си-Клифф-роуд. Прекрасная возможность размять ноги. Все лучше, чем сидеть дома.

Кейт прошла вдоль берега под «Гранд-отелем» и поднялась по лестнице в конце Эспланад-гарден. По пути думала, что и в самом деле все выходит странно. Согласно его собственным показаниям, в тот вечер Дэвид Чапленд проверял, всё ли в порядке с его лодками, и уже возвращался из порта, когда увидел Амели и Алекса Барнса. Кратчайший путь до гавани ведет через эту лестницу, по которой сейчас поднималась Кейт. Зачем Чапленду понадобилось идти в обход, по Кливленд-роуд? Возле самой воды, в холодный штормовой вечер?

Кейт поднялась к дому на Си-Клифф-роуд и остановилась отдышаться. Надо бы заняться спортом, физическая форма никуда не годится. Кейт посмотрела на небольшой особняк, один из самых красивых на тихой аккуратной улице. Дома на одну семью с небольшими садовыми участками, ярко выкрашенными дверями, огромными эркерами и слуховыми окошками под крышей. В конце улицы – та самая парковка, на которой, судя по всему, в тот вечер выскочила из машины Амели Голдсби.

Дом, где жил Чапленд, был переоборудован в двухквартирный. Об этом свидетельствовали два звонка и столько же табличек с именами жильцов.

Кейт позвонила в дверь. Где-то над головой в холодном воздухе кричали чайки. Бледное ноябрьское солнце низко стояло над морем. «Уютный квартал», – подумала Кейт.

Дэвид Чапленд открыл дверь как раз в тот момент, когда она собиралась развернуться и идти к машине. Он был босиком, джинсы

закатаны до лодыжек, руки в чем-то вроде сажи. Вопросительный взгляд устремлен на гостью:

– Да?

Очевидно, она некстати.

– Извините, я…

– В чем дело?

Кейт протянула было руку, но отдернула ее в тот момент, когда поняла, что мистер Чапленд не сможет ее пожать. И еще больше смутилась, осознав свое глупое поведение.

– Кейт Линвилл. Понимаю, как это раздражает, когда кто-то стучится в дверь без предупреждения…

«Это из-за моей работы, – подумала Кейт. – Из-за нее я оказалась в дурацком положении».

Сотрудники полиции часто заявляются без предупреждения. Но они не заикаются. Достают удостоверения и просят уделить им минутку внимания. Вежливо, но твердо. Было бы кстати ткнуть в лицо Чапленду удостоверение. Сразу все встало бы на свои места.

– Нет проблем, – ответил он. – У меня только что был теплотехник, и я убираю беспорядок, который он после себя оставил. Никогда больше не обращусь в эту компанию. У меня отопление отказало позавчера, нужно было принимать меры… Обычно в это время я в офисе.

– Я журналистка, – сказала Кейт. На этот раз ложь слетела с губ легко и естественно. – Из Лондона. Работаю над статьей об ужасах, которые здесь происходят. Я имею в виду исчезновение девушек. Одна из них найдена мертвой. Другой удалось бежать.

– Понимаю. Это потому, что я помог вытащить Амели Голдсби из воды?

– Да. У меня к вам несколько вопросов, но, конечно, я могу зайти и в другой раз…

– Все нормально, входите. Только у меня сейчас холодно, отопление только что включили. Хотите горячего чая?

Они устроились на кухне, окна которой выходили в сад. Крутая лестница вела в квартиру Чапленда. Середину кухни занимал большой деревянный стол, вокруг царил живописный беспорядок. Чапленд предложил Кейт сесть, вымыл руки и заварил чай, выставив на стол

две чашки, сахар и молоко. Кейт сжала чашку в ладонях. У нее зуб на зуб не попадал. Хорошо, что предусмотрительно не сняла пальто.

– Что ж, – начал Чапленд, – вряд ли я смогу сказать что-то новое. Мои показания по большей части уже попали в газеты. Тем вечером я шел по Кливленд-уэй и увидел того человека… забыл, как его зовут…

– Алекс Барнс.

– Точно. Мистер Барнс лежал на животе на причальной стене. Приблизившись, я разглядел, что он держит за руки девушку. Она висела в воде, полумертвая от ужаса, и у него не хватало сил ее вытащить. Я взял ее руки, чтобы освободить мистера Барнса, и крикнул ему, чтобы вызывал помощь, но его телефон упал в море. Тогда я дал мистеру Барнсу возможность более-менее расслабить пальцы и опять передал девушку ему. А сам вызвал полицию и «скорую».

– Вам не показалось, что Барнса как-то встревожило ваше появление?

Чапленд покачал головой:

– Полиция спрашивала о том же. Нет. Напротив, он как будто почувствовал облегчение.

Кейт осторожно продолжила:

– Наверное, об этом вас тоже спрашивали, но… как вы вообще там оказались, мистер Чапленд? Вы шли из порта. Это не самый короткий путь к вашему дому.

Чапленд рассмеялся:

– Действительно, вы слово в слово повторяете вопросы полиции. Вы точно журналистка?

– Думаю, это вопросы, которые в такой ситуации могут прийти в голову любому, – уклонилась от ответа Кейт, – независимо от того, полицейский или нет.

– Всё так. При других обстоятельствах я, конечно, поехал бы на машине. Я беспокоился за лодки. Хотел проверить, надежно ли они закреплены. К сожалению, я выпил две бутылки пива и не хотел в таком состоянии садиться за руль.

– Все правильно, – согласилась Кейт. – Даже слишком правильно.

– Меня уже один раз лишали водительских прав, – объяснил Чапленд. – Вождение в нетрезвом состоянии.

– Правда?

– Я не такой уж безнадежный пьяница, но был канун Нового года, и я возвращался с праздника. Чистый идиотизм с моей стороны. Но с тех пор я осторожен, как лис.

Вполне правдоподобное объяснение. Лишение водительских прав исправляло многих.

– Ну, хорошо. Вы пошли пешком. Но зачем такой крюк? В холод, над бушующим морем, поздно вечером?

Он улыбнулся:

– Я люблю море, именно такие вечера.

– Понимаю.

– Вы не ведете никаких записей.

– Что?

– Меня удивляет, что вы не делаете никаких заметок. Все запоминаете?

Кейт почувствовала, как у нее загорелись щеки. Это ее оплошность. Она действительно плохо подготовилась к этому разговору.

– Я… до сих пор мы говорили о более-менее известных вещах. Вы действительно не сказали ничего нового… Позже мне хотелось бы сделать несколько фотографий.

Чапленд кивнул. Похоже, он принял ее за дилетантку.

– Хорошо. Если будете цитировать меня дословно, хотелось бы предварительно вычитать.

– Конечно.

– В какой газете вы работаете? – Теперь в его голосе слышался намек на недоверие.

– Я независимая журналистка. Живу в Лондоне. Пока не знаю, кому предложу этот материал. Речь о том, что подобные события делают с людьми, с городом.

Он задумчиво посмотрел на нее.

– Да, звучит интригующе… Я только боюсь, что подобные события мало что меняют. Знаете, пока это будет на слуху и на страницах газет… возможно, родители лишний раз напомнят детям, что бывает с теми, кто садится в машины к незнакомцам. Но жизнь очень быстро вернется в привычное русло. Как будто ничего не было. Вспомните нападения в Манчестере, в Лондоне… пожар в Гренфелл-Тауэр… повседневные заботы очень быстро снова завладевают

мыслями людей. Работа. Деньги. Школа… Как будто ничего не было, да…

– То, с чем приходится иметь дело каждый день, сильнее всего, – кивнула Кейт.

Она заметила, что мистер Чапленд очень внимательно на нее смотрит. Как будто ему действительно была интересна эта беседа.

– Да… – медленно повторил он. – Сильнее всего.

Вдруг как будто что-то вырвало его из размышлений:

– Я хочу еще заварить чаю. Вы не против?

– Не буду вас останавливать. Но вы, кажется, собирались в офис?

– Верно, собирался… – Он снова задумался. – У меня идея. Что, если мы сегодня вместе поужинаем? Заодно и поговорим.

От неожиданности Кейт едва не захлебнулась остатками уже остывшего чая. Мужчина изъявил желание продолжить знакомство с ней, так это следовало понимать? Кейт попыталась найти словам мистера Чапленда другое истолкование. Не то чтобы они смутили ее, просто раньше с ней такого не случалось. Ладно Колин, их свела компьютерная программа. А три года тому назад инспектор Хейл поинтересовался, не желает ли Кейт пойти с ним в паб. Тогда она струсила и теперь такого не допустит. Но что, если Кейт просто неверно его поняла?

С другой стороны, что тут понимать? Ужин есть ужин; если и существует другое значение этого слова, Кейт не могла его припомнить.

– Ужин? – рассеянно повторила она, стараясь не думать о том, что Чапленд может сделать неверные выводы о ее интеллектуальных способностях. Помолчала еще и еще раз повторила это слово, как будто раньше его не слышала.

– Ну да, ужин. Я подумал, почему бы нам не сходить в какой-нибудь паб… если, конечно, у вас есть желание.

Кейт взяла себя в руки. У нее просто талант все портить, особенно когда дело касается мужчин.

– Сегодня вечером я собиралась в «Приют моряка», поговорить с Марвином и Кевином Бентами. Может, там?

– Всегда на работе, – улыбнулся Чапленд и посерьезнел: – Почему бы и нет? У них хорошая кухня. Половина седьмого вас устроит? Может, забрать вас из дома на машине?

Ну вот… Такого не предлагал даже Колин. До сих пор на все свидания с мужчинами Кейт добиралась своим ходом – в переполненном метро или на машине сквозь лондонские пробки.

– Большое спасибо, я подъеду сама, – поспешно заметила Линвилл.

Она должна быть в «Приюте моряка» раньше Чапленда, чтобы успеть поговорить с братьями. Кроме того, новоиспеченному ухажеру необязательно видеть, что она живет в доме без мебели. Недобросовестные арендаторы, ремонт, продажа – это все понятно. Но Кейт ночевала там вот уже две недели. Любой другой подыскал бы себе на это время гостевой дом или вообще не стал бы приезжать в Скарборо, препоручив все дела риелтору. Кейт испугалась, что Чапленд заметит, как она цепляется за прошлое и связанные с домом воспоминания об убитом отце. Вряд ли таким образом удастся составить о себе выгодное впечатление.

– Отлично, – подвел итог Чапленд. – Значит, в половине восьмого.

Он проводил Кейт до входной двери, на прощание протянул уже чистую ладонь. Рукопожатие получилось крепким и теплым. «И у него милая улыбка», – заметила про себя Кейт.

Потом она стояла на улице, счастливая, и ветер овевал ей щеки.

«Ладно, – окоротила себя Кейт, – не воображай особенно. Ты пришла к нему как журналистка, а у него не было времени с тобой беседовать. Вот и перенес встречу на вечер».

С другой стороны, не каждую журналистку приглашают на ужин только потому, что у нее возникло несколько вопросов.

Кейт старалась сохранять хладнокровие и не возлагать на предстоящий ужин больших надежд.

Всю дорогу домой она думала, что наденет.

3

– Ничего, – сказал Калеб. – Ничего такого, что давало бы возможность двигаться дальше.

Он вошел в кабинет сержанта Стюарда и заметил, как тот спешно закрыл программу, с которой только что работал на своем компьютере. Наверняка сайт службы знакомств. Вот уже несколько лет Роберт Стюард искал женщину своей мечты. Ни один из его интернет-романов не продолжался больше двух недель, но Роберт не опускал руки. Что было не только удивительным, но и внушало уважение.

– Ничего? – переспросил Роберт.

Калеб рухнул на стул и вытянул ноги:

– Они разворошили квартиру Брендана Сондерса. Не все еще проверено до конца, но на данный момент картина выглядит именно так. Никаких следов ни Амели Голдсби, ни Саскии Моррис. Ни та, ни другая никогда не переступали порога его квартиры.

– А следы Мэнди Аллард есть?

– Конечно, и даже видны невооруженным глазом. Ее рюкзак, телефон… Но Сондерс и не отрицает, что Аллард жила в его квартире.

– Его мать…

– Вспомнила, что сын звонил ей утром тридцатого октября и рассказывал о новой девушке. Но я думаю, она и не такое вспомнит, чтобы помочь ему выбраться из сложной ситуации. Двое коллег пытались связаться с Джозефом Мейдоусом, владельцем автомобиля, но его нет в городе. В авторемонтной мастерской «Скалби Миллс сервис» подтвердили, что машина была у них из-за проблем с тормозами, и забирал ее Брендан Сондерс. То есть в основных моментах, по крайней мере, его показания верны. Да, и еще… обзвон гостевых домов в Эдинбурге и окрестностях, где Сондерс якобы останавливался во время поездки, подтвердил, что он действительно там был, и запомнился прежде всего тем, что спал до полудня, а остальное время гулял. И там не зафиксировано подобных нашим случаев пропажи девушек. Судя по всему, Сондерс действительно ездил отдыхать.

– От соседки мы знаем, что Мэнди Аллард сбежала из его квартиры. То есть он не мог держать ее где-то в другом месте.

– Да, но он мог позже заново ее отловить, – возразил Калеб. – Кстати, она могла вернуться к своему другу… Коту, или как там его.

– Коллеги побывали у этого Кота в понедельник. Он лежал, обкуренный, на матрасе и всем приветливо улыбался. Вокруг шныряли кошки. Когда его спросили о Мэнди Аллард, он ответил, что она у него действительно была, но теперь ее нет. Что понятия не имеет ни о том, куда она ушла, ни о том, где она сейчас может быть. Один из коллег объяснил Калебу, что Кот двадцать три часа в сутки из двадцати четырех невменяем. Вряд ли у него хватило бы сил похищать и убивать девушек.

У них был ордер на обыск жилища Кота, поскольку Мэнди была там, согласно заявлению ее куратора из департамента по делам молодежи. Но обыск, как и в случае с квартирой Брендана Сондерса, не дал ровным счетом ничего. Молодая женщина, подруга Кота, оскорбляла полицейских, а при упоминании Мэнди Аллард закатила настоящую истерику. «Да, эта девушка жила у них, и ноги ее в этом подвале больше не будет. Кто она такая, в самом деле? Случайная знакомая Кота по “Вотсаппу”, не более того. Кот добрый, согласился ее приютить… Но Мэнди дали ясно понять, что она здесь лишняя. Пусть только попробует еще раз заявиться!»

Следующая истерика случилась, когда их с Котом попросили очистить дом, как находящийся в аварийном состоянии.

– Это не может быть правдой! – возмущалась подруга Кота. – И все из-за нее, чертовой маленькой сучки! Это она влезла в нашу жизнь, а потом натравила на нас копов… Неправда! Вы не сделаете этого!

Подруга Кота билась, кусалась и плевалась, пока полицейские буквально на руках выносили ее на улицу. Кот же вышел на холод, не взяв ничего из вещей, босиком и с выражением просветления на лице. Полицейские позвонили в социальную службу и общество защиты животных, которое должно было позаботиться о кошках. Дом был заколочен. Что, конечно, совсем не означало, что в ближайшее время кто-нибудь опять не поселится в подвале. Тот же Кот хотя бы.

– То есть Кота можно вычеркнуть? – спросил Стюард.

Калеб кивнул:

– Девяносто девять из ста, он совершенно безобиден. Я пытался разговорить его, но мало чего добился. Он безнадежен, путается в словах. На имена Саскии Моррис и Амели Голдсби вообще никак не отреагировал, что меня не удивило. Бóльшая часть мозга в нерабочем состоянии. Похищать девушек и держать их взаперти? Коллеги говорят, он давно не способен на действия такого уровня сложности.

– Девушек… – повторил Роберт Стюард. – Босс, мы должны помнить, что у нас до сих пор нет доказательств того, что это дело рук одного человека. Чисто теоретически мы подозреваем, что это так. Но это совсем другое.

– Вас не смущает такое количество совпадений?

– Каких совпадений? У нас есть девушка, которая пропала и была найдена убитой много месяцев спустя, – Саския Моррис. Есть

девушка, которую затащили в машину, но ей удалось бежать, – Амели Голдсби. Есть девушка, которая ушла из неблагополучной родительской семьи и до сих пор где-то бродит, причем нет никаких сведений о ее похищении, – я говорю о Мэнди Аллард. Если вас интересует мое мнение, можно смело исключить Мэнди из числа жертв Убийцы с пустошей. Как только на улице похолодает, Мэнди вернется в семью. На худой конец, пополнит списки молодых людей, ежегодно убегающих из дома, потому что они больше не могут жить с родителями, или же не справляются с учебой в школе, или же их внезапно охватила жажда приключений, или по какой-то другой причине. Это не значит, что мы не должны ее искать, но наших ресурсов явно недостаточно, чтобы разобраться со всеми подобными случаями.

– Хм, – хмыкнул Калеб.

– Мы привлекли Мэнди Аллард к расследованию только потому, что она жила в квартире человека, ранее проходившего по похожему делу, – напомнил Стюард. – И, скорее всего, привлекли зря.

– Похоже на то, – признал Калеб.

– Сондерс действительно ничего не делал с той Сарой Фишер, – продолжал Роберт. – Такого типа мужчина может быть жертвой, но никак не преступником. И он не блещет умом, это так. В молодости связался не с той компанией. А теперь оказался настолько глуп, что дал приют сбежавшей из дома школьнице, потому что почувствовал себя одиноким. Если это действительно так, мы вернемся туда, откуда начали. Потому что нет никаких оснований полагать, что Мэнди Аллард похитили и где-то держат.

Калеб схватился за голову:

– Вернемся туда, откуда начали… Вот что самое неприятное в этом деле, сержант. Мы ходим по кругу. И если вдруг находим зацепку, можно заранее утверждать, что она ни к чему не приведет. Я чувствую себя заблудившимся в тумане путником, который пробирается на ощупь, в надежде случайно на что-нибудь наткнуться.

Сержант Стюард молчал. Против этого возразить было нечего. Калеб Хейл верно схватил суть ситуации.

– Теперь мы надеемся на то, что Амели Голдсби преодолеет свой страх, или что там у нее, и наконец заговорит, – продолжал Калеб Хейл. – Что она предоставит недостающую информацию, которую

больше взять неоткуда. Мы зависим от травмированного подростка, безо всякой уверенности, что он справится с травмой.

– Сержант Хелен Беннет все еще навещает ее? – спросил Роберт.

– Почти каждый день. Хелен не теряет надежды. Один раз она уже обеспечила нам прорыв, когда Амели рассказала некоторые подробности побега.

– Это не слишком нам помогло, – мрачно пробормотал Калеб.

Опрос жителей в окрестностях парковки на Си-Клифф-роуд также ничего не дал. Никто ничего не видел и не слышал. Такое впечатление, что в машине, из которой сбежала Амели, вообще не было водителя. Или же, наоборот, им мог быть кто угодно. Не было ничего, что позволило бы исключить из списка определенных людей или же, наоборот, включить кого-то в список. Собственно, и списка не было. Ничего ровным счетом.

– И все-таки мы исходим из того, что в случаях Саскии Моррис и Амели Голдсби действовал один и тот же человек? – спросил Роберт.

Калеб на мгновенье задумался и кивнул:

– Да, будем исходить из этого. Хотя бы тот факт, что личные вещи девушек – телефон, косметичка, сумочка – были найдены далеко за городом, дает нам на это некоторые основания. Так или иначе.

– Так или иначе, – устало повторил Роберт.

– Это и еще кое-что, – сказал Калеб.

– Что?

– Нам известно, что Саскию Моррис держали где-то несколько месяцев, прежде чем оставили умирать от голода и жажды. Амели держали неделю, и только потом ей удалось сбежать. Это довольно необычно. В подавляющем большинстве случаев преступления на сексуальной почве происходят практически сразу после похищения, в первые час-два. Но кому-то захотелось, не сочтите за цинизм, большего. Саскию Моррис не насиловали. С Амели Голдсби еще предстоит разобраться, был ли у нее парень до похищения. Быстрый секс явно не цель. Преступник добивается чего-то другого. Притом что он действует спонтанно, в соответствии с возможностями момента, все хорошо организовано. У него есть место, где можно спрятать пленницу. На долгие месяцы, как в случае с Моррис, или на неделю, как с Голдсби. Честно говоря, не думаю, что злоумышленников несколько. Скорее всего, действует один, и он не ищет быстрого

удовлетворения, а затеял долгую, а потому в высшей степени рискованную игру.

– Все верно, – согласился Роберт.

Калеб казался более уверенным в себе, чем в начале разговора. Не то чтобы они подошли ближе к решению задачи, но картина все же стала яснее. Хотя бы в том, что касалось фигурантов дела.

– Значит, решено, – подвел итог Калеб. – Мы исключаем Мэнди Аллард из списка потенциальных жертв. Это отдельная история. Остаются Саския и Амели.

– А Ханна Касуэлл?

Калеб покачал головой:

– Слишком велик разрыв во времени.

– Нам надо шевелиться, сэр, – сказал Роберт, – раз уж мы придаем большое значение временным промежуткам. Преступник довольно быстро перешел от Саскии к Амели, которая сорвалась с крючка. Есть основания полагать, что сейчас он активно ищет следующую жертву.

– Да, – согласился Калеб, – и это то, что меня беспокоит. Круглые сутки. – Словно в подтверждение, он потер глаза, выглядевшие красными и нездоровыми. – Следующую жертву можно ожидать в любой момент.

4

В «Приюте моряка» все столики, за исключением зарезервированного Дэвидом Чаплендом, были заняты. Кейт убедилась в этом, заглянув в толстую тетрадь на барной стойке. Заказ столика придавал намерениям Чапленда серьезности. Похоже, насчет ужина он действительно не шутил.

Кейт пила пиво. Волшебные слова «журналистка», «интересует ваша версия событий…» уже брошенные в пространство зала, возымели магическое действие. Не говоря об упомянутых кстати «обвинениях Райана Касуэлла». Несмотря на аншлаг, Кевин, препоручив гостей юному напарнику, уединился с Кейт в углу бара. Брат, как объяснил Кевин, управляется на кухне. И он здесь точно ни при чем.

– Конечно, – согласилась Кейт, – но та история с шестнадцатилетней девушкой…

Глаза Кевина заблестели:

– Ну, вот и вы туда же… Марвин не участвовал в этом. Даже полиция в конце концов ему поверила.

То, чему *верит* полиция, далеко не всегда совпадает с ее официальной версией. Но Кейт решала не углубляться в эту тему – боялась, что Кевин замкнется в себе, и тогда из него точно ничего не вытянешь. Его раздражали подозрения в отношении него самого, но еще больше – в отношении брата.

– Хорошо. Но того, что в тот вечер вы подвезли Ханну Касуэлл из Халла до Скарборо, вы не отрицаете?

– Да. Она стояла на вокзале в Халле под дождем, жалкая и расстроенная. Только что у нее из-под носа ушел ее поезд. Мы – ближайшие соседи Касуэллов. Что бы вы сделали на моем месте? Оставили бы Ханну так стоять?

– Нет, конечно. Но проблема в том, что потом… Вы исчезли?

– Я высадил ее в Скарборо. Хотел повидаться с друзьями.

– Ее подруга подтвердила, что вы высадили там Ханну, – сказала Кейт. – Она звонила с вокзала Шейле. Так ее звали, верно?

– Я не знаю, – ответил Кевин.

Он разволновался, что неудивительно. Быть подозреваемым в таком преступлении… И, если исчезновение Ханны Касуэлл так и не будет раскрыто – что с годами становилось все более вероятным, – это будет висеть над ним остаток жизни. Вечная тень – не виновен, но и не чист.

Кейт осторожно взглянула на собеседника. На лбу Кевина блестели капельки пота. Он налил себе минеральной воды и залпом выпил. Легко верилось, что он со школьных лет был и остается дамским любимцем. Густые темные волосы. Очень темные глаза. Слегка загорелая кожа, даже сейчас, в ноябре. Кевина можно принять за испанца или итальянца. Кейт видела фотографию Ханны и не могла представить себе, чтобы эта неприметная, похожая на ребенка девушка возбудила в нем какие-то чувства. Разве если Кевин любил детей, на что его биография не обнаруживала никаких намеков. Если верить материалам тогдашней прессы, во всяком случае.

– Я на вашей стороне, – заверила Кейт. – Но, если браться за дело серьезно, необходимо прояснить некоторые моменты, которые… ну, по крайней мере на первый взгляд, свидетельствуют против вас.

Его лицо смягчилось:

– Прояснить, понимаю… С моей стороны это была невероятная глупость.

Он замолчал.

– Что за глупость? – спросила Кейт.

Кевин вздохнул:

– Я сделал две непростительные глупости. Первая – пригласил ее на открытие паба. Позже отец Ханны заявил, что таким образом я ее домогался. Это не так. Мне было жаль Ханну, только и всего.

– Вторая ошибка заключалась в том, что вы…

– Я солгал полиции насчет Кроптона. На самом деле я туда не ездил. Я вернулся на вокзал в Скарборо.

– Это действительно было глупо.

Кейт улыбнулась. Секунду спустя Кевин тоже улыбнулся.

– Это рефлекс, и он связан с моим братом. На его примере я видел, что значит быть подозреваемым. Брата допрашивали, снова и снова. Как и всех в его окружении. Всё перевернули с ног на голову. При этом люди шептались за его спиной. Каждый выход из дома оборачивался серьезным испытанием для нервов. Я боялся пережить это еще раз. Любой ценой стремился избежать этого. Поэтому и подумал, что ни в коем случае не должен говорить о том, что вернулся на вокзал. – Кевин пожал плечами. – Конечно, когда все открылось, подозрения против меня только возросли… Ужасное было время.

– Почему вы вернулись?

– Все равно мне никто не верит, – пробормотал Кевин.

– Может, я поверю.

– Полиция была настроена более чем скептически, – начал он. – Не говоря о старике Касуэлле. – Вздохнул. – Дурацкое чувство, не более того. Когда я увидел Ханну в зеркале заднего вида… она стояла под дождем, такая беззащитная… И мне вдруг пришло в голову, что она…

– Что?

– Не станет звонить отцу и не поедет к нему в офис. Я видел, как она напугана, еще в машине.

– Она боялась отца?

– Вы знаете Райана Касуэлла?

– Я разговаривала с ним один раз. Сказать «знаю» было бы преувеличением.

– И какое впечатление о нем у вас сложилось?

Кейт задумалась:

– Одинокий несчастный человек. Перестал ждать от жизни хорошего. Потеря дочери окончательно сломила его.

– Мне всегда было жаль Райана, – подхватил Кевин. – Еще до исчезновения Ханны. Жена сбежала от него в одну ночь, и это повергло его в шок. Он и раньше ходил вечно мрачный; думаю, потому она и ушла. Что, конечно, не улучшило ситуации. Райан привязался к дочери. Она единственная, кто у него остался. Мы всегда жалели ее.

– Кто это «мы»?

– Мы, дети. Тогда мы были детьми, в Стейнтондейле. Ханне четыре года, мне девять. На каждой ферме были дети. Мы вместе бродили по окрестностям, строили плотины в бухтах и шалаши в лесу. Плавали, летом проводили в воде больше времени, чем на суше. Стейнтондейл – еще та дыра, но для детей это рай. Одну Ханну не допускали в нашу компанию. Отец всегда думал, что наши игры слишком опасны для нее. Ей не разрешали купаться в море, лазить по скалам…

– Ну, в четыре года…

– И позже ничего не изменилось. Помню, как однажды пришли за ней, и Райан даже не пустил нас во двор. Говорил, что Ханна не хочет играть с нами, но это была неправда. Когда мы заставали Ханну одну, она говорила, что не может пойти с нами, потому что отец не разрешает. Помню ее большие грустные глаза. Ей было очень одиноко.

Кейт медленно кивнула. После разговора с Райаном Касуэллом она вполне могла такое себе представить.

– Итак, тем вечером, четыре года назад, вы вернулись на вокзал за Ханной, потому что вам стало ее жаль.

– Именно так. И вот я подумал: уж лучше я подвезу ее, пока она не отправилась в Стейнтондейл пешком или, чего доброго, автостопом. Это было… какое-то недоброе предчувствие…

– У Ханны были причины бояться отца? Я имею в виду, бывал ли он жесток с ней, может, давал волю рукам?

Кевин замялся:

– Нет, здесь другое… Не думаю, что Райан бывал жесток с Ханной. Но он контролировал каждый ее шаг, не спускал с нее глаз с утра до вечера. В тот день Ханна навещала любимую бабушку и опоздала на обратный поезд. Она очень расстроилась, потому что Райан запросто мог запретить ей впредь ездить к бабушке. Она боялась его длинных нотаций, преследовавших одну-единственную цель: внушить Ханне, какой она еще неразумный ребенок. Она боялась, что Райан больше никуда ее не пустит – ни к подруге, ни на школьный праздник, ни даже просто прогуляться по городу.

– Вы пригласили ее на открытие паба.

– Да, но вовсе не потому, что мне было что-то нужно от Ханны. Я видел в ней ребенка, не более того, и просто пожалел ее. Честно говоря, не верил, что из этого что-то выйдет. Как бы ей удалось незаметно от отца уехать в Скарборо на праздник, для меня остается загадкой по сей день.

Молодой человек за барной стойкой окликнул Кевина:

– Эй, Кевин! У нас наплыв посетителей, я не справляюсь. Не мог бы ты…

Людей действительно стало больше. Они толпились возле бара, и большинство выглядели так, будто заскочили после работы выпить пива с коллегами, прежде чем отправиться домой.

– Одну минуту, – ответил Кевин молодому человеку и виновато посмотрел на Кейт: – Ну вот, мне пора работать.

– Да, конечно, – ответила она. – Вы жаловались, что Райан вредит вашему бизнесу своими сплетнями, но, глядя на это…

– Все верно, трудности остались в прошлом. Но когда-то нам с Марвином пришлось очень нелегко. Мы открыли паб спустя год после исчезновения Ханны. Тогда обо мне говорил весь Скарборо. И знаете, что придумал Райан Касуэлл? Каждый вечер он стоял внизу под лестницей и раздавал людям листовки с фотографиями Ханны и описанием того, что произошло в тот вечер. То есть как он это видел, разумеется. И люди узнавали, что я похитил и убил его дочь. Многие перестали сюда ходить.

– Это серьезно… – Кейт покачала головой.

– Я добился судебного запрета. Райан больше не мог раздавать листовки, но он успел хорошо нам навредить.

Дверь открылась, и в зал вошел Дэвид Чапленд. Он улыбнулся при виде Кейт, и она почувствовала, как забилось ее сердце.

«Спокойно, – напомнила себе Кейт. – Не воображай особенно».

– То есть, – обратилась она к Кевину, – когда вы вернулись на вокзал, Ханны там уже не было?

– Именно так, – подтвердил он.

– Как вы думаете, сколько времени прошло с тех пор, как вы в последний раз взглянули на нее в зеркало заднего вида?

– В полиции мне тоже задавали этот вопрос, – сказал Кевин. – Самое большее пятнадцать минут.

– Пятнадцать минут – и она исчезла навсегда? Как вы думаете, не могла ли Ханна сбежать из дома добровольно? Просто потому, что не хотела возвращаться к Райану?

Кевин покачал головой:

– Нет, Ханна была не их таких. Ребенок, просто напуганный ребенок. И она была привязана к отцу, каким бы он ни был деспотом. Она не знала другого отца и другого дома. Нет, Ханна не могла сбежать от него, ни за что в жизни.

* * *

Вечер получился особенным, совсем не похожим на другие, что Кейт проводила в обществе мужчины. Она помнила, что тогда ее мучило. Как все время чувствовала, что мужчине с ней скучно. Как ни старалась рассказать что-нибудь забавное и смешное, ничего хорошего из этого не выходило. Лучше всего получилось с Колином Блэром, и то только потому, что тот искал в ней не собеседницу, а прежде всего восторженную слушательницу. Достаточно было смотреть на него сверкающими глазами и время от времени восклицать: «Что вы говорите!» или «Нет, это просто здорово!», чтобы Колин чувствовал себя как рыба в воде.

С Дэвидом и вовсе выходило просто. Он рассказывал о себе, время от времени задавал вопросы и внимательно слушал. У него был офис в гавани, в паре шагов от «Приюта моряка», где он сдавал в аренду яхты и парусные лодки как обычным туристам, так и профессиональным спортсменам, для регат и отдыха. У самого Дэвида

было три лодки, но он работал с многими судовладельцами, прежде всего в Средиземноморском регионе. Испания, Франция, Италия, Греция, Турция – вот его территория. Недавно он установил контакт со Швецией и возлагал на него большие надежды.

– Если захотите провести отпуск под парусом – где угодно, – только свяжитесь со мной. Турне под ключ, я подберу для вас подходящую лодку.

Кейт рассмеялась:

– Я не умею управляться с ними.

– Можно арендовать судно со шкипером. Плюс курс хождения под парусом. В одиночку или группой, как хотите.

– Я подумаю над вашим предложением, – пообещала Кейт.

Из газет она знала, что Дэвиду Чапленду тридцать восемь лет, то есть он на четыре года моложе нее. Была ли женщина в его жизни? Очевидно, нет, иначе он не сидел бы с ней здесь. Хотя… «Слишком много сложностей для одного вечера», – подумала Кейт.

Он вызывал в ней симпатию и вселял надежду, с чем Кейт пыталась бороться и что было, по-видимому, неизбежным. Симпатичный тридцативосьмилетний мужчина с интересной работой. «Забудь о нем», – уговаривала она себя.

Она долго думала, что надеть, и в итоге остановилась на мешковатых джинсах и сером джемпере с надписью Keep cool[6]. Собственно, ничего другого у нее с собой не было, а покупать означало готовиться, прилагать усилия, что, исходя из опыта прежних встреч, неизбежно заканчивалось разочарованием.

И все-таки Кейт чувствовала себя не вполне комфортно в джинсах на размер больше и мятом джемпере, что явно не добавляло ей привлекательности. Но Дэвид как будто ничего такого не замечал. Улыбался так, будто Кейт ему искренне нравилась. Возможно, так оно и было, и он видел в ней чрезвычайно приятного человека, но не женщину.

Кейт расслабилась. Не те мысли крутились у нее в голове, когда она впервые увидела его сегодня утром. «Тебе нечего здесь терять, Кейт, – сказала она себе. – Потому что ты ничего от него не получала и не получишь». Эта мысль несколько сбавила напряжение.

Дэвид подался вперед:

– Итак, вы журналистка-фрилансер из Лондона… Должно быть, жесткая конкуренция?

– Да, но у меня достаточно прочное положение, – ответила Кейт.

Она почувствовала, что упустила последний момент, когда можно было без последствий отказаться от легенды с журналистикой. Теперь Дэвид почувствовал бы себя одураченным.

«Знаете, а на самом деле я детектив-сержант из Скотланд-Ярда. И мой интерес к пропавшим девочкам носит профессиональный характер. Вы в списке подозреваемых, поэтому я и заявилась к вам сегодня утром…»

Кейт проглотила эти слова в последнюю секунду. Не хотелось портить настроение вечера. Придется придерживаться прежней версии. Так или иначе, она больше не увидит Дэвида Чапленда, так что, журналистка она или полицейский, не имеет большого значения. Хоть продавщица из «Хэрродс».

Однако, чтобы не лгать слишком бесстыдно и много – а также потому, что имела слабое представление о работе журналиста, – Кейт перевела разговор на доставшийся по наследству дом и ужасных арендаторов, которые там всё разгромили.

Дэвид ей сочувствовал:

– Это кошмар. Мне приходилось читать о подобных случаях, но я впервые встречаю человека, с которым это произошло в действительности. И вы совершенно не представляете себе, куда могли подеваться эти люди?

Кейт покачала головой:

– Совершенно. Полиция дала понять, что надеяться особенно не на что. Вряд ли им удастся выследить эту пару. Придется одной нести все расходы.

– Расходы – одно, – сказал Дэвид, – но, думаю, это нелегко далось вам в моральном плане. Это ведь серьезная травма, насколько я понимаю? Дом, где вы выросли и который считали своим… Это не могло пройти для вас бесследно.

Кейт смотрела на него как зачарованная. Редко кто так понимал ее привязанность к отцовскому дому, а также к отцу, матери, детству. К чувству защищенности, которое Кейт так и не смогла обрести нигде в другом месте. Обычно она прятала это от людей из опасения выглядеть в их глазах странной. Когда женщине за сорок,

привязанность к прошлому указывает скорее на недостатки нынешней жизни. Одиночество, отсутствие друзей и мужчины, непризнанность среди коллег… Жизнь Кейт напоминала экономическую систему социалистического государства – все работает, но только на то, чтобы не рухнуть, держаться в движении. На большее не хватает ресурсов. И никаких избытков. Никакого «сверх», что время от времени могло бы вызвать ощущение непредвиденного счастья, почти чуда.

– Вы правы, – согласилась она с Дэвидом. – Это не прошло для меня даром. Помимо прочего, пришлось выбросить всю мебель. Теперь дом пуст.

– Но вы там живете?

– Пока… работаю над материалом для газеты.

Кейт беспокоилась, что Дэвид сочтет ее сумасшедшей, но этот ответ его как будто даже воодушевил.

– В совершенно пустом доме, со спальным мешком и походной печкой?

Она рассмеялась:

– На кухне всё в порядке, в том числе и плита. Но в остальном – да, спальник, пластиковая посуда, два складных стула… И кошка.

– Кошка?

– Жильцы оставили. Теперь она живет со мной.

– Нет, мне просто необходимо это увидеть, – сказал Дэвид. – Пустой дом без мебели, и в нем женщина с кошкой… Должно быть, совершенно особая атмосфера. Отчасти тоскливая, но сколько новых возможностей!

«Он что, напрашивается ко мне в гости?» – спросила себя Кейт.

– Это именно то, что я чувствовала, когда приехала сюда, – подхватила она. – Что пустой дом – не только конец чего-то, но и начало.

– Кто-то им заинтересовался?

– Да, но я их выгнала. Неприятные, высокомерные люди. Я не смогла бы заставить себя продать им дом.

– Очень хорошо вас понимаю, – согласился Дэвид. – Наверное, вы просто не готовы с ним расстаться.

– Вам это кажется ненормальным?

– Нет. Вы привязаны к дому, это чувствуется. Конечно, вы не можете просто так продать его первым встречным.

Кейт улыбнулась. Он действительно ее понимал.

– Вы можете взглянуть на дом.

Она произнесла это быстро, пока не иссякло мужество.

– С удовольствием. Может, завтра вечером?

– Ваша жена не станет возражать, если вас не будет дома два вечера подряд?

Кейт почувствовала, как к голове поднимается жар. Боже, как неудобно… как можно быть такой неуклюжей?

Дэвид ухмыльнулся:

– У меня нет жены, и с последней женщиной я расстался год назад. На данный момент я совершенно свободен. Как и вы?

– Как и я.

Кейт ничего не сказала о своем последнем мужчине, потому что его не было вообще.

– Замечательно, тогда увидимся завтра. – Дэвид посмотрел в сторону кухни. – Закажем десерт? У них здесь замечательный пирог с яблоками.

Обернувшись, Кейт поняла, кто подал Дэвиду эту идею. Марвин Бент выходил из кухни с двумя тарелками яблочного пирога с большим количеством сливок.

Марвин выглядел старше брата, и Кейт сразу поняла, на кого смотрит. Над этим человеком, уставшим и сосредоточенным на работе, также нависла тень подозрения. Не то чтобы это как-то кого-то беспокоило или смущало, просто *это* было здесь. Ни тот, ни другой не очистились полностью. Фраза «а что, если и правда…» висела в воздухе.

На несколько мгновений Кейт задумалась, можно ли считать совпадением, что два брата с разницей в восемь лет оказались в схожих неприятных ситуациях, но быстро пришла к необычному для нее решению, что сегодня просто нет сил об этом думать. В кои-то веки захотелось побыть не Кейт-полицейским и не Кейт-журналисткой.

Просто Кейт.

* * *

Сегодня рано утром я подъезжаю к дому Аллардов, паркуюсь на противоположной стороне улицы и смотрю на входную дверь. Ночные сумерки еще не рассеялись, но уличные фонари дают достаточно света. Какой тоскливый квартал! Мне удалось отыскать адрес в телефонной книге. В Скарборо нет других Аллардов. Не в моих правилах придавать значения таким вещам, но теперь, когда я вижу, откуда вышла Мэнди, многому находится объяснение. Я имею в виду не только то, что она сбежала, но прежде всего ее вульгарность и агрессию.

В семь часов открывается входная дверь и выходит девушка, постарше Мэнди. Сестра, наверное. Мэнди не упоминала сестру, но этап, когда она со мной разговаривала, миновал. Теперь она открывает рот только чтобы оскорбить меня. Она внушает мне отвращение. Было ошибкой подбирать ее на улице.

Поначалу Мэнди показалась мне открытой, доверчивой. Мне виделась искренняя благодарность в ее глазах. Но теперь сбежать от меня – единственное, чего ей хочется, и то, что я не даю ей этого сделать, наполняет ее отчаянием и злобой.

Сестра – если только это действительно сестра – выглядит дружелюбной и милой. И все-таки совершенно не мой типаж. Потертые джинсы, армейские ботинки, черная кожаная куртка… И стрижена «под мальчика». Зачем это? У нее могли быть красивые длинные волосы. Почему современные девушки так стремятся походить на парней? Плюс сигарета в уголке рта, пирсинг в носу… нет, мне этого не понять.

Сестра исчезает, и на некоторое время улица снова погружается в спячку. Потом из других домов выходят люди. Одни садятся в машины, другие идут пешком. Только не Алларды. Похоже, «сестра» единственная, у кого есть работа. Не то чтобы я презираю тех, у кого ее нет, – никто не застрахован от сложных ситуаций. Но здесь все уж очень одно к одному.

Я мерзну все сильнее и начинаю убеждать себя, что это бесполезно. Что больше я ни с кем из этой семьи не встречусь. Но около половины девятого дверь открывается, и выходит женщина. Мать, похоже. Боже мой! Теперь достаточно светло, и я хорошо все вижу. Она маленькая, намного меньше Мэнди. Очень тощая. Волосы как солома и плохо покрашены – невообразимый пепельный оттенок с

оранжевым отливом. Джинсы, свитер, кроссовки. Она останавливается возле двери и закуривает сигарету. Глубоко затягивается. По крайней мере, она не делает этого в доме. Холод ее как будто не беспокоит, женщина вовсю наслаждается никотином. Она из тех, кому он заменяет завтрак, поэтому с фигурой нет проблем. А легких не видно в зеркале каждое утро, поэтому о них можно не думать. До поры, когда не думать будет невозможно, а думать – поздно.

Мэнди пропала в начале октября, но мать не выглядит ни отчаявшейся, ни даже обеспокоенной. Конечно, она не производит впечатления счастливой женщины, но вряд ли когда-нибудь была таковой. Изможденная, ожесточенная, она воспринимает собственную жизнь как величайшую несправедливость и никогда не задавалась вопросом, что могла бы изменить в сложившихся печальных обстоятельствах.

Да, миссис Аллард не особенно переживает за дочь. Похоже, просто не верит, что с Мэнди что-то могло случиться. Просто девушка убежала с парнем, чтобы в конечном итоге пополнить ряды уличных преступников в Лондоне… Это не та карьера, какую мать может желать дочери, но у миссис Аллард, похоже, с вытеснением нежелательных мыслей в область бессознательного проблем нет.

Она даже не подозревает, как ей повезло, что Мэнди со мной и в безопасности.

Наконец миссис Аллард бросает сигарету под ноги, тушит ее носком кроссовки и исчезает в доме. Я завожу двигатель и чувствую, как прибывает тепло.

Я еду к Мэнди.

Мой путь лежит через безлюдные пустоши. Я знаю, что Мэнди не особенно нравится место, где ее временно разместили, но, при ее нынешнем поведении, нечего и думать о том, чтобы показать ее в цивилизованном обществе.

Даже сегодня она встречает меня как разъяренная дикая кошка. Выглядит ужасно – грязная, неумытая, с воспаленными глазами и с красными пятнами на коже.

– Кто ты? – шипит она на меня. – Тебе надо лечиться!

– Я советую тебе сменить тон, – холодно отвечаю я. – Иначе мы точно не поймем друг друга.

Она плюет в мою сторону, но промахивается. Плевок попадает на стену за моей спиной. Она дергает цепь, которой приковано к стене ее правое запястье.

– Я хочу есть. И пить!

Я улыбаюсь:

– Ты можешь вести себя как большая девочка? Тогда я дам тебе и попить, и поесть.

Ее глаза сужаются от гнева:

– Иди ты…

Я пожимаю плечами:

– У меня всё с собой. Бутерброды с индейкой и майонезом. Булочки с маслом, персиковым джемом. Лимонад.

Ее лицо бледнеет еще больше. Она голодает, но жажда страшнее.

– Мне нужно вымыться, – хрипит Мэнди. – И перебинтовать руку.

– У меня есть и бинты, и вода для мытья.

Здесь есть краны, но из них ничего не течет. И все розетки в нерабочем состоянии. В унитазе осталось немного несвежей воды, остальную выпила Саския. И какая-то гниль в миске. Если б это было экспериментом, сколько социальных запретов способен преодолеть человек, когда речь заходит о жизни и смерти, можно было бы сделать интересные выводы. Но я не экспериментатор, ни в коей мере.

– Ты забыла волшебное слово, – говорю я.

Мэнди смотрит на меня с ненавистью. Я вижу, как гордость борется с инстинктивным желанием жить – с голодом, болью, потребностью в личной гигиене.

– Пожалуйста, – беззвучно шепчет она.

Я приношу из машины ведро, наполняю некогда разогретой, а теперь остывшей водой из двух канистр.

И снова на ее лице ужас:

– Я не буду мыться в ведре. Я хочу под душ!

И это говорит она… Неделями бродила по улицам немытая, а теперь требует отдельный номер с баром и душевой!

– Здесь нет душа.

– Конечно же, он здесь есть.

– Он не работает. Воду отключили.

– Что это за грязная дыра?!

Она вульгарна, теперь это окончательно ясно. Мэнди – моя ошибка. Остальным можно было позволить разгуливать по камере свободно, они были слишком напуганы, но Мэнди… не исключаю, что она нападет на меня. Она слаба, ранена, а я не хочу рисковать. Конечно, она тоже напугана, только не показывает этого. Ее ярость сильнее страха.

– Мне нужно в туалет.

Вот уже несколько дней она пользуется ведром, которое я опорожняю и мою, что, конечно, считает унизительным для себя, но здесь я ничем не могу ей помочь.

– Чуть позже я принесу ведро.

На какое-то мгновение мне кажется, что она вот-вот вырвет кольцо из стены.

– Мне не нужно твое ведро! – Мэнди дергает за цепь и кричит.

– Попробуй все-таки прислушаться к тому, что я говорю, – советую я, когда она в изнеможении падает на стену. – У нас с тобой просто нет другого выхода.

Она сверкает на меня глазами:

– Мне плевать.

Тут я впервые слышу в ее голосе что-то вроде страха. До нее доходит, насколько все серьезно. А для меня остается загадкой, почему она не поняла этого сразу. Как видно, надеялась, что это шутка и все разрешится само собой.

– До завтра, – говорю я.

Обычно я провожу с ними больше времени, но общение с Мэнди невыносимо. Может, что-то изменится, но, честно говоря, я не особенно надеюсь. Это ошибка. Очередная, потому что и те, кто был до нее, тоже в конечном итоге оказались ошибками. Даже если поначалу с ними это было не так очевидно, как с Мэнди.

И все-таки с ней хуже, потому что Мэнди подходит мне меньше остальных. Слишком вульгарна, примитивна, необразованна. Даже если она когда-нибудь перестанет меня оскорблять, сомневаюсь, что у нас получится приятно побеседовать. Все они, рано или поздно, на меня восставали. Просто уму непостижимо, почему у меня никак не получается убедить их в искренности моих намерений! Я ведь забочусь о них и не желаю ничего другого, кроме как нашего совместного счастья.

Я подталкиваю Мэнди сумочку со свежими бинтами и большим тюбиком охлаждающего геля.

– Вот. Побалуй себя.

– Засунь его себе в задницу! – кричит она.

Я пожимаю плечами. Разумеется, она воспользуется и бинтами, и гелем. Равно как и отхожим ведром, и водой для мытья. С этим, как с едой и питьем, инстинкт выживания всегда побеждает.

Ни слова не говоря, я покидаю дом, предварительно убедившись, что маленький обогреватель в углу все еще работает и топлива хватит еще по меньшей мере на двадцать четыре часа. Не жарко, конечно, но вполне терпимо. Если отопление выйдет из строя, Мэнди будет совсем некомфортно. По ночам температура падает почти до нуля. Довольно нетипично для прибрежной зоны. Судя по всему, нам предстоит суровая зима.

Меня расстраивает, что Мэнди совсем не ценит мою заботу – то, что я думаю об отоплении в ее комнате и проезжаю каждый день по многу километров, чтобы доставить ей еду, питье и просто посмотреть, всё ли с ней в порядке. Может, стоит напомнить, что это далеко не само собой разумеющиеся вещи?

Когда другие доходили до того, что только выли и просились домой, мне ничего не оставалось, как только перестать их навещать, ездить куда-то, тратить деньги на еду и питье. Чего я совершенно не выношу, так это неблагодарности. И, мне кажется, пройдет не так много времени, прежде чем я достигну этой точки с Мэнди.

Крики ярости преследуют меня до самой машины. По дороге домой я думаю, стоит ли спускаться в подвал. Может быть. А может, и нет…

Пятница, 10 ноября

1

С Амели Голдсби день на день не приходился. Этот был один из худших.

Хелен Беннет проявляла чудеса терпения. Помимо того, что Амели ей нравилась, сержант понимала, сколько девушке пришлось пережить. И все-таки, волей-неволей, и она иногда задавалась вопросом, не было ли молчание Амели следствием сознательно принятого решения.

У них был прорыв, когда Амели рассказала подробности бегства в машине. Но с тех пор не удалось продвинуться ни на шаг. Между тем время поджимало. Хелен ежедневно общалась с инспектором Калебом Хейлом и знала, как боится он и остальные члены команды, что в ближайшее время исчезнет еще одна девушка.

– Она должна заговорить, – сказал Хейл вчера по телефону. – Черт возьми, ей просто не остается ничего другого.

Его отчаяние ясно говорило о том, что у старшего инспектора больше ничего не было. Абсолютно ничего, он безнадежно топтался на месте.

Они сидели в ее мансардной комнате – Амели на подоконнике, Хелен в кресле, с чашкой чая в руках. Амели выглядела бледней обычного. Неудивительно, ведь она вот уже три недели не выходит на свежий воздух… На предложения Хелен прогуляться вдоль моря каждый раз отвечала отказом:

– Нет желания.

В то утро у Амели в глазах стояли слезы. Хелен спросила, что случилось.

– Ничего, – ответила девочка. – Что могло случиться? Я не могу вернуться в прежнюю жизнь. Иногда так бывает.

– Может, тебе было бы проще вернуться, если б ты знала, что твой обидчик сидит за решеткой?

Хелен рисковала, но ей не оставалось ничего другого.

– Амели, целая армия полицейских готова схватить этого парня по одному твоему слову. Если б ты только могла сказать нам больше… О том месте, где он тебя держал. О том, что он говорил, что делал. Каждое твое слово много для нас значит.

Амели пристально посмотрела на Хелен:

– Я не помню.

– Ты не хочешь вспоминать, и это понятно. Но без тебя мы так и будем топтаться на месте.

– Я не заставляю вас приходить сюда каждый день.

– Я хочу помочь тебе, Амели.

– Я уже описала этого человека.

– Да, и за это мы тебе благодарны. Но этого недостаточно. Портрет слишком… расплывчат. Ничего конкретного. И ты сомневалась во многих деталях.

– Вы не сомневались бы, если б прошли через все это?

– Это не упрек, Амели. Просто факт. Если мы хотим найти его, нужна более конкретная информация.

– Я все сказала.

– Как выглядело место, где тебя держали?

– Это все, что я знаю.

Хелен вздохнула:

– Ты знаешь больше. Твой мозг блокирует информацию.

Амели пожала плечами:

– Я понятия не имею, что делает мой мозг. Это как черное пятно. Я села в машину на Бернистон-роуд, а дальше – ничего. Ничего.

– Но кое-что из более поздних событий ты все же вспомнила. Вторую машину, ту, в которой ты убежала. Как ты это сделала, Амели? Как у тебя получилось спрятаться в машине, чтобы он ничего не заметил? Это просто невероятно. Мои коллеги восхищаются тобой, Амели, а ты ничего не помнишь? Где стояла машина, куда ты прокралась? В гараже? На улице? Значит, ты могла свободно передвигаться? Так было всегда или похититель допустил оплошность, повел себя неосторожно?

– Я не знаю.

– Попытайся вспомнить.

Некоторое время Амели смотрела в окно, а потом вдруг закричала:

– Нет! Я не хочу! Я не буду!

– Ну хорошо, я…

Амели повернулась к Хелен:

– Мне нужно отсюда уйти. Не вынесу больше ни дня в этой комнате, в этом доме.

– Понимаю. Думаю, нам действительно пора прогуляться к морю. Нас будут сопровождать два констебля, так что ничего не случится. Что ты об этом думаешь?

– Не хочу гулять. Моя мама любит ходить вдоль моря. Бродит туда-сюда, как тупое животное на ярмарке… Я не такая, как она.

– И куда бы ты хотела пойти погулять?

– Я вообще не хочу гулять. Хочу съездить в город за покупками.

– Это можно устроить. Я поговорю со старшим инспектором Хейлом, и мы…

Амели нахмурилась:

– Не «мы». Я хочу одна.

– Одна? Нет, так не пойдет. Я и констебли…

– Пусть констебли. Только без вас.

Возражать не имело смысла. Травмированный подросток, из которого Хелен неделями выманивала информацию… Неудивительно, что Амели пресытилась общением с ней. Тем не менее…

– Хорошо, я поговорю с инспектором Хейлом.

Кто знает, может, это шаг к нормальной жизни. Или устранению блокировки, которая для Амели как ловушка…

2

Дебора не хотела ничего другого, как только чтобы эта ситуация как можно скорей разрешилась. Джейсон собрался идти один.

– Нам незачем вдвоем срываться с места, чтобы доставить ему деньги, – сказал он во время завтрака, глядя на жену через стол красными после бессонной ночи глазами. – Одного меня достаточно. Я дам ему чек и уйду. Надеюсь, после этого он никогда больше не появится в нашей жизни.

Эти тридцать тысяч фунтов стали для Джейсона серьезным испытанием. Деньги, которых у семьи Голдби действительно не было.

Джейсону пришлось брать дополнительный кредит. Хотя на фоне общей суммы долга тридцать тысяч не выглядели значительной суммой, что странным образом утешало.

Ночью, когда они лежали в постели после отключения электричества – которое, как выяснилось, произошло из-за рождественских гирлянд в соседском саду, – Джейсон шепотом восклицал в темноту:

– Тридцать тысяч! Он сумасшедший. Никогда в жизни…

– Другие обещают куда большее вознаграждение за возвращение пропавшего ребенка.

– Но мы не предлагали никакого вознаграждения, просто потому что… как-то об этом не подумали.

– Это не означает, что Алекс Барнс не заслуживает награды. Он спас Амели, вернул ее нам.

Джейсон вздохнул:

– Да… трудно оценить то, что он сделал. Сколько стоит жизнь Амели? Пятнадцать тысяч? Двадцать? Сотню?

– Это не значит, что мы оцениваем жизнь Амели в тридцать тысяч фунтов. Просто выражаем ему признательность таким образом. За то, что он не отпустил ее рук, несмотря ни на что.

Джейсон включил свет. На лбу у него обозначились резкие морщины.

– Мы платим ему, чтобы он оставил нас в покое. Потому что он раздражает нас, хотя и спас нашу дочь. Это вынужденная благодарность. Будет лучше, если он исчезнет из нашей жизни.

Дебора тоже села:

– Так, значит, мы ему все-таки заплатим?

– Да.

На следующий день Джейсон пошел в банк. Получить одобрение на кредит оказалось непросто, но он был врач и имел постоянную работу, поэтому на все остальное в конце концов закрыли глаза. Ограничились предупреждением, что его кредитный лимит исчерпан.

Всю следующую ночь Джейсон без сна ворочался в постели. Не давал спать и Деборе. Утром она сказала, что пойдет с ним. Джейсон этого не хотел, но Дебора настаивала:

– Это важно для меня не меньше, чем для тебя.

Они застали Алекса Барнса в его обшарпанном жилище. Ветхий дом, тесные квартирки с видом на большую парковку на Николас-клифф. В квартире Барнса почти не было мебели, но и без нее негде было развернуться. Перед окном, выходящим в унылый двор, стояли два кресла, либо подобранные на помойке, либо полученные в наследство от давно умерших родственников. На стойке, отделявшей узкую кухню от прочих помещений, несколько грязных чашек и тарелка с прогнившими остатками пищи. Затхлый воздух свидетельствовал о том, что окно давно не открывали.

Нищета жилища потрясла Дебору. Алекс был молод, здоров, как же он мог так жить? Почему ему не удалось получить профессию?

У самого Алекса если и были комплексы по этому поводу, он их не показывал. Приветствовал гостей в обычном дерзко-высокомерном тоне:

– Приятно видеть вас обоих. Входите. Разденетесь?

– Спасибо, мы скоро уйдем, – сухо ответил Джейсон.

– Может, все-таки кофе?

Дебора быстро взглянула на чашки и подумала, что вряд ли сможет из них пить.

– Нет, спасибо.

Джейсон протянул Алексу конверт:

– Здесь чек на тридцать тысяч фунтов.

Алекс взял конверт, но не открыл его:

– Спасибо, Джейсон.

– Всегда пожалуйста.

Враждебность Джейсона ощущалась почти физически. Эти деньги дорого ему обошлись. Новая головная боль наложилась на старую. Кому они, собственно, заплатили? Похоже, все-таки не самому похитителю, которого Амели описала иначе. Но тогда кому, его другу? Сообщнику?

– Я уже присмотрел себе недорогую подержанную машину, – сказал Алекс. – Теперь будет проще ездить на собеседования.

– Мы надеемся, что скоро вы найдете работу, – вежливо отозвался Джейсон. – И, кстати, мы расторгаем договор аренды на эту квартиру. Этими деньгами вы сможете оплачивать аренду сами. Может, даже возьмете контракт.

– Я обязательно подыщу себе что-нибудь получше, – ответил Алекс. – Здесь невозможно жить.

И ни слова благодарности за то, что Джейсон и Дебора платили до сих пор. «Ожидал ли я этого?» – спросил себя Джейсон.

– Не смеем больше вас задерживать, – поспешно откланялся он, не скрывая, как ему не терпится уйти из этой ужасной квартиры, от этой грязи, запаха. И, главное – от этого человека.

Дебора заставила себя протянуть руку Алексу:

– Мы больше не увидимся, мистер Барнс. Желаю всего наилучшего.

Алекс энергично пожал ее руку и ухмыльнулся:

– Вам того же. Всего хорошего, и Амели тоже. Надеюсь, в скором времени она вернется к нормальной жизни.

– И полиция поймает преступника, – добавил Джейсон.

– Будем надеяться, – не моргнув глазом, подхватил Алекс. – Вы действительно ничего не хотите?

– Нет, большое спасибо, – в один голос ответили Дебора и Джейсон.

Спустя две минуты они стояли внизу на улице.

– Думаешь, мы избавились от него навсегда? – спросил Джейсон.

– С этого момента мы можем выгнать его, если появится, – сказала Дебора. – Не похоже, чтобы он имел что-то против нас. Чтобы у него были другие претензии, помимо моральных. Но теперь мы выполнили его условие – и больше не обязаны впускать его в свою жизнь.

– Хм, – хмыкнул Джейсон. Не похоже, чтобы он считал историю оконченной. – Проблема в том, что Барнс не сможет найти работу в ближайшее время. Хотя бы потому, что, на мой взгляд, не особенно активно ее ищет. Тогда он вернется к нам, после того как потратит деньги, что произойдет довольно быстро. Первое, что он собирается сделать – купить машину. После чего будет искать квартиру подороже.

– Это не наше дело. Отныне мы его игнорируем.

– У меня плохое предчувствие, – сказал Джейсон.

Дебора промолчала. У нее тоже было плохое предчувствие, как будто главные проблемы еще впереди.

Она взяла Джона за руку:

– Пойдем выпьем кофе, у нас еще есть немного времени. Потом ты поедешь в клинику, я – домой, и мы все забудем. Что бы ни случилось, мы есть друг у друга. Мы – семья, и сумеем заново наладить нашу жизнь.

Джейсон что-то пробормотал.

Это мало походило на согласие.

3

Дэвид собирался прийти в половине восьмого, а незадолго до этого позвонил Колин. Кейт, отчаянно пытавшаяся на кухне замесить тесто для пиццы, не имея в распоряжении нужного инвентаря, отреагировала раздраженно.

– Что случилось? – спросила она вместо приветствия.

– Не очень-то ты рада меня слышать, – обиженно отозвался Колин.

– Извини, но у меня стресс.

– С какой стати, ты ведь сейчас не работаешь?

– Ну, стресс бывает не только от работы.

Держа телефон возле уха, Кейт направилась к туалету для гостей, где висело полуростовое зеркало, и критически оглядела себя.

В тот день она ездила в город, где влюбилась в синее платье, слишком короткое и узкое. Кейт помнила, что Колин говорил о ее фигуре, поэтому купила сексуальную штучку, что было, конечно, чистой воды безумием. Это не ее. Дэвид будет смеяться про себя над ее неуклюжими потугами произвести на него впечатление.

Кейт вытерла излишки помады с губ. Теперь лицо выглядело как-то неопрятно. «Вот черт», – подумала она.

– Что скажешь? – послышался в трубке голос Кевина.

Она не слушала его, озабоченная только своей внешностью.

– Прости…

– Что скажешь, если я заеду завтра? Если рано утром выехать из Лондона, буду в Скарборо около полудня. Мы могли бы провести выходные вместе.

Кейт посмотрела на свое отражение в зеркале. Как ни старалась она не питать иллюзий относительно Дэвида Чапленда, не могла не

признать, как желает, чтобы он попросил о новой встрече. Пусть даже из этого ничего не выйдет. Неразумное воображение рисовало картины, где она была рядом с Дэвидом. Они-то и побудили ее в конце концов купить это эффектное платье.

– Хочешь приехать ко мне? – переспросила Кейт.

– Я уже повторил это дважды, – не без раздражения ответил Колин.

Кто здесь точно не нужен, так это он. Странная все-таки складывалась ситуация. Годами, даже десятилетиями ни один мужчина не интересовался ею. Кейт мучилась от тоски и одиночества бесконечными выходными и все отдала бы за свидание пусть даже с самым скучным мужчиной в мире. И вот теперь неожиданно ей предлагался выбор. Сразу двое мужчин, и кому-то придется отказать…

«Наверное, когда-нибудь я горько об этом пожалею», – подумала Кейт.

– Извини, Колин, но ничего не получится.

– Почему нет? Ты сидишь в пустом доме и ждешь покупателей. Мы могли бы вместе сходить в кино, в магазин, что-нибудь приготовить… И мне хотелось бы познакомиться с той семьей, где пропала девочка и снова нашлась.

Голдсби. Они будут в полном восторге…

– У меня дела.

– Что? – спросил Колин.

Кейт посмотрела на часы. Пицца еще не в духовке, между тем нужно переодеться. Это платье слишком нелепо.

– Колин, мне действительно некогда, – быстро сказала она.

В тот же момент в дверь позвонили.

– Вот как, – разочарованно протянул Колин. – Ты ждешь гостей… Так бы и сказала. Я не стал бы тебе надоедать.

Он дал отбой. Обиделся. Неважно. Главное, что Дэвид не оставил ей времени переодеться. Кейт торопливо вытерла остатки помады с мелких морщинок вокруг рта, расправила плечи и пошла к двери. Больше всего сейчас хотелось спрятаться в мышиную норку, но было поздно. Теперь Дэвида не миновать.

«Как я могла дойти до такого?» – спросила себя Кейт, открывая дверь.

Дэвид Чапленд был обходителен и доброжелателен. Он помог Кейт поставить пиццу в духовку, попросил показать дом и был впечатлен.

– Очень красивый дом. Странно, но после всего, что было, здесь еще сохраняется теплая, уютная атмосфера. Хоть он и пустой, и пахнет краской. Может, даже покинутый, но теплый…

Он погладил Месси, которая с этого момента не отходила от него, и открыл бутылку красного вина, принесенную с собой. Они сидели в гостиной перед электрическим камином. Из кухни доносился запах выпечки и специй. Кейт зажгла свечи на подоконнике. «Неужели так может выглядеть начало новой жизни?» – спросила она себя.

Страх был все еще сильнее всего остального. Кейт боялась быть отвергнутой, униженной, поэтому все время держала ухо востро. Может быть, она действительно понравилась Дэвиду. А может, у него просто выдался свободный вечер, и он предпочел компанию лондонской журналистки одиночеству дома… Как и всегда, Кейт отказывалась верить в лучшее, чтобы избежать разочарования.

– Вы специализируетесь на криминальной теме? – спросил он.

– В основном, – ответила Линвилл.

По крайней мере, эта тема хорошо ей знакома. Хотя не в том смысле, как об этом думает Дэвид, но тем не менее.

– И этот случай вас заинтересовал, потому что вы отсюда родом?

– Да, и еще потому, что я оказалась причастна к этой истории с самого начала.

Кейт рассказала о том, как поселилась в отеле семьи Голдсби за день до того, как пропала Амели.

– Я имела возможность с самого начала наблюдать развитие событий. А когда вернулась в Лондон, узнала, что Амели нашлась. И вот я подумала, что это действительно интересная история.

– Да, странно… Все могло закончиться плохо. Тело другой девушки нашли за день до исчезновения Амели. Полиция считает, это дело рук одного преступника; так пишут в газетах.

– Убийцы с пустошей? Да, кое-что на это указывает.

– Слава богу, Амели удалось бежать. Но прыгать в море… она очень рисковала.

– Да, но тут вступили в игру вы.

Дэвид задумчиво посмотрел на нее.

– Наверное, полиция подозревает нас обоих, Алекса Барнса и меня? Странно выглядит, что мы оба оказались в таком месте в такое время.

Кейт кивнула:

– Да, но на сегодняшний день в центре внимания, похоже, Барнс.

– Вы думали об этом, когда вчера пришли ко мне? Мы так и не затронули эту тему вечером.

Дэвид Чапленд произнес это как бы между прочим, как будто не придавал большого значения тому, что думает о нем полиция. Тем не менее Кейт решила быть осторожной.

– Я стараюсь смотреть на вещи без предубеждения. Я решила поговорить с вами просто потому, что вы тоже часть этой истории.

– Да, конечно. Но ведь у вас есть какое-то свое мнение на этот счет… По крайней мере, вы рассматриваете несколько версий происшедшего.

– Вероятность того, что вы причастны к похищению Амели, крайне мала. Я считала так с самого начала.

– И теперь, после того как узнали меня ближе?

– Теперь я практически это исключаю.

– Практически исключать не значит исключать полностью.

– Не в моих правилах исключать или принимать что-либо без достаточно весомых доказательств.

Дэвид рассмеялся:

– Похвально для журналистки. Некоторые из ваших коллег трубят обо всем, что приходит им в голову, и даже не задумываются ни о каких доказательствах.

– Я стараюсь работать иначе.

– Вы беседовали с Алексом Барнсом?

Кейт покачала головой:

– Пока нет, но я непременно сделаю это. Какое мнение у вас о нем сложилось?

– Ну… когда лежишь рядом с человеком на животе на причальной стене, над бушующим морем и под проливным дождем, тут не до взаимных оценок. В каком-то смысле мы сражались за нее бок о бок. Но так и не познакомились как следует.

– А потом? Вы сидели рядом с ним в машине «скорой помощи», с одеялами на плечах и кружками горячего чая в руках… Что вы думали

тогда о нем? Может, о чем-то с ним говорили?

Дэвид задумался:

– Вы верно себе это представляете. «Скорая помощь», одеяла, чай… О чем мы говорили? Барнс обессилел. Полностью. Он вкратце рассказал полицейскому, который подошел к машине, что случилось. Как он услышал крик о помощи, а потом увидел Амели, но не смог перетащить ее через стену. Как у него мерзли руки… Это была чистая правда. Даже у меня пальцы превратились в ледышки, а ведь Барнсу пришлось держать ее гораздо дольше. Помню, у него далеко не сразу получилось взять чашку. А потом, когда он наконец поднес ее ко рту, рука так дрожала, что я думал, он расплескает весь чай.

– И он совсем ничего вам не сказал?

Она видела, как Дэвид старается что-нибудь вспомнить.

– Нет. После разговора с полицейским он вообще ничего не говорил.

– Он пытался каким-то образом связаться с Амели?

– Это было невозможно. Приехали две машины «скорой помощи», Амели увезли в другой. Никакой возможности контакта.

– И какое мнение вы составили о нем?

– О ком?

– О Барнсе… и всей ситуации в целом.

– Я тогда не думал о Барнсе. Только о девушке. Я ведь не знал, что это о ней писали во всех газетах. Там, на фотографии, была совсем другая девушка. Промокшая, измученная, она изменилась до неузнаваемости. Думаю, прибывшие на место полицейские тоже не сразу ее узнали. Я спрашивал себя, как она оказалась в воде. Я надеялся, что это несчастный случай, а не самоубийство. Если такие молодые люди ни во что не ставят жизнь, наше дело совсем безнадежно.

– Неужели и об этом вы ни слова не говорили с Барнсом?

– Представьте, нет. Он был так измотан, что ни на что не реагировал. – Дэвид покачал головой. – Мне жаль. Вы ожидали от меня что-то услышать… Но мы действительно просто сидели в машине и пили чай.

– Наверное, это нормально в такой ситуации.

Кейт думала, о чем еще могла бы спросить Дэвида Чапленда, но в голову ничего не приходило.

– Может, проверим пиццу? – предложил он.

Они ели руками, из бумажных тарелок перед камином. По крайней мере, пытались есть. Должно быть, Кейт что-то не так сделала с тестом, потому что оно получилось твердым как камень. После второго укуса Дэвид посмотрел на нее несчастными глазами:

– Не сердитесь, пожалуйста, но если я продолжу есть, точно потеряю несколько зубов. Черт возьми, как тесто для пиццы может быть таким твердым?

Кейт тоже беспокоилась о своих зубах, поэтому покорно пожала плечами:

– Я вообще не умею готовить. Вечно все порчу.

– Не страшно. У нас есть вино.

Они выбросили пиццу в мешок для мусора на кухне. Кейт отыскала в шкафу початую упаковку соленых крекеров. Это было лучше, чем ничего. Они убрали неудобные складные стулья и сели на полу в гостиной. Кейт с тревогой ждала, чем закончится вечер. Поскольку она ничего не ела с завтрака, а пару сухих кусочков пиццы едва ли можно считать едой, вино быстро ударило в голову. Алкоголь всегда был небезопасен для нее, делал разговорчивой до неприличия.

– То есть детство и юность вы провели здесь, в этом доме? – спросил Дэвид.

Кейт кивнула:

– Да, и не раз возвращалась сюда позже. Мама умерла много лет тому назад. Папа три года как… – Она почувствовала на себе пристальный взгляд Дэвида. – Его убили здесь, в этом доме.

Это все вино. Кейт не хотела об этом говорить.

Дэвид в ужасе посмотрел на нее:

– Убили?

– Да. Дело в том, что мой отец… был довольно высокопоставленным полицейским и ввязался в историю, которая стоила ему жизни.

– Боже мой… – прошептал Дэвид. – Ужасно.

Кейт не собиралась развивать эту тему. Не иметь ничего общего с семьей, где произошло убийство, – естественное желание любого нормального человека. Тем не менее…

– Да, – она кивнула. – Тогда я узнала об отце много такого… о чем предпочла бы не знать. Это был шок.

– Настолько страшно?

– Отец всегда был моим героем. Лучшим из людей, кого я знала, вне всяких подозрений… Это было как… я не могла в это поверить.

Кейт в ужасе почувствовала, как слезы обожгли глаза. Нет, плакать нельзя. Только не сейчас.

– Кто его убил? – как ни в чем не бывало спросил Дэвид.

– Тот, кто… в общем, не важно. Так или иначе, они напали на него здесь, в этом доме, февральской ночью.

Кейт снова представила картину преступления, которую ей описали во всех подробностях. Отец в пижаме сидит, привязанный к стулу, с полиэтиленовым пакетом на голове. Так он и задохнулся под этим пакетом.

– Это ужасно, – тихо сказал Дэвид.

– Да, – шепотом согласилась она.

Почувствовала его ладонь на своей руке и услышала тихий голос:

– Не плачь. Я знаю, как это больно.

Она не заметила, как взмокли щеки. Теплая рука Дэвида и слова сочувствия только усугубили ситуацию. Теперь унять слезы невозможно.

– Да, – всхлипнула Кейт. – Это очень больно.

Это не прекращалось. Никак не могло прекратиться, хотя прошло столько времени. Кейт так и не смирилась с жестокой смертью отца и с тем, что он оказался не таким, как она о нем думала.

Она опомнилась в объятиях Дэвида, когда рыдала, уткнувшись носом в его мокрый джемпер.

– Поплачь, – говорил он. – Может, ты просто недостаточно плакала из-за всего этого.

Это была правда. Кейт, конечно, плакала и раньше, но недостаточно по масштабам катастрофы. Она пыталась отодвинуть горе, спрятать туда, где оно было бы безопасно для ее жизни. Всячески стремилась помешать боли овладеть собой, поскольку боялась, что никогда больше не сможет вырваться из ее тисков. Отталкивала боль всякий раз, когда та делала шаг в ее сторону. И верила, что от этого боль станет меньше, слабее и, возможно, однажды иссякнет совсем.

Она ошибалась. Боль оставалась все таким же хищником с оскаленными зубами – и лишь выжидала момент.

Кейт плакала и плакала, а Дэвид держал ее, и она подумала, что стоило бы прислушаться к предложению Колина, потому что свидание с Дэвидом точно последнее. Сначала испорченная пицца, потом он узнаёт, что здесь произошло убийство, и вынужден ее утешать… Кейт рассмеялась, но не радостным, а истерическим смехом, при мысли о том, как непредсказуемо умеет пресечь отношения с мужчиной в самом зародыше. Смех, во всяком случае, остановил поток слез. Она села и неловко вытерла щеки рукавами нового платья.

– Извини… О боже, что же я это, в самом деле…

Кейт просто не решалась представить со стороны свое мокрое лицо с красными пятнами и черными разводами туши. Она и без того не считала себя красавицей, а тут…

– Я, наверное, выгляжу ужасно.

– Я так не думаю, – возразил Дэвид, наклонился и поцеловал ее в губы.

Кейт замерла. Нет, это он не всерьез… Она ожидала чего угодно, только не этого.

Дэвид слегка отстранился:

– Если ты этого не хочешь, то…

Несмотря на оцепенение, у Кейт хватило самообладания осознать, что другой такой возможности не представится. Если сейчас она ему откажет, Дэвид отступится, и потом ей придется самой подталкивать его к этому, а она понятия не имеет, как это делается.

– Да, – чуть слышно ответила она. – Я этого хочу.

Она снова поцеловал ее. Его губы имели привкус красного вина. Сразу стало тепло.

Кейт ответила на поцелуй, хотя совсем не была уверена в том, что это правильно. Она читала, что целоваться может каждый, потому что это делается инстинктивно. Но проблема в том, что инстинкты Кейт были вечно подавлены мыслями. То, что безотказно работало у других, у нее вызывало затруднения, потому что Кейт все анализировала, препарировала каждый импульс, пока он не рассеивался.

Не думай. Просто отдайся ему.

Такое не слишком эмансипированное поведение оставалось, тем не менее, единственно возможным. Кейт вспоминала поцелуи молодости, в темных углах, на вечеринках с друзьями. Когда все перепивались и было все равно, с кем целоваться. Наконец подобное

роковое стечение обстоятельств – вечеринка, темнота, алкоголь – привело к тому, что Кейт переспала с семнадцатилетним парнем. Парень увлекался подругой Кейт, которая в тот вечер ушла с другим. Кейт прекрасно об этом знала, но ей было все равно. Она видела в этом лишь прекрасную возможность совершить взрослый поступок. Результат – неромантический секс на заднем сиденье машины, которую парень одолжил у отца. Это всё.

Второй опыт случился на рождественской вечеринке много лет спустя. Кейт ненавидела рождественские вечеринки, где алкоголь тек рекой, а шутки, по мере развития событий, становились все более плоскими и непристойными. Ее присутствие не было обязательным, но Кейт решила не отрываться от коллектива. В результате пила коктейли на основе колы, с дурацкой бумажной шляпой на голове, и отчаянно пыталась заразиться всеобщим буйным, беззаботным весельем. Это ей так и не удалось, зато под конец Кейт стала объектом домогательств коллеги, который до того вообще ее не замечал, а теперь оказался настолько пьян, что не смог распознать, что перед ним женщина совсем не его типа. Дошло до того, что Кейт поехала к нему домой и наутро проснулась в чужой постели, рядом с храпящим мужчиной, от которого несло алкоголем. Бледное зимнее солнце освещало неопрятную спальню, разбросанную повсюду обувь, джемперы, носки и нижнее белье. Кейт встала, собрала свои вещи и на цыпочках вышла из квартиры. С этим коллегой они встретились в следующий понедельник в коридорах Скотланд-Ярда и, не глядя друг другу в глаза, пробормотали невнятное приветствие.

Вот и весь ее опыт с мужчинами. Два случая, сорок два года.

Кейт не могла сказать об этом Дэвиду.

Его объятья стали крепче и настойчивее, а пальцы теребили «молнию», пока не расстегнули. Кейт вывернулась из узкого синего платья – возможно, не так изящно, как хотелось бы. Дэвид стащил свитер через голову. На ближайшие час-полтора одежда – лишнее.

Кейт глубоко вздохнула, и Дэвид остановился:

– Всё в порядке?

Кейт помнила железное правило, словно на камне высеченное в любом психологическом руководстве для желающих найти свою вторую половину, – никакой интимной близости на первом свидании, ни даже на втором. Доступность женщины отталкивает мужчину, и

связь обрывается, не успев окрепнуть. И все-таки Кейт полагала, что представляет собой особый случай и общие стратегии здесь не годятся. Если мужчины отказываются назначать второе свидание, ждать третьего тем более не имеет смысла. Лучше взять сразу все, что можно. Или же не брать ничего, если парень совсем безнадежен.

То утро после рождественской вечеринки с коллегами убедило ее, что быть невзрачной тихоней грустно и неприятно, но куда хуже проснуться рядом с мужчиной, к которому не испытываешь ничего, кроме отвращения.

Дэвид был другим. Кейт находила его не только привлекательным, но и добрым, чувственным, понимающим. Он назначил ей встречу в пабе, а потом еще напросился на сегодняшний вечер. Считая первый разговор в его квартире, это было третье свидание. Следовательно, Кейт не нарушала никаких правил, какими глупыми бы они ей ни казались.

Она не ответила Дэвиду, просто спустила колготки и осталась в одних трусах и бюстгальтере. Дэвид снял джинсы. Они стояли на коленях друг против друга, чувствуя, как их тела наполняются теплом, а мышцы напрягаются. Кейт поняла, что Дэвид тоже волнуется, не одна она. Он хотел, чтобы все прошло безупречно.

– Из этого не может получиться ничего плохого, – шепотом успокоила его Кейт. – Расслабься.

Он обнял ее, и Кейт с головой накрыла волна тепла. Впервые в жизни она поняла, что значит желать мужчину. Впервые в жизни трезвый мужчина воспылал к ней страстью, и она спрашивала себя, чем это может закончиться.

Он явно знал, что делает.

* * *

Какие холодные выходные… Нечасто здесь выпадает такая осень. Обычно ноябрь мягкий, хотя и влажный. Снега не бывает, или же его покров настолько тонок, что скорее походит на иней. Так или иначе, обычно не раньше февраля. Но в этом году уже морозно и пахнет снегом. Может, у нас будет белое Рождество. Все встало с ног на голову, хотя какое это имеет значение…

Я только думаю, достаточно ли топлива в пропановом обогревателе в комнате Мэнди. У нее довольно большая комната, выложенная плиткой. Кафель плохо сохраняет тепло, насколько мне известно. Сейчас около полудня. Я обычно долго сплю по воскресеньям, а потом завтракаю в одиночестве.

После завтрака я думаю о том, стоит ли ехать к Мэнди. Честно говоря, не хочется. В прошлый раз она вела себя ужасно, и вообще с ней, похоже, кончено. Это рекорд, остальные испытывали мое терпение гораздо дольше. Но то были девочки из хороших семей, и в них не было агрессии. Правда, они постоянно ныли, чем в конце концов меня и разочаровывали. Но Мэнди… ее ярость, злоба… Как можно строить отношения?

Наконец около половины четвертого я беру себя в руки. Погода склоняет к тому, чтобы остаться дома, зажечь камин и выпить горячего чая. Вместо этого мысль о тепле заставляет меня надеть ботинки, пальто и шарф. Нужно проверить, работает ли пропановый обогреватель у Мэнди. И она наверняка хочет есть и пить. В последний раз продукты и воду ей приносили в четверг. Меня мучает совесть. Я заставляю Мэнди так долго ждать и намереваюсь заставить ждать еще дольше… Ни с одной из девушек мы не достигали этой точки так рано. Обычно начинается с того, что мне все меньше хочется их видеть. Визиты становятся реже и даются все тяжелее, пока наконец не наступает момент, когда я просто не могу заставить себя это сделать. И это значит, что я больше ничего не чувствую к этой девушке.

Я беру бутылку минеральной воды и достаю из морозильной камеры на кухне завернутый в полиэтиленовый пакет сэндвич с чеддером и помидорами. К тому времени, как я туда доберусь, он успеет оттаять. Я включу отопление в машине.

Всё, пора. В машине настроение поднимается. Не дело дни напролет сидеть в квартире. От этого становишься ленивым, быстро устаешь, и в голову лезут разные мысли. День пасмурный, но по-своему красивый. Море аспидно-серое, как и небо, на его фоне колышутся бледно-желтые остовы травы. Облака громоздятся, как башни, вырастающие из-за горизонта. Трасса почти пуста. Редко когда мне попадаются другие машины. Такое ощущение, будто я последний человек на Земле. И меня это больше не пугает.

Сколько раз мы поднимали эту тему с терапевтами… Что одиночество губительно для меня. Что в таких ситуациях меня начинают мучить недобрые предчувствия.

«Что за предчувствия?» – допытывались терапевты.

«Не знаю», – был мой ответ, не совсем искренний.

Они настаивали:

«Попробуйте еще раз. Попытайтесь представить, что произойдет, если вы останетесь в одиночестве».

И в какой-то момент они услышали другой ответ:

«Я умру».

Это было мое искреннее чувство. Одиночество и смерть – одно и то же.

Уже не помню, когда эти мысли перестали меня мучить. Наверное, когда начались девочки.

Но с ними у меня получается плохо. Они не принимают меня, и я очень боюсь, что страх одиночества вернется. Вот почему мне обязательно нужно найти ее. Ту единственную, предназначенную только мне.

Я проезжаю Ньюкасл, и с этого момента держусь вблизи побережья. Нортумберленд. После двух с половиной часов езды я останавливаюсь на маленькой заброшенной парковке. Собственно, это даже парковкой не назовешь – чертополох, колючки, тростник… Но, поскольку я продолжаю сюда приезжать, дорожка не зарастает, даже если асфальт покрыт трещинами. Это все мороз. Или же корни растений, которые достают и досюда.

Я выхожу из машины, и на какой-то момент у меня перехватывает дыхание от холодного ветра с моря. К северу от Скарборо температура почти зимняя. Я поплотнее обматываюсь шарфом, беру корзинку с минеральной водой и размороженным сэндвичем и по протоптанной дорожке иду к дому. Заросли боярышника наступают с обеих сторон. Летом я подстригаю их, и это выглядит как живая изгородь. Зимой я этого не делаю, но вижу, что, если и дальше позволю ему свободно расти, боярышник загородит вид на дом с тропинки. Тогда его будет видно только со стороны моря. Хотя кого это волнует?

Открыв дверь, я чувствую почти такой же холод, как и снаружи. Разве что нет ветра, от которого на глаза наворачиваются слезы. Я медленно озираюсь. Нет ничего невозможного, и если Мэнди удалось

освободиться, она может притаиться где-нибудь у меня за спиной. Сделав еще шаг и заглянув за угол, в маленькую комнату, я вижу, что она все так же висит на цепочке. Мэнди закуталась в одеяло, которое ей бросили, но оно не спасает от холода. Пропановый обогреватель давно заглох. Стены каждой пóрой источают сырость и соленый морской воздух. Летом здесь не так плохо, но зимой, без отопления…

Она пробыла без меня слишком долго.

Одеяло шевелится, и появляется голова Мэнди. У нее липкие, жирные волосы, опухшие глаза, синие потрескавшиеся губы. В ней не осталось ни капли привлекательности.

– Мне нужна вода, – беззвучно шепчет Мэнди. – Я мерзну.

Одеяло бесполезно на таком холоде, а воду она выпила самое позднее в пятницу. Я смотрю на ведро для мытья, оно пусто. Она выпила все. Что ей оставалось делать?

– У меня с собой и еда, и питье, – говорю я.

Она останавливает на мне дикий, блуждающий взгляд.

Я ногой подталкиваю к ней бутылку и сэндвич. Мэнди – девушка с улицы. Она выросла в суровых условиях и привыкла рассчитывать только на себя. Сражаться. Сейчас она переживает не лучший период жизни, но это не значит, что не сумеет воспользоваться случаем, если таковой представится.

Мэнди откупоривает бутылку и пьет… долгими, жадными глотками.

– Зачем ты это делаешь? – спрашивает она наконец.

Все так же тихо, почти беззвучно. Она выглядит более послушной, чем в прошлый раз. Голод, жажда и холод сломят кого угодно. Только я так не хочу. Мэнди должна полюбить меня, на что уже не осталось никакой надежды.

Я не отвечаю – все равно ей не понять сложности моих мыслей, идей и действий. Вместо этого беру ведро, выношу на улицу и выливаю в куст неподалеку от дома, на краю скалы. Где-то внизу плещется море, я слышу его рев. Чайки с криками падают на ветер и уносятся по широкой парящей дуге. Здесь так красиво… Будь у меня достаточно денег, можно было бы отремонтировать маленький дом и каждый день стоять здесь и любоваться морем.

Я возвращаюсь к Мэнди. Ведро воняет. Чтобы вымыть его, нужно спуститься в бухту, а сейчас для этого слишком холодно, да и скала

скользкая. Я отмечаю про себя, какое отвращение вызывает у меня это ведро, и отчаянно пытаюсь осознать, что Мэнди не может им не пользоваться. Остальные ходили на унитаз. Смыв не работает, но я приносил двухлитровые бутылки с водой, и мы худо-бедно управлялись. Отсутствие здесь водопровода – большая проблема.

Мэнди приходится пользоваться ведром, потому что я не могу позволить ей свободно передвигаться. В том, что с ней обстоит сложнее, чем с остальными, виновата только она сама. Несмотря на холод, я чувствую, как ярость собирается в горячий комок у меня в животе. Я слишком хорошо знаю, что это значит. С определенного момента отношение к человеку становится необратимым. Так было и с остальными, которые меня отвергли. Они плакали, умоляли, чтобы их отпустили домой, не желая понимать, что со мной у них могла быть лучшая жизнь. Это жжение в животе означает, что все кончено. После этого они могут делать что угодно – ползать передо мной на коленях, ласкать и целовать меня, – но я больше ничего не смогу с собой поделать. Все, что после этого остается – закрыть дверь. В буквальном смысле.

Для Мэнди этот момент настал. Вне сомнения, это связано с ее поведением, с тем, как она оскорбляет меня, с ее ограниченным словарным запасом. Наконец, с моим разочарованием, потому что Мэнди – ошибка, с самого начала. У нас никогда не было ни малейшего шанса.

Возможно, теперь все решается быстрее, потому что я меняюсь, нетерпение мое возрастает, и я не хочу тратить бесценное время жизни на заведомо бесполезные усилия.

Я возвращаюсь в дом. Мэнди съела хлеб, и бутылка пуста.

– Можно еще? – спрашивает она.

Я пожимаю плечами:

– Жаль, конечно, но больше у меня ничего с собой нет. Тебе следовало бы экономней расходовать хотя бы воду.

Она смотрит на меня как безумная:

– Что, и это всё?

– Это была большая бутылка воды и кусок хлеба с толстым ломтем сыра, – отвечаю я.

Ее взгляд лихорадочно бегает по комнате, как будто она не верит мне и надеется таким образом узнать правду.

– Когда ты вернешься? – Ее следующий вопрос.

Я смотрю на нее. Как она безобразна. Примитивна.

– Не знаю, – уклончиво говорю я.

Внезапно ее охватывает паника.

– Что происходит? – спрашивает Мэнди. – Я мерзну, хочу есть и пить. Я не могу передвигаться. Здесь ведь больше никого нет?

Она смотрит на окно. Наверное, с того места, где она сидит, виден только кусочек неба, но возможность обозреть больше только подтвердит ее подозрения: да, здесь больше никого нет. Скалы, море, ветер и чайки – больше никого и ничего.

Мэнди заходится в крике. Хлеб и вода придали ей силы. Она дергает цепь, и я вижу, как сталь впивается ей в кожу, разрывая до крови. Но ей все равно.

– Выпусти меня отсюда! Выпусти немедленно! Ты – грязное животное!

Я мысленно затыкаю уши. Она опять за свое, и теперь меня это не удивляет. Достаточно увидеть дом, улицу, где она выросла. Ее мать. Больше меня ничего не удивляет.

Я беру корзину.

– Ты не можешь просто уйти и оставить меня здесь! – кричит Мэнди. – Это убийство! Отпусти меня! Сними эту чертову цепь!

Я направляюсь к двери. Она бросается в слезы. Меняет тон, бьет на жалость.

– Прошу тебя… не оставляй меня одну. Пожалуйста… я ведь ничего тебе не сделала, так? Я тебя совсем не знаю. Пожалуйста, дай мне уйти. Я никому ничего не скажу, я ведь даже не знаю твоего имени, кто ты и где живешь… Прошу тебя!

Я открываю входную дверь. Я уже за углом и больше не вижу ее.

Она вопит как пойманное животное:

– Прошу тебя… пожалуйста… умоляю…

Я выхожу.

– Останься! Не уходи! Не оставляй меня одну! – кричит она.

Мне остается только улыбаться. Только что она называла меня грязным животным, и вдруг такие любезности… Следует хорошенько подумать, прежде чем обижать человека. Теперь ей нужно, чтобы с ней кто-то остался, заботился о ней. Хотя она предпочла бы, чтобы ее вообще отпустили.

Она хочет уйти. Все они хотели уйти, ни одна меня не поняла.

Но должна быть такая, которая поймет. Не в моих правилах сдаваться.

Даже в машине я слышу крики Мэнди. Она вне себя, бьется в истерике.

Я включаю двигатель и разворачиваюсь.

Прочь отсюда.

Мне нужна еще одна, как можно скорее.

Кстати, меня давно не было в подвале.

Понедельник, 13 ноября

1

Констебль Китти Вентворт редко чему так радовалась, как внезапному желанию Амели Голдсби отправиться в поход по магазинам с двумя своими охранниками. Наконец-то появилась возможность продышаться и прогуляться, увидеть что-то кроме дома Голдсби с прилегающим участком улицы.

После отключения электричества и самовольной отлучки Джека О'Донелла оба они получили предупреждение. Где-то в глубине души Китти надеялась, что ее снимут с поста, но разгневанный старший инспектор Хейл сразу развеял эти иллюзии.

– У нас не хватает людей! – рявкнул он, как будто Китти могла чем-то помочь. – Поэтому я держусь за каждого, кто хоть на что-то способен.

Она едва не заплакала.

– И вы с О'Донеллом продолжите вести наблюдение. Еще одно нарушение – будете до конца своих дней штрафовать за незаконную парковку. Без малейшей перспективы карьерного роста, это понятно?

– Да, сэр.

Китти проплакала весь вечер. Помимо прочего, это было несправедливо. Оплошность допустил Джек, а Хейл в равной степени наказал их обоих. Китти всегда считала инспектора справедливым начальником, но в последнее время он все чаще становился неузнаваем. Все это замечали. Вечно в плохом настроении, огрызается на любого, кто имеет несчастье попасться ему на глаза. За малейшую оплошность наказывает беспощадно. Похоже, Хейлу в самом деле не нравилось читать каждое утро в газетах, что «полиция не предпринимает никаких действий по делу Убийцы с пустошей», и что «следующая жертва маньяка – вопрос времени».

Кстати, никто, кому была дорога жизнь, не употреблял выражения «Убийца с пустошей». Все знали, как Калеб Хейл чуть на части не разорвал стажера, имевшую несчастье так при нем выразиться.

– Еще одно идиотское газетное клише – и можете искать себе другую работу! – закричал он.

На следующий день стажер не появилась в отделении. Все остальные ходили на цыпочках и втайне молились, чтобы у Калеба Хейла наметилась хоть какая-нибудь, пусть самая ничтожная зацепка. Иначе с ним просто невозможно работать.

Но в этот день в череде полицейских будней наконец появился просвет. Амели хотела выехать утром, и Калеб Хейл разрешил гулять до раннего вечера. Он, конечно, понимал, что девушку нельзя все время держать взаперти. Необходимо возвращение к нормальной жизни, пусть даже постепенное. Он все еще полагал, что отпускать Амели в школу слишком опасно. Но вопрос о школе и не стоял, поскольку Амели сама не очень-то туда стремилась.

Поездка должна была хоть на некоторое время вернуть ей душевное равновесие. Китти понимала, на что рассчитывает босс: что Амели заговорит.

Девочка категорически отказалась от общества Хелен и Деборы и разрешила сопровождать ее только двум охранявшим дом полицейским. Джек вел машину. Китти сидела сзади рядом с Амели.

Сначала проехались до центра, где зашли в несколько магазинов. Китти заметила, как нерешительно передвигалась по улицам Амели. Она так давно не покидала пределов своей комнаты, что пешеходная зона, уже украшенная к Рождеству, должно быть, производила на нее пугающее впечатление. В утро понедельника здесь было не так многолюдно, но городская суета сбивала с толку. Амели как будто растерялась.

Они зашли в «Маркс энд Спенсер», где Амели исчезла в примерочной кабине с восемью парами джинсов. Джек со вздохом опустился в кресло в торговом зале.

– Это надолго, – проворчал он. – Она не в том состоянии, чтобы принимать решения. Вообще ненавижу, когда женщины покупают одежду. Ты уверена, что эта поездка – хорошая идея?

Китти, которая сама «пролистывала» вешалки в ряду с платьями, рассмеялась:

– Придется потерпеть. Все лучше, чем торчать в машине возле дома.

– Лучше ли? Честно говоря, не уверен…

Вечность спустя Амели вышла из кабинки с перекинутыми через руку джинсами и выражением растерянности на лице.

– Я ничего не выбрала, – потупившись, сказала она.

– Вот видишь, – прошипел Джек в сторону Китти.

Амели опустилась в кресло рядом, совершенно обессилевшая.

– Ни на чем не могу остановиться, – пробормотала она. – Здесь так много всего…

– Тебе совсем не обязательно что-нибудь выбирать, – успокоила ее Китти. – Ты долго не выходила на улицу. Ты ошеломлена, это понятно.

Амели как будто вот-вот была готова расплакаться:

– Не верю, что когда-нибудь будет как раньше.

– Ну конечно, будет! – оптимистично возразила Китти. – Ты такая молодая… Все перемелется и когда-нибудь станет темным пятном в твоем прошлом. Даже если ты не сможешь этого забыть, оно не будет оказывать никакого влияния на твою жизнь.

Амели покачала головой:

– С трудом могу себе такое представить. Я уже почти не помню свою прежнюю жизнь. Как ходила в школу, болтала с подругами по «Вотсаппу» и все такое… Как будто это была не я.

Маленькая, худая девочка в огромном кресле. Грустная и потерянная. Китти захотелось взять ее за руки, но она сдержала порыв.

«Ей так плохо», – подумала Китти.

Она как будто впервые ощутила глубину страданий Амели. Как та мучается день и ночь, оплакивая потерянную жизнь. И никак не может обрести новую.

Эти семь дней, пока Амели отсутствовала, на самом деле были только началом. Главное впереди – долгий процесс обретения себя. Это растянется на многие месяцы, прежде чем Амели сумеет справиться с тем, что с ней произошло. Жестоко вырванная из привычного мира, она не знает, где ее место.

Китти осторожно коснулась плеча девочки:

– Может, тебе пока рано в город? К рождественским гирляндам, музыке, людям… Не лучше ли было бы прогуляться на природе?

Амели кивнула и встала. Она держала Китти за руку, пока шла к машине. Джек поспевал за ними, покидая магазин с выражением облегчения на лице. Он был склонен смотреть на ситуацию прагматично. То, что пережила Амели, ужасно, но ей очень повезло, и

об этом тоже нельзя забывать. Кроме того, она проявила смелость и решительность, и только поэтому все хорошо закончилось. Теперь пришло время смотреть вперед, не прятаться от ужасных воспоминаний. Рассказать полиции, что произошло, и в идеале привести их к преступнику, его дому. После того как парня арестуют, никому больше не придется его бояться. И Амели выйдет наконец из комнаты, где сидит под охраной полиции, и пойдет в школу, как все девочки ее возраста. К друзьям, подругам, урокам, дискотекам… Она сама не пускает себя туда. Это совершенно ясно.

– Куда теперь? – спросил он, сев за руль.

– Может, в Национальный парк, на болота? – предложила Амели.

Они поехали на болота. День выдался пасмурный. Ни единый лучик не пробивался сквозь тучи, и пейзаж вокруг казался особенно мрачным.

Китти вдруг забеспокоилась, правильно ли будет везти Амели туда, где ее, возможно, держали взаперти. В конце концов, ее сумочку нашли на горных болотах. Но Амели не проявляла никаких эмоций. Молчала на заднем сиденье рядом с Китти, с затычками в ушах и смартфоном в руке. Слушала музыку.

На обед остановились в обшарпанном кафе посреди унылой осенней пустоши. В понедельник ноября здесь никто не ждал посетителей, и им как будто не очень-то были рады. Половины блюд из меню не было. В итоге принесли по порции печенного в фольге картофеля со странным на вкус травяным соусом и несвежий салат. Настроение Джека становилось все хуже. Амели как будто совершенно отсутствовала. Ни слова не говорила, почти не ела. Смотрела в окно, но как будто видела там не то, что остальные.

После ужасного обеда некоторое время бесцельно катались туда-сюда, а потом Джек повернул обратно. К тому времени успело стемнеть.

– Тоскливо здесь в это время года, – заметил Джек.

– Зато красиво, – возразила Амели.

Это были ее первые слова за несколько часов.

Джек посмотрел на девушку в зеркальце заднего вида. Голос Амели звучал необыкновенно грустно и потерянно. Китти тоже это заметила – и подумала, что надо бы переговорить с Хелен. Возможно,

Амели требуется более квалифицированная психологическая помощь, чем та, которую она получает на данный момент.

Они достигли Скарборо, но Джек проехал мимо улицы, где нужно было свернуть, чтобы подъехать к дому Амели.

– Мне нужно заправиться, – объяснил он. – Нет возражений?

Уже дремавшая Китти вздрогнула.

– Заправляйся, конечно, – разрешила она и зевнула.

Чуть дальше по шоссе была заправка. Но на площадке не оказалось ни одного свободного места, как будто все водители с трассы вдруг осознали, как важно пополнить запасы бензина. Пришлось встать в очередь. Джек раздраженно зарычал:

– Ох, люди, что происходит… Может, сначала отвезти Амели домой?

– Нет проблем, – беспечно отозвалась Китти. – Это всего лишь несколько минут.

На самом деле она проснулась и была начеку. Сгущавшиеся сумерки, фонари и много-много людей и машин. Та самая ситуация, когда нужно держать ухо востро. Вероятность того, что злоумышленник где-то здесь, равна нулю. Для этого он должен был знать, что они планируют заправиться, о чем сам Джек узнал пару минут назад. Или же преступник должен был следовать за ними весь день, что еще менее вероятно, поскольку они заметили бы его на пустой трассе. Джек следил за дорогой в зеркале заднего вида.

Тем не менее Китти решила не расслабляться.

Амели вытащила наушники из ушей:

– Мне нужно в туалет.

– Сейчас ты будешь дома, – сказал Джек.

Амели огляделась:

– Такая большая очередь, а мне действительно нужно.

– Не думаю, что здесь есть туалет, – возразила Китти.

Амели открыла дверцу машины:

– Заодно и посмотрим.

Китти тоже вышла из машины:

– Я с тобой.

Джек выругался:

– Черт, я мог бы просто отвезти ее домой, и…

Но Амели уже направлялась к маленькому магазину с напитками, сладостями и сэндвичами в полиэтиленовых упаковках. Китти не отходила от нее ни на шаг.

Как выяснилось, туалета для клиентов на заправке действительно не было. Женщина за кассой в виде исключения разрешила воспользоваться кабинкой для персонала и вручила Амели ключ:

– Только тихо. Иначе захотят все.

Рядом с торговым залом был проход, заставленный поддонами с газировкой и красными баллончиками с пропаном. Амели побежала к двери «Только для персонала» и скрылась за ней. Китти прислонилась к стене, отыскав свободное место в паре метров от двери, и стала ждать. В отличие от Джека, она понимала, почему для Амели было важно воспользоваться этим не слишком чистым туалетом, вместо того чтобы дотерпеть пару минут до дома. Это вопрос свободы передвижения. Амели слишком долго была ее лишена. Нельзя запрещать девочке делать первые шаги к нормальной жизни, пусть даже ценой стресса для охранников.

«Джек неплохой полицейский, – подумала Китти. – Но ему не хватает сочувствия».

Она ждала. В торговом зале у кассы толпились люди; здесь же, в проходе, было прохладно. Китти опять размечталась о горячей ванне и о том, что приготовит на ужин. Хорошо бы что-нибудь вкусное и калорийное. Запеченные макароны с сыром будут в самый раз.

Китти ждала; ничего не происходило. Джек, наверное, уже добрался до бензоколонки, но отсюда она не могла его видеть.

Сколько времени еще потребуется Амели?

Китти не без труда пробралась к двери и осторожно постучала.

– Амели? Всё в порядке?

Ответа не последовало. Китти постучалась еще, на этот раз сильнее:

– Амели, с тобой всё в порядке?

Молчание. Китти рванула ручку, но та не поддалась.

– Амели!

Китти побежала в торговый зал и бросилась к женщине за кассой:

– У вас есть еще один ключ от туалета?

Та повернула к ней угрюмое лицо:

– Я же просила…

Все вокруг уставились на Китти.

– Черт, – выругалась она.

Снова побежала к туалету и попыталась открыть. Потерпев неудачу, выбежала из магазина и помахала рукой Джеку:

– Сюда! Быстро!

Секунду спустя он стоял рядом с ней.

– Амели в туалете. Не отвечает. Дверь не открывается.

Джек также попробовал дверную ручку. К этому времени все заметили, что что-то не так, и столпились возле узкого прохода. Кассир энергично проталкивалась сквозь толпу:

– Что здесь происходит? Что вы делаете с дверью? Слушайте внимательно, если хоть что-нибудь сломаете…

Джек сунул ей под нос удостоверение:

– Полиция. Можете открыть эту дверь?

– Нет. Я уже объяснила вашей коллеге. Ключ только один, я отдала его девушке. В виде исключения, потому что вообще-то…

– В туалете есть окно? – оборвал ее Джек.

– Да, выходит на задний двор. Но с какой стати?

Джек уже бежал к входной двери.

– Никого не выпускайте. Прошу проследить, чтобы ни одна живая душа не покидала магазин.

Послышалось недовольное ворчание, но для большинства распоряжение было излишним. Всем было интересно, чем кончится спектакль.

Джек появился снова, с телефоном в руке. Китти услышала, как он вызывал подкрепление.

– Окно настежь, комната, насколько я мог видеть, пуста, – тихо объяснял он. – Там задний двор, обнесенный забором… Да, можно перелезть. Сзади проход между домами в следующий переулок.

Но зачем ей понадобилось вылезать в окно и убегать?

Другой вопрос, мог ли кто-нибудь похитить ее таким образом?

Джек выглядел растерянным и встревоженным. Ситуация не поддавалась логике. Кто мог знать, что Амели воспользуется этим туалетом? Кто мог уговорить ее вылезти в окно? Или же влезть и вытащить ее насильно, незаметно для Китти, стоявшей в двух метрах от двери? Приставили нож к горлу? В этом случае Амели, вероятно, не стала бы ни кричать, ни сопротивляться. Что же произошло? Как это

могло произойти? Одни и те же вопросы снова и снова прокручивались в голове.

Неужели за ними кто-то следил? Кто-то видел, как Амели заходила в туалет, и побежал к окну?

«Я слишком долго ждала, – подумала Китти. – Представляла, как буду нежиться в ванной и готовить ужин… Прошло слишком много времени, прежде чем я поняла, что Амели пропала вечность назад. Я размечталась в самые неподходящие для этого минуты».

Джек снова вышел из магазина. Прибыли двое коллег в форме. Один принялся за сбор личных данных у присутствующих в зале. Другой, под гневные крики кассирши, изо всей силы пинал дверь туалета.

Маленькая комнатка, как уже рапортовал Джек, оказалась пуста. Китти быстро оглядела ее, избегая к чему-либо прикасаться. Никаких признаков борьбы. Ничего вообще – ни сумочки, ни телефона, ни наушников. Окно небольшое, но взрослый человек мог свободно через него пролезть. Не говоря о миниатюрной Амели, которой для этого пришлось бы, по-видимому, встать на унитаз. Поскольку девушка не может просто раствориться в воздухе, остается предположить, что Амели покинула помещение через окно, принудительно или добровольно. А Китти в это время стояла на страже в двух метрах от двери и грезила запеканкой из макарон, с брокколи и сыром…

Китти тихо застонала. Инспектор Хейл разорвет ее на части. О повышении, во всяком случае, можно забыть надолго. Но она переживала и за Амели. Что с ней случилось?

Оставив место предполагаемого преступления на попечение двух коллег, Китти выбежала на улицу и свернула за угол на Колдихилл-лейн. Миновала чайную, два офисных здания и оказалась в переулке, где встретила Джека.

– Прямо через дорогу супермаркет «Прудфут», – сказал он, – и на парковке ни единого свободного метра. Если ее кто-то схватил, мог затесаться в толпе и добраться до своей машины.

– Трудно незаметно принудить подростка перейти улицу, – заметила Китти.

– Можно приставить пистолет к ребрам так, что этого никто не увидит, – возразил Джек. – И подросток станет послушен, как овечка.

В свете уличных фонарей его лицо выглядело совсем бледным. Китти знала, что Джек волнуется за Амели, но и собственная судьба его тоже беспокоит. Не надо было ехать на эту заправку… Один вид толпы должен был их отпугнуть.

Тем более было ошибкой отпускать Амели в туалет. Китти следовало бы заранее проверить, есть ли там окно, и настоять на том, чтобы Амели не запирала дверь изнутри. Тогда о ее исчезновении Китти узнала бы раньше.

– Допустим, она убежала, – рассуждал Джек. – Но куда, во имя всего святого? Зачем ей было это делать?

– А вдруг она дома? Нужно проверить.

Оба замолчали. Проверить значило признать перед родителями Амели тот факт, что она снова исчезла.

– Какая-нибудь пара минут, и я отвез бы ее домой, – пробормотал Джек.

Сожалеть не имело смысла.

И все-таки, судя по всему, здесь действовал похититель. Как бы то ни было, получалось, что Амели находится в руках человека, для которого представляет серьезную угрозу.

2

Калеб Хейл снова и снова спрашивал себя, могло ли что-нибудь быть хуже того, что произошло, и в который раз приходил к выводу, что нет. Мало того, что он и его люди месяцами топтались на месте, ни на йоту не приблизившись к Убийце с пустошей, – теперь еще и Амели исчезла, будучи под охраной коллег, которым он ее поручил.

Место происшествия – туалет на заправке – не давало ровным счетом никаких подсказок. Вылезла ли Амели из окна по доброй воле или кто-то заставил ее это сделать? Последний вариант предполагает, что этот «кто-то» должен был знать, что девушка окажется в этом месте именно в это время. Бледный как мел констебль О’Донелл клялся, что никто не мог их преследовать. Что они ехали по пустым дорогам, через безлюдные места, и он регулярно смотрел в зеркало заднего вида. Ничто, будь то автомобиль или человек, не могло бы ускользнуть от его взгляда. Китти Вентворт подтверждала это.

– Такого просто не могло быть, – сказала она.

Калеб устроил им разнос уже в магазине на заправке.

– Какого черта вы потащили ее в эту толпу? – кричал он. – Неужели чертов бензин не мог подождать? Вы должны были вернуть ее домой и передать следующей смене.

– Мы не видели никакой опасности, – оправдывалась Китти, в то время как Джек стоял, стиснув зубы. Было видно, как ему хотелось закричать в ответ, но он сдерживался, из опасения окончательно разрушить карьеру. – Я уверена на все сто, что за нами не следили. А того, что преступник окажется на той же заправке… этого никак нельзя было ожидать.

– Именно этого вы и должны были ожидать, черт вас подери! В этом и состоит проблема, с которой мы имеем дело вот уже несколько недель. Скорее всего, этот парень живет жизнью обычного среднестатистического человека, здесь, в Скарборо. А значит, может встретить Амели где и когда угодно – на парковке, на улице, в пешеходной зоне, в гавани или в кабинете дантиста… Разумеется, случайно, как же еще! В этом и состоит кошмар, его и наш. Жизнь состоит из безумных, ужасных, невероятных совпадений. И тот факт, что там было много людей и машин, что ситуация выглядела неуправляемой, должен был стать для вас сигналом. Ее ни в коем случае нельзя было выпускать из машины!

– Амели срочно нужно было в туалет.

– Отвезли бы ее домой. Это всего в нескольких кварталах отсюда.

Больше он ничего не сказал, к счастью. Калеб был настолько зол, что любые дальнейшие препирательства только накалили бы обстановку.

Далее произошло следующее. Сержант Стюард поехал к родителям Амели, а Калеб Хейл с двумя коллегами – к Алексу Барнсу. Кое-что свидетельствовало против виновности Барнса, прежде всего тот факт, что Амели не опознала в нем похитителя. И все-таки у Хейла были недобрые предчувствия в отношении этого парня.

Барнс не открыл, когда позвонили в его дверь, но соседка по этажу впустила полицейских в свою квартиру.

– Его нет дома, – объяснила она. – Я видела, как он уезжал на машине несколько часов назад.

– Уезжал? – переспросил Калеб. – Насколько мне известно, у мистера Барнса нет машины.

Женщина пожала плечами:

– С пятницы прошлой недели она у него есть. Стояла на Николас-клифф, как раз напротив. Можно сказать, у меня под носом. Я видела его в машине.

– Может, он арендовал ее?

– Понятия не имею, но машина довольно потрепанная, «Рено». Если купил, то подержанную. Хорошо подержанную. И все равно непонятно, откуда у него деньги…

Калеб размышлял о том же. И еще одна мысль пришла ему в голову. Если у Барнса была машина, какая бы то ни было, он вполне мог оказаться на той заправке. Калебу приходилось иметь дело и с более невероятными совпадениями.

– Он был один, когда вы его видели?

– Да. Он всегда один. Пока живет здесь, во всяком случае. Не так уж долго.

Они попрощались. Судя по всему, Барнса действительно не было дома. Что могло означать что угодно или же совсем ничего. Калеб поручил двум коллегам проверить, арендовал ли Барнс автомобиль в Скарборо или где-нибудь неподалеку и не зарегистрирован ли он в качестве владельца транспортного средства. В том и другом случае это давало номер и марку машины.

Затем Калеб отправился к Деборе и Джейсону Голдсби.

Смутная надежда на то, что Амели вылезла из окна и отправилась домой, не оправдалась. Амели вообще не появлялась дома. Коллеги в форме прошлись по всем возможным маршрутам и не обнаружили ни малейшего следа ее пребывания. Дебора и Джейсон словно окаменели в гостиной собственного дома и как будто не могли поверить, что их дочь исчезла во второй раз. Кошмар сбылся. Полиция не смогла защитить Амели. Она исчезла.

– Это он, ведь так? – Этот обращенный к инспектору Хейлу вопрос Джейсон произнес скорее утвердительным тоном. – Парень, у которого она была раньше. Амели представляет для него угрозу, вот он и решил ее обезвредить…

Калеб Хейл поднял обе руки в успокаивающем жесте:

– Мы ничего не можем утверждать. Многое говорит против этого. Мои люди клянутся, что в течение всего дня за ними никто не следил. Преступник не мог знать, что Амели в тот момент находилась на заправке. Решение констебля О'Донелла остановиться там было совершенно спонтанным. Никто не мог об этом знать.

Джейсон провел ладонью по лицу – и внезапно стал выглядеть старше, чем был на самом деле.

– Он мог оказаться там случайно.

– Не думаю, что нам следует злоупотреблять принципом случайности, – возразил Калеб, хотя последние несколько часов придерживался именно этой версии.

Это было то самое невероятное совпадение, которого они так боялись. А именно, что тот, кто похитил Амели и держал взаперти, человек, чье лицо она, вероятно, будет помнить до конца своих дней, вдруг случайно ее увидел. Где и когда – вопрос второй. И решил поставить все на одну карту. Раз и навсегда устранить опасность, которая нависла над ним с вечера ее побега. То есть попросту уничтожить Амели.

– Но такое возможно, – настаивал Джейсон.

Калеб продолжал уворачиваться:

– Многое возможно. Я беседовал с сержантом Хелен Беннет, которая в последнее время сблизилась с Амели, как никто из нас. По ее словам, у девочки травмирована психика. Амели встревожена, замкнута, вечно озабочена тем, что происходит внутри нее и что она ни в коем случае не может или не желает выносить наружу. Констебль Вентворт говорила даже о депрессии. Поэтому Амели могла сама вылезти через окно и убежать. Я вполне такое допускаю.

– Но куда, во имя всего святого? – впервые за время разговора подала голос Дебора. – Куда она могла убежать?

Это прозвучало грубовато, хрипло.

– Не знаю, – ответил Калеб. – Просто бежать, прочь из этой ситуации. На протяжении нескольких недель ее жизнь была далека от нормальной, и Амели, конечно, пыталась бороться за себя. Она чувствовала наше нетерпение, лихорадочное ожидание, когда же она снова заговорит. Возможно, в какой-то момент давление стало невыносимым.

– Ей некуда идти, – сказал Джейсон. – Ничего такого не приходит в голову.

– У нас есть списки имен и адресов с прошлого похищения. Мы уже обзваниваем всех. Может, еще что-нибудь или кого-нибудь вспомните. Имена, места…

Джейсон покачал головой:

– Там все, что мы знаем.

– Тем не менее, если еще что-то вспомните…

Они замолчали. Потом Дебора закрыла лицо обеими руками:

– Я больше не вынесу этого… – Она раскачивалась верхней частью тела, а ногами как будто вросла в землю. – Я больше этого не вынесу…

Джейсон обнял жену за плечи. Дебора сдавленно всхлипнула.

Калеб закусил губу. Он редко видел людей в таком отчаянии, но надо было идти дальше. Задавать вопросы. С момента исчезновения Амели прошло два с половиной часа. Время работало против них.

– Мы хотели навестить Барнса, но его не оказалось дома, – сказал Калеб.

Джейсон удивленно посмотрел на него:

– Вы всё еще подозреваете Барнса?

– Я считаю его человеком, который как-то в этом замешан, – ответил инспектор. – С мистером Чаплендом мы тоже обязательно побеседуем. Мы не можем обойти стороной никого, кто хоть как-то к этому причастен.

– Понятно, – кивнул Джейсон. – Знаете, я испытываю глубокую неприязнь к Барнсу, но… разве он похож на похитителя?

– Вы можете ошибаться в своих оценках, – возразил Калеб и подумал о том, сколько раз ошибался сам. – Как я уже сказал, – продолжал он, – мы не застали Алекса Барнса, но его соседка сказала, что с некоторых пор у него появилась машина. Взял ли Барнс ее в аренду или купил, сейчас проверяется. Но и в том, и в другом случае на машину нужны деньги, которых у Барнса, насколько мне известно, не было.

Джейсон помедлил пару секунд, прежде чем решил, что время для игры в прятки не вполне подходящее.

– На прошлой неделе он получил от нас тридцать тысяч фунтов, – сказал он. – И планировал потратить часть этой суммы на покупку

подержанной машины.

– Тридцать тысяч? – Калеб выглядел совершенно сбитым с толку. – Это же громадная сумма!

– Да, – согласился Джейсон.

– Почему вы дали Алексу Барнсу такие деньги?

Дебора отняла руки от лица и посмотрела на инспектора широко раскрытыми глазами:

– Это была его цена.

– Цена? За что?

Джейсон глубоко вздохнул, после чего объяснил, что произошло в вечер отключения электричества.

Калебу пришлось взять себя в руки. Он знал, что в тот вечер Барнс приходил к Голдсби, но до сих пор Джейсон и Дебора ничего не говорили о возмутительном вымогательстве. Поэтому Калеб решил, что Барнс явился за очередной мелкой подачкой, какими родители Амели до сих пор вознаграждали его за «неоценимую услугу».

– Можно сказать, мы заключили сделку, – пояснил Джейсон. – Барнс обещал больше никогда не появляться в нашем доме и не искать с нами встречи… Мы провели бессонную ночь, инспектор, уж поверьте. Наше финансовое состояние не такое радужное, и тем не менее…

– Мы хотели раз и навсегда избавиться от него, – подхватила Дебора. – Барнс был и остается спасителем нашего ребенка. Мы чувствовали, что должны дать ему что-то, чтобы не выглядеть неблагодарными в его и наших собственных глазах.

– Этому нужно было положить конец, – повторил Джейсон. – Барнс повис у нас на шее… Мы арендовали для него квартиру, отвозили его на своей машине на собеседование. Дебора купила ему новую одежду. Мы думали, что крупная сумма могла бы стать выражением нашей признательности… Хотя жизнь Амели не может быть оценена в деньгах, вы, конечно, понимаете, о чем я… Чтобы вся эта история окончательно ушла в прошлое… Мы надеялись на это.

– Понимаю, – ответил Калеб. – И все-таки я должен был знать об этом раньше. У вас не должно быть секретов от меня в том, что касается Амели и всего связанного с ней.

– Мы думали, вы попытаетесь отговорить нас, – объяснил Джейсон. – Мы не хотели этого. Дать денег казалось нам единственно

возможным выходом.

– Понимаю, – повторил Калеб.

В его голове закрутились мысли. Меньше чем неделю назад Барнс предложил супругам Голдсби откупиться от него тридцатью тысячами фунтов. Те согласились и дали ему эти деньги. Часть суммы Барнс потратил на приобретение машины. Вскоре после этого Амели исчезла из магазина при бензозаправке.

– Это связано, – пробормотал он. – Это не может быть не связано.

Неестественно широко раскрытые глаза Деборы стали еще больше, хотя такое казалось невозможным.

– То есть, если б мы не дали ему денег… я имею в виду, это что-нибудь изменило бы? – Джейсон по-своему понял ход мыслей Калеба.

Амели похитили с заправки, а незадолго до этого у Алекса Барнса появилась машина.

– О боже… – прошептала Дебора.

Калеб успокаивающе поднял руки. Как ни злился он на Голдсби за то, что те без его ведома откупились от Барнса, нападать на и без того отчаявшихся супругов было жестоко.

– На данный момент мы не знаем, была ли она вообще похищена, – сказал он, – и приложил ли к этому руку Алекс Барнс. В конце концов, он мог воспользоваться машиной и для других целей.

– Но вы его подозреваете, – заметил Джейсон.

– Я ничего не могу исключать, – ответил Калеб.

Это была правда. «Ничего не могу исключать», – больше на данный момент инспектору сказать было нечего. Хотя он не меньше Джейсона желал бы видеть Алекса Барнса за решеткой.

Барнс оказался в нужный момент в нужном месте. И у него машина. Кроме того, он имел возможность наблюдать за домом Голдсби и видеть, как двое полицейских уезжали с Амели. Но мог ли Барнс следовать за полицейской машиной так, чтобы ни умудренный опытом Джек О´Доннел, ни умная Китти Вентворт ничего не заметили? Такое трудно представить, хотя и нельзя исключать полностью.

– И что теперь? – спросила Дебора.

– Ищем, прочесываем местность. Пожалуйста, оставайтесь дома, на случай, если здесь появится Амели. Мы узнаем номер машины

Барнса и объявим ее в розыск. Мы собрали персональные данные всех, кто был тогда на заправке, и сейчас их проверяем.

«Насколько позволяет закон», – мысленно добавил Калеб. Потому что закон предоставлял в этом плане не так много свободы действий, но обсуждать эту тему с родителями Амели не имело смысла.

– Прямо сейчас я намерен встретиться с Дэвидом Чаплендом, – добавил он.

– С Чаплендом? – удивился Джейсон.

– В тот вечер он тоже оказался на набережной, – пояснил Калеб и мысленно добавил: «И объяснение тому до сих пор кажется мне малоправдоподобным».

Но и эта тема не предназначалась для ушей Голдсби.

3

Дэвид Чапленд готовил ужин, когда Калеб Хейл позвонил в дверь его дома на Си-Клифф-роуд.

Чапленд жил неподалеку от инспектора, и старший инспектор еще раз проехал весь путь по улице до парковки над морем. Конечно, ничто не мешало Чапленду на обратном пути из гавани выбрать путь вдоль воды, а затем подняться по гравийной тропе, что неизбежно привело бы его к тому месту, где Барнс держал за руки Амели, но дорога поверху была бы куда удобнее и не в пример лучше освещена.

– Он, видите ли, любит море, – проворчал Калеб, – особенно в штормовую погоду.

Из опыта инспектор знал, что нет такого безумия, которое не могло бы стать для некоторых людей нормой. Тем не менее поведение Чапленда настораживало.

Дэвид был одет в футболку и джинсы и хлопотал на кухне босиком. Запах еды наполнял квартиру. Последний раз Калеб ел утром и чувствовал страшный голод. Но расслабляться не время. Нужно искать девушку.

Он сунул под нос Чапленду удостоверение:

– Старший детектив-инспектор Калеб Хейл. Мы с вами уже встречались.

Чапленд кивнул:

– Да, я помню. Из-за девушки, которую я помог вытащить из воды.

– Могу я войти на минутку? – спросил Калеб.

– Разумеется, – Чапленд сделал шаг в сторону. – Вы не против, если мы побеседуем на кухне? У меня кое-что готовится на плите.

– Нет проблем.

Калеб последовал за Чаплендом вверх по лестнице на ярко освещенную теплую кухню. На большом деревянном столе горели свечи, воск капал прямо на столешницу. Рядом стояли ваза с мандаринами, несколько немытых кофейных чашек и разрезанный торт. На плите в кастрюле бурлило что-то вкусное. В окне горела звезда. Стало ясно, что здесь протекает бóльшая часть домашней жизни Чапленда. Здесь он сидит, читает газету, смотрит футбольные матчи по маленькому телевизору на буфете, готовит, принимает гостей… Каким-то образом обстановка кухни располагала к ее хозяину. Калеб отметил про себя все это. Как и то, что полицейскому с таким опытом, как у него, не к лицу вестись на такие вещи.

На стойке рядом с плитой стояла открытая бутылка белого вина. Калеб почувствовал аромат еще в дверях, а теперь обнаружил и его источник. Он взял себя в руки.

Не думай об этом. Сосредоточься на чем-нибудь другом.

Эта установка совершенно не соответствовала рекомендациям терапевта из реабилитационного центра. Совсем наоборот. «К сожалению, мы слишком интенсивно думаем именно о тех вещах, о которых запрещаем себе думать, – говорил терапевт. – Мы фокусируемся на них посредством наших усилий по их блокировке. Если вас беспокоит ваша реакция на алкоголь, просто примите это. Демон теряет силу, когда не чувствует сопротивления. Такая победа не доставляет ему удовольствия, можно сказать и так».

Калеб понял мысль доктора, но не сумел применить ее на практике. Терапевт много знал о людях с разными зависимостями, но ни в коей мере не был одним из них. Он лишь изучил в теории, какой может быть реакция на алкоголь, тогда как Калеб имел в этом плане большой практический опыт.

Сначала, как ни странно, чувствовалось тепло в ногах, потом покалывание в коже. При этом в голове возникало ощущение легкости, пока все вокруг не начинало кружиться. Словно голова становилась

невесомой, а звуки и краски исчезали. Потом дрожь в руках. Пленка пота, покрывавшая лицо. Последнее беспокоило больше всего, потому что остального никто не замечал, кроме Калеба. Руки можно спрятать, а вот пот… И те из его окружения, кто знал о проблеме, сразу всё понимали.

Калеб не мог принять свою реакцию на алкоголь. Оставалось мысленно подготовиться к ней, не имея ни малейшего понятия, как это можно предотвратить.

Чапленд достал из буфета бокалы и потянулся за бутылкой:

– Глоток вина?

Калеб сделал защитное движение, слишком резкое и нервное:

– Нет, благодарю. Я все еще при исполнении.

– Жаль. Замечательное вино, юг Франции…

– Тем не менее.

Пот, горячий и липкий, залил лицо. Рот в считаные секунды пересох, превратившись в колючую полость, заполненную разбухшим языком. Калеб изо всех сил пытался сглотнуть, преодолевая желание утереть лицо платком. Он боялся, что это привлечет еще большее внимание к его состоянию. Руки тряслись, и довольно сильно. Это тоже стало бы заметно со стороны. В конце концов его собеседник правильно понял ситуацию, налил себе бокал и встал у плиты, помешивая томатный соус.

– Садитесь, инспектор. О чем пойдет речь?

Калеб застыл на месте. Сесть означало приблизиться к откупоренной бутылке, что могло бы усугубить симптомы.

– Об Амели Голдсби, – ответил он. – Она снова пропала.

Калеб внимательно следил за лицом Чапленда. Первым, что он увидел, было изумление. Чапленд выглядел озадаченным, но не как человек, уличенный в преступлении.

– Пропала? Опять?

– Мы подозреваем, что ее похитили. Преступник, для которого она представляет угрозу, потому что может его опознать и разоблачить.

– Понимаю… – Кивнув, Чапленд сделал хороший глоток из бокала. – Ужасно. Когда это произошло? Неужели ее не охраняли?

– Охраняли, но… Неудачное стечение обстоятельств. До сих пор непонятно, кто мог знать о том, что она там. Но мы должны исходить из того, что кто-то об этом знал.

– Боже мой… – Чапленд провел рукой по волосам. – Бедная девочка, бедные родители…

– Мистер Чапленд, вынужден вас спросить, где вы были сегодня между половиной пятого и половиной шестого?

На лице Дэвида отразилось изумление, быстро сменившееся осознанием того, что он все еще в списке подозреваемых, даже если до сих пор в центре внимания полиции был другой.

– Я был здесь, – ответил он. – Дома.

– Уже в половине пятого? У вас офис в гавани. Во сколько вы ушли оттуда?

– В половине четвертого. Это рано, но зимой у меня не так много дел. Кроме того, бóльшая часть вопросов решается через интернет, из дома.

– И вы сразу отправились домой?

– Зашел в магазин. Нужно было купить продуктов к ужину, – Чапленд кивнул на плиту. – А потом – да, домой.

– Может кто-нибудь это подтвердить?

Несколько секунд Чапленд как будто в чем-то сомневался.

– Я ходил по магазинам один. И домой вернулся один.

– А потом? Может кто-нибудь подтвердить, что вы были дома с пяти тридцати вечера?

– Я могу, – раздался за спиной Калеба знакомый голос. – Я могу, потому что тоже была здесь.

Инспектор обернулся и ахнул от неожиданности. Кейт Линвилл, собственной персоной…

Больше всего инспектора удивил ее вид. С мокрыми волосами, босиком, в не по размеру просторном халате, Кейт как будто только вышла из ванной.

«Какого черта она принимает ванну в квартире Чапленда и носит его халат?» – спросил себя Калеб.

– Кейт? – вырвалось у него.

Как будто это могла быть другая женщина, как две капли воды похожая на Кейт.

– Да, – тихо ответила она.

Калеб несколько раз перевел взгляд с нее на Чапленда и обратно.

– Что вы здесь делаете?

– О, вы знакомы… – послышался удивленный голос Чапленда.

– Старший инспектор расследовал убийство моего отца, – пояснила Кейт.

– Представь себе, – обратился к ней Чапленд, – эту девушку, Амели Голдсби, снова похитили.

– Что?! – Кейт в ужасе уставилась на Калеба. – Разве у нее не было личной охраны?

– Мы не можем со стопроцентной уверенностью утверждать, что ее похитили, – поправил Хейл. – Но она определенно пропала. С заправки, где воспользовалась туалетом. Под конец прогулки в сопровождении полицейских.

– Это невероятно! – воскликнула Кейт.

– Именно, – согласился Калеб.

Его мозг работал достаточно слаженно, чтобы вникнуть в ситуацию. По-видимому, Кейт и Чапленд состоят в близких отношениях. Кейт и мужчина – само по себе абсурд. У нее никогда не было и не могло быть мужчины. Калеб просто не мог себе представить, что в этом плане что-то может измениться.

Но еще более странным было, что она, по всей видимости, легла в постель с мужчиной, который был подозреваемым в деле о похищении и, возможно, убийстве человека, которое он, Калеб Хейл, расследовал. Это выглядело слишком уж необычно. «Слишком необычно» – именно так мог бы Калеб Хейл описать ситуацию на кухне.

– Вы имеете в виду, кто-то устроил на нее засаду в туалете на заправке? – спросила Кейт.

Разумеется, как следователь она могла сопоставить факты.

– Это не был общественный туалет, – пояснил Калеб. – Только для сотрудников заправки. Амели дали ключ в виде исключения. Констебль Вентворт караулила снаружи у двери. Но там оказалось окно. Не слишком высокое и достаточно большое, чтобы мог пролезть взрослый человек. И оно было открытым.

– Констебль Вентворт не проверила наличие окна раньше?

– Нет.

– И куда оно выходит?

– На задний двор, где стоят ожидающие ремонта машины. Тогда людей там не было. Заправочная станция окружена жилыми домами. Коллеги опрашивают людей, но на данный момент никто не заметил ничего подозрительного. Хотя было уже довольно темно.

– Разве во дворе нет освещения? – удивилась Кейт. – И как можно незаметно похитить сопротивляющуюся девушку?

– Если только она сопротивлялась. Преступник мог незаметно угрожать ей оружием, в таких случаях люди становятся послушными.

– Как можно выйти с того двора? – спросила Кейт.

Дэвид взглянул на нее и улыбнулся:

– Сразу видно, что журналистка работает с криминальной темой, не так ли?

Калеб удивленно оглянулся на Кейт, и в следующий момент его лицо снова стало непроницаемым. Понемногу ситуация прояснялась. Кейт занималась делом, не входящим в ее компетенцию, и повела себя достаточно осторожно, чтобы не представиться полицейским. Завязала роман с одним из фигурантов и теперь морочила ему голову, выдавая себя за журналистку.

«Браво, Кейт! Чапленд будет счастлив, когда наконец узнает правду».

С другой стороны, личная жизнь Кейт не касалась инспектора. Разве то, что она вмешалась в его расследование, но обсуждать это время явно неподходящее. Как-нибудь в другой раз.

Калеб вспомнил, что не ответил на ее вопрос.

– Двор огорожен забором. Преодолеть его сложно, но возможно. Скрыться со стороны заправки практически исключено. Там был констебль О’Доннел со своей машиной. Он, конечно, все увидел бы.

Как бы ни ругал Калеб своих сотрудников за промашки, на самом деле он считал их компетентными и способными полицейскими.

– Есть проход в переулок, – продолжал старший инспектор. – Преступник мог оставить машину там. Или на парковке большого супермаркета через дорогу. Там было много людей, никто ничего не заметил бы.

– Понимаю, – кивнула Кейт.

Калеб почти воочию видел, как в ее голове крутятся мысли.

– Хочется надеяться, что вы найдете эту девушку, – сказал Чапленд. – Даже не пытаюсь представить себе ее нынешнее состояние. Но, к сожалению, помочь ничем не могу. Я был дома, с Кейт.

– Подтверждаю, – повторила Кейт. Вода с ее мокрых волос просачивалась сквозь воротник халата.

«Она стала какой-то другой, – отметил про себя Калеб. – Мягче, что ли…»

В одном он был уверен: сержант Кейт Линвилл не стала бы лгать ради мужчины, даже если б была по уши в него влюблена. Только не в таком деле. Если она говорит, что была здесь, значит, так оно и есть. Она сотрудник Скотланд-Ярда. Дэвид Чапленд не мог мечтать о лучшем алиби.

Телефон Калеба засигналил. На дисплее высветилась фамилия сержанта Стюарда. Его голос звучал взволнованно:

– Сэр, мы знаем, что Алекс Барнс купил машину. Он зарегистрировал ее в пятницу на прошлой неделе. У нас есть номер и марка. Это «Рено». Кстати, Барнс до сих пор не появлялся у себя в квартире.

– В розыск, – коротко отозвался Калеб.

Кейт бросила на него быстрый взгляд, но промолчала. Она знала, о ком речь, и Калеб увидел, что Кейт сомневается. Неважно. Это не ее расследование. У Калеба Хейла все полномочия, и он выведет на чистую воду этого Алекса Барнса.

Нужно всего-то до него добраться.

Вторник, 14 ноября

Ей было холодно, так ужасно холодно… И мучил голод.

Мэнди попыталась закутаться в одеяло, поплотней обернуть его вокруг шеи, но не могла этого сделать, не имея возможности воспользоваться прикованной к стене правой рукой. Так и сидела, как гусеница в коконе. Плечо выглядывало наружу, и в этом месте под одеяло проникал холод. Кроме того, прикованная рука совершенно обескровилась и онемела. Другая, обожженная, словно горела. Пульсация под кожей означала, что рана инфицирована. Бинты закончились, но в тюбике оставалось немного охлаждающего геля. Следовало бы нанести его на ожог, а потом обернуть руку использованными бинтами. Заражение крови – последнее, что ей сейчас нужно.

Мэнди плакала всю ночь, и слез больше не осталось. Сил тоже, даже на то, чтобы откинуть в сторону одеяло, сесть и позаботиться о больной руке.

«Ты должна это сделать», – говорил внутренний голос.

Застонав, Мэнди села. На зарешеченном окне на противоположенной стене не было ставень, поэтому Мэнди могла без труда определить время суток. Сейчас сумерки раннего утра рассеивались, сменяясь бледным светом тоскливого пасмурного дня. Очертания предметов в комнате становились все более четкими, но Мэнди изучила эту обстановку от и до. Выложенный плиткой каменный пол. Старые ковры. Зарешеченное окно с облупившейся белой краской. Завернув за угол, можно попасть в коридор, в самом конце которого входная дверь. В противоположной стене выход на другую половину дома. Два кресла под окном, повернутые друг к другу. У стены книжный шкаф в половину человеческого роста, и в нем потрепанные книги.

Мэнди не могла дотянуться до них, хотя и очень сомневалась, что в ее положении ей захочется читать. Тем более любовные романы – совершенно не ее жанр. Чушь о красивых женщинах и героических мужчинах. До смешного далекая от реальной жизни, не говоря о том,

что ее сейчас окружало, Мэнди всегда пыталась установить связь книжной жизни с настоящей, хотя, в общем и целом, читала мало.

Больше ничего. За исключением ведра для мытья, воду из которого она давно выпила. И другого, грязного ведра. Пластиковой бутылки, в которой когда-то был лимонад. Пустой упаковки из-под сэндвича и тюбика с гелем.

По крайней мере, можно не бояться, что что-то загорится или взорвется. Если у нее был бы выбор, Мэнди предпочла бы умереть от холода или заражения крови, чем сгореть заживо. Этого она боялась больше всего.

По большому счету, ей вовсе не хотелось умирать, и уж точно не медленно и мучительно.

Одеяло соскользнуло с плеча, и Мэнди на секунду остановилась, пытаясь свыкнуться с тем, что стало еще холоднее. На самом деле это не имело большого значения, она и так продрогла до костей. Так или иначе, этого дурацкого одеяла было недостаточно.

Мэнди отодвинулась от стены, насколько позволяла цепь, и потянулась за тюбиком с гелем. Медленно размотала повязку на раненой руке. Это оказалось непросто с прикованной к стене другой рукой. Почему ей не позволено свободно передвигаться по дому? Зарешеченные окна, запертая дверь – ей все равно не удастся выбраться. И никто не придет на помощь, кричи не кричи. Это Мэнди поняла уже в тот вечер, когда сюда приехала, несмотря на темноту. Дом стоит на отшибе, ни души на многие мили вокруг. На голом плато, с восточной стороны море, наверняка крутые скалы. Не исключено, что когда-то здесь проходила туристическая тропа, какие опоясывают почти все английское побережье.

Но в это время года сюда точно никто не доберется. Странно, что здесь вообще построили дом. Может, для туристов, чтобы им было где отдохнуть, что-нибудь съесть и выпить… В конечном итоге «проект» оказался нерентабельным. Что, прежде всего, говорит об интенсивности туристического потока. Близкой к нулю.

Рука выглядела плохо. Мэнди поняла, почему так больно снимать повязку: рана гноилась. Теперь это больше походило на следы укуса или чего-то в этом роде – гладкая блестящая припухлость под красной кожей. «Ничем хорошим это не кончится», – подумала Мэнди.

Она нанесла немного геля на руку. Конечно, здесь нужен антибиотик, а не охлаждающее средство. Вот когда вспомнишь с благодарностью отвратительного Брендана Сондерса… Как ни раздражал он ее, Мэнди жила в настоящей квартире, имела возможность мыться; Брендан по несколько раз в день обрабатывал рану мазью от ожогов, которая действительно помогала, и перевязывал… Что бы ни случилось потом – дом, приют, приемная семья, – все было бы лучше того места, где оказалась Мэнди.

«Мама, – прошептала она. – Мамочка, я хочу к тебе…»

Никогда в жизни у нее не возникало таких мыслей. Мэнди не чувствовала ничего подобного, тем более не говорила. Пэтси Аллард была матерью чисто номинально. Мэнди не могла вспомнить ни одного случая, когда бы та поддержала или защитила ее. Ждать этого от нее в дальнейшем тем более глупо. Но сейчас Мэнди больше не к кому было обратиться, пусть даже в мыслях. Неважно, какой матерью была Пэтси, – она поддерживала дочь самим фактом своего существования.

Мэнди в очередной раз перемотала повязку. С одной свободной рукой это был мучительный процесс, сопровождавшийся постоянными срывами и новыми попытками. Повязка была довольно грязной, с налипшими волосками шерсти от одеяла. Мэнди надеялась, что пользы от нее будет больше, чем вреда.

Она кое-как закрепила бинт и остановилась, обессилевшая. Силы таяли день ото дня, час от часу. Мэнди ничего не ела и не пила больше полутора суток, и последним, что она съела, был липкий сэндвич. Но большей проблемой была жажда. Как долго человек может выжить без воды? Мэнди не знала этого точно, но подозревала, что срок невелик. Еда – вторая по значимости проблема. Хотя голод мучил не меньше жажды, он не вселял такого панического страха.

В голову снова пришла мысль, зачем ее приковали. Ведь Мэнди все равно не смогла бы покинуть место заточения. Возможно, эта мысль была ошибкой, и Мэнди ограничили свободу перемещения именно потому, что имелась возможность бежать. Что, если на поверку тюрьма окажется не такой надежной?

Несколько лет тому назад Мэнди прочитала книгу Стивена Кинга, где женщина находилась в схожей ситуации. Только прикована она была не к стене, а к кровати. В собственном загородном доме, где

проводила выходные с мужем. Секс в наручниках был их обычным развлечением, но в самый напряженный момент муж умер от сердечного приступа и упал рядом с кроватью, оставив супругу в безнадежном положении, к тому же наполовину голую.

«Бывают ситуации и пострашней моей», – подумала Мэнди.

Так или иначе, той женщине удалось дотянуться до стоявшего над ее головой стакана с водой и разбить его. После чего она, можно сказать, освежевала себя заживо, содрав кожу с запястья осколком стекла. И выскользнула по крайней мере из одного браслета, не в последнюю очередь благодаря скользкой крови. Мэнди не помнила, чем кончилась эта история, но в ее ситуации одной руки было достаточно.

Стекла в зоне досягаемости не было, но из пластика наверняка получатся не менее острые осколки. Тяжелый способ, болезненный и отвратительный. Стоит на миллиметр сдвинуться не в ту сторону – перережешь вену. И дом все-таки заперт, а бежать придется быстро, потому что иначе Мэнди истечет кровью. То, что ей нечего терять, пожалуй, единственное преимущество. Сюда никто не придет. Никто не принесет ни еды, ни питья. Мэнди либо умрет, прикованная к этой проклятой стене, либо каким-то образом вырвется на свободу. Третьего не дано.

Она посмотрела на руку в стальном «браслете». У нее тонкие суставы и запястья, но до сих пор попытки вывернуться из металлического кольца заканчивались неудачей. С другой стороны, Мэнди каждый раз казалось, что для этого не хватает не так уж много, какой-нибудь пары миллиметров…

Она вцепилась зубами в пластиковую бутылку.

Сделай это сейчас, пока у тебя есть силы.

Среда, 15 ноября

1

Кейт готовила кофе на кухне Дэвида, закутавшись в его свитер, чтобы не замерзнуть.

Раннее утро, снаружи еще темно. Дверь из кухни выходит в сад, за которым – задняя стена расположенного выше по улице соседнего дома. Кейт уже видела свет в двух или трех окнах. Кажется, остальные пока спят.

Месси вошла на кухню, потерлась о голые ноги хозяйки и тихо мяукнула. Кейт взяла ее с собой, потому что проводила у Дэвида почти каждый вечер и не хотела оставлять кошку одну. Она положила немного корма в миску Месси и стала наблюдать, как та ест.

«Как это здорово! – подумала Кейт, хотя слово “нереально” подошло бы больше. – Я была совсем одна. А теперь в моей жизни появились мужчина и кошка…»

Она зарылась носом в мягкую шерсть свитера. Он пах Дэвидом, его гелем для душа, дезодорантом, лосьоном после бритья. Его кожей. Кейт подумала, что никогда в жизни не снимет этот свитер. Иначе как чудом это назвать нельзя. Она варит кофе на кухне после ночи с любимым мужчиной. И всех предыдущих ночей.

Она, Кейт Линвилл, которой до сих пор ни разу не удавалось расположить к себе ни одного мужчину. Теперь она стоит здесь босиком, и жизнь ощущается совершенно иначе, чем неделю назад, когда она была другой. Внешний мир остался прежним, а ее внутренний перевернулся с ног на голову.

Месси мяукнула, и Кейт добавила в миску корма. Она была так счастлива, так хотела всех осчастливить… Прежде всего кошку, которая требовала на завтрак двойную порцию.

«Ты был прав, папочка, – подумала Кейт. – Это все-таки произошло, потому что должно было произойти, рано или поздно». Чудо происходит в тот момент, когда его не ждешь. Когда отказываешься от всех ожиданий.

Конечно, Кейт боялась. Иногда все казалось уж слишком идеальным. То, как они понимали друг друга с полуслова. Как чувствовали и думали в унисон, были преданы друг другу. И, главное, как просто и естественно все складывалось.

Она отдалась Дэвиду, душой и телом. С безоговорочностью человека, вечно осторожного и подозрительного, опустошенного тоской по настоящей жизни. В редкие мгновения сомнений Кейт осознавала себя на высоте, вне досягаемости прежней жизни, куда вознесли ее чувства, и у нее кружилась голова.

Беспокоила одна мысль: Дэвид до сих пор не знал ее настоящей профессии. По какой-то непонятной причине, Кейт было трудно открыть ему правду, хотя такая возможность предоставлялась несколько раз.

Кстати, я давно хотела признаться тебе, что никакая я не журналистка. Я детектив-сержант лондонской полиции. Занимаюсь делом о пропавших девушках, по которому ты проходишь, вот и решила познакомиться поближе…

Примерно сотню раз в день Кейт убеждала себя, что не все так плохо. Она объяснила бы ему, что занимается делом вне ее компетенции, а потому не могла представиться полицейским. Компетенция – деликатная тема, Дэвид поймет. Конечно, спросит, с какой стати его держат на подозрении, но Кейт ответила бы, что «подозрение» здесь неправильное слово. Просто он – часть этой истории, которую Кейт как полицейский обязана рассмотреть во всех деталях и со всех возможных ракурсов. Беспристрастно.

Почему она до сих пор не сказала этого? Знала ведь, что с каждым днем это становится все труднее. Наступит момент, когда Дэвид просто разозлится на нее за то, что она так долго его дурачила. Гнев и непонимание, пусть в микроскопических дозах, вносят разлад. Микротрещины расширяются. Слишком часто они становились началом конца.

Ее прошиб горячий пот, когда, двумя днями ранее, Калеб Хейл появился в квартире Дэвида. Все, что ему оставалось сделать, назвать ее «сержантом» вместо «Кейт», как обычно и бывало в присутствии посторонних. И Дэвид узнал бы от случайного человека, что женщина, с которой он сблизился, не та, за кого себя выдает. Что значительно усложнило бы ситуацию.

Кстати, Дэвид в любой момент мог набрать ее в «Гугле». Кейт удивлялась даже, почему он до сих пор этого не сделал. В интернете сохранилось достаточно материалов об убийстве ее отца, и почти в каждом фигурировала она, дочь жертвы, детектив-сержант Кейт Линвилл из Скотланд-Ярда.

Даже если Дэвид Чапленд не из тех, кто первым делом вбивает новых знакомых в поисковую строку «Гугла», что дальше? В конце недели ей придется вернуться в Лондон, что кажется невозможным, поскольку Кейт не представляет себе жизни без Дэвида. Теперь предложение Калеба о переводе в криминальный отдел полиции Скарборо приобретает новый смысл. Кейт впервые всерьез задумалась о такой возможности. Но до откровенного разговора с Дэвидом все это не имеет смысла.

«Я должна признаться ему, – уговаривала себя Кейт, – и как можно скорее. До сих пор мне везло, но риск возрастает с каждым днем».

– Где ты? – послышался за спиной голос Дэвида, и Кейт вздрогнула. Он стоял в дверях, в футболке и боксерах, с растрепанными волосами и прищуренными глазами, моргавшими на свет кухонной лампы. – Кажется, кто-то вечность назад обещал кофе в постель?

Кейт улыбнулась в ответ:

– Я тут задумалась…

Дэвид внимательно посмотрел на нее:

– Выглядишь какой-то подавленной… Что-то случилось?

Кейт глубоко вздохнула. Вот он, еще один шанс. И она не намерена его пропускать. Прошло не так много времени. Есть надежда, что Дэвид все поймет.

– Мне нужно сказать тебе кое-что… – начала Кейт, и в это время зазвонил телефон, который она вчера вечером оставила на кухонном столе.

– Что такое? – спросил Дэвид.

Телефон продолжал звонить, и это сводило Кейт с ума. Решительность, которую она чувствовала еще минуту назад, покинула ее.

– Это не так важно, – быстро отозвалась Кейт, взяла телефон и ответила.

Звонил Колин, глубоко обиженный на то, что Кейт проигнорировала его сообщения в «Вотсаппе».

– В чем дело? – спросил он, не извинившись за ранний звонок. – Ты не читаешь мои сообщения? Я сделал что-то не так?

Второй раз за минуту Кейт вздохнула. Она ничем не была обязана Колину, с которым сошлась через сайт знакомств, но и ему следовало знать об изменениях в ее личной жизни. Колин явно интересовался ею, и было бы несправедливо держать его в неведении.

– Послушай, Колин, – начала она, – я должна тебе кое-что сказать…

«И ему тоже, – подумала Кейт. – Что за сумасшедшая жизнь!»

2

Ветхие дома на Куинс-пэрэйд в Норд-Бэй, жители которых платили за бесспорно захватывающий вид на море вечной сыростью в своих квартирах, выглядели в этот серый пасмурный день еще тоскливей, чем в тот вечер, когда Кейт объявилась здесь в первый раз. Случилось это неделю назад, а ей казалось, что миновал по меньшей мере год. Слишком многое за это время поменялось в жизни.

Запустение стало по-настоящему заметно в дневном свете. На многих окнах не было штор, внутри не просматривалось мебели. На фасадах осыпалась штукатурка. В маленьких двориках за низкими палисадниками не росло ни деревца, ни кустика, потому что заниматься ими, по всей видимости, было некому. Только перед домом Райана Касуэлла торчало несколько голых стеблей, на которых весной и летом можно было бы ожидать появления красивых цветов. Очень может быть, в апреле из земли проклюнется несколько нарциссов… По крайней мере, на это можно надеяться. Но и они вряд ли способны существенно поменять общую картину.

После кофе в постели Дэвид отправился в свой офис. Кейт, конечно, рассказала ему о Колине, потому что Дэвид хотел знать, кто звонил ей в такое время, хотя и тактично вышел из кухни, как только Кейт взяла трубку. Линвилл рассказала ему о Колине, не упомянув, правда, о сайте знакомств. Лишь туманно намекнула, что

познакомилась с ним в ходе расследования, решив, что Дэвиду не обязательно знать, в каком отчаянии она тогда пребывала.

«Очередная ложь! – предупредил неумолимый внутренний голос. – Ты слишком много обманываешь, это плохо».

Но никакой опасности Кейт не видела. Дэвид точно никогда не встретится с Колином, который, обидевшись, дал отбой на середине разговора. За это время Дэвид, похоже, совершенно забыл, что она собиралась ему что-то сказать, и Кейт не спешила напоминать ему. Что, конечно, ни в коей мере не решало проблемы.

В обед она собиралась навестить Дэвида в его офисе, потом перекусить где-нибудь в гавани, а вечером он пригласил ее в «Джанни» – лучший в городе итальянский ресторан. «Там я это и сделаю, – думала Кейт. – Красное вино, столик со свечами – самое место».

А пока есть время для расследования. Не сидеть же без дела… Кроме того, Кейт была уверена, что Калеб Хейл допускает ошибку, исключая из списка жертв Ханну Касуэлл. Она чувствовала, что именно там находится начало запутанного клубка. В общем, ей пришло в голову еще раз побеседовать с Райаном Касуэллом.

Входная дверь стояла незапертой, и Кейт без проблем поднялась на два лестничных пролета к дверям его квартиры. Облупившаяся краска плюс вездесущий запах сырости и плесени. Крики чаек, доносившиеся снаружи.

Кейт позвонила дважды, прежде чем ей открыли. Некоторое время Райан Касуэлл удивленно смотрел на непрошеную гостью, а потом как будто вспомнил:

– Вы журналистка?

– Да, Кейт Линвилл. Можете уделить мне пару минут?

Райан грустно улыбнулся. При всей его грубости и ожесточенности бывали моменты, когда затаенная боль заглушала все остальное. Тогда становилось особенно заметным, насколько он одинок.

– Времени у меня много, – ответил он. – Но не всегда есть настроение для разговора.

Тем не менее мужчина провел ее в маленькую гостиную, окна которой выходили на море. Серое, как и сегодняшнее небо.

– Чем могу служить? – спросил Касуэлл.

Первый вопрос Кейт задала скорее из личного интереса:

– Вы всё еще на старой работе?

Касуэлл был не молод, но и недостаточно стар для пенсии.

Он покачал головой:

– Я работал дворником в разных местах, потом почти пятнадцать лет в клининговой компании. Заработал артрит и пенсию по инвалидности. Плюс немного денег от продажи дома в Стейнтондейле. Скромно, но вполне достаточно, чтобы держаться на плаву.

На этот раз он не предложил ей даже сесть, давая тем самым понять, что разговор действительно будет коротким. Они стояли посреди комнаты друг напротив друга.

– Меня интересует вечер, когда пропала Ханна, – начала Кейт.

– Да? – Рот Райана Касуэлла дернулся.

– Она ездила к бабушке в Кингстон-апон-Халл. Это ваша мать или вашей жены?

– Это моя мать.

– Она еще жива?

– Да.

– Полиция, конечно, ее тоже допрашивала?

– Разумеется, но она не сказала им ничего достойного внимания. Подтвердила, что Ханна ушла от нее около пяти часов, чтобы успеть на поезд до Скарборо.

– И после этого ваша мать ее больше не видела?

– Нет. – Райан помедлил секунду и добавил: – Поначалу я думал, что это бабушка задержала Ханну. Все оказалось иначе.

– Почему вы так думали?

– Ханна неделями ныла, чтобы я разрешил ей провести выходные с бабушкой. Желательно с полудня пятницы до вечера воскресенья, о чем, конечно, не могло быть и речи.

– Почему? – вырвалось у Кейт. После чего она быстро добавила: – Может, я хочу знать слишком много, но…

– Именно так, – перебил ее Райан. – Вы хотите знать слишком много.

– Извините. Это просто… В общем, вы подозревали, что ваша мать не отпускает к вам Ханну.

– Такое вполне могло быть. Не то чтобы мать когда-нибудь уже делала подобное, но… она одинока и всегда была рада видеть у себя

внучку. Для меня это был лучший вариант. Я долго цеплялся за эту надежду, убеждая себя, что она в Халле, потому что иначе… я даже думать боялся о том, что могло случиться иначе.

– Но потом вы узнали, что она уехала из Скарборо с Кевином Бентом?

Губы Райана Касуэлла сжались в тонкую линию.

– Да, и это все прояснило.

Обсуждать этот вопрос не имело смысла. Райан Касуэлл давно решил для себя, кто преступник.

– Могу я поговорить с вашей матерью?

Райан как будто удивился:

– Думаете, вам это чем-то поможет?

– Просто для полноты картины.

– Можете попробовать. Она в доме престарелых в Халле. Бывает невменяемой, но случаются и моменты просветления. Как повезет… – Касуэлл подошел к шкафу, достал из него карточку и протянул Кейт. – Вот, пожалуйста. Там все есть.

«Трескотт-Холл, дом престарелых, Кингстон-апон-Халл», – прочитала Кейт. Далее адрес, телефон, электронная почта.

– Спасибо, мистер Касуэлл, – она спрятала карточку в сумочку. – Надеюсь, больше мне не придется вас беспокоить.

– Всё в порядке, – прорычал Касуэлл, проводил Кейт к выходу и, не попрощавшись, плотно прикрыл за ней дверь. Кейт осталась на лестнице.

«Какой тяжелый человек, – подумала она. – Не плохой, не злой, но хочется сбежать как можно скорее».

Кевин говорил, что Райан Касуэлл держал Ханну на коротком поводке, во что было легко поверить. Кейт еще раз прокрутила в голове версию о добровольном побеге. Девочка пыталась связаться с отцом. Звонки поступали как на его мобильный, так и на домашний телефон в Стейнтондейле. Разве так ведут себя девушки, которые хотят навсегда порвать с родителями?

Кейт напомнила себе, что Ханна с нетерпением ждала свидания с Кевином Бентом. Поспешила поделиться радостью с подругой, хотя Кевин, как выяснилось, просто пожалел ее. Вне сомнения, в этот момент Ханна была взволнованна и растерянна. Разве она сбежала бы в предвкушении такого события?

«Мне нужно поговорить с ее подругой», – подумала Кейт, взяла себя в руки и еще раз позвонила в дверь Райана Касуэлла.

Послышались шаркающие шаги, после чего дверь открылась.

– Разве вы не говорили, что больше не побеспокоите меня? – недобро спросил Касуэлл.

Кейт улыбнулась, но на него это не подействовало.

– Не будете ли любезны дать мне адрес лучшей подруги Ханны? Той самой, которой она звонила?

– Шейла, – прошипел Касуэлл. – Шейла Льюис. Остальное найдете в телефонной книге.

Дверь захлопнулась.

3

Ранним вечером сержант Роберт Стюард получил сообщение, что объявленная в розыск машина обнаружена в Манчестере, на улице близ Ринг-уэй-роуд, неподалеку от аэропорта. Коллегам удалось проследить за ней.

– Кто в машине? – спросил Стюард.

– Мужчина и женщина, – ответил коллега из Манчестера.

– Женщина? Может, молодая девушка?

– С такого расстояния трудно определить точнее.

Судя по информации коллег, на этой улице, совсем рядом с Кар-Рентал-Виллидж, где многочисленные компании по прокату автомобилей имели офисы и автопарки, располагался мотель, где остановились Алекс Барнс и его спутница.

– Они сейчас в номере? – спросил Стюард.

– Да. Мы на противоположной стороне улицы. Машина припаркована на подъездной дорожке.

– Хорошо. Ждите указаний. Не спускайте глаз с машины.

Стюард немедленно связался с Калебом Хейлом. Тот, в свою очередь, – с коллегами из манчестерского отделения.

– Это опасный человек, – предупредил Калеб. – С ним может быть четырнадцатилетняя девочка. Он похитил ее и, вероятно, будет использовать в качестве живого щита.

Говоря это, Калеб задался вопросом, с какой стати Алекс Барнс разъезжает с Амели Голдсби. Не было особого смысла развозить ее в машине, которую, как он, наверное, догадывается, ищет полиция. В высшей степени бессмысленный риск.

– Он вооружен? – спросил старший инспектор полиции Манчестера.

– Этого мы не знаем, но надо полагать.

Коллега вдохнул:

– Мы уже знаем, где они. Рискованная операция. Номера тесные, планировка запутанная. Кухонька, ванная… окна закрыты, поэтому точное местоположение людей определить невозможно. Если в его руках четырнадцатилетняя девочка и он вооружен…

Коллега замолчал, предоставляя Калебу самому закончить его мысль.

Но Калеб и без того продумывал и рассматривал разные варианты. Если Амели там, что он может с ней делать? В случае перестрелки не будет ли она в еще большей опасности? Не лучше ли подождать, пока они выйдут вместе, что произойдет не ранее следующего утра? Ну, а тогда…

А если Барнс убьет ее к тому времени? Развлечется по полной, оставит тело в постели и скроется. А полиция будет поджидать его на улице… При этой мысли Калеба прошиб холодный пот.

На что вообще способен этот Барнс? Если это он уморил Саскию Моррис голодной смертью… Калеб вспомнил, что тогда об этом думал. Крайне жестокая, но пассивная форма убийства. И она противоречит тому, что Барнс может задушить, зарезать, застрелить Амели в постели.

С другой стороны, он загнан в угол. И ему надо от нее избавляться – так или иначе.

– Тяжелая ситуация, – послышался в трубке голос манчестерского коллеги. Он не был намерен принимать решение за Калеба.

– Можете связаться с группой захвата? – спросил Хейл.

– Могу, но…

Калеб вдруг исполнился решимости:

– Девушка в опасности. Нам нужно срочно вмешаться.

И хотя коллега этого не говорил, слова «под вашу ответственность» как никогда отчетливо прозвучали в пространстве

кабинета.

Сержант Стюард, все это время стоявший рядом с Калебом, кивнул.

– Штурм? – спросил он.

Калеб хотел было поинтересоваться, что тот думает на этот счет, но сдержался. Он принял решение в минуту инстинктивной уверенности, а теперь опять сомневался. Это было его слабой стороной – отсутствие четких ориентиров, что следует делать, а чего нет. Точнее, неумение придерживаться этих ориентиров более-менее длительное время.

Сейчас Калеб надеялся, что не совершает большой ошибки. В конце концов, на кону жизнь четырнадцатилетней девочки.

– Мы немедленно выезжаем в Манчестер, – сказал он. – Я должен быть там.

– Хорошо, – отозвался Стюард. – Вот только оденусь.

Он вышел из кабинета, чему Калеб был рад.

В ящике стола лежала бутылка, и хороший глоток был оправдан как никогда.

4

В «Джанни» Кейт была всего один или два раза, что сводило шансы быть узнанной к нулю. Уже поэтому ей не мог не понравиться выбор Дэвида.

Она рассчитывала в тот вечер открыть все карты. Поздно, конечно. Но не безнадежно поздно, надеялась она.

Каменное строение на Виктория-роуд было украшено гирляндами. Внутри горели свечи. Кейт и Дэвид сидели наверху, за бокалами просекко. Пахло чудесной итальянской пастой. Группа женщин за соседним столиком обменялись подарочными пакетами. Дэвид быстро огляделся и повернулся к Кейт:

– Что ты обычно делаешь на Рождество? Понимаю, что до этого далеко, и все-таки…

Она сглотнула:

– А что ты обычно делаешь на Рождество?

Он рассмеялся:

– Я первый спросил.

– Я всегда встречала Рождество с папой, – ответила Кейт. – Но после его смерти… одна.

– Я тоже на Рождество обычно один. За исключением тех случаев, когда у меня завязывались серьезные отношения с женщинами.

– И не тоскливо тебе? Одному?

Он пожал плечами:

– Я работаю, и на Рождество тоже. Могу приготовить себе что-нибудь между делом, прогуляться к морю… Все нормально.

– А у меня в Лондоне поблизости моря нет.

Дэвид покрутил в руке бокал:

– Почему бы тебе не приехать сюда на Рождество?

Меньше всего Кейт хотела выглядеть навязчивой.

– Ну… к тому времени мой дом наверняка будет продан, так что жить я там не смогу.

– Я имел в виду не твой пустой дом. Почему бы тебе не приехать ко мне?

Кейт и без того бóльшую часть времени жила с ним, но тут замялась. Буря чувств, ожиданий, страхов – уж очень изматывающе это выглядело.

– Да, – сказала она. – Об этом стоит подумать.

Дэвид сделал глоток и улыбнулся. Кейт любила его улыбку. Она любила этого человека целиком и полностью, со всеми достоинствами и недостатками. Ей нравилось то, что он сделал с ее жизнью, с ней самой, и что обещал сделать в будущем.

«Будь осторожна, – предупредил внутренний голос. – Здесь есть к чему приглядеться внимательнее».

– Дэвид, я… – начала Кейт, но он перебил ее:

– Похоже, вы хорошие знакомые с этим старшим инспектором. Такое впечатление сложилось у меня вчера, во всяком случае. Вы друзья?

– Друзья – громко сказано. Но мы достаточно хорошо знаем друг друга. Расследование смерти моего отца… все это очень тяжело мне давалось. Но Хейл оказался настолько внимателен, что помог мне с этим справиться. Поэтому он мне нравится, да.

– Идеальный информатор, я имею в виду вашу статью. Старший инспектор Хейл знает больше кого бы то ни было.

Кейт рассмеялась:

– Да, но всего он мне не говорит. Не может, при всем желании.

На деле все обстояло не совсем так. Калеб не скрывал от нее почти ничего. Потому что Кейт была его коллегой, не журналисткой.

Внезапно она растерялась, потому что теперь уже не знала, с чего начать признание.

– Но вы наверняка пытаетесь выудить из него информацию. Алекс Барнс все еще главный подозреваемый?

– Честно говоря, не знаю.

– Я удивился, когда вы снова пришли ко мне. Сразу почувствовал себя на мушке…

– Опрос всех участников событий – обычное дело. В расследовании так всегда. Ты снова и снова надоедаешь всем и каждому в надежде хоть за что-то зацепиться.

– Ты говоришь как настоящий полицейский.

Сейчас или никогда.

– Дэвид, я…

– Но знаешь что? – снова перебил он ее. – Все-таки я рад, что ты только пишешь о преступлениях, а не работаешь в полиции.

У Кейт упало сердце.

– Но почему? Я… – Она старалась выглядеть так, будто этот разговор нисколько ее не задевает, и чувствовала, что это ей плохо удается. – Что ты имеешь против полицейских?

Он отпил из бокала и задумался:

– Не знаю… Наверное, это прозвучит глупо, но для меня они всегда были противниками. Я имею в виду, на демонстрациях и тому подобном…Теми, кто по ту сторону.

– У тебя были конфликты с полицией? Ты участвовал в демонстрациях?

Дэвид рассмеялся:

– В молодости. Ну да, приходилось.

Кейт понимала, что сейчас самое время посмеяться вместе с ним и обратить все в шутку. А потом вдруг выпалить, что, как это ни смешно, он уже несколько дней как влюблен в женщину-полицейского, и это не так плохо, разве нет? Таким образом ситуацию можно было спасти. Но беда в том, что ни юмор, ни тем более ирония не являлись сильной стороной Кейт. Для этого она была слишком застенчивой,

слишком серьезной и подозрительной. Особенно в подобных, ответственных ситуациях. Кейт просто умирала от страха.

Как я буду жить, если он тут же порвет со мной?

Так или иначе, а сознаться придется. Иначе о каком общем будущем может идти речь? Кейт чувствовала себя ребенком, который закрывает глаза и думает, что его никто не видит.

Нужно наконец открыть глаза и решиться…

– А потом проблема с водительскими правами, – продолжал Дэвид. – Это действительно далось мне тяжело. Месяцами без машины… я чувствовал себя инвалидом.

Кейт понимала, что говорит как гувернантка, отчитывающая своего воспитанника, однако тем не менее заметила:

– Но ты действительно водил машину в нетрезвом состоянии и подвергал опасности жизнь других людей.

– Все так. Это была глупость с моей стороны, а полицейские правы. И все же мое отношение к полиции после этого не улучшилось. – Он потянулся через стол и взял ее за руку. – У тебя холодные руки, Кейт. Ты мерзнешь?

В зале было почти жарко, но изнутри Кейт бил озноб.

– Я не знаю… Похоже, простудилась немного.

– Давай поговорим о чем-нибудь более приятном. Как прошел твой день? Ты была у той женщины?

…О чем-нибудь более приятном, чем такая мерзость, как полицейские.

– Ты имеешь в виду Шейлу Льюис?

– Именно. Подругу пропавшей девушки.

– Ханны Касуэлл, да. Шейла была последней, кто с ней разговаривал. По телефону.

Как и советовал Райан Касуэлл, Кейт отыскала адрес Шейлы Льюис в телефонной книге. Та все еще жила с родителями, но бросила школу, выучилась на парикмахера и теперь работала в салоне красоты в пешеходной зоне. В тот день она, правда, осталась дома и лечила никак не прекращающийся насморк. Жила Шейла неподалеку от вокзала.

Она в очередной раз подтвердила то, с чем Кейт неоднократно приходилось сталкиваться за годы работы в полиции. А именно, что человек, один раз переживший сильное потрясение, никогда больше не

возвращается к нормальной жизни. Либо возвращается с огромным трудом и спустя длительное время.

Кейт пригласили в гостиную. Шейла сидела со спутанными волосами, в теплых домашних тапках, и комкала в руках носовой платок. Ее мать принесла чай и обратилась к Кейт:

– Он нас замучил… Райан Касуэлл, после исчезновения Ханны. Обвинял Шейлу в том, что она ничего не предприняла после ее звонка. Не уведомила нас, не связалась с полицией… Дошло до того, что мы обратились в суд, и Райану запретили общаться с Шейлой. До сих пор ему не разрешено ни звонить, ни приближаться к ней на улице.

Кевин Бент тоже был вынужден добиваться судебного запрета. Похоже, у Райана Касуэлла целый список виновных.

Преодолевая тошноту в желудке, Кейт рассказала Дэвиду о встрече с Шейлой.

– Плохо то, что она действительно чувствует себя виноватой. Конечно, Шейла не могла знать, что Ханна Касуэлл в опасности. Она не считает Кевина Бента ни преступником, ни психопатом. Так или иначе, он в целости и сохранности доставил Ханну на вокзал в Скарборо и поехал по своим делам. У Шейлы не было причин поднимать тревогу.

Как выяснилось, девушка винила себя не только по этой причине.

– Я так ревновала, – призналась она Кейт и расплакалась. – Еще бы, Кевин Бент обратил на нее внимание! Он пригласил Ханну на открытие паба. Вы видели его? Согласитесь, выглядит великолепно.

Кейт тоже находила Кевина Бента привлекательным, хотя и не в ее вкусе – слишком молод и, по-видимому, неопытен.

– Он хорошо выглядит, – согласилась она с Шейлой.

– Любая из нас отдала бы все за свидание с ним, – продолжала Шейла. – Но Ханна Касуэлл… она была таким ребенком… И вот я надеялась… – Шейла зарыдала еще сильнее.

– На что вы надеялись? – спросила Кейт.

– Что у них что-то не сложится… Сорвется по какой-то причине… И ведь сработало, но я… я не хотела причинять ей боль! Честное слово, ни о чем таком не думала.

– Ну конечно, нет, – успокоила Шейлу Кейт. – В ревности нет ничего преступного, тем более в таком возрасте. Это точно не причина катастрофы.

С этого момента Шейла перестала плакать. Но разговор вышел тяжелым и путаным…

– Это тебе что-нибудь дало? – спросил Дэвид.

Тем временем подали заказ. Кейт заставляла себя есть. Ее желудок объявил забастовку. Она чувствовала, что совершила ошибку, и боялась ее исправлять.

Она с трудом вернулась к разговору с Дэвидом и все-таки ответила на его вопрос:

– Разве кое-что о Ханне… На самом деле я получила подтверждение своих предположений, не более того. Шейла тоже полагала, что, как ни страдала Ханна от отца, не могла сбежать от него добровольно. Она была слишком робкой и нерешительной, чтобы отважиться на такой шаг.

Дэвид задумчиво кивнул:

– Час от часу не легче… Я имею в виду, это лишает нас всякой надежды на то, что она жива, верно? Потому что если Ханну похитили, то после стольких лет…

– Да, и я думаю о том же. Шансов на благополучный исход почти нет. Кстати, Шейла не разделяет мнения Райана Касуэлла, что виновником мог быть Кевин Бент. Она плохо его знает, но он не кажется ей способным на что-то подобное.

– Мне тоже, – уверенно подтвердил Дэвид и, когда Кейт с удивлением посмотрела на него, добавил: – Последние несколько лет я часто бывал в его пабе. Кевин обслуживает посетителей, пока его брат трудится на кухне. И он производит впечатление дружелюбного и приветливого человека… Знаю, знаю, – Дэвид пренебрежительно махнул рукой, – это не повод утверждать, что он не способен на преступление. И все же не могу представить себе, чтобы Кевин Бент похитил девушку. Любая и так пойдет с ним, достаточно щелкнуть пальцами.

– Тут возможны разные сценарии, – возразила Кейт. – Представь себе, Кевин возвращается на вокзал, и Ханна садится к нему в машину, где они занимаются сексом. Безо всякого принуждения с его стороны, заметь. Но потом он вдруг узнает, что Ханне всего четырнадцать, а значит, у него возникнут серьезные проблемы, если их связь выйдет наружу. И он решает заставить ее замолчать… Хотя мне тоже не кажется, что Бент способен на убийство.

Дэвид серьезно посмотрел на нее.

– Вот и я о том же. Весь вопрос в том, есть ли от этого вред. Если взрослый мужчина вступает во взрослые отношения с четырнадцатилетней девушкой… это, конечно, нехорошо, но ведь совсем необязательно он преступник. Тем не менее закон и общество загоняют его в угол, и он делает то… чего не стал бы делать, если б не был прижат спиной к стенке. Он действительно становится преступником. Но это закон, и полицейские вынуждают его переступить черту.

– Думаю, мы смотрим на эти вещи с разных точек зрения. – Она отодвинула тарелку. – Я больше не хочу есть.

– Но ты почти ни к чему не притронулась.

– Извини. Дело не в том, что мне не нравится… просто не могу.

Дэвид обеспокоенно посмотрел на нее:

– Надеюсь, ты не заразилась… я имею в виду Шейлу Льюис с ее простудой.

– В любом случае это не так быстро, – ответила Кейт. – Я беседовала с Шейлой всего несколько часов назад.

– Тогда мы возвращаемся домой. Я заварю тебе чай и согрею ноги. Знаешь, что я думаю? Ты слишком углубилась в эту историю и не можешь внутренне от нее отстраниться. Наверное, это свидетельствует в твою пользу, и все-таки, Кейт…

Она задумалась над тем, прав ли он. Что, если она и вправду зашла слишком далеко? Но сейчас ее больше беспокоил Дэвид – точнее, их отношения. Которые Кейт, сама того не зная, поставила под угрозу.

Она не хотела терять его. До сих пор ни один мужчина не согревал Кейт ноги, не заваривал чай и не улыбался так на пламя свечи. Кейт не знала, каково это, когда о тебе заботятся. В последний раз такое случалось с ней в детстве, с матерью и позже с отцом. Это было как возвращение домой. К себе, своей настоящей жизни. Только посмотрев на себя глазами Дэвида, Кейт почувствовала, что стала собой.

– Да, мы уходим, – согласилась она. – Наверное, мне действительно нужно немного поспать. Завтра все будет выглядеть иначе.

Кейт знала, что это неправда. Но уснуть и забыться – единственное, чего ей сейчас хотелось.

Четверг, 16 ноября

1

В десять минут первого ночи Калеб Хейл был бодр как средь бела дня. Должно быть, уровень адреналина в крови зашкаливал.

Он сидел в тесном номере мотеля, где за несколько часов до того оперативная группа обезвредила Алекса Барнса и освободила Амели Голдсби.

Хотя в действительности все вышло не совсем так. Алекс Барнс был безоружен и не сопротивлялся. Он сдался сразу же, поэтому вид ворвавшихся в номер вооруженных людей поверг его в шок.

Слово «освободили» так же мало подходило к тому, что в действительности произошло с Амели. Когда в номер ворвалась полиция, девочка мирно спала, прижавшись к Алексу Барнсу. Пробуждение было громким. Это можно было бы объяснить шоком, но и будучи доставленной в безопасное место, Амели не переставая звала Барнса и плакала.

– Я хочу к нему, – повторяла она сквозь слезы. – Пожалуйста, дайте мне его увидеть.

Сейчас девушка сидела с Калебом в комнатке, которую предоставил полиции потрясенный владелец отеля. Амели забрали из постели Алекса совсем раздетую и увели, накинув на плечи одеяло. Теперь она куталась в просторный свитер, но все равно дрожала всем телом. Калеб включил обогреватель на полную мощность и снял куртку. В комнате стояла тропическая жара, но Амели трясло. Наверное, она была в шоке. Девушка уже беседовала с врачом, и тот дал ей успокоительное. Похоже, подействовало не очень.

– Твои родители уже едут сюда, – сказал Калеб. – И сержант Хелен Беннет тоже. Ты много раз беседовала с Хелен. Может, стоит подождать, пока все соберутся, прежде чем ты расскажешь, что произошло?

До сих пор Амели молчала. Теперь впервые подняла голову:

– Я не хочу видеть родителей.

– Почему?

Она как будто пыталась с головой зарыться в свитер.

– Не хочу их видеть. – Снова ударилась в слезы: – Нет, нет, пожалуйста…

Калеб склонился над креслом:

– Что случилось, Амели? Что произошло между… тобой и Алексом Барнсом?

– Я хочу к нему.

– Он похитил тебя. С заправки.

– Нет.

– Нет?

– Я сама позвонила ему. А потом выбралась в окно и перелезла через забор.

– То есть это ты позвонила Алексу Барнсу?

– Да.

– И что было потом?

– Он приехал и забрал меня с заправки.

Все это время, пока Амели звала Алекса Барнса, в голове Калеба вызревала чудовищно неприятная догадка. Неумолимо обретающая форму, несмотря на его отчаянное сопротивление, и напрочь перечеркивающая все его предыдущее расследование.

Инспектор собрался с духом:

– Значит, вы… ты и Барнс… знали друг друга до того, как он вытащил тебя из воды? Вы… давно знакомы?

Амели ответила почти незаметным кивком.

– И у вас были… отношения какое-то время?

Она снова кивнула и посмотрела на Калеба:

– Да, я люблю его.

– Ты любишь… Амели, ему тридцать один год. Тебе четырнадцать!

Калеб прикусил язык. Как будто указание на возраст было в глазах Амели серьезным аргументом. Как будто тем самым он мог ее в чем-то убедить.

– Я люблю его, – повторила она.

– Хорошо, – механически отозвался Калеб. – Очень хорошо.

Он размышлял. Похоже, Алекс Барнс затащил в постель четырнадцатилетнюю девочку, сделав ее, как физически, так и

морально, зависимой от себя. При этом, судя по всему, он не был ни убийцей, ни насильником. В этот момент прояснилось кое-что еще: истории Амели Голдсби и Саскии Моррис никак не связаны между собой.

– Тебя никогда не похищали, верно? Даже в октябре.

И снова вполне ожидаемый кивок.

Калеб вздохнул.

Вот черт…

– Я не хочу видеть своих родителей, – тихо повторила Амели.

– Тебе придется встретиться с ними, – возразил Калеб.

Это прозвучало резко, но он не мог сдержать гнева. Сидевшая перед ним девушка замешана в плохой игре. Она не только неделями лгала родителям и полиции, но и задала поискам убийцы Саскии Моррис неверное направление.

– То есть твое описание убийцы… не более чем фантазии?

Снова кивок.

– Вы здорово влипли, ты и твой друг, – сказал Калеб. – Особенно он, потому что занимался сексом с девушкой моложе шестнадцати лет. Его ждут более серьезные неприятности, чем ты можешь себе представить.

В ее глазах мелькнул страх:

– Алекса посадят в тюрьму?

Калеб кивнул:

– Можешь в этом не сомневаться.

Никого инспектор не желал так видеть за решеткой, как Алекса Барнса.

Пару секунд Амели как будто колебалась, а потом, как видно, решила, что сотрудничество с полицией может облегчить ее участь:

– Мы знакомы с января, почти год.

– Где вы познакомились?

– В Си-Лайф-Санкчуэри, я работала там по выходным. Алекс тоже. Там мы и встретились.

– И как долго вы… состоите в отношениях?

– С февраля.

Калеб вздохнул. Мистер Барнс сомневался недолго.

В коридоре послышались шаги и голоса, а потом дверь распахнулась. В комнату вошли Дебора, Джейсон и Хелен,

выглядевшая так, будто ее по тревоге подняли с постели. На Хелен были зеленые брюки и совершенно невозможный канареечный свитер. Сочетание резало глаз. Как видно, Хелен одевалась в темноте. Торчащие во все стороны непричесанные волосы дополняли картину.

Но Дебора и Джейсон как будто вообще не ложились. Об этом ясно свидетельствовали их серые, бескровные лица. Калеб спросил себя, понимает ли безрассудный подросток в кресле, что он сделал с родителями.

– Амели!

Дебора подбежала к дочери и хотела ее обнять, но та еще глубже вжалась в кресло и отгородилась от матери таким красноречивым защитным жестом, что Дебора невольно попятилась и вопросительно посмотрела на Калеба:

– Всё в порядке?

– Ваша дочь жива и здорова, – сказал он, – но это единственное, что можно считать в порядке.

Джейсон испуганно оглядел комнату, как будто боялся увидеть затаившегося в углу Алекса Барнса.

– Это ведь был он, верно? Барнс, она была у него? Он прятался с ней в этом отеле…

– Барнс, да. Но все было не так, как вы думаете.

– Не так? – удивился Джейсон.

– Амели нам все расскажет. Не хотите пригласить адвоката?

Дебора и Джейсон удивленно посмотрели на инспектора.

– Адвоката? – переспросила Дебора таким тоном, как будто плохо представляла себе, кто это такой.

– У вашей дочери проблемы, – ответил Калеб. – Мой долг предупредить вас…

– Нам не нужен адвокат, – перебил его Джейсон. – Я хочу знать, что происходит. Немедленно.

2

По мере развития событий вызывающе-развязная манера поведения Барнса сходила на нет. В то утро он сидел напротив Калеба Хейла в полицейском управлении Скарборо, весь сжавшийся и

ушедший в себя. Алекс уже понял, что никакая сила на свете не может его спасти.

– Она сама этого хотела, – повторял он снова и снова. – Амели. Я давно пытаюсь с ней развязаться, но она не отпускает меня. Амели одержима мной и преследует меня повсюду. Сколько раз я объяснял ей, что пора все прекратить… В ответ – шквал звонков и сообщений. Она снова и снова появлялась у дверей моей квартиры, плакала, угрожала самоубийством, если я не впущу ее. Что я мог…

– Прекратите, Барнс, – оборвал его Калеб. Попытки взрослого мужчины переложить ответственность на плечи четырнадцатилетней девочки вызывали у него отвращение. – Когда вчера вечером полиция обнаружила вас в постели с Амели Голдсби, вы не производили впечатления беззащитной жертвы. Так что не пытайтесь вести себя так, будто не контролировали ситуацию.

– В каком-то смысле я ее действительно не контролировал, – быстро возразил Барнс. – Амели позвонила мне сразу после того, как вылезла из окна туалета на заправке. Она была очень расстроена, и это еще мягко сказано. Что я должен был делать? Я поехал и забрал ее с улицы. Я…

– Что вы должны были делать? – закричал Калеб. – Вы должны были немедленно доставить ее в полицию, а не пускаться в эти бессмысленные бега! Вам вообще ни при каких обстоятельствах не следовало связываться с ней. Когда в феврале вы вступили в сексуальные отношения с Амели Голдсби, ей было тринадцать. Четырнадцать исполнилось только в июле. За одно это, мистер Барнс, вы проведете за решеткой минимум два года.

Алекс Барнс выглядел так, словно вот-вот был готов расплакаться.

– Я не знал этого. Она говорила, что ей шестнадцать. Да она так и выглядела. Видели бы вы ее накрашенную… Только на дне рождения в июле я узнал, что ей исполняется четырнадцать, и захотел немедленно с ней порвать. Но она меня не отпустила.

– Бедный страдалец… – Калеб покачал головой.

Алекс глубоко вздохнул:

– Амели просто сошла с ума. Все время угрожала покончить с собой, если я прекращу с ней встречаться. Я боялся, что она действительно сделает это.

– Поэтому вы, героически жертвуя собой, продолжали с ней спать, – подхватил Калеб. – Какая самоотверженность!

Алекс сжал губы и ничего не ответил.

Хейл уже знал всю историю от Амели. Она рассказала ее тем вечером, в присутствии ошеломленных родителей. После вторичного исчезновения дочери родители думали, что ничего хуже быть не может. Жизнь убедила их в обратном.

– Амели звонила вам четырнадцатого октября, – сказал Калеб. – Она оставила машину на парковке возле «Теско» и пошла по Бернистон-роуд.

– Да, это был один из ее обычных звонков. «Я уйду из дома, я хочу быть с тобой… Забери меня, иначе я убью себя…» Я ответил, что так и быть, заберу. Пошел по Кливленд-уэй, как было условлено. Мы встретились на полпути между Северной и Южной бухтами. Амели была в истерике, она не хотела ехать с классом на экскурсию и умоляла меня взять ее к себе.

– И вы забрали ее к себе в квартиру.

– Да, конечно. Я не мог оставить ее на улице в таком состоянии.

– И не смогли убедить ее вернуться домой?

– Ни малейшего шанса. Она этого не хотела.

– Почему вы не позвонили ее родителям? Вы должны были понимать, через что они прошли.

Алекс беспомощно пожал плечами и пробормотал что-то непонятное.

Калеб наклонился к нему:

– Тогда я вам скажу, почему вы не позвонили ее родителям. Вы беспокоились о себе, мистер Барнс. Вы вступили в связь с очень молодой девушкой, совершив тем самым преступление, а потом не могли от нее избавиться. Амели Голдсби действительно влюбилась в вас. Просто отправить ее домой означало во всем сознаться родителям. В конце концов она даже пригрозила это сделать. Вы оказались в очень непростой ситуации, мистер Барнс. Верю, что вам хотелось уйти, но Амели не отпускала. И вместо того, чтобы каким-то образом разрядить обстановку и явиться в полицию с повинной, вы решили подзаработать на этом.

– Все было не так, – оборвал Калеба Барнс. – Это все затея Амели.

– Затея Амели? – переспросил инспектор.

– В тот день, когда она сбежала от родителей, было найдено тело другой девушки, Саскии Моррис. Сразу заговорили об Убийце с пустошей. Амели сказала, что все подумают, будто она – очередная жертва этого маньяка. И действительно, об этом писали в газетах. Полиция тоже поддерживала эту версию.

– И вам стало жарко, – догадался Калеб.

Алекс кивнул:

– Именно. Я подумал: «Боже мой! Где-то здесь слоняется парень, который убил девушку, а следующая пропавшая девушка у меня…» Но она не могла оставаться в моей квартире вечно. Ее фотографии были во всех газетах. Я не разрешал ей выходить, и каждый звонок в дверь ввергал меня в панику.

– И вы решили вернуть Амели домой так, чтобы никто не узнал, что на самом деле произошло. Заработать на этом немного денег тоже было нелишне. Короче, вам пришла в голову идея «фиктивного спасения». Сначала побег в автомобиле таинственного гостя. Преследование. В результате Амели бросается в море, и вы в последний момент ловите ее за руки. Потом объявляетесь перед ее родителями в роли героя-спасителя. Они обязаны вам по гроб жизни, что можно и нужно использовать, не так ли?

Алекс молчал.

– Для вас не имело значения, что вы направили полицию по ложному следу, – продолжал Калеб. – Полицию, которая прилагала все усилия, чтобы обезвредить жестокого убийцу Саскии Моррис. Вы обманули нас, ввели в заблуждение ложным описанием преступника, фиктивным побегом… машиной, таинственным гостем убийцы. Все это, включая его облик и возраст, было ложью от начала и до конца. Вы даже не представляете, насколько серьезно влипли, мистер Барнс.

– Это был не только мой план, но и…

– Прекратите, пожалуйста. Перестаньте перекладывать вину на плечи четырнадцатилетнего подростка. Вы – взрослый мужчина. Вы должны были понимать, что делаете.

Алекс опустил глаза.

– И та машина, которую вы арендовали якобы для того, чтобы помочь другу с переездом…

Алекс поднял глаза.

– Это чистая правда, клянусь! Неделю назад я обещал, что помогу ему, и я это сделал. Я…

Калеб махнул рукой:

– Верю. Есть свидетели, которые видели, как вы носили коробки. Но эту же машину вы использовали, чтобы доехать до горных пустошей и выбросить там сумочку с документами Амели и ее косметичку возле парковки. Вы помнили про мобильник Саскии Моррис, который нашли вскоре после ее похищения. Об этом писали в газетах, так что у вас были подробные инструкции, как действовать. Вы сознательно прокладывали неверный след.

Алекс молчал.

– От телефона Амели вы, конечно, тоже избавились. Полагаю, выбросили его в море четырнадцатого октября. Или в какой-нибудь пруд. Его не должно было быть. Ни одно из огромного количества сообщений, которыми вы обменивались с Амели до инсценированного похищения, не попало в руки полиции. По этой же причине вы выбросили в море и свой мобильник. А потом объяснили нам, что он выпал из вашего кармана, когда вы держали за руки Амели. Кстати, вы никогда не писали друг другу электронные письма, и это, конечно, не случайно. Вы боялись, что родители когда-нибудь проверят компьютер Амели.

Молчание.

– Мне интересно только, как вы заставили Амели вам подыгрывать. Все равно ведь вашей конечной целью было вернуть ее домой, чего Амели не хотела ни при каких обстоятельствах. Как вам это удалось? Я хотел бы слышать вашу версию.

Алекс молчал, его лицо отражало интенсивную работу мысли.

– Мне нужен адвокат, – наконец сказал он.

Калеб кивнул:

– Не самая глупая идея в вашем положении. Хотя никакой адвокат не вытащит вас из этой передряги, уж поверьте.

Глаза Алекса сверкнули ненавистью, но он не ответил.

– Насколько я понимаю, – продолжил Хейл, – вы кормили Амели пустыми обещаниями и таким образом побуждали к сообщничеству. Судя по тому, что она вчера нам рассказывала, вы обещали побег. Куда-нибудь за пределы Великобритании, кажется, Амели упоминала греческие острова. Выращивание оливок, простая жизнь под южным

солнцем – вы заморочили ей голову этой чушью. Вы обещали увезти ее, как только накопите для этого достаточно денег, но на самом деле не хотели ничего другого, как только поскорей от нее отвязаться. Амели стала для вас обузой, но ее нужно было как-то успокоить. Вы провели операцию по ее «спасению», а потом приступили к вымогательству денег у родителей. Что оказалось сложнее, чем вы ожидали. Красивый большой дом – полагаю, вы рассчитывали на более прочное финансовое положение семьи. Скажу вам по секрету, с домом Голдсби действительно переборщили, замахнулись на то, что им не по карману. Амели об этом не догадывалась, потому что родители не хотели ее беспокоить. То есть, хотя они и благодарили вас, как могли, и Дебора Голдсби пыталась помочь вам устроиться на работу – при том, что работа была последним, к чему вы стремились, – ваши расчеты на солидное денежное вознаграждение не оправдались. И тогда вы решили озвучить требования напрямую, самым бесстыдным образом. К этому моменту вы стали настолько непопулярны в семье Голдсби, что доктор Джейсон был готов взять дополнительный кредит – при том, что прежний уже не давал ему спать ночами, – чтобы избавиться от вас и успокоить свою совесть. Тридцать тысяч фунтов – неплохой стартовый капитал…

– Мне нужен адвокат.

– Он у вас будет, не волнуйтесь.

Калеб поиграл ручкой. У него болела голова. Этот парень неделями морочил ему голову и в результате оставил ни с чем. За хладнокровным саркастическим тоном, каким Калеб объявил Барнсу, что тот увяз по уши и проведет долгое время за решеткой, стояло отчаяние, и не более того. От того, что столько времени, усилий и денег пошло прахом. Барнс должен был заплатить за это, хотя бы краткими мгновеньями страха. На самом деле тюрьма ему не грозила, и у Калеба не было абсолютно никаких причин чувствовать себя лучше, чем мошенник в кресле напротив.

– Проблема в том, – продолжал Хейл, стараясь держаться невозмутимо, – что день ото дня Амели становилась все более беспокойной. Она сидела дома, подавленная, и ждала только, когда же вы наконец объявитесь, чтобы увезти ее в теплые страны. Для вас она была бомбой замедленного действия. Но вам крупно повезло. По мнению нашего психолога, прыжок в воду и то, что вы долго не могли

ее вытащить, стало причиной вполне реальной психической травмы. План состоял в том, что вы немедленно спасаете ее из затруднительного положения, но это не сработало, и в течение не столько длительного, сколько мучительного времени ни на какую помощь рассчитывать не приходилось. Вы едва удерживали ее от падения в бездну. Позже это придало вашей истории правдоподобия. Когда Амели снова и снова говорила о воде, никому и в голову не приходило сомневаться.

– Что ж, – отозвался наконец Алекс. Он как будто почувствовал, что дела инспектора обстоят немногим лучше, чем его, и снова пробовал прежний самоуверенный тон. – Вы меня запугиваете, инспектор. Это глупо с вашей стороны.

Калеб крепче сжал ручку. Главное – сохранять спокойствие.

– Амели день ото дня теряла самообладание, – продолжал он. – Отсюда и звонки, и побег с заправки. Она знала больше, чем думали окружающие, и заметила, что родители заплатили вам крупную сумму денег. Теперь можно было бежать. Но вы больше не планировали брать ее с собой куда бы то ни было. Зачем вы вообще снова ее увезли?

Алекс молчал.

– Это в самом деле интересно, – продолжал Калеб. – Вы знали, что, если Амели опять исчезнет, вся полиция придет в движение и главной мишенью станете вы. Вы ехали к ней, чтобы убедить вернуться домой и ждать дальше. Это не помогло. Амели не хотела больше ждать и жить с родителями. Ей были нужны только вы. Еще немного, и полиция объявилась бы у вас на пороге. Амели могла поставить вас в очень неловкое положение.

– Она вцепилась в меня, как клещ, – подтвердил Алекс. – Самый настоящий клещ.

– В общем, вы сбежали с ней неизвестно куда. Идиотский план, он просто не мог сработать. Конечно, нам не составило большого труда узнать, что теперь у вас есть машина, и ее номер. Ваша поимка стала вопросом времени.

Алекс молчал.

– С другой стороны, – продолжал Калеб, – разве у вас был выбор? Лучшим выходом было бы прийти в полицию с повинной, но на это у вас не хватило смелости. Так или иначе, вы сбежали. С девушкой,

которая стала для вас обузой. Что, собственно, вы планировали с ней делать? Вы ведь собирались от нее избавиться, так?

– Я не убийца, – пробормотал Алекс.

Калеб кивнул.

– В тот памятный штормовой вечер вам ничего не стоило отпустить ее руки. Когда Амели висела на причальной стене, я имею в виду. И такая мысль наверняка приходила вам в голову. Был, конечно, минимальный риск, что ее вынесет где-нибудь на берег живой. Но вероятность ничтожна. Это решило бы все ваши проблемы.

– Черт возьми, говорю вам, я не убийца. Я не смог бы этого сделать. Да, мне хотелось избавиться от нее. Амели стала моим кошмаром, но я не стал бы ее убивать. Ни при каких обстоятельствах. Клянусь, даже не думал об этом. Я посылал ее к черту, но никогда не поднял бы на нее руки. Это не мое.

Калеб бесстрастно смотрел на него. Конечно, Алекс отъявленный лжец и мошенник, но в этот момент он не кривил душой. При всей своей расчетливости, беспринципности и бесстыдстве, Барнс не убийца. Пожалуй, не способен даже нанести телесную травму.

– Это выставит меня с хорошей стороны, не так ли? – Взгляд мужчины стал робким. – На суде, я имею в виду…

Инспектор встал.

– Мистер Барнс, в нашем обществе принято считать, что убийств вообще не должно быть. Поэтому то, что человек не убийца, редко считается его достоинством. Вам повезло, что не я ваш судья. Я дал бы вам максимальный срок, предусмотренный законом в вашем случае. Но и с любым судьей вам не стоит рассчитывать на снисхождение. Я буду свидетельствовать против вас, насколько у меня это получится.

Алекс Барнс тоже встал и презрительно посмотрел на Калеба.

– Вы злитесь на меня. Еще бы, столько сил и времени потрачено впустую! Вы искали убийцу Саскии Моррис и занялись не тем человеком. Организовали личную охрану для Амели, и всё зря. Как я потешался над вами, когда увидел двух полицейских в машине перед домом Голдсби! Ей ничто не грозило, абсолютно. И, что самое интересное, за это время вы ни на шаг не приблизились к настоящему убийце, предоставив ему возможность спокойно искать следующую жертву. Очень может быть, он уже нашел ее. Браво, детектив Калеб Хейл! Прекрасная работа. На вашем месте я бы выпил бренди.

Говорят, он творит с вами чудеса. Может, наведет вас на мысль, как вытащить эту телегу из грязи…

3

Трескотт-Холл, дом престарелых. На первый взгляд – величественное строение эпохи Тюдоров. Стены из темного камня, высокие арочные окна, в стеклах отражается бледно-желтое осеннее солнце. Расположен на окраине Халла тыльной стороной к морю, так что из окон открывается довольно скучный холмистый пейзаж. Впрочем, море все равно далеко. Как и оживленный городской центр. Люди проводят здесь последние годы или даже месяцы жизни. Кейт хотелось бы, чтобы они могли видеть нечто более живописное, чем эта тоскливая пустошь. Хотя время года, конечно, тоже что-то значит. Деревья стоят голые, на спутанных ветвях кустарника еще осталось несколько желтых листьев…

Кейт припарковала машину на стоянке перед входом. Приблизившись, разглядела трещины в каменной кладке и пятна сырости под арочными окнами. Ржавый покореженный желоб. Вблизи здание оказалось довольно ветхим. С западной стороны плющ дорос до крыши и пробивался сквозь черепицу. Подрезать его, очевидно, некому.

Кейт позвонила в тяжелую дубовую дверь и стала ждать. Прошло около минуты, прежде чем послышался зуммер, и она смогла войти в темный холл.

Первым, что ощутила Кейт, был холод. И запах какого-то антисептического средства. После чего она мысленно послала небесам молитву уберечь ее в старости от подобного места.

К ней уже спешила молодая женщина – по одному из коридоров, лучами сходившихся к холлу.

– Да? – спросила она, переводя дыхание.

На этот раз Кейт не стала представляться журналисткой. Ей казалось сомнительным, что журналисту-фрилансеру позволят встретиться с больной и, похоже, уже не вполне вменяемой женщиной. Она вытащила полицейское удостоверение:

– Детектив-сержант Кейт Линвилл, Скотланд-Ярд.

Риск, конечно, был, но небольшой. Полиция закрыла расследование по делу Ханны Касуэлл, и даже если Калеб Хейл опять поднимет его, вряд ли станет допрашивать престарелую мать Райана.

Упоминание столичной полиции оказало обычное действие. Глаза молодой женщины расширились:

– О! – Она благоговейно посмотрела на Кейт.

– Я хочу видеть миссис Касуэлл. У меня к ней пара вопросов.

– Миссис Касуэлл… Даже не знаю… она нездорова. Не могу обещать…

– Пара вопросов, не более того.

– Это из-за… ее внучки?

– Так вы знаете об этом?

– Да. Миссис Касуэлл поступила к нам спустя год после того, как это произошло, и не говорила ни о чем другом, ни днем, ни ночью. Это выглядело ужасно. Раньше у нее была своя квартира в Халле, и миссис Касуэлл, судя по всему, была довольно активной женщиной. Эта история в считаные месяцы превратила ее в инвалида. Ее привез сюда сын.

– Он часто навещает ее?

Женщина презрительно поморщилась:

– За три года был один раз.

– Я буду осторожна с миссис Касуэлл, – пообещала Кейт.

Молодая женщина на мгновенье задумалась. Кейт была рада, что на этот раз не стала притворяться журналисткой. Тогда бы точно не сработало.

– Ну хорошо, – наконец сказала женщина. – Но учтите, миссис Касуэлл иногда уходит в себя. И может заплакать, если ее расстроить.

– Я не буду ее расстраивать, – пообещала Кейт.

Она совсем не была уверена, что это у нее получится. Предстоял разговор о Ханне, а это определенно не та тема, которая может оставить старушку равнодушной.

Кейт пошла за молодой женщиной по длинным, темным коридорам, казавшимся безлюдными. Служительница остановилась перед одной из множества дверей и постучала:

– Миссис Касуэлл… к вам гостья.

* * *

– Мне так холодно, – снова и снова повторяла Леонора Касуэлл. Она сидела, сжавшись в комок, в кресле возле окна – ноги укутаны в одеяло, на плечах другое одеяло, – и никак не могла согреться. Ее обнаружили дрожащей всем телом, что явно смутило служительницу, которая тут же принесла старухе еще два одеяла. Толку от них было немного. Губы Леоноры Касуэлл совсем посинели.

Кейт тоже мерзла. Похоже, на отоплении экономили, да и невозможно сохранять тепло в этом огромном старом здании с высокими потолками. В комнате Леоноры Касуэлл стояли кровать, шкаф и два стула. На каменном полу не было ковра, на стенах – картин. Примерно такой Кейт представляла себе келью монаха в каком-нибудь монастыре с особо строгим уставом. Окно выходило во внутренний двор, где были только стены и окна. Этот незамысловатый пейзаж, которым Леонора Касуэлл любовалась изо дня в день, из года в год, из любого психически здорового человека сделает сумасшедшего.

Кейт вдруг разозлилась на Райана Касуэлла. Наверняка для его матери имелись и другие варианты проживания, более оживленные, даже если без дороговизны и роскоши. И более теплые. Пожилые люди не должны терпеть холод. Прибыв сюда один раз за три года, Райан, наверное, ничего этого не заметил. О его матери худо-бедно заботились – и это все, что ему было нужно.

Завязать разговор оказалось не так просто. Старуха в кресле как будто полностью ушла в себя. На громкое название полицейского учреждения она не отреагировала. Повторяла только, что ей холодно. Служительница исчезла, пообещав принести горячего чая. Кейт надеялась, что за время ее отсутствия дело сдвинется с мертвой точки. Она взяла стул и села напротив миссис Касуэлл, не сняв пальто.

– Миссис Касуэлл, речь пойдет о Ханне, вашей внучке. Вы помните ее?

Леонора Касуэлл подняла глаза:

– Ханна?

– Ваша внучка.

– Ханна – моя внучка.

– Да. Вы ведь давно не видели ее, так?

– Давно не видела.

– Вы скучаете по ней?

Леонора отвернулась и посмотрела в окно. Кейт боялась, что она расплачется при упоминании Ханны, но все оказалось еще безнадежней. Леонора Касуэлл просто не понимала, о ком речь.

Кейт решила выразиться конкретней:

– Вы знаете, что Ханна пропала? Вот уже четыре года как…

– Ханна пропала.

– Да, и давно. Вы были последней, кто ее видел. Она гостила в вашей квартире в Халле. Тогда вы еще жили там.

– Ханна пропала.

Леонора говорила медленно, растягивала слова. Кейт предположила, что она принимает лекарства, сильные антидепрессанты или успокоительное. По-видимому, этот визит ничего не даст. Леонора Касуэлл не в себе. За это время у нее успела сложиться хорошая система психологической блокировки.

Кейт решила попробовать зайти с другой стороны:

– Я разговаривала с Райаном, вашим сыном.

– Он хороший мальчик, – пробормотала Леонора.

У Кейт на этот счет было другое мнение, которое она решила держать при себе.

– Каким он был отцом? – спросила она. – Вы помните, как Райан обращался с Ханной?

Леонора как будто приободрилась. Во всяком случае, оживились ее глаза. Наверное, ей требовалось время, чтобы освоиться с обществом Кейт. Неудивительно для женщины, которая месяцами только и делает, что дремлет в кресле и не слышит ничего, кроме «доброго утра» и «доброго вечера».

– Райан любил Ханну, – проговорила она. – Очень любил.

– Я слышала, он бывал строг с ней?

– Он любил ее.

– Миссис Касуэлл, как вы думаете, Ханна могла убежать из дома?

Леонора еще раз прокрутила в голове вопрос.

– Нет, Ханна не убежала.

– В таком случае, что же произошло, как вы думаете?

– Я не знаю.

– Но вы, наверное, задумывались об этом? В тот день вы встретились с Ханной… как она себя вела?

– Вполне дружелюбно, как всегда. Ханна очень милая девочка.

– Она боялась отца?

Леонора покачала головой:

– Нет.

– Может, кого-нибудь другого?

– Нет.

– Вы знаете Кевина Бента?

Леонора наморщила лоб. Она, конечно, слышала это имя в связи с исчезновением внучки, но не могла припомнить ничего определенного.

– Я его не знаю.

– В тот день Ханна вам о ком-нибудь говорила? Может, упоминала друга, подругу…

– Нет.

Кейт задумалась. Леонора Касуэлл не сказала ей ничего нового. Возможно, потому что сказать ей было нечего. Или же доступ к информации перекрывала психологическая блокировка.

– Райан хороший человек, – вдруг сказала Леонора. – Он не сделал ничего плохого.

– А кто говорит, что он делал плохое? – спросила Кейт. – Есть кто-то, кто так говорит?

Взгляд старухи соскользнул куда-то в пустоту.

– Чемберфилд, – сказала она.

– Чемберфилд? Это человек или учреждение?

– Он не был злым.

Кейт достала из сумочки блокнот и ручку и записала: «Чемберфилд». Где-то она уже слышала это слово. Полезла за смартфоном, чтобы навести справки в «Гугле», но обнаружила, что здесь нет связи.

– Кто такой или что такое «Чемберфилд», миссис Касуэлл?

– Он был там.

– Кто, Райан?

– Райан был в Чемберфилде.

– Когда он там был?

Блуждающий взгляд Леоноры Касуэлл прояснился.

– Давно… Еще до того, как родилась Ханна.

– И что он там делал?

– Он не злой человек.

– Нет, конечно, нет. Что Райан делал в Чемберфилде?

Леонора глубоко вздохнула и не ответила.

– Миссис Касуэлл, вы помните, что Райан делал в Чемберфилде? Как он там оказался?

Молчание.

– Что такое Чемберфилд?

Леонора не отвечала. Прояснившийся было взгляд снова потух. Она ускользнула туда, где страхи и боль жизни не могли ее достать.

Дверь открылась. Появилась молодая женщина, встретившая Кейт у входа. Она несла поднос с двумя чашками. Комната наполнилась запахом фруктового чая.

– Немного согреться, – улыбнулась служительница.

Кейт с благодарностью приняла дымящуюся чашку. Живительное тепло перетекало в руки. Леонора как будто ничего не заметила и даже не притронулась к чаю. Она смотрела куда-то в окно.

– Вы случайно не знаете, что такое Чемберфилд? – спросила Кейт служительницу. – Миссис Касуэлл только что упомянула, что ее сын был там. Но я даже не представляю себе, что бы это могло быть.

– Чемберфилд? – переспросила молодая женщина. – Райан Касуэлл был там? О боже…

– Был, судя по всему. Что это такое?

– Больница для умалишенных. Печально известное место.

Кейт вздрогнула. В голосе служительницы дома престарелых слышался ужас. Теперь Кейт припоминала, что действительно сталкивалась с этим словом один или два раза. Психиатрическая клиника для особо тяжелых пациентов.

– Кажется, это под Ньюкаслом, – сказала Кейт. – Теперь припоминаю… Ну конечно… Чемберфилд.

– Там в основном буйные пациенты, – пояснила молодая женщина, и было видно, как она боится этого места и этих людей. – Если мистер Касуэлл действительно был там… Ужас…

– Но мы ведь не знаем, из-за чего он там оказался, – возразила Кейт. – Депрессия, риск суицида… Совсем не обязательно он представлял угрозу для окружающих.

На самом деле, в ее голове закрутились мысли. Нужно было срочно выяснить, почему мистер Касуэлл оказался в психиатрической больнице. Выходит, он не просто суров и нелюдим. Он болен. И дочь

этого человека бесследно исчезла… Кстати, у Райана не было алиби на время ее исчезновения. Интересно, как так получилось, что Калеб Хейл упустил этот момент биографии Райана Касуэлла? Или же он знал об этом, но не стал развивать эту тему как не имеющую непосредственного отношения к расследованию?

«Он не злой человек», – говорила Леонора. Значит, кто-то считал Райана «злым». Там было что-то, что заставило его мать защищать сына перед незнакомой женщиной.

Как ни хотелось Кейт позвонить Калебу Хейлу, она сдерживалась. Инспектор сошел бы с ума от ярости. Достаточно того, что в понедельник вечером он узнал, что Кейт выдает себя за журналистку и контактирует с людьми, причастными к исчезновению Амели Голдсби. Кейт и без того каждую минуту со страхом ожидала звонка Калеба Хейла. Наверное, было бы правильнее сознаться во всем самой. Ей нравился Калеб. Кейт не хотела терять такого друга.

Теперь ей придется ехать в Чемберфилд. Кейт знала, как тяжело общаться с врачами, даже сержанту Скотланд-Ярда. Но она должна раскрыть тайну Райана Касуэлла. С самого начала ее мысли крутились вокруг него – и, похоже, не напрасно.

Кейт посмотрела на часы, поставила кружку с чаем и вышла за дверь. Она торопилась домой: риелтор с возможными покупателями ожидались к четырем часам. Чемберфилд можно запланировать на завтра.

Кейт попрощалась с Леонорой Касуэлл, которая на это никак не отреагировала, и вслед за молодой служительницей пошла по лабиринту коридоров к выходу. На улице облегченно вздохнула. Атмосфера в этом доме действительно была гнетущей. Перед глазами стояла трясущаяся от холода Леонора. Кейт спросила себя, сколько ей лет, и тут же отбросила эту мысль. Только не сейчас, когда впечатления от Трескотт-Холла так свежи.

Кейт проехала несколько сотен метров в сторону города и остановилась на парковке проверить телефон. В «Вотсапп» поступило сообщение от Дэвида Чапленда.

С нетерпением жду нашей встречи.

Кейт улыбнулась. Ее охватило приятное, теплое чувство. Наверное, так ощущается счастье.

Второе сообщение было от Колина, и селфи, на котором он выглядел очень мрачным.

Не понимаю, почему ты порвала со мной. Говоришь, у тебя новый мужчина? Забавно, откуда он так быстро взялся? Ты, похоже, работала на два фронта. Наверное, у него больше денег, чем у меня. Женщины без ума от денег. Я зарабатываю не так много, и ты, как видно, решила, что заслуживаешь большего. Вот за что я ненавижу женщин. Деньги и престижная работа для вас всё. Человек вас не интересует. Кстати, чем занимается твой новый парень? Думаю, он неплохо устроился.

Кейт удалила это сообщение. У нее не хватило сил дочитать его до конца. Колин угрожал стать проблемой, но для себя Кейт уже решила не бояться. Его обвинения не имели под собой почвы. Кейт никогда особенно не обнадеживала Колина и ничего ему не обещала. Если он как-то иначе понимал ее вежливые ответы, в этом только его вина.

Она написала Дэвиду:

Сейчас у меня встреча с риелтором, потом еду к тебе. Буду рада тебя увидеть!

Кейт добавила смайлик в виде красного сердечка и улыбнулась. Так чудесно быть влюбленной и немного сумасшедшей…

Особенно если позволяешь себе и то, и другое впервые в жизни.

4

Правое запястье представляло собой сплошную кровавую рану. Мэнди начала обрабатывать его больше сорока восьми часов назад при помощи острого куска пластика, получившегося из бутылки. Разломать ее оказалось на удивление непросто, ведь Мэнди порядком ослабела.

Самым трудным оказалось начать. Мэнди предстояло сильно и болезненно травмировать себя, между тем как она уже была нездорова.

Девушка то и дело засыпала в изнеможении, потом пробуждалась, дрожа от холода, чтобы пару минут спустя снова ускользнуть из жуткой реальности в мир путаных и тем не менее желанных сновидений. Обожженная рука пульсировала. Мэнди заставляла себя

не смотреть на нее. Сейчас ей нужно было убедить себя, что она способна вырваться отсюда. Остальное не имело значения.

За окнами сгущалась темнота. Мэнди проспала половину дня и проснулась в лихорадке, с запястьем, все еще прикованным к стене. Ей важно было знать, как далеко она успела продвинуться за это время, пока совсем не стемнело и хоть что-то видно.

Запястье с окровавленными полосками содранной кожи выглядело ужасно, но Мэнди сжала в руке кусок пластика. Пока она спала, кровь свернулась, образовав коричневую корку и препятствуя скольжению «браслета». Когда появилась свежая кровь, Мэнди размазала ее по руке и отчаянно дернула цепочку. От боли на глазах выступили слезы. Мэнди стиснула зубы. Это нужно сделать прямо сейчас. Еще ночь – и она окончательно потеряет силы, смирится со своей судьбой и умрет, прикованная к стене. У нее жар. Ожог инфицирован, рано или поздно то же будет с запястьем. Одно это может привести к тому, что Мэнди скоро вообще перестанет осознавать, чего хочет.

Еще рывок – и рука проскользнула сквозь железное кольцо.

Она освободилась.

Пару минут Мэнди в тусклом дневном свете смотрела на руку, окровавленную и как будто ей не принадлежавшую. Затем медленно поднялась и перевела взгляд на кусочек пола под окном, где пять, шесть, семь дней или даже дольше корчилась, то сидя, то лежа, металась в лихорадке, мучилась голодом и жаждой. Теперь это в прошлом. Кровь пульсировала, била, ощущалась как огненный поток. На несколько секунд комната вокруг закружилась, ноги задрожали, угрожая обмякнуть, но Мэнди устояла. Она молода. Пожилой человек давно умер бы или потерял всякую способность действовать.

Мэнди подошла к окну и тут же увидела решетку. Далее расстилалось то, чего она так боялась – бесконечная безлюдная пустошь. Равнина, овеваемая всеми ветрами. Редкая бледно-желтая трава. Вдали, где небо соприкасалось с землей, за облаками угасали последние остатки дневного света. Значит, там запад. Совершенно бесполезное знание… Нигде ни малейшего намека на присутствие людей. Она одна на многие, многие мили вокруг.

Мэнди подошла к входной двери и подергала ручку – ничего. Может, попробовать взломать замок осколком пластиковой бутылки?

Скорее всего, ничего не получится. Но можно подыскать более подходящий инструмент.

Другой коридор вывел Мэнди еще в две комнаты. Она щелкала выключателями, но свет не загорался. В этой лачуге не было электричества. Как и воды, иначе ее не приходилось бы каждый раз приносить. В маленькой комнатке, где, судя по всему, когда-то была кухня, Мэнди повернула кран. Ничего не произошло.

Она огляделась. Навесные шкафы на стенах. Раковина. Плита. Стул. Ящики с бутылками поставлены один на другой. Мэнди стала проверять бутылки – пусто. Если что и оставалось на дне, давно высохло.

Она выдвигала ящики в шкафах, но находила только пластиковые крышки от бутылок, резинки, соломинки для питья и свернутые электрические гирлянды с разноцветными лампочками. «Что это за дом такой?» – удивлялась Мэнди.

Она подошла к окну. Ей пришло в голову взглянуть на море, темное, без белых барашков. Дом должен стоять над бухтой. Мэнди подумала, что изначально он предназначался для туристов, и здесь можно было посидеть, что-нибудь поесть и выпить. Летом люди толпами ходят по чертовым прибрежным тропам. Но сейчас осень, и рано темнеет. Появление туристов крайне маловероятно.

Можно попытаться разбить кухонное окно, используя ящик из-под напитков. Оно зарешечено, поэтому выбраться не получится. Разве закричать, в надежде на одинокого заблудившегося туриста… Но Мэнди отвергла этот план. В доме и без того невыносимо холодно. Если она разобьет окно, рискует замерзнуть насмерть. Тем более что между комнатами нет дверей, за которыми можно укрыться от ветра. Так или иначе, до следующего утра точно никто не появится. Она подумает в течение дня, стоит ли разбивать окно.

В другой комнате оказались туалет, раковина и крохотная душевая кабина. Сквозь узкое окошко в потолке просачивалось немного света. Двери не было – ее сняли, судя по петлям на раме. Так было везде. Зачем? Чтобы держать под контролем все пространство дома. Никто не должен иметь возможности спрятаться.

– Как здесь все отвратительно, – пробормотала Мэнди.

Она лихорадочно осматривала каморку в поисках воды. Снаружи стремительно угасал пасмурный ноябрьский день. Ни капли – ни в

кране, ни в раковине, ни в душевом смесителе. В каждом углу душевой кабины плесень. Мэнди поморщилась и быстро закрыла дверцу, как будто плесень могла вскочить и наброситься на нее.

Последней надеждой был унитаз. Бачок автоматически наполняется после каждого слива. Воду, конечно, отключили, но это могли сделать и при полном резервуаре. Каким бы грязным ни выглядел бачок снаружи, жажда сильнее отвращения. Но и в бачке оказалось сухо.

«Черт», – выругалась Мэнди. Она решила время от времени разговаривать сама с собой, чтобы не сойти с ума от одиночества.

Оставался унитаз – самый ужасный из возможных вариантов, но лучше, чем смерть от жажды. Мэнди подняла крышку – ни капли. Или все испарилось, или выпил кто-то другой. В ванной не оказалось зеркала, что скорее обрадовало Мэнди. Ее лицо могло оказаться во сто крат ужаснее всего виденного до сих пор.

Внезапно ей пришло в голову, что она не первая пленница в этих стенах, и Мэнди удивилась, почему не думала об этом раньше.

Что же стало с остальными?

5

– Против этих покупателей у вас не должно возникнуть возражений, – пообещал риелтор с ноткой нетерпения в голосе, потому что почувствовал неуверенность Кейт. – Они просто влюбились в ваш дом.

Кейт кивнула. Это было правдой. Две женщины, удочерившие девочку из России и занимавшиеся усыновлением еще одного ребенка, подыскивали дом с садом. Предложение Кейт привело их в восторг. Женщины нашли дом восхитительным, планировку – идеальной, а сад – просто чудесным. Они уже подумывали, где поставят качели, какие овощи будут выращивать. Вне сомнений, семье Линвилл нашлись достойные преемники.

– Прошу вас сообщить окончательное решение не позднее понедельника, – сказал риелтор. – Если вам, конечно, нужны эти выходные, чтобы определиться.

– Я свяжусь с вами, – пообещала Кейт.

Она попрощалась с риелтором, прошла на кухню и выглянула в сад, прислонившись к двери. Там быстро сгущались сумерки. Теперь Кейт различала только силуэты деревьев.

* * *

Она должна была обсудить этот вопрос с Дэвидом, но боялась. Тем самым Кейт как будто подталкивала его к решительным действиям – ради себя, их отношений и общего будущего. Но с продажей дома действительно возникала проблема, которую Кейт не могла разрешить самостоятельно. У нее не будет жилья в Скарборо. Придется покупать или арендовать что-нибудь, если она все-таки решится перейти работать в местное отделение полиции. Что выглядит абсурдно, поскольку на сегодняшний день дом у нее есть. Если Кейт хочет долгосрочных отношений с Дэвидом, было бы разумно сохранить этот дом и сменить место работы. Но для этого нужно поговорить с ним. Более того, честно признаться наконец, кто она такая. Держать дом пустым, а самой жить в Лондоне – слишком дорогое удовольствие. Кейт не могла позволить себе такого надолго.

Она вздохнула. Было кое-что еще, что ее беспокоило, вопрос, который пугал, стоило только задержать на нем внимание. Почему Дэвид сам не видит этой проблемы? Он ведь знает, что она хочет продать дом и сегодня встречается с возможными покупателями. Сделка может состояться в любой момент, и тогда Кейт потеряет жилье в Скарборо. Так или иначе, ей придется вернуться в Лондон. О чем он думает? Где они будут встречаться? В ее лондонской квартире по выходным? Или у него в Скарборо? И в том, и в другом случае это долгое и затратное путешествие. С другой стороны, многие пары так и живут.

Но Кейт думала о том, что Дэвид мог хотя бы поднять этот вопрос в разговоре с ней. Он вел себя так, будто проблемы не существует и нынешнее положение будет продолжаться вечно.

Может, он вообще не планировал продолжать знакомство? Или же относился к этому не так серьезно, как она? Возможно, он просто такой человек – более легкомысленный. Или же более легкий, из тех,

кто полагает, что проблемы разрешаются сами собой, если достаточно долго их игнорировать.

Но они не разрешаются сами собой. Дэвид должен знать это не хуже Кейт. Если для него это важно, с какой стати он ведет себя так, будто его это не касается?

Кейт прижалась лбом к холодному стеклу веранды. Так или иначе, ей придется затронуть эту тему сегодня вечером.

* * *

Она подскочила от неожиданности, когда раздался звонок в дверь. Посмотрела на часы – почти пять. Кто мог заявиться к ней в такое время?

Кейт прошла в переднюю часть дома и открыла входную дверь. На пороге стоял Калеб Хейл.

– Добрый вечер, Кейт. Можно к вам на минутку?

Кейт догадывалась, зачем он явился. У нее не было никакого желания выслушивать обвинения инспектора, и она решительно отшагнула вглубь прихожей.

– Честно говоря, я собиралась уходить.

– Всего десять минут.

Она провела Калеба в гостиную и показала на один из складных стульев перед камином:

– Прошу. Ничего другого, к сожалению, предложить не могу.

Он огляделся:

– Так вы действительно его продаете?

– Конечно, – ответила Кейт, хотя это было далеко не очевидно, с учетом изменений в личной жизни. – Появились покупатели, с которыми я, похоже, заключу договор.

Калеб медленно кивнул:

– Я-то полагал, теперь у вас появились причины хотя бы одной ногой задержаться в Скарборо…

– Содержать пустой дом для одной ноги слишком дорого, – ответила Кейт. – Я не могу себе такого позволить.

Он снова кивнул и продолжил:

– Вы, конечно, не случайно оказались в квартире Дэвида Чапленда. И не без причины выдаете себя за журналистку.

Кейт не ответила.

– Никак не можете отпустить эту историю? – спросил Калеб.

Она продолжала молчать.

Кейт устала. Меньше всего хотелось поднимать тему вмешательства в чужое расследование. Меньше всего хотелось объясняться или оправдываться. У нее и без того слишком много проблем.

– Что ж, – продолжал Калеб. – По крайней мере, я могу сообщить вам хорошую новость. Если у вас возникло подозрение или страх, что Дэвид Чапленд имеет какое-то отношение к исчезновению Амели Голдсби, я могу вас успокоить. По сути, дела Амели Голдсби вообще не существует.

– То есть? – Усталость сразу забылась.

– Его не существует, по крайней мере в привычной нам форме. Я знаю об этом со вчерашнего дня.

– Амели нашлась?

– Да.

– Слава богу!

Калеб наконец рухнул на один из складных стульев.

– У вас случайно нет чего-нибудь выпить? Чего-нибудь покрепче, я имею в виду.

– Калеб, я даже не знаю…

– Так есть или нет?

Кейт принесла из кухни бутылку виски и два бумажных стаканчика, налила и села напротив Калеба. Тот осушил свой стакан одним глотком и рассказал все об Амели Голдсби и Алексе Барнсе. Об инсценированном спасении и остальном.

Кейт пришла в полное недоумение:

– Это невозможно! Все было совсем не так. Это не может быть правдой! Боже мой, бедные родители…

– Да, для них это был шок. Такой сюрприз от родной дочери!

– Она влюблена, – сказала Кейт.

– Барнс – скользкий, беспринципный тип, который на всем зарабатывает деньги. Кроме того, долгосрочная связь с Амели не входила в его планы. Он хотел избавиться от нее, и как можно скорее.

– Наверное, она это понимала. Он не мог просто оставить ее. Риск, что она кому-нибудь все расскажет, был слишком велик. Барнс потерял контроль над ситуацией и запутывался все больше. Вероятно, какое-то время ему все же придется провести в тюрьме.

– Но Амели тоже не уйдет от наказания.

– Препятствование работе полиции, не более того. Вымышленная история похищения, вымышленный образ преступника… Она пустила нас по ложному следу, а я ничего не заметил. Это моя вина.

– Никто ничего не заметил, – успокоила его Кейт. – Включая психолога, который разговаривал с Амели каждый день. Не вините себя, Калеб.

– Но шок был самый настоящий. Я о тех минутах, когда она висела над водой и Алекс не мог ее вытащить. Они не рассчитывали на это, но в итоге Амели чуть не погибла. Это придало искренности ее словам в беседах с психологом. Ведь Амели говорила правду, выражала свои настоящие чувства и страхи. Тем самым ей прекрасно удавалось скрывать остальную часть истории. Подозреваю, если б она решила рассказать о вымышленном похищении в деталях, мы столкнулись бы с куда большими противоречиями и нестыковками. Но до этого не дошло.

– Она не так проста, эта Амели, – заметила Кейт.

– Можно сказать и так, – согласился Калеб.

Кейт поймала его тоскливый взгляд на бутылку виски и сделала вид, что ничего не заметила. Иногда Хейлу требовалась защита от самого себя.

– Мы опять в самом начале, – сказал он. – Мы не знаем, кто убил Саскию Моррис. Речи о серийном убийце больше нет. То есть похищение Саскии Моррис вполне могло быть преднамеренным. Она не случайная жертва, оказавшаяся не в том месте не в то время. Нужно еще раз тщательнее присмотреться к ее семье и окружению. – Калеб сделал паузу и добавил: – Что мы уже делали тогда, сразу после ее исчезновения. Безрезультатно.

– Есть еще Ханна Касуэллл, – осторожно напомнила Кейт. – И, может, другие.

– Мэнди Аллард?

– Кто такая Мэнди Аллард?

– Пропавшая девушка. Но это совсем другой случай. Она ушла из дома после того, как мать запустила в нее чайником с кипятком. Некоторое время мы ею занимались, но в конечном итоге не нашли никаких доказательств того, что ее история имеет какое-то отношение к делу Саскии Моррис. Похоже, девушка просто скрывается, потому что не хочет возвращаться домой. Это понятно, учитывая обстановку в семье.

– Но по какой-то причине вы все-таки обратили на нее внимание? Что заставило вас это сделать?

Калеб покачал головой:

– Ничего. О ней можно забыть, правда. И потом, это не ваше расследование, Кейт. Мне нечем особенно хвастать, и тем не менее делом Саскии Моррис занимаюсь я.

– Это так, – согласилась Кейт.

Она хотела рассказать о пребывании Райана Касуэлла в психиатрической лечебнице, но теперь это не имело смысла. Калеб мог рассердиться. Он не желал обсуждать с ней эту тему. «Расскажу обо всем, когда разберусь сама», – решила Кейт.

Калеб понял, что виски ему больше не нальют, и встал.

– Но вы ведь будете навещать родителей, Кейт, – сказал он. – Им нужно это утешение.

Кейт проводила его до входной двери.

– Я буду их навещать, – пообещала она. – И потом, Калеб, не мучайте себя. Никто не понял, что Амели лжет. И вы оказались правы в том, что не доверяли Алексу Барнсу. Вы никогда не видели в нем благородного спасителя и с самого начала подозревали, что с ним что-то не так. Интуиция вас не обманула.

– Очень мило с вашей стороны, Кейт, – ответил Калеб. – Впредь постараюсь вас не разочаровывать.

Кейт смотрела, как он возвращался к машине. Шагал тяжело, как будто на его плечи давила невидимая ноша. И Кейт знала, что это: нераскрытое убийство Саскии Моррис. Осознание собственной вины за растраченные попусту ресурсы и время. Положение Калеба Хейла было незавидным.

Кейт заперла дверь, прошла на кухню, вырвала листок из блокнота на подоконнике и записала имя: «Мэнди Аллард». Вгляделась в него и задумалась.

* * *

Неправда, что мне совсем ее не жаль. Напротив, я только и думаю о Мэнди. Каково ей там, без воды, пищи, прикованной к стене?

Бедная девочка. Я чувствую свою вину, но, поразмыслив как следует, прихожу к выводу, что она сама поставила себя в такое положение. Мэнди не следовало меня отвергать, тем более так резко и обидно. Только подумать, как грубо она со мной обошлась… Она втоптала в грязь меня и мои предложения прекрасного, обеспеченного будущего. Ее не должно удивлять, что я не хочу иметь с ней ничего общего. Я всего лишь человек, хотя и очень терпеливый. Мне не нравится, когда со мной так обращаются.

Конечно, сейчас ей тяжело. Иногда я думаю, не облегчить ли ее участь? Не думаю, что так приятно медленно умирать от голода и жажды. Но что я могу для нее сделать? Убить топором? Вряд ли у меня это получится.

Хотя… Мэнди, наверное, ослаблена. Абсолютно беззащитна. Она не станет сопротивляться. Это значительно облегчит задачу. Возможно.

Я брожу по дому, захожу на кухню. Рядом с плитой подставка для ножей. Ножи длинные и острые. Одно движение – и все будет кончено.

Я выхожу в гостиную, но потом разворачиваюсь и возвращаюсь на кухню. Перерезать горло – как это театрально… Не мой стиль. Я смотрю на свои руки. Что здесь еще есть такого, чем можно убить? Эта идея начинает овладевать мной. Возможно, потому что Мэнди разозлила меня больше других. Никто из них до сих пор так меня не оскорблял. Я представляю себе, как подъезжаю к дому, открываю дверь. Мэнди садится в своем углу, смотрит на меня с надеждой. Неудивительно, когда мысли так долго вращаются вокруг еды и питья. Она думает, сейчас я дам ей и то, и другое. Прижимается к стене. Одна ее рука висит на цепи, глаза полны ожидания. Я впервые улавливаю в ее взгляде что-то… вроде благодарности. В кои веки Мэнди рада меня видеть.

Эта мысль оживляет меня. Благодарность – хорошее чувство, очень хорошее. Но я не прощаю ее. Мэнди поймет это, когда я подойду поближе. Прочитает это в моих глазах, и тогда станет кричать. Просить, умолять, биться о стену. Рвать цепь.

Она беззащитна. Совершенно беззащитна. В конце концов, это милосердие с моей стороны. Мэнди может не понимать этого и не ценить, но все равно это так. И мне не за что винить себя.

Я смотрю за окно. Там сгущается темнота, а в доме нет электричества.

Пожалуй, подожду до завтра.

Подвал. Возможно, я спущусь и туда, после того как побываю у Мэнди.

Пятница, 17 ноября

1

Глядя на бездумно улыбающееся лицо Кейт, любой нормальный человек счел бы ее сумасшедшей. Так ей казалось самой, по крайней мере. Женщина сорока двух лет ехала на север в сгущающихся сумерках по все более безлюдным дорогам и улыбалась от уха до уха. Она не могла удержаться от этого, вспоминая предыдущий вечер и ночь, и улыбка становилась все шире.

Если ночь была чудесной, страстной и волнующей, то вечер рассеял страхи, тяготившие ее душу. Пусть не все, но почти все. Кейт так и не открыла Дэвиду свою настоящую профессию. Это огорчало ее, но она не решилась усложнять ситуацию. Сказала только, что на дом объявились покупатели, и они ждут ее ответа.

– Меня они устраивают. До понедельника я должна сообщить риелтору окончательное решение.

Дэвид посмотрел на нее с удивлением:

– Звучит вдохновляюще. И в чем проблема?

– В нас. – Кейт вздохнула. – В наших с тобой отношениях. У меня квартира в Лондоне. Мне негде будет здесь жить.

– Ты живешь со мной, это не обсуждается.

– Дэвид, не все так просто. Мы даже не знаем…

Он потянулся через стол и взял ее за руку:

– Продай дом, Кейт. Просто сделай это и верь, что все будет хорошо.

Дэвид обошел стол и обнял ее. Поцеловал, а потом они пошли в спальню. Молча, потому что все было сказано.

Теперь самое время подумать над предложением Калеба о переводе в криминальный отдел полиции Скарборо. Они хорошо сработаются.

Кейт не смогла удержаться от улыбки при мысли, что камень преткновения в отношениях с Калебом – ее привычка вмешиваться в чужие расследования – наконец будет убран. Они официально станут

коллегами. Эта мысль наполнила ее радостью. Открывалась новая страница жизни – во всех отношениях.

«Кто бы мог подумать, Кейт, – сказала она себе, глядя на свое сияющее лицо в зеркале заднего вида. – Ты и мечтать не смела о том, чтобы все так разрешилось».

Мысли о новой работе отвлекли Кейт от дороги. Она огляделась. Ньюкасл остался позади. Кейт ехала по пустому шоссе, лишь изредка из темноты появлялись встречные машины. Вокруг расстилался однообразный, бесплодный пейзаж.

Зачем она вообще сюда приехала? Она совала нос не в свое дело, что было тем более не слишком умно, с учетом изменившихся обстоятельств. Наверное, отстраниться было бы правильнее. Дела Амели Голдсби по сути нет, как сказал Калеб. Раскрыть исчезновение Ханны Касуэлл после стольких лет, похоже, невозможно. Убийца Саскии Моррис все еще разгуливает на свободе, но Калеб и его люди сделают все, чтобы найти его. Участия Кейт, скорее всего, не потребуется. У нее хватает забот в личной жизни. Это расследование вне ее компетенции явно лишнее.

Кейт сомневалась. Она так долго ехала… И почти на месте.

Так и быть, она войдет туда. Расспросит о Райане Касуэлле и уйдет.

Чемберфилд выглядел таким же богом забытым местом, как и Трескотт-Холл, хотя и ощущался несколько по-другому. Не настолько старое здание, хотя и современным не назовешь. Мрачноватое, пожалуй. Функциональный стиль семидесятых. Но в целом все вполне пристойно и чисто. Недавно оштукатуренные наружные стены. Большие окна, конечно, пропускают много света и закрываются, скорее всего, лучше, чем в Трескотт-Холле. Перед зданием большая асфальтированная парковка с несколькими автомобилями. За ней окруженный высоким забором парк.

В Чемберфилде содержатся тяжелобольные пациенты и лица, осужденные на превентивное заключение. Кейт спросила себя, содержался ли Райан Касуэлл в этой изолированной части клиники? Такое трудно представить. Калеб узнал бы об этом сразу, когда расследовал исчезновение Ханны Касуэлл. И газеты, конечно, разнесли бы эту информацию. Так что Райан вряд ли был здесь по

решению суда. Что, конечно, не исключает серьезности его заболевания.

Кейт вышла из машины. Резкий ветер пронизывал до костей, и она поплотнее закуталась в пальто. Мобильный засигналил, и Кейт открыла «Вотсапп» в надежде увидеть сообщение от Дэвида. Но это оказался Колин.

Как ты думаешь, насколько правильно мне не отвечать? Это очень удобное решение, просто молчать, после того что между нами произошло…

Кейт вздохнула и удалила сообщение. Колин, как всегда, в своем стиле.

– Между нами ничего не происходило, черт возьми! – сказала она громко.

Пересекла парковку, толкнула массивную стеклянную дверь и только после этого увидела звонок. Минуту спустя ей ответил мужской голос:

– Да?

– Детектив-сержант Кейт Линвилл, лондонская полиция.

Журналистке здесь не открыли бы и точно не предоставили бы никакой информации.

– Лондонская полиция? Скотланд-Ярд?

– Да. Впустите меня, пожалуйста.

– В чем дело?

– Будьте добры, откройте дверь.

Еще пара секунд, и раздался гудок. Кейт вошла в холл. Семидесятые, однозначно. Деревянные панели на стенах, деревянный потолок. Большие оранжевые лампы сферической формы. Зеленый линолеум. По крайней мере, здесь тепло. Хоть и пахнет каким-то моющим или дезинфицирующим средством. Химический запах, но приятный. Создает ощущение чистоты и свежести, вполне соответствующее этому месту.

Навстречу Кейт вышел пожилой мужчина, выглядевший так, будто его мучили застарелые проблемы, решить которые он давно отчаялся, но они наложили глубокий отпечаток на его черты. «Доктор Стивен Олскотт» – было написано на бейджике. Когда всю жизнь имеешь дело с психически больными людьми, поневоле будешь выглядеть как страдающий хронической депрессией.

– Сержант Линвилл?

Она показала удостоверение, на которое доктор Олскотт даже не взглянул.

– Я доктор Олскотт. Чем могу быть вам полезен?

Похоже, он не собирался приглашать ее в кабинет. Они стояли друг напротив друга в пустом холле.

– Речь пойдет о вашем бывшем пациенте, – сказала Кейт. – Райан Касуэлл.

Доктор Олскотт слегка покачал головой:

– Мы не предоставляем информации о пациентах. Врачебная тайна…

– Опасная ситуация…

– Тем не менее. Только по решению суда, да и то…

На решение суда Кейт рассчитывать никак не могла.

– Мне не нужны подробности лечения, – сказала она. – Почему он оказался здесь – вот и все, что я хочу знать. И как долго пробыл.

Доктор Олскотт грустно посмотрел на нее:

– И этого тоже я вам открыть не могу.

– Мистер Олскотт, я расследую похищение и убийство девушки. Мне нужно знать, почему Райан Касуэлл здесь содержался.

Олскотт остановился и наморщил лоб:

– Райан Касуэлл? Он не содержался здесь в качестве пациента. Он у нас работал, по хозяйственной части.

– О! – вырвалось у Кейт.

Такого варианта, при всей его очевидности, она до сих пор не рассматривала. Разумеется, Райан Касуэлл здесь работал.

– Но это было очень давно, – продолжал Олскотт. – Около двадцати лет тому назад.

Кейт задумалась. Леонора Касуэлл повторяла, что ее сын не сделал ничего плохого, как только вспомнила про клинику. Но Райан не был пациентом Чемберфилда, он здесь работал. Может… его в чем-то подозревали?

– Почему он ушел отсюда? – спросила Кейт.

Олскотт задумался.

– Я не застал здесь Райана Касуэлла. Как будто была какая-то история с пациенткой…

Кейт почувствовала, как забилось сердце. В Райане Касуэлле было что-то такое, что никогда ей не нравилось. Дело даже не в его грубости. Итак, у него был роман с пациенткой? Насколько она была молода? Намного старше Ханны, Саскии, или… Райан Касуэлл любил молоденьких девушек?

– Лучше спросить доктора Меннеринга, – сказал Олскотт. – Он тогда уже работал здесь и знает об этом больше.

Олскотт исчез в одном из коридоров, отходящих от холла, и спустя некоторое время вернулся с другим пожилым мужчиной, выглядевшим еще мрачнее.

– Вы из Скотланд-Ярда, сказал мой коллега? Я доктор Меннеринг. Чем могу служить? – Он крепко пожал Кейт руку.

– Сержанта интересует Райан Касуэлл, – поспешил объяснить доктор Олскотт. – Его ищет полиция, и…

– Мы не ищем его, – перебила Кейт. – У Райана Касуэлла есть квартира, и он действительно там проживает. Нужно навести справки, не более того.

– Странный всплеск интереса к Райану Касуэллу, – заметил Меннеринг. – Десятилетиями о нем никто не вспоминал, и вдруг сразу два запроса в течение нескольких дней…

Кейт наморщила лоб. Два запроса? Неужели Калеб уже успел?

– Кто еще о нем спрашивал?

– Родственник пациентки, из-за которой Касуэлла уволили, – ответил Меннеринг. – Довольно молодой человек.

– Он задавал вопросы о Райане Касуэлле?

– Его интересовала скорее она. Пациентка, его дальняя родственница. И ее заболевание. В этом плане его интерес отличался от вашего, сержант. Конечно, мы ему ничего не сказали.

Кейт лихорадочно пыталась разобраться в том, что услышала за последние две минуты. Все оказалось сложнее, чем она думала, но Линвилл чувствовала, что приближается к разгадке. По крайней мере, теперь разгадка была в пределах досягаемости.

– То есть Касуэллу пришлось уйти из-за пациентки? Полагаю, он завязал с ней любовные отношения?

– Именно. Очень молодая женщина, семнадцати лет. Маниакально-депрессивный психоз. Разумеется, ни о каких таких отношениях пациентов с персоналом у нас не может быть и речи. Как

только мы узнали об этом, Касуэллу оставалось только собрать вещи. Мы решили не привлекать полицию, чтобы не ломать ему жизнь. Уволили в дисциплинарном порядке.

– Понятно. И кто была эта пациентка?

– Не могу вам сказать.

– Ей было семнадцать лет, вы говорите? У вас лечатся и такие?

– На самом деле мы не психиатрическая больница для подростков и молодежи, но случаются исключения. Этой пациенткой занимался терапевт, который поступил к нам на работу и, с нашего разрешения, просто привел ее с собой.

– Как долго она была здесь?

– Два года.

– Хотела ли она отношений с Касуэллом или он ее принуждал?

Меннеринг как будто засомневался:

– Он ее не принуждал. Но в случаях тяжелого психического заболевания едва ли можно говорить о свободном выборе. Она не вполне осознавала, что делает.

Кейт чувствовала, что подошла к разгадке вплотную и все, что остается – установить причинно-следственные связи и сделать правильные выводы. В то же время от разгадки ее отделяли непроходимые заросли.

– Терапевт, который лечил эту пациентку, еще здесь? – спросила Кейт. – Могу я поговорить с ним?

– Он на пенсии, – ответил Меннеринг. – Но я могу сообщить его имя и адрес. Думаю, он до сих пор живет в Ньюкасле.

– Было бы очень любезно с вашей стороны, спасибо. Что же касается Райана Касуэлла…

Кейт запнулась, подбирая нужное слово. Мужчины выжидающе смотрели на нее. Или нетерпеливо? У них были дела поважней, чем беседовать с сержантом Скотланд-Ярда.

– Касуэлл не был вашим пациентом, следовательно, врачебная тайна на него не распространяется, – нашлась наконец Кейт.

– Именно, – подтвердил Олскотт.

– Какое у вас сложилось впечатление о Касуэлле? Чем он вам запомнился… я имею в виду, помимо этой истории с пациенткой? Другие проблемы с ним были?

Меннеринг и Олскотт задумались.

– Честно говоря, – начал Меннеринг, – мы уделяли ему не так много внимания. У нас достаточно хлопот с пациентами. Он работал у нас… по хозяйственной части. И в этом плане был абсолютно надежен, вот и все, что я могу о нем сказать. Все у него было в порядке. Касуэлл устранял любые поломки. Он хорошо делал свою работу.

– И больше ничем не привлекал вашего внимания? Были еще истории с женщинами… ну, или с молодыми девушками?

– С молодыми девушками? – раздраженно переспросил Меннеринг.

– Да. Может, он питал слабость к подросткам? Ничего такого не заметили?

– Нет, даже если такое и было, – ответил Меннеринг. – Мы вообще не интересовались его частной жизнью.

– У него были серьезные отношения с женщинами?

Меннеринг пожал плечами:

– Понятия не имею. Он никогда не появлялся здесь с женщиной и не упоминал никаких женщин. В этом отношении Касуэлл всегда казался мне… немного странным, что ли. Волк-одиночка. Никогда ничего о себе не рассказывал. Да я и не спрашивал, честно говоря. Ничего об этом не знаю. Райан Касуэлл, как бы неприятно это ни звучало, впервые обратил на себя внимание только в связи с этой пациенткой.

– Как это открылось?

– Она созналась во всем своему терапевту.

Кейт кивнула. Терапевт определенно важен.

– Можно его имя и адрес?

* * *

Спустя без малого час Кейт уже беседовала с доктором Беном Расселом. К счастью, он все еще проживал по известному в больнице адресу в Чемберфилде и оказался дома.

Маленький худощавый мужчина с настороженными глазами, он выглядел умным, проницательным и беспокойным человеком. Ему как будто было достаточно взглянуть на Кейт, чтобы понять, в чем ее

проблема. Так ей показалось, во всяком случае. Так или иначе, заглядывать в людские души было частью его работы.

– Конечно, я хорошо помню эту историю, – начал доктор Рассел.

Он сидел напротив Кейт в маленькой гостиной, стены которой почти полностью закрывали шкафы с книгами. Кейт с благодарностью приняла его предложение выпить чаю. Припарковаться пришлось довольно далеко от дома, она целую вечность шла по холоду и промерзла насквозь. Теперь перед ней стояла чашка с кипятком и ромашковым пакетиком. Не самый любимый вкус, но согреться можно.

Кейт представилась сержантом Скотланд-Ядра, почему и была немедленно принята.

– Хорошо помню, – повторил Рассел, – даже слишком хорошо. В Чемберфилде эта история наделала много шума. Касуэлла уволили без предварительного уведомления, что совершенно справедливо.

– Касуэлл приложил много усилий, чтобы добиться этой женщины?

Доктор Рассел задумался:

– Похоже, он влюбился в нее по уши. И она не стала с порога его отвергать. Касуэлл просто не мог упустить такую возможность.

– У него были проблемы с женщинами?

– Не знаю, были ли у него проблемы. Но определенно Касуэлл не был из тех парней, на которых женщины слетаются как мухи на мед. Слишком угрюмый, замкнутый, даже мрачный. Тяжелый человек, каких обычно сторонятся.

– И когда он закрутил с ней роман… у него была другая женщина на тот момент? Я имею в виду, жил ли Касуэлл один или был женат?

Рассел покачал головой:

– Я почти уверен, что другой женщины не было. Однажды я поздно выходил из клиники и встретил Касуэлла у входа, он чинил лампы. Ну, я и заметил в шутку, что он не слишком торопится домой; что, мол, скажет на это жена? Касуэлл мрачно посмотрел на меня и ответил, что у него никого нет, поэтому неважно, когда он придет домой и придет ли вообще. Это прозвучало… – доктор Рассел осекся.

– Как это прозвучало? – спросила Кейт.

– Как слишком серьезный ответ на шутливый вопрос. За этим чувствовалась неподдельная горечь… рана, разочарование. У меня не

сложилось впечатления, что этому человеку хорошо одному. У него не складывалось с женщинами. Дело, конечно, в нем самом, но Касуэлл едва ли мог что-нибудь изменить в этом плане. Никому из нас не под силу вылезти из собственной шкуры. Разве самую малость, да и то…

Кейт кивнула. Кому-кому, а ей этого объяснять не нужно.

– И вот у него появилась женщина, – продолжал Рассел. – Не то чтобы Касуэлл сразу превратился в обаяшку, но немного оживился, это было заметно. Перед ним вдруг открылось какое-никакое будущее. Почти все врачи в клинике сочли его поступок возмутительным, но я ему скорее сочувствовал. Потому что в каком-то смысле понимал его. Касуэлл не был беспринципным парнем, воспользовавшимся беспомощностью психически больной женщины. Он искал любви. Не думаю, что из этого могло выйти что-то путное. Позже я потерял их обоих из виду.

– Обоих?

– Да. Его, как вы знаете, уволили, а спустя месяц она покинула клинику и переехала к нему.

– А она могла… вот так запросто покинуть клинику?

– К тому времени ей исполнилось восемнадцать. Она стала совершеннолетней. И никогда не была из тех, кого держат в клинике против их воли. Маниакально-депрессивное расстройство; она пришла в клинику добровольно и по моему совету. Разумеется, могла уйти оттуда в любой момент.

– И она переехала к Касуэллу? – спросила Кейт.

В сознании уже формировались образы, выстраивались связи, пока едва намеченные и смутные.

– Да. Насколько я помню, они почти одновременно покинули Чемберфилд и начали новую жизнь. Больше она со мной не связывалась.

– Может, вышла за него замуж?

– Не знаю. Но такое вполне можно допустить.

Кейт лихорадочно припоминала все, что знала о деле Ханны Касуэлл. Газетные статьи, материалы расследования, беседы с очевидцами… Имя…

– Линда, – сказала она. – Ее звали Линда?

Доктор Рассел поднял на Кейт удивленные глаза:

– Да.

– Она вышла замуж за Касуэлла, – сказала Кейт. Мысли продолжали крутиться. – Доктор Рассел, вы, наверное, тоже это заметили… Ханна Касуэлл, пропавшая девочка из Скарборо. История четырехлетней давности. Ее так и не нашли.

Рассел задумался.

– Да, что-то такое припоминаю. Верно… – Он посмотрел на Кейт широко раскрытыми глазами. – Да, точно, Касуэлл. Так эта девочка…

– Дочь Райана и Линды Касуэлл.

– Боже мой…

– Линда ушла из семьи, когда Ханне было четыре года. Якобы сбежала ночью, оставив мужа с маленьким ребенком. Ханну воспитывал отец. Когда ей исполнилось четырнадцать, она тоже исчезла.

– Это действительно очень странно, – растерянно пробормотал Рассел.

– Да… Все говорят о Касуэлле как о мрачном, озлобленном чудаке. Он страдает каким-то нарушением, как вы думаете?

– Что значит «страдает нарушением»? Каждый из нас чем-то страдает в какой-то мере.

– Конечно. Но нарушения бывают разные. Одни создают людям проблемы в личной жизни, другие создают проблемы людям, которые нас окружают. Или делают человека опасным для окружающих.

– Вы хотите знать, представлял ли Касуэлл опасность для окружающих?.. Признаться, сержант Линвилл, я не особенно к нему присматривался. Думаю, у этого человека были и есть серьезные проблемы во взаимоотношениях прежде всего с самим собой. С другими людьми – да, особенно в близких, личных отношениях. Касуэлл отталкивает людей своей грубостью, но в глубине души желает дружбы и понимания. В этом его трагедия. Делает ли его это опасным? Не знаю.

– Соседи говорят, Линда не могла его больше терпеть. Из-за характера, который вы только что так исчерпывающе описали.

– Вполне могу себе такое представить. Никогда не думал, что Райан Касуэлл мог стать для нее подходящей парой. Линде надо было расти, пробиваться к людям. Он же потянул ее вниз.

– Она оставила на него четырехлетнего ребенка. Насколько, по-вашему, ожидаем такой поступок в случае Линды Касуэлл?

– Насколько он ожидаем в случае любой другой женщины? – в свою очередь спросил Рассел.

– Вы психолог.

– Линда боролась с тяжелым психическим заболеванием. Полагаю, ей и одной было бы трудно выжить. Не говоря уже о том, чтобы заботиться еще и о маленьком ребенке. Так что в ее случае этот поступок можно считать вполне разумным и ответственным.

– Но оставить ребенка на такого отца…

– Райан Касуэлл не был монстром.

– Что хорошего он мог дать ребенку?

Доктор Рассел остановил на Кейт пристальный взгляд.

– Собственно, чего вы от меня добиваетесь?

– Просто пытаюсь разобраться в ситуации. – Кейт встала. – Спасибо, что уделили мне время, доктор Рассел. Я оставлю вам визитку, на случай если что-нибудь еще вспомните.

Он взял визитку:

– Спасибо. Договорились.

Они попрощались у входной двери, и Кейт снова оказалась в продуваемом всеми ветрами узком переулке исторической части Ньюкасла. Правда, теперь она не чувствовала холода. Голова горела. Близость к разгадке ощущалась еще сильнее, чем в клинике, и это заставляло кровь течь быстрее.

Почему этого никто не заметил? Линда Касуэлл пропала. Внезапно, ни с того ни с сего. Версия, что она ушла от нелюбимого мужа, казалась понятной и всех устраивала. Но если оставить в стороне этот недоказанный мотив, что останется? Что Линда Касуэлл исчезла. Бесследно, как и ее дочь.

Кейт снова и снова возвращалась к Ханне, в твердом убеждении, что только ухватившись за эту нить, можно распутать клубок.

Но не Ханна была началом истории. А Линда. Два дня тому назад в Чемберфилд приезжал молодой человек, который спрашивал о Линде. Придется еще раз побеспокоить докторов Олскотта и Меннеринга. Кейт нужно имя этого человека. Она должна знать, с какой стати его так интересует Линда Касуэлл.

Очень может быть, Райан Касуэлл не просто молчаливый, замкнутый и недружелюбный тип, полностью ушедший в свое одиночество. Возможно, он не просто ответственный и безобидный

работник по хозяйственной части. Если Линда была первой женщиной, которая ответила ему взаимностью, страх потерять ее мог толкнуть Касуэлла на что угодно.

То же могло повториться с Ханной. Касуэлл не мог допустить, чтобы девочка жила своей жизнью. Он видел в ней женщину, принадлежащую только ему.

Итак, снова Чемберфилд.

2

– Я хочу к нему.

Сколько раз за день Амели повторяла эти четыре слова? Сотни, тысячи? Дебора не считала. Так или иначе, она понимала, чего хочет дочь.

Я. Хочу. К. Нему.

Иными словами: *я ни за что на свете не собираюсь сидеть здесь с вами.*

– Тебе нельзя к нему, – резко возразил Джейсон. – Алекс Барнс заключен под стражу и оттуда, не выходя на свободу, плавно перекочует за решетку на несколько лет. Забудь его, Амели!

– Джейсон! – шепотом возмутилась Дебора.

Строгость по отношению к Амели потеряла всякий смысл. Хотя ответ Джейсона совершенно ее не задел. Амели как будто вообще потеряла связь с внешним миром.

– С какой стати мне ее обманывать? – сердито ответил Джейсон жене. – В любом случае судьба Амели никогда не заботила Барнса. Сначала он просто развлекался с ней. Потом решил с ее помощью выманить у нас кругленькую сумму. И в том, и в другом Амели его поддерживала.

– Я хочу к нему.

Дебора закрыла руками лицо и застонала. Как долго еще будет продолжаться этот кошмар? Она думала, нет и не может быть ничего ужаснее тех часов и дней, когда Амели, как они считали, находилась в руках убийцы. Но теперь, когда она была дома и в полной безопасности, ситуация только ухудшилась. Амели стала чужой. В

ловушке одержимости мужчиной, который оскорблял ее и использовал во всех возможных и невозможных смыслах.

Да, именно это и вызывало в Деборе такой ужас. Одержимость, полное отсутствие настоящих чувств. Пустота в глазах Амели. Мрачный, блуждающий взгляд, в котором ничего не было. Их дочь пребывала где-то по ту сторону, недосягаемая для слов и увещеваний.

– Амели, – сказала Дебора. – Пожалуйста, попытайся это понять. Алекс Барнс тебе не пара. То, что он сделал…

– Что вы оба сделали, – поправил Джейсон.

Он стоял, прислонившись к стене, слишком злой, чтобы сесть. Чтобы наконец замолчать.

Дебора даже завидовала мужу. Он еще мог злиться. Сама она ничего не чувствовала, кроме бездонного отчаяния, страха и беспомощности, время от времени выливавшихся в одну неизбежную мысль: «Это конец нашей семьи. Мы никогда не вернемся к тому, что у нас было. Не станем прежними».

Когда Амели успела ускользнуть от нее? Вот уже несколько месяцев у девочки роман с взрослым мужчиной, и она, мать, ничего об этом не знала. Амели впала в эмоциональную зависимость от этого мужчины, между тем как она, мать, объясняла вызывающее поведение дочери переходным возрастом. Чем больше Амели ненавидела и презирала родителей, тем уверенней Дебора убеждала себя, что с возрастом это пройдет.

– Ты ни на секунду не задумалась над тем, что делаешь с нами, – сказала она. – Когда ты пропала, мы думали, что тебя похитили. Ты должна была понимать, через какой ад нам предстоит пройти.

Амели посмотрела на мать пустыми глазами:

– Я хочу к нему.

– Забудь, – механически повторил Джейсон.

Они сидели в гостиной. Хелен Беннет посоветовала Деборе и Джейсону по возможности не оставлять Амели одну.

– Она должна выбраться из мира, который себе вообразила, – объяснила Хелен. – Мира, где она взрослая женщина и живет с Алексом Барнсом. Это будет нелегко. То, что сейчас переживает Амели, похоже на абстиненцию.

«И ты тоже ничего не заметила, – мысленно обратилась Дебора к Хелен Беннет и на несколько секунд почувствовала что-то вроде

гнева. – Ты, профессиональный психолог, разговаривала с ней каждый день на протяжении нескольких недель – и ничего не поняла».

Амели отправят в клинику, психиатрическую лечебницу для подростков и молодежи. Там очередь на несколько месяцев вперед, но Хелен удалось каким-то образом сразу получить место для Амели. В этом надо отдать должное ей, Хелен. Амели предстоит предстать перед судом для несовершеннолетних. Но судья, с высокой степенью вероятности, распорядится поместить Амели в ту же клинику, где девочка круглые сутки будет получать квалифицированную психологическую помощь.

– Это ужасно, – сказала Дебора Джейсону. – Наш ребенок в психиатрической клинике! Это… невообразимо.

– Радуйся, что там нашлось для нее место, – ответил Джейсон. – Мы не справимся с этой проблемой без их помощи.

Дебора и сама это понимала. Амели стала недосягаема. Казалось немыслимым, что она сможет просто так вернуться в школу и в нормальную жизнь. Проблема не могла разрешиться сама собой. Их мир разлетелся на тысячи осколков. Можно считать большой удачей, если из них получится собрать что-нибудь, в чем они могли бы более-менее сносно существовать.

– Пожалуй, займусь обедом, – сказала Дебора. Невозможно просто сидеть так в ожидании вечера, зная, что следующий день будет таким же ужасным. – Что ты хочешь на обед, Амели?

Дочь пожала плечами. Она очень плохо выглядела: худая, бледная, с пустыми бессмысленными глазами. Немытые волосы торчали в разные стороны.

– Может, макароны с сыром? Ты это любишь.

– Все равно, – ответила Амели.

– И все-таки…

– Оставь ее в покое, – вмешался Джейсон. – Ей все равно, пойми. Не настаивай. Пусть побудет в себе.

– Я всего лишь хотела, чтобы…

– Да, ты всегда хотела этого. Чтобы все было тихо-мирно. Чтобы Амели ела на обед любимые блюда и жила в комнате с розовыми обоями. Чтобы она хорошо выглядела, и у нас был красивый большой дом, а у твоего мужа престижная работа… Поэтому здесь никому не

разрешалось спорить, выражать недовольство, сходить с ума. При этом ты никогда не замечала…

– Чего я не замечала? – пронзительно закричала Дебора. – Чего я такого не замечала?

– А… все равно. – Джейсон махнул рукой.

– Нет, ты скажи.

– Ты покупала Амели дурацкие шоколадные яйца с картинками из жизни Барби и кукольными туфельками внутри, в то время как она уже красилась и у нее, как мы теперь знаем, были совершенно не детские интересы. Но ты упорно заставляла ее ездить с тобой за покупками, пить какао в кафе в пешеходной зоне и приносить тебе в постель завтрак на День матери. Амели давно отдалилась от этой жизни, и с каждым днем отдалялась все больше, но ты была слепа.

– А ты? – закричала Дебора со слезами в глазах. – Ты не был слеп?

– Меня целыми днями не было дома. Ты была с ней.

Она разрыдалась. Взаимные обвинения – как это ожидаемо в подобных ситуациях… Кто несет ответственность за то, что жизнь превратилась в кошмар? И в ближайшие несколько лет ничего не изменится. Вопрос о том, кто совершил ошибку, будет подниматься снова и снова.

– Извини, – смущенно пробормотал Джейсон.

– Всё в порядке, – отозвалась Дебора, вытирая глаза.

Конечно, в порядке ничего не было.

– Я хочу к нему, – сказала Амели.

Дебора достала платок и высморкалась.

– Одну вещь мне все-таки хотелось с тобой прояснить, – обратилась она к дочери. – В ту субботу, когда мы припарковались возле «Теско»… Что это было? Почему ты ушла? Я имею в виду, что-то ведь послужило спусковым крючком…

Амели пожала плечами. Взгляд оставался все таким же бесчувственным.

– Я не хотела на экскурсию, – ответила она. – И говорила вам об этом. – Отвернулась к окну и добавила, глядя куда-то вдаль: – Я хочу к нему.

Протечка в потолке спасла Мэнди от смерти. Как она сама думала, по крайней мере. Может, она и не умерла бы сразу, но точно потеряла бы сознание. Или просто лежала бы, свернувшись калачиком под одеялом, безо всякой надежды встать.

Протечку она обнаружила вечером, в последнем свете угасающего дня, на кухне. Может, это была не протечка, а что-то другое. Неважно. Там, как раз в этом месте, над окном, появилось мокрое пятнышко.

Мэнди подвинула стул к этому месту и поднялась на ватных ногах, стараясь держать равновесие. Упасть и сломать себе что-нибудь – последнее, что ей было нужно. Она и без того дошла до края. Обожженная рука страшно болела; другая, с ободранным запястьем, выглядела так, что… Мэнди старалась на нее не смотреть. Сплошная рана, источавшая неприятный запах. Нужно было чем-нибудь обернуть, но у Мэнди не было ни клочка ткани. В случае ухудшения можно пустить на бинты что-нибудь из одежды, но это крайняя мера, потому что в доме страшный холод. Весь вопрос в том, какая угроза перевесит.

Потолок на кухне был низкий, так что Мэнди смогла до него дотянуться, встав на стул. Открыла рот и потрескавшимися, высохшими губами слизнула влагу прямо с извести. Странный вкус, немного напоминающий лайм. Вода, вне всякого сомнения. Поскольку снаружи дождя не было, оставалось предположить, что на чердаке конденсируется влага. То есть дом – как ни трудно было себе такое представить – все-таки выделял тепло. Возможно, потому, что его в течение нескольких дней отапливали пропаном. Конденсат просачивался сквозь потолок, и Мэнди слизывала его, не в силах остановиться. Ничто в жизни не казалось ей таким вкусным. Никогда прежде она не испытывала такого облегчения от того, что жизненные силы, оставившие тело, медленно, но верно возвращаются.

Как бы абсурдно это ни звучало, но те несколько капель, которые Мэнди удалось слизать с потолка кухни, действительно укрепили ее. Девушка ожила. Мысли прояснились, и у нее больше не было ощущения, что она может в любой момент уснуть навсегда.

Спустившись со стула, Мэнди вознесла молитву небесам, чтобы послали ей больше конденсата. Теперь ее судьбу определяло крохотное влажное пятнышко на потолке над окном.

За ночь она несколько раз вставала и, закутавшись в одеяло, брела сквозь темноту на кухню, где снова и снова взбиралась на стул, подставляя рот живительной влаге. Мэнди чувствовала жар в теле и полагала, что таким образом ей удается держать его под контролем. Все это время он не спадал, но и не поднимался. И все же Мэнди не обманывала себя. Вода укрепила не столько ее тело, сколько дух, чего, конечно, было недостаточно. Организм работал на резервных энергетических ресурсах. Система грозила отказать в любой момент. Потому что раны не затягивались. И голод тоже никуда не делся.

Следующее утро Мэнди провела в обследовании своего странного жилища на предмет слабых мест. Входная дверь, стены, потолок – она искала прогнившие рамы, расшатавшиеся петли, шарниры. Недостаточно прочно закрепленные решетки. И инструменты. Мэнди не знала точно, какие именно ей нужны, но надеялась понять это, как только нужная вещь попадется под руку. Однако ничего такого ей не попадалось. Здесь не было ничего, что можно использовать в качестве инструмента. Подходящего места в доме, над которым имело смысл работать, чтобы проложить путь на свободу, Мэнди также не обнаружила.

Она была замурована, как в склепе. Странные бурые пятна возле двери и содранные обои могли указывать на то, что кто-то до нее уже пытался сбежать. Об этом же свидетельствовал высушенный бачок унитаза.

Мэнди отгоняла эти мысли. Она подошла к окну и осмотрела окрестности. Решила, что как только кого-нибудь заметит, немедленно разобьет стекло кухонным стулом и позовет на помощь. Но вокруг, насколько доставал глаз, не было ни души.

К полудню Мэнди снова была близка к истерике, поскольку поняла, что выхода нет. Все ее старания безнадежны. В доме не осталось ни квадратного сантиметра, который она не осмотрела бы, и абсурдно думать, что что-нибудь обнаружится в ближайшие несколько часов. Просто ничего такого нет.

«Думай, – уговаривала себя Мэнди. – Думай, голова. Ты была уверена, что умрешь от жажды, и нашла воду. Иногда жизнь подбрасывает сюрпризы».

Но с водой ей просто повезло, а везение не может быть бесконечным. Кроме того, она действительно все обыскала. Все

доступные человеческому разумению варианты спасения продуманы, помощи ждать неоткуда.

– Я умру, – сказала она себе.

Это прозвучало на удивление спокойно. Как непреложный факт, не более того. Мэнди вслушивалась в эту фразу, прокручивала ее в голове. Может, она просто не верит, что такое произойдет, поэтому и получается так бесстрастно? Или она слишком слаба для эмоций? Ей хотелось плакать, но и это было невозможно – из-за обезвоженности организма.

Мэнди снова встала на стул и слизала несколько капель, но ощущения бодрости, как первые несколько раз, не было. В конце концов, что значат эти несколько капель? Немного намочила губы, язык, только и всего. Вчера ей таким образом удалось обмануть собственное тело и пробудить в нем последние силы. Сегодня это не работало.

Мэнди спустилась со стула, поковыляла в гостиную и закуталась в одеяло. Рука больше не источала запах, просто воняла. Не без усилий Мэнди удалось стянуть с себя куртку и свитер. После чего она сняла рубашку, подождала несколько минут, чтобы собраться с силами, и снова надела свитер и куртку. Все это время ее трясло от холода, несмотря на усиливающийся жар изнутри.

Мэнди намеревалась разорвать рубашку на полоски и перевязать обожженную руку и ободранные запястье и кисть, но быстро обнаружила, что для этого у нее недостаточно сил. Поэтому она, как смогла, просто обмотала рубашку вокруг руки. Получился толстый, небрежно завязанный валик. Скорее всего, это не поможет. Ничто больше ей не поможет.

Она свернулась под одеялом, поддавшись лихорадке, которая накатывала волнами, разгоняя тепло по телу. Мэнди почувствовала облегчение. Раны пульсировали в такт биению сердца, но боли почти не было.

Умереть – наверное, это не так страшно. Она уснет, соскользнет в темноту…

Мэнди улыбнулась.

В этот момент она услышала машину и села, потому что не спала ни секунды, несмотря на лихорадку и слабость. Не вообразила ли она

себе этот звук? Нет, она услышала его снова. К дому подъехала машина, и Мэнди узнала этот мотор.

Это не случайный турист, который может ее спасти.

Мозг заработал с поразительной ясностью. Час или два назад – или это было не так давно, Мэнди давно потеряла чувство времени – она пыталась активировать иссякший было источник позитивного мышления. Убеждала себя, что возможности спасения могут возникнуть совершенно неожиданно или не так, как она могла планировать. Тем не менее это будут самые что ни на есть реальные возможности.

Минута-другая, и дверь откроется. Она больше не прикована к стене и может свободно передвигаться, а это значит, что на ее стороне фактор неожиданности.

Мэнди встала, почувствовав в теле прилив адреналина. Сложила одеяло на полу так, чтобы можно было подумать, будто она лежит под ним. Конечно, из него не торчит ее прикованная к стене рука. Но все равно одеяло даст несколько секунд форы. Большего не потребуется, если все пройдет как нужно.

Мэнди пошла на кухню. План возник только что и быстро созревал. До сих пор она прокручивала в голове множество вариантов спасения, но ни один не подходил в этой ситуации. Случилось непредвиденное, как и всегда в решающие моменты жизни.

Мэнди вытащила бутылку из ящика для стеклянной тары и разбила о раковину. Теперь она вооружена. Этим осколком можно перерезать горло человеку.

Она полна решимости больше, чем когда-либо в жизни. Потому что этот шанс единственный.

Мэнди затаилась, как хищник, подстерегающий добычу. Бесшумная. Невидимая. Готовая к прыжку.

Она услышала, как в замке поворачивается ключ.

4

Кейт припарковалась возле дома на Виктория-роуд, достала телефон и позвонила Дэвиду. Тот не ответил, и она оставила голосовое сообщение:

Это я, Кейт. Сейчас почти два часа, и я опять в Скарборо, приехала для очередной беседы. Потом вернусь домой, заберу Месси, и мы приедем к тебе. Не возражаешь?

Она слушала свой голос. Особенно волшебные слова «приедем к тебе».

Кейт улыбнулась, подняла голову, мельком взглянула в зеркало заднего вида. Глаза как будто стали больше и сияли. Кейт никогда не была красавицей, но этот внутренний блеск делал ее черты более мягкими, расслабленными и живыми. Исчезло выражение отрешенности, заставлявшее людей держаться от нее на расстоянии. Взгляд стал теплым и открытым.

Кейт улыбнулась себе, чего раньше никогда не делала, собралась было выйти из машины, но телефон засигналил. Сообщение в «Вотсаппе». Кейт немедленно открыла его, ожидая увидеть ответ Дэвида, но это оказался Колин. Она вздохнула.

Я не позволю тебе так со мной обращаться, Кейт. Ты больше не хочешь иметь со мной ничего общего? Ладно. Но ты должна найти смелость сказать мне об этом прямо, а не прятаться в кусты. Нельзя так поступать с людьми. Я еду в Скарборо, буду там ближе к вечеру. Я нашел адрес в телефонном справочнике. Нам нужно поговорить. Пожалуйста, не избегай меня. Я имею право знать, почему ты расстаешься со мной.

– Черт возьми, я давно тебе это объяснила! – громко сказала Кейт.

Она все-таки рассказала ему о Дэвиде. Осторожно, стараясь причинить как можно меньшую боль. Хотя и не считала себя чем-то обязанной Колину.

И вот сегодня, ближе к вечеру, он будет стоять под дверью ее дома. Возможно, к тому времени Кейт уже будет у Дэвида. Но ей не хотелось спешить из-за него. Она не позволит Колину себя запугать. Или в самом деле будет лучше объясниться с ним, раз и навсегда? Дать понять в нескольких предложениях, что он ее не интересует. Без истерик и долгих дебатов.

Кейт вышла и заперла машину. Взглянула на фасад дома. Пятидесятые годы прошлого века, все просто, без излишеств. Серая штукатурка местами облупилась. То же с краской на окнах. В остальном вполне добротное строение.

«Он похож на меня, – подумала Кейт, глядя на дом, и быстро добавила: – До встречи с Дэвидом».

Этот адрес она отыскала в телефонном справочнике, после того как еще раз потревожила доктора Меннеринга. Он назвал имя человека, который интересовался Линдой Касуэлл. Добавил, без особой уверенности, что тот как будто живет в Скарборо. И, к счастью, не ошибся. Меннеринг тяжело вздохнул, когда Кейт снова предстала перед ним. Но на этот счет у полицейских толстая кожа. Надоедать людям – часть их работы. Так было всегда.

– Брендан Сондерс?

Кейт широко улыбнулась. Теперь она опять журналистка. Профессиональное чутье подсказало, что на этот раз так будет лучше. Есть люди, которые опускают жалюзи при одном только упоминании полиции. И Кейт узнала такого человека в Брендане Сондерсе, лишь только тот открыл дверь.

– Да? – отозвался Сондерс.

Он выглядел нервным и подозрительным. Похоже, гости его беспокоят нечасто. В глазах мелькнул страх.

– Кейт Линвилл, журналистка.

– Да? – Его левый глаз дернулся.

– У меня к вам пара вопросов.

Брендан Сондерс как будто не собирался ее впускать.

– Да? – спросил он в третий раз.

Может, удостоверение сержанта Скотланд-Ярда сработало бы лучше, но доставать его было поздно. Внезапная смена легенды могла вовсе отпугнуть его.

– Мистер Сондерс, я узнала о вас от доктора Меннеринга из клиники в Чемберфилде, это под Ньюкаслом.

– Да?

Он вообще знает какие-нибудь другие слова?

– Я была там, потому что работаю над статьей о бесследно пропавших девушках. Я имею в виду серию подобных случаев здесь, в Скарборо. Саския Моррис, Ханна Касуэлл, Линда Касуэлл.

Кейт видела, как отчаянно Сондерс пытается совладать со своими эмоциями. Похоже, он понял, что одними односложными ответами не отделаться.

– Но почему я?

– Я была в Чемберфилде, – повторила Кейт. – Наводила справки о Райане и Линде Касуэлл. Узнала, что вы приезжали туда несколько дней назад и тоже интересовались Линдой. Якобы хотели знать о симптомах ее болезни. Разумеется, вам не предоставили этой информации. Доктора не имеют право этого делать.

– К сожалению.

Кейт снова улыбнулась.

– Мистер Сондерс, можно мне зайти на минутку? У меня пара вопросов, прежде всего о Райане Касуэлле.

Сондерс сомневался. Ему явно не хотелось с ней разговаривать, но и достаточно веской причины для отказа он придумать не мог. Поэтому неохотно отступил назад:

– Так и быть. Но я работаю.

– Я не задержу вас надолго. Чем вы занимаетесь?

– Я писатель.

Кейт никогда не слышала о писателе Брендане Сондерсе и не могла припомнить такого имени на обложках в книжных магазинах.

– Интересно. И что вы пишете?

– Большой роман. О Брекзите.

– О, это актуальная тема.

Он пригласил ее в гостиную и быстро убрал с кресла стопку газет.

– Садитесь, пожалуйста.

Сам присел напротив на маленький табурет. Сейчас Брендан выглядел еще более беспокойным. Он сомкнул пальцы в замок. Возможно, Сондерс был слишком поглощен работой над романом, и неожиданный визит вывел его из колеи. Говорят, в таких случаях писатели ведут себя странно.

– Чем я могу вам помочь? – спросил Сондерс и как будто взял себя в руки.

– Как уже сказала, я пишу статью, – ответила Кейт. – И заинтересована практически в любой информации на эту тему. Мне хотелось начать с начала, то есть с Ханны Касуэлл. Первой исчезнувшей девушки, как я полагала, пока не обнаружила, что первой была ее мать. Линда Касуэлл, бесследно исчезнувшая в одну ночь.

– Она ушла из дома, бросив семью.

– Такова официальная версия. Но что мы знаем? Она вообще объявлялась с тех пор?

Сондерс пожал плечами:

– Понятия не имею. Не думаю, честно говоря.

– Вы родственники?

Он задумался:

– Седьмая вода на киселе. Пятиюродная кузина или что-то вроде того. Я интересовался ею из-за болезни.

– Линда Касуэлл страдала маниакально-депрессивным расстройством, – сказала Кейт. – С какой стати вас заинтересовала эта болезнь?

– Потому что я сам страдаю депрессией.

– Понимаю. Сочувствую, мистер Сондерс. Видите ли, я еще могу представить себе женщину, бросающую мужа и маленького ребенка, если она несчастна в браке, подавлена и не в состоянии заботиться об этом ребенке. Но чтобы она с тех пор ни разу не заинтересовалась судьбой девочки… И то, что ребенок потом тоже исчез… По версии отца и большинства СМИ, Ханна стала жертвой преступления на сексуальной почве. С большой долей вероятности, убита. Так писали почти все газеты – большинство, по крайней мере. И даже после этого мать не вышла из тени.

– Чего вы добиваетесь? – спросил Сондерс.

– Мне интересно, жива ли Линда Касуэлл?

Он прищурился.

– На что вы намекаете?

– Возникает вопрос, уходила ли вообще Линда Касуэлл из дома? Насколько правдива вся эта история?

– Какая история?

– О несчастном браке, который Линде однажды осточертел настолько, что она собрала вещи. Об оставленном на мужа ребенке.

– Подобное случается, – заметил Сондерс.

– Понимаю. И я знаю, что их брак не был особенно счастливым. Слышала об этом от нескольких людей, которые говорили о Райане Касуэлле как о человеке нелюдимом и замкнутом, вечно мрачном и грубом… Не лучшая пара для очень молодой женщины, страдающей к тому же психическим расстройством. Касуэлл, судя по всему, не отличался ни пониманием, ни чуткостью. Никто особенно не удивился, когда Линда ушла от него.

– Именно так я это и вижу, – согласился Сондерс. – Удивляться нечему.

– Вы знаете Райана Касуэлла?

– Очень мало.

– Мало? Он был мужем вашей кузины.

– Пятиюродной, как я сказал. Не знаю даже, насколько здесь уместно слово «кузина». Однажды я видел Райана Касуэлла на семейном празднике. Мы пожали друг другу руки, и только.

– Какое впечатление у вас о нем сложилось?

– Крайне несимпатичный тип. Недружелюбный и какой-то… психически нездоровый.

– Нездоровый?

– Он вообще не мог общаться с людьми. Я даже принял его за аутиста. И потом, это вечно угрюмое выражение лица… Оставалось только удивляться, как Линду угораздило выйти за него замуж. Прекрасную юную Линду – за озлобленного, неуравновешенного парня, почти на двадцать лет старше нее…

– И к какому выводу вы пришли? Что могло заставить ее так поступить?

Сондерс покачал головой:

– Трудно сказать. Они ведь познакомились в Чемберфилде. Психиатрическая лечебница; Линде было шестнадцать, когда она туда попала. В этом возрасте девочки гуляют с мальчиками, красятся и покупают красивую одежду, а не сидят в психиатрических лечебницах и не глотают антидепрессанты горстями. Возможно, Линда рассчитывала, что Касуэлл вытащит ее из этого состояния. На что он, конечно, не был способен.

– Когда она сбежала из дома… можете описать, как все было?

– Я при этом не присутствовал.

– Но разговоры в семье… наверняка вы что-то об этом слышали, даже если Линда вам очень дальняя родственница.

Сондерс вздохнул. Кейт заметила, что он вспотел. Этот разговор был ему ненавистен.

– Судя по тому, что я слышал, – начал он, – однажды Райан вернулся с работы и не застал ее дома. Маленькая Ханна сидела в гостиной. В видеопроигрыватель был вставлен DVD с каким-то мультфильмом, который воспроизводился снова и снова. Вокруг

Ханны были разбросаны все ее игрушки. Бутылка с холодным чаем, много шоколадного печенья на столике. И никаких признаков Линды. Из шкафа пропала ее дорожная сумка, одежда. Из чего Райан сделал вывод, что Линда от него ушла. Больше он о ней не слышал.

– И никто никогда его ни в чем не заподозрил?

– Заподозрил?

– Женщина жила с мужем и бесследно исчезла. Логично заподозрить преступление.

– Но ее вещи действительно пропали вместе с ней. Думаю, ничто в доме не указывало на драку, сопротивление с ее стороны или что-то в этом роде. И потом, Ханна. Ей было четыре года, но она могла бы рассказать, если бы что-то видела.

– И что касается самого Райана… – осторожно начала Кейт. – Никто в семье ни в чем его не подозревал? Даже такие предположения не высказывались?

– Какие предположения? – Сондерс упорно делал вид, что не понимает.

– Что Райан Касуэлл как-то причастен к исчезновению жены, – пояснила Кейт.

Сондерс пристально посмотрел на нее. Поиграл скрещенными пальцами. Долго молчал, но потом как будто проснулся:

– А вы что-нибудь такое от кого-нибудь слышали?

– Я просто рассматриваю разные версии. У мужчины бесследно пропадает жена. Спустя годы то же происходит с его дочерью. Я нахожу это странным, да.

– Но почему вы меня спрашиваете об этом? Почему я? Только лишь потому, что несколько дней назад я был в этой клинике и интересовался дальней родственницей?

– С какой стати вы ею заинтересовались, мистер Сондерс? И почему сейчас, после стольких-то лет?

– Я уже объяснял вам, что сам страдаю от депрессии. Я хотел знать, может ли это быть генетической проблемой в нашей семье.

– В интернете масса материалов на эту тему. Для этого не обязательно беспокоить врачей Линды. И потом, почему именно сейчас?

– Потому что сейчас мне особенно плохо. Мне никогда не было хорошо, но сейчас я дошел до края. Я не могу справиться со своей

жизнью. Работа стопорится. У меня творческий кризис. Я болен.

– Сочувствую, мистер Сондерс, но чем вам могли помочь бывшие врачи вашей пятиюродной кузины? Вы ведь не собирались у них лечиться, насколько я поняла. Что же вы там искали?

– В Чемберфилде мне дали адрес ее терапевта.

– Доктора Рассела, – сказала Кейт.

– У него вы тоже побывали? Я не застал его дома.

– Он больше не практикует и не смог бы сказать вам ничего конкретного. Мне не понятно, какой помощи вы у него искали? Как знание того, что депрессия передается в вашей семье генетически, могло улучшить ваше состояние?

– По крайней мере, я знал бы об этом. Что все дело в наследственности, а не в том, что я что-то делаю не так. Того, что заложено в генах, нельзя исправить на другом уровне.

Кейт задумалась. Она начинала понимать Брендана Сондерса. Этот человек не переставал винить себя за собственную депрессию и творческий кризис. Сутками размышлял, где допустил ошибку. Наверное, для него стало бы большим облегчением узнать, что его заболевание врожденное и он не мог его избежать, куда бы ни направлял свою жизнь.

В то же время что-то в нем настораживало. Болезненное морщинистое лицо Брендана Сондерса свидетельствовало о многолетней борьбе с самим собой. Это началось не вчера и не имело никакого отношения к литературному творчеству. Тем не менее в Чемберфилд он отправился только сейчас. Совпадение? Возможно. Кейт не знала, о чем именно говорили Брендан Сондерс и Меннеринг. Доктор умолчал об этом, связанный врачебной тайной. «Вам лучше обсудить это с самим Сондерсом», – вот и все, что он сказал.

Первое, что бросалось в глаза – его нервозность. То, как он обильно потел. Не мог ни секунды удержать руки в покое. Возможно, принимал лекарства, которые имели такой побочный эффект. Тем не менее этот человек с самого первого момента запустил в Кейт знакомый, но оттого не менее удивительный процесс. Это работало вне ее сознания, Кейт не могла воплотить его в мысленную конструкцию, и до поры все оставалось на уровне смутных ощущений. Которые не обманывали, Кейт знала это из опыта.

Что-то было не так с этим парнем, Бренданом Сондерсом. Просто Кейт пока не могла понять, что именно и какое это имеет отношение к делу.

Она поднялась, Сондерс тоже вскочил. С облегчением на лице, потому что понял, что она уходит.

– Что ж, – сказала Кейт, – буду продолжать поиски, пока не выясню, как эти истории связаны друг с другом. Линда, Ханна, остальные девушки…

Он прочистил горло, как будто принял решение.

– Я ездил в Чемберфилд не только из-за депрессии.

Кейт, уже стоявшая у двери, обернулась:

– Не только?

– Нет. Я хотел… На самом деле меня интересовал тот же человек, что и вас. Мужчина, за которого Линда вышла замуж. Райан Касуэлл.

– Но вы спрашивали о Линде.

Она угадала. Сондерса интересовала не только его болезнь, и даже не она в первую очередь.

– Да, и это тоже. Но прежде всего я хотел знать, насколько вероятно, что она сама от него ушла. Что об этом думают специалисты, врачи. Она оставила маленькую дочь перед телевизором и навсегда закрыла за собой дверь. Я хотел выяснить, какие симптомы могут указывать на возможность такого поведения. К сожалению, мне не предоставили такой информации. Врачебная тайна. Они дали только адрес того доктора на пенсии. Но, как я уже сказал, его не оказалось дома.

Кейт почувствовала, как забилось сердце. Она поняла, что приблизилась к разгадке почти вплотную.

– То есть у вас есть основания подозревать Райана Касуэлла, мистер Сондерс?

Он кивнул и так вывернул палец на руке, что Кейт захотелось зажмурить глаза.

– Да.

– Почему только сейчас?

Сондерс смотрел на нее.

– Я всегда подозревал Райана Касуэлла. По крайней мере, после пропажи Ханны. Но у меня ничего не было, понимаете? Я толком ничего не мог объяснить, даже самому себе. Все на уровне ощущений.

Что бросить ребенка – это не подходит Линде. И что с Касуэллом что-то не так.

– Что значит «что-то не так»? На что вы намекаете?

– Он странный человек. Я видел его в городе несколько дней тому назад. Издалека, так что он меня не заметил. Это вечное выражение… войны со всеми и вся. И я вспомнил то, о чем мне говорила Линда.

– И о чем она говорила?

– Что он контролирует каждый ее шаг. Она ничего не могла сделать, не предоставив ему отчета. Чем она занимается, куда идет и когда вернется – Райан хотел знать все. Он устраивал сцены, если она опаздывала. Относился к ней как к несмышленому ребенку. И постоянно припоминал психическое заболевание, из-за которого она оказалась в больнице. Якобы Линда не может за себя отвечать и поэтому должна беспрекословно его слушаться. Она все-таки больна. Линда чувствовала себя чем-то вроде выдрессированной домашней собачки.

– Но тогда побег не так уж маловероятен, – заметила Кейт.

– Нет, конечно, нет. Вот почему и я сомневался в виновности Райана Касуэлла. Но потом пропали Ханна, Саския Моррис, Мэнди Аллард…

– Мэнди Аллард?

Кейт замерла на месте. Это имя она слышала от Калеба, и оно не всплывало в СМИ. Откуда Сондерс его знал?

Тут Кейт пришло в голову, что она тоже не должна его знать.

– Мэнди Аллард? – удивленно спросила она. – О ней я слышу впервые. Тоже пропавшая девочка?

Сондерс кивнул.

Он действительно не мог этого знать.

– И вы думаете, к ее исчезновению, как и всех остальных, причастен Райан Касуэлл?

Сондерс остановил на ней долгий задумчивый взгляд.

– Да, – сказал он наконец. – И я знаю, где она. Я знаю, где Мэнди Аллард.

Он сел за руль, хотя это была машина Кейт.

– Вести буду я. Мне это проще, чем направлять вас. Дорога довольно путаная.

Тут Кейт увидела другую сторону Брендана Сондерса. Исчез депрессивный, нервный тип, который потел, трясся и выкручивал себе пальцы, так что присутствующие опасались за целостность его суставов. Вместо него появился уверенный в себе мужчина, настроенный решительно следовать собственному плану на пути к цели.

– У меня нет машины, нам придется сесть в вашу. Но я за рулем.

– Мистер Сондерс, мою машину вожу только я.

– Вам решать.

Кейт понимала, что это безумие. Сесть в машину с этим странноватым мужчиной, доверить ему руль и поехать неизвестно куда? Даже если он прав насчет Райана Касуэлла, Брендан Сондерс явно не был только детективом-любителем, взявшим след подозрительного родственника. За ним чувствовалось нечто большее.

Но он знал, где Мэнди Аллард. И до сих пор не обратился в полицию?

– Мистер Сондерс, если вам известно что-то о Райане Касуэлле, что указывает на него как на серийного похитителя и убийцу, и если вы знаете, где в данный момент он прячет последнюю жертву, нам нужно немедленно звонить в полицию.

Она полезла в сумочку за телефоном.

Сондерс хрустнул пальцами:

– Малейшая попытка привлечь полицию, и больше я ничего вам не скажу. Ничего.

Кейт пристально на него посмотрела. Представила Сондерса на допросе в полиции. Слабак, это видно сразу, и какой-то больной вдобавок. Такие не выдерживают давления, быстро ломаются и начинают врать. Или жалуются, скулят, тянут время…

– У Мэнди Аллард мало времени, – услышала Кейт голос Брендана Сондерса. – Если, конечно, мы уже не опоздали.

– Если она в опасности, мы должны отправить туда полицию и «скорую помощь».

Сондерс вытер пот с выражением отчаяния на лице.

– Я поеду туда с вами. Или больше не скажу ни слова.

– Мистер Сондерс, вы совершаете преступление. Ваше поведение попадает под статью.

Никакой реакции.

Кейт подумала было показать ему удостоверение сотрудника Скотланд-Ярда, но риск был слишком велик. Сондерс мог замкнуться, замолчать. И, если время действительно дорого, это может стоить Мэнди Аллард жизни. Не говоря о том, что все с самого начала могло оказаться не более чем блефом.

Кейт выругалась про себя. Он не оставил ей никакой возможности уведомить коллег. Не сейчас, по крайней мере. Может, позже. В том, что он сядет за руль, имелись свои плюсы. Ее руки останутся свободны. Телефон в сумочке.

Очень может быть, Кейт совершала непоправимую ошибку в глазах Калеба, коллег, начальства. Она нарушала все мыслимые писаные и неписаные правила и инструкции. Теперь все это было поставлено на одну карту.

– Хорошо, мы едем, – сказала она. – Вы за рулем, везете меня к Мэнди Аллард.

Она всего лишь репортер в погоне за многообещающим материалом. Она поможет спасти девушку и получит эксклюзивную информацию.

Сондерс взял у Кейт ключи. Они спустились по лестнице на улицу, к машине. Ни малейшей возможности даже отправить сообщение.

Теперь они в пути, вот уже больше двух часов. День выдался пасмурный. Ветер дует с востока в сторону свинцово-серого моря. По сторонам дороги тоскливые, однообразные пейзажи.

Сондерс – опытный водитель, в этом смысле с ним не страшно. Сейчас он спокоен, не то что тогда, в гостиной. Ситуация под контролем. «Под его контролем, к сожалению», – подумала Кейт и посмотрела в окно, стараясь сохранять равнодушный вид. Что она могла сделать, что стояло за всем этим? И какую роль играл во всем этом Сондерс?

– Я знаю Мэнди Аллард, – вдруг сказал он. – Вот почему…

«…Вот почему я хочу ей помочь», – мысленно закончила фразу Кейт.

– Вы ее знаете?

– Да, Мэнди жила у меня одно время. У нее были проблемы. Мать швырнула в нее чайник с кипятком. В результате сильный ожог на руке. Мэнди ушла из дома.

Да, Калеб что-то об этом говорил. Как и то, что Мэнди в качестве жертвы не особенно вписывается в серию преступлений, которыми он занимается. Особый случай. Но Сондерс не лжет насчет знакомства с ней. Для этого ему известно слишком много деталей.

– То есть она сбежала из дома и пришла к вам? – спросила Кейт.

Сондерс кивнул не без гордости.

– Я подобрал ее на улице, в плачевном состоянии. Ожог на руке, Мэнди срочно нуждалась в медицинской помощи. Грязная, продрогшая, голодная…

– И она пошла с вами, совершенно незнакомым мужчиной?

– У нее не было выбора. На улице она не продержалась бы и дня.

– И что произошло потом?

Его лицо исказила презрительная гримаса.

– Она прожила у меня неделю. Ей было очень хорошо. Я уступил ей свою кровать, сам спал на диване. Купил лекарство для ее руки, готовил еду. И вел с ней беседы. Часами. О ее семье и о том, почему она больше не могла там жить… о планах на будущее. На это уходило почти все мое свободное время.

В его голосе звучала обида. Очевидно, Мэнди оказалась недостаточно благодарна.

– Понимаю, – вздохнула Кейт.

Она внимательно слушала, одновременно стараясь уследить, где они едут. Ньюкасл остался позади, Сондерс держал курс на север.

– Далеко еще? – спросила Кейт.

– Нет, осталось немного.

– И вы перевезли Мэнди Аллард из своей квартиры туда, где она сейчас?

Сондерс опять презрительно поморщился:

– Нет, она убежала.

– Убежала?

– Убежала, да! – передразнил он. – Не знаете, что значит это слово?

Теперь он опять был прежним Бренданом Сондерсом, нервным и беспокойным.

– Конечно, знаю, – ответила Кейт успокаивающим тоном. – Но почему Мэнди это сделала? Вы так хорошо с ней обходились…

По правде говоря, она совсем не удивилась тому, что Мэнди от него ушла. Удивительным было скорее то, что она продержалась целую неделю. С Бренданом Сондерсом что-то не так, Мэнди не могла этого не почувствовать. Просто ей требовалось время восстановить силы и подлечиться.

– Думаю, она неправильно истолковала телефонный разговор, который случайно подслушала, – объяснил Сондерс. – И подумала, что я хочу сдать ее полиции.

«Что следовало бы сделать немедленно, – мысленно подхватила Кейт. – Вместо того чтобы держать взаперти четырнадцатилетнюю больную девочку и надоедать ей своей болтовней».

– И с кем вы разговаривали по телефону? – спросила она.

Сондерс повернулся:

– Думаю, это не ваше дело.

– Извините, глупый вопрос.

– Действительно глупый, – подтвердил Сондерс.

Кейт чувствовала себя все более неуютно. Она осторожно взглянула на часы – почти четыре. Похоже, у нее большие неприятности. Она, в машине с незнакомым мужчиной, все больше углубляется в безлюдные пустоши Северной Англии, чтобы… спасти молодую беглянку? Неужели в этом состоит искреннее намерение Сондерса? Вряд ли, если он действительно замешан во всем этом. А он точно причастен к исчезновению Мэнди, иначе откуда ему знать, где девушка? «Если только он действительно это знает, – подумала Кейт. – Если все это не ловушка».

Она вздрогнула. Чем дальше они углублялись в северном направлении, тем более взрывоопасной становилась ситуация. На мгновение Кейт подумала открыть дверцу и выпрыгнуть из машины. Но они на A1, где участки автострады перемежаются с участками скоростной автомагистрали, и прыжок означает верную смерть.

Кейт вспоминала их разговор в гостиной. В каком-то месте Сондерс изменил тактику и взял совершенно другой тон. Как будто действовал согласно заранее продуманному плану, или же план созрел в голове только что. Он жаловался на депрессию и плохое самочувствие и утверждал, что визит в Чемберфилд был вызван

именно желанием прояснить ситуацию вокруг собственного здоровья. Кейт вспомнила, как внезапно почувствовала, что его понимает.

Но потом он изменился, после того как рассказал о своих подозрениях относительно Райана Касуэлла. Вдруг выяснилось, что в клинике Сондерс оказался вовсе не для того, чтобы исследовать причины своего душевного недуга, а из-за Линды Касуэлл. То есть что Сондерс преследует те же цели, что и Кейт. Потом он вытащил из рукава главный козырь – Мэнди Аллард. И Кейт тут же согласилась отправиться с ним в путешествие в неизвестном направлении и никого об этом не уведомив. Невероятное, непростительное легкомыслие.

Кейт тихо застонала и прижалась горячим лбом к стеклу. Она даже представить себе не могла, как может выглядеть общая картина. Очень может быть, Касуэлл здесь вообще ни при чем и речь идет только о Брендане Сондерсе. Что за рулем ее машины Убийца с пустошей. И он хочет избавиться от Кейт, потому что видит в ней угрозу. Дотошная журналистка может навлечь на него множество неприятностей. Потому что знает, что он был в клинике и интересовался Линдой Касуэлл.

«Безумие, – подумала Кейт. – И я ничего не могу с этим поделать».

Если б он до конца придерживался первоначальной версии, Кейт не волновалась бы, потому что интерес к собственному заболеванию выглядел вполне правдоподобно. Но теперь становилось все яснее, что Сондерс просто не хочет рисковать. Он – кузен Линды Касуэлл, если не лжет, конечно. Но его описание жизни семьи Касуэллов совпадает с рассказом Кевина Бента. Очевидно, Сондерс в курсе проблем этой семьи. И если он был кузеном Линды, она, конечно, села бы к нему в машину. Как и Ханна много лет спустя. Но Саския Моррис, Мэнди Аллард?..

– Что произошло после того, как Мэнди ушла от вас?

Голос Кейт все еще звучал скорее заинтересованно, чем испуганно, хотя сердце как будто колотилось у самого горла.

Он посмотрел на нее.

– После этого у Мэнди начались настоящие неприятности.

– Потому что она повстречала Райана Касуэлла?

– Потому что она дура. Просто дура.

Они свернули с A1 и теперь ехали по проселочным дорогам. Кейт надеялась, что рано или поздно появится какой-нибудь город или деревня. Сондерс остановится на светофоре, там люди… Но они, похоже, уже пересекли границу Нортумберленда. Кейт никогда не бывала здесь, но много слышала об этих местах. О том, как здесь пустынно и одиноко. Что можно путешествовать неделями и никого не встретить.

«Черт, зачем я только в это ввязалась?»

Может, Мэнди Аллард давно мертва, и Сондерс использовал ее в качестве приманки для Кейт, что отлично сработало. И теперь ему остается только избавиться от назойливой журналистки…

Или стоит наконец открыть перед ним лицо? Показать удостоверение, это хотя бы его напугает. Или, наоборот, прибавит решительности… Так или иначе, удостоверение – ее единственный козырь, который лучше приберечь на потом.

Кто первым ее хватится? Дэвид, наверное, часов в пять, самое позднее в половине седьмого или в семь. Но он понятия не имеет, где она. Конечно, будет звонить, но Сондерс вряд ли даст возможность ответить. Нужно сейчас подать ему знак.

«Боже, как я глупа! Как Мэнди Аллард, которую Сондерс только что назвал дурой…»

Интересно, как там Колин? Он, наверное, уже у ее входной двери. Или будет там в течение ближайшего часа. И ему никто не откроет. Как он себя поведет? Господи, какая разница…

«Думай, Кейт, думай. Главное – не впадать в панику».

– Мы в Нортумберленде, не так ли? – спросила она.

«Мне нужно знать, где я нахожусь!»

– Да, – ответил он.

– Мистер Сондерс, вечером у меня важная встреча. Я о том, что… можете сказать, сколько времени нам потребуется, чтобы добраться до места? Чтобы я могла знать, сколько уйдет на обратный путь.

Кейт ожидала циничной шутки, вроде «обратного пути для тебя не будет», но Сондерс снизошел до серьезного и вполне адекватного ответа:

– Мы будем там через двадцать минут.

Она разместила сумочку между сиденьем и дверцей, незаметно просунула в нее руку и осторожно и тщательно ощупала содержимое,

опасаясь зазвенеть ключами или монетами.

Телефон, вот он. Пальцы сомкнулись на футляре. Но Кейт не могла разблокировать его вслепую. Она громко шмыгнула носом:

– Можно достать носовой платок?

Сондерс кивнул:

– Достаньте.

Кейт положила сумочку на колени, заглянула внутрь и принялась в ней рыться. Той же рукой, что держала смартфон, ввела код разблокировки. Слава богу, все получилось. Экран загорелся.

– Что вы там возитесь? – послышался недовольный голос Сондерса.

Он быстро оглянулся, но секунду спустя опять смотрел на дорогу, слишком узкую и извилистую, чтобы отвлекаться на более длительное время.

– Я не знаю… – растерянно пробормотала Кейт. – Я была уверена, что… – Она нажала кнопку записи в «Вотсаппе».

– Ну, хватит, – раздраженно оборвал ее Сондерс. Он вцепился в руль, как будто хотел его сломать. – Уберите сумку. Лучше шмыгайте носом дальше.

«Шоу окончено», – подумала Кейт. До сих пор они были чем-то вроде компаньонов с общими интересами и целями. Сондерс хотел навести ясность в той же истории, что и Кейт. Потом он стал вызывать у нее подозрения. И вот теперь наконец показал свое истинное лицо.

– Хорошо, – Кейт отложила сумочку. Ее было бы удобней держать со стороны Сондерса, но это слишком рискованно.

Она скосила глаза в сумочку и возблагодарила небо за то, что Сондерс вынужден не отрываясь смотреть на дорогу. Дисплей светился. Кейт была в одном из чатов в «Вотсаппе», но не могла понять, в чьем именно. В самом лучшем случае она отправит сообщение Калебу Хейлу. Если нет – тот, кто его получит, должен будет срочно связаться с инспектором.

Она удерживала кнопку записи голосового сообщения и смотрела вперед. Надеялась, что сможет говорить достаточно громко, чтобы голос не заглушали фоновые шумы.

– Нортумберленд, – отчетливо произнесла Кейт. – Никогда не была здесь раньше. Слышала, что здесь так одиноко и пустынно… Насколько мы близко от побережья?

– Мы едем вдоль побережья. Море меньше чем в полумиле отсюда.

– Отлично. Живописные пейзажи.

– Бесплодная местность. И слишком холодно. По мне, в Англии вообще слишком холодно. Я хотел бы жить где-нибудь на юге.

– Что мешает вам туда переехать? Вы писатель и можете жить где угодно.

– Посмотрим, – прорычал Сондерс, как будто разговор снова становился для него слишком личным.

Кейт должна была передать как можно больше информации.

– Вы знаете детектива Калеба Хейла? Он расследует исчезновение девушек.

«Кто бы это ни услышал – если только не сам Калеб Хейл, – он донесет все до Калеба Хейла».

Брендан Сондерс издал презрительный звук:

– Я его знаю! Чертов засранец…

– Вы с ним общались?

– Он подозревал меня, но ничего не смог доказать.

Кейт сглотнула. Калеб встречался с этим парнем.

«Сейчас не время для размышлений. Дальше…»

– Как вы думаете, мы сможем забрать с собой Мэнди Аллард? Она вообще собирается возвращаться в свою семью?

Имя Мэнди Аллард Кейт постаралась произнести как можно отчетливее и тут же пожалела об этом. Брендан Сондерс оказался не так глуп.

– Чего вы так орете? Я не глухой.

– Извините. – Действительно, нужно быть осторожнее. – Я просто хотела спросить, Мэнди…

– Я понял. Понятия не имею. Ее семья – это… как бы помягче выразиться… самое дно. Ниже некуда. Вот почему я подумал, что Мэнди… – Он осекся.

– Что Мэнди? – спросила Кейт.

– Идеальный вариант.

– Идеальный для чего?

Он не ответил. Смотрел на дорогу перед собой.

Кейт надеялась, что запись все еще идет. Две недели тому назад Колин отправил ей голосовое сообщение продолжительностью почти

пятнадцать минут. Здесь пока меньше. Если ее большой палец не соскользнул с кнопки, телефон все еще в нужном режиме.

Теперь стало окончательно ясно, что Брендан Сондерс не собирается отпускать ни ее, ни Мэнди. Если та вообще еще жива. Он преступник и не скрывает этого. *Идеальный вариант*. Он уже понял, что Кейт достаточно углубилась в его историю и может сложить два и два.

Теперь Сондерс точно не позволит ей уйти или вызвать полицию. Скорее всего, он с самого начала не собирался этого делать.

Бесполезно корить себя и называть идиоткой. Нужно экономить энергию. Очевидно, Мэнди Аллард у него в плену. Возможно, еще жива. Нужно подыграть ему, иначе Сондерс закроется, как устрица.

Она громко вздохнула.

– Скоро мы будем на месте, – сказал Сондерс.

Они проехали небольшое расстояние по узкой проселочной дороге. За последние полчаса им не встретилось ни одной машины. Внезапно Брендан Сондерс включил фары и, снизив скорость, свернул на гравийную дорожку. Справа и слева, за колючей изгородью с последними плодами шиповника, тянулись бесконечные пустоши. Эти высохшие красные ягоды – последнее приветствие природы перед зимней спячкой.

На повороте – столб с табличкой. У Кейт было несколько секунд, чтобы расшифровать стертые буквы: «Утес чайки». Если, конечно, она правильно разобрала. Но это сочетание по крайней мере имело смысл.

– «Утес чайки», – громко произнесла Кейт.

Слишком громко, пожалуй, но теперь это не имело значения. Главное, чтобы получатель сообщения разобрал, кто бы он ни был.

– «Утес чайки» в Нортумберленде… Никогда не слышала.

– Не орите вы так! – рявкнул Сондерс.

– Извините, я волнуюсь. Вся эта сумасшедшая история… Пропавшая девочка, и мы вдвоем собираемся освободить ее…

Кейт спросила себя, поверил ли Сондерс в ее наивность. Он молчал, осторожно направляя машину по ухабистой дороге.

Кейт скосила глаза в сумочку. Дисплей больше не светился, но это не означало, что запись не ведется. Просто телефон экономил энергию. Кейт поводила по кнопке пальцем – дисплей загорелся снова. Она надеялась, что связь здесь есть.

«Отправить».

Кейт мысленно обратилась к тому, кто получит ее сообщение:

Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста… Прослушай это немедленно. Правильно пойми. Сделай выводы и действуй!

Гравийная тропа вела через небольшой перелесок, отчасти состоявший из мертвых деревьев, и выходила на плато. Кейт могла видеть море. Холодный, величественный пейзаж. Вечное безмолвие. Посреди плато стоял довольно ветхий дом с покрытой мхом крышей и остатками забора, который в прошлом мог окружать что-то вроде сада, но, как видно, стал жертвой сурового климата. За домом как будто просматривался сарай. То, что предположительно было садом, высохло и поросло сорняками. Заброшенное место. Туристы могли ходить вдоль побережья, но, если тропа шла ниже уровня плато, они не видели дома.

«Идеальное укрытие», – подумала Кейт и сглотнула. Во рту пересохло.

– Мы на месте, – послышался голос Брендана Сондерса.

6

Колин Блэр позвонил в третий раз и услышал приглушенный звук внутри дома. И снова никакой реакции – ни шагов, ничего. Он отступил на шаг и посмотрел на фасад. Ни малейших признаков жизни. Времени половина четвертого, а на улице уже темно. Если б кто-то был дома, хоть где-нибудь горел бы свет. Но адрес правильный – он прочитал фамилию «Линвилл» на табличке на палисаднике…

Колин обошел дом и оказался в небольшом саду с плодовыми деревьями, живыми изгородями и длинными рядами розовых кустов. Летом здесь, наверное, рай, но сейчас все голо. В задней части дома тоже не было света. И никаких следов машины Кейт – ни на дороге, ни на подъездной дорожке.

Ее не было дома, хотя он написал, что приедет. И, судя по синим галочкам, она прочитала его сообщение.

Кейт невозможна. Совершенно невозможна.

Колин подошел к кухонной двери, прислонился лбом к стеклу и заглянул внутрь. В темноте прорисовывались очертания предметов.

Мойка, плита, холодильник. Несколько подвесных шкафов. Колин отскочил, когда внутри промелькнула тень. Это оказалась черная кошка. Месси. Кейт показывала ее на фотографии во время одной из их встреч. Месси встала на задние лапы, оперлась передними о стекло и мяукнула. Ей тоже одиноко.

Интересно, где Кейт? Со своим новым парнем? И оставила кошку одну в темном доме?

Колин задумался. Этот новый мужчина в ее жизни причинял ему почти нестерпимую боль. Одно время Колин думал, что Кейт его дурачит. Парень появился вдруг и ниоткуда, а Кейт явно не из тех женщин, которые бросаются на шею первому встречному. Нужно быть очень проницательным человеком, чтобы оценить ее по достоинству. Кейт умна, очень умна. Не без юмора, и бывает саркастична. Но главное – она надежна и предсказуема. Очень важные качества в глазах мужчины, которому нужен кто-то, кто всегда поддержит и будет рядом.

В остальном же… Ее в самом деле нельзя назвать привлекательной, если не считать очень хорошей фигуры. В течение последних двух недель, когда он звонил и писал ей в «Вотсаппе», Колин не раз задавался вопросом, чего ради он так старается. Он ни в коей мере не считал Кейт красивой, но что-то в ней определенно привлекало. Возможно, ее работа.

Не исключено, думал Колин, что она просто выдумала этого другого мужчину, чтобы избавиться от него, Колина. Вот только зачем? Она одинока, до жалости, до боли в сердце. Нет, Кейт ему ничего такого не говорила, но это же видно по ее лицу. И потом, такая женщина не станет обращаться в службу знакомств, не будучи доведенной до последней степени отчаяния. Ей трудно с мужчинами, это видно. Она дошла до края, иначе не сделала бы этого.

И вот, когда все зашло так далеко и наконец нашелся мужчина, протянувший ей руку помощи, она исчезла. Уехала в Йоркшир, чтобы заняться продажей дома, с чем риелтор прекрасно справился бы и без ее участия, а теперь еще прикрывается парнем, которого, скорее всего, не существует… К чему все это?

Зачем она регистрировалась на сайте знакомств? Чтобы морочить людям голову?

Колин снова обошел дом, сел в машину и задумался. Он долго был в пути, стоял в пробках, устал. Сегодня у него точно не хватит сил

вернуться в Лондон. Если Кейт не появится, придется искать отель. В это время года в них, конечно, не бывает аншлага.

Может, стоит подождать еще немного… Если этот возлюбленный – вымышленное лицо, а Колин Блэр, между тем, вполне реальное, Кейт рано или поздно должна объявиться. Он вздохнул.

Все это время его телефон лежал на пассажирском сиденье. Колин взял его проверить и тут же уставился на дисплей. Голосовое сообщение в «Вотсаппе». От Кейт.

Колин приготовился к худшему. К тому, что на этот раз она возьмет резкий тон. Скажет, чтобы убирался из ее жизни. Ему потребовалось собрать в кулак все свое мужество, чтобы нажать на воспроизведение.

Первым, что он услышал, был шум двигателя. Она в машине. За рулем, конечно. Включила громкую связь. Потом появился ее голос. Тихий, приглушенный, Колину пришлось прижать телефон к уху.

Нортумберленд… здесь так пустынно и одиноко.

Колин прокрутил к началу. Двигатель шумел, а телефон… да, он как будто был где-то далеко. В бардачке? В сумочке Кейт? Зачем?

Но то, что Колин услышал дальше, показалось ему еще более удивительным. Мужской голос:

Мы едем вдоль побережья…

Дальше опять неразборчиво.

Это ее новый парень? Стало быть, он существует?

Он разобрал слова «на юге» – это сказал мужчина. В ответе Кейт отчетливо прозвучало «писатель». Она еще что-то пробормотала, и вдруг – «детектив Калеб Хейл».

Мужчина – «подозревал меня».

Далее Кейт заговорила очень громко, почти кричала. Она назвала имя – «Мэнди Аллард».

«…орете» – мужчина. И дальше – «…идеальный…»

«Утес чайки, Нортумберленд» – Кейт. Все так же, срываясь на крик.

Снова «орете». Похоже, он не слишком вежливо просил Кейт говорить тише.

Далее сообщение закончилось. Оно было отправлено в 16:23, десять минут назад.

Колин уставился на свой телефон. Что, черт подери, это значит?

Он прослушал сообщение еще раз, но разобрал немногим больше. Где-то союзы, вроде «и» и «но», и как будто один раз слово «семья».

Странно, очень странно… Полная бессмыслица. Может, Кейт случайно записала этот разговор? Но для этого она должна была все время удерживать кнопку записи, а потом еще нажать на «отправить». Из опыта Колин знал, что бывают случайные звонки, когда кто-то непреднамеренно нажмет на кнопку или прижмет телефон к чему-нибудь, приведя тем самым в действие механизм выбора номеров из памяти. Но чтобы кто-то случайно отправил сообщение в «Вотсаппе»…

Колин открыл чат и напечатал ответ:

Привет, Кейт. Получил от тебя странное сообщение. Там обрывки фраз, ничего нельзя понять. Что случилось? Где ты, в Нортумберленде? Я сижу в машине перед твоим домом в Скарборо.

Он вышел, сделал селфи на пороге ее дома и приложил к сообщению. Посмотрел на экран. Сообщение дошло, но не было прочитано.

Колин размышлял. Если здесь нет ошибки, что этим хотела сказать Кейт? Что у нее в жизни есть другой мужчина? Тот, с которым она сидела в машине и собиралась провести романтические выходные в пустынном Нортумберленде? Ей так не терпелось избавиться от Колина, что она решилась наконец ткнуть его носом: «Видишь? У меня другой!»

Но почему, в таком случае, она не поднесла телефон ко рту? Она скрывала от него, что записывает? Зачем? От любимого человека?

Почему ему не позволено знать о Колине, если Кейт все равно решила расстаться с Колином?

Он задумался. Помимо прочего, в этом чувствовалось что-то… совсем не в стиле Кейт. Что-то в высшей степени для нее не характерное.

Колин еще раз заглянул в чат. Она так и не прочитала его сообщение. Возможно, там нет связи. Там, на севере, возможно все.

Одно имя она произнесла особенно громко и отчетливо: детектив Калеб Хейл.

Ее коллега из Скотланд-Ярда?

Колин нахмурился. Где-то он слышал о нем раньше… Или читал…

И тут его осенило. Убийство отца Кейт! Еще одно, что притягивало к ней Колина. До сих пор он не был знаком ни с кем, чей родственник стал жертвой убийства. Колин отдал бы все, чтобы знать каждую деталь, но быстро понял, что Кейт тяжело об этом говорить.

Он навел справки в интернете. История широко освещалась в прессе. Одно имя всплывало снова и снова – старшего инспектора Калеба Хейла. Оно запало Колину в память. Инспектор криминального отдела полиции Скарборо.

Колин еще раз прослушал сообщение, но не обнаружил ничего нового.

Его сообщение все так же висело в чате непрочитанным.

Он ввел в поисковую строку «Гугла» имя Мэнди Аллард. Ни единого совпадения. Кто же это такая? Колин не помнил, чтобы Кейт когда-либо упоминала эту женщину. С другой стороны, они почти не общались последние две недели. Наверное, кто-то из ее подруг…

То есть, судя по всему, Кейт путешествует по Нортумберленду с мужчиной. Место, где она сейчас находится, называется «Утес чайки», если Колин правильно понял. Это может быть что угодно – отель, поселок, ферма. В диалоге, из которого Колин понял примерно одну десятую часть, Кейт назвала два имени – некоей Мэнди Аллард и старшего инспектора Калеба Хейла. И произнесла их так, будто хотела, чтобы ее расслышали.

Колин заметил, что она чуть ли не кричала, когда выговаривала некоторые слова: Калеб Хейл, Мэнди Аллард, «Утес чайки», Нортумберленд. Как будто стремилась передать информацию о своем местонахождении. В полицию, отсюда имя Калеба Хейла. Что касается Мэнди Аллард, она осталась для Колина загадкой.

Кейт не могла записать и отправить сообщение случайно. Очевидно, ей приходилось делать это тайком. Она прятала телефон, рискуя, что получателю будет трудно разобрать слова. И все потому, что мужчина рядом не должен был об этом знать.

Но почему она с ним поехала? Потому что он ее новый парень… То есть новый парень Кейт… преступник?

Колин очень разволновался. Похоже, Кейт в опасности. И обратилась к нему, Колину, за помощью. Он должен протянуть ей руку. Кейт никогда не сможет забыть, кто спас ее от смерти. Колин станет героем.

Но что, если он неправильно истолковал ситуацию, и спутник Кейт безобиден? Как будет выглядеть в этом случае Колин, если обратится в полицию? Как ревнивец, сумасшедший ревнивец! С хорошей фантазией к тому же.

Тем не менее он принял решение. Отыскал номер криминального отдела полиции Скарборо. Нужно связаться с инспектором Калебом Хейлом. Колин ни в коем случае не хотел выставить себя дураком, но ситуация действительно настораживала.

7

Лишь приблизившись, Кейт увидела другую машину – она осталась на противоположной стороне огороженной полуразвалившимся забором территории. Там же, на значительном расстоянии от дома, угадывалось что-то вроде парковочной площадки. Но асфальт пошел трещинами, из которых росла длинная желтая трава. В других местах он едва угадывался за зарослями дикой ежевики. Тем не менее там была припаркована большая темно-синяя машина.

Брендан Сондерс резко остановился:

– О господи…

– Это машина Райана Касуэлла? – спросила Кейт.

– Входите, мы должны… – сказал Сондерс вместо ответа, но не договорил и направился к входной двери.

Кейт решила воспользоваться моментом и проверить телефон, но Брендан Сондерс не то следил за ней, не то почувствовал движение. Так или иначе, он резко обернулся и выхватил у Кейт сумочку. Настолько быстро, что она и подумать не успела о том, чтобы оказать сопротивление.

– Я не собиралась звонить, – попыталась объясниться Кейт. – Немедленно верните сумку!

Они продолжали двигаться к дому. Теперь Кейт оставалось только молиться, чтобы ее сообщение было прочитано и правильно истолковано.

Дверь в дом стояла приоткрытой. Брендан толкнул ее и быстро вошел.

Внутри было темно, потому что снаружи уже сгустились сумерки. Короткий коридор вывел их в большую комнату с зарешеченным окном, за которым угасал последний дневной свет. И в его лучах Кейт открылось удивительное зрелище.

На полу сидели две женщины. Одна под окном, молодая девушка четырнадцати-пятнадцати лет. Мэнди Аллард? Выглядела она ужасно: спутанные волосы, огромные воспаленные глаза, желтовато-серый цвет лица. Она походила на ожившего мертвеца и как будто держалась из последних сил. В ней чувствовалось что-то от смертельно раненного животного, загнанного в угол и продолжающего защищаться только ради того, чтобы подороже отдать жизнь. В ее руке что-то блестело… Приглядевшись, Кейт поняла, что это разбитая бутылка. Опасное оружие, даже в руках полуживого человека.

Напротив сидела другая женщина, значительно старше первой, но моложе Кейт. Она была в гораздо лучшем физическом состоянии, чем девушка, но одна ее рука была обмотана шарфом. Женщина придерживала ее другой рукой, как будто ей было больно. Она подняла голову. Лицо было залито кровью.

В нос Кейт ударил ужасный запах – крови, экскрементов, пота…

– Господи… – прошептала она и упала на стену.

Брендан побледнел как полотно:

– Линда, Линда… что случилось?

– Линда? – оживилась Кейт. – Линда Касуэлл?

– У нее ключи, – прохрипела Линда Касуэлл. – Ключи от машины, я не могу уехать отсюда.

– Как ты вообще здесь оказалась? – спросил Брендан Сондерс. Он стоял посреди комнаты с сумочкой Кейт в руке, явно ошеломленный ситуацией.

– Я хотела положить этому конец, – сказала Линда. – Ты всегда говорил, что жестоко оставлять их здесь медленно умирать.

– Но я не имел в виду… Боже, Линда… – Брендан Сондерс был готов разрыдаться.

– Нам срочно нужен врач, – сказала Кейт.

Линда остановила на ней взгляд:

– Кто вы? – Оглянулась на Брендана. – Кто она?

– Журналистка, – объяснил Брендан. – Пишет о пропавших девочках. Сегодня она появилась у меня в квартире, и я подумал…

– …Что будет лучше избавиться от нее здесь, – закончила за него Линда.

Она с трудом поднялась на ноги. Глубокий порез шел от левого виска по щеке и через рот.

– Боже мой, она была прикована… Мэнди. Она освободилась и устроила мне засаду с этой бутылкой.

Мэнди что-то прохрипела, как будто зашипела кошка.

– Я уронила ключи от машины, – продолжала Линда.

Кейт поняла, почему она так странно говорит. Губы порезаны. Рот наполняется кровью, так что Линде приходится часто сплевывать. На полу рядом с ней уже образовалась лужа. Язык, наверное, тоже пострадал.

– Она сидит на ключах, – Линда кивнула на Мэнди. – Я не могу до них добраться.

Кейт поняла, что женщины смотрят друг на друга так вот уже несколько часов. Каждая ждет, когда силы другой иссякнут, и, судя по всему, первой будет Мэнди. К сожалению.

– Теперь у нас есть машина, – сказал Сондерс и показал на Кейт: – Ее.

– Ты действительно хочешь оставить ее здесь? – спросила Линда.

– А что еще нам остается? Она почти докопалась до правды. Мне пришлось привезти ее сюда.

– Так уж и докопалась…

Линда подняла руку и утерла кровь с лица рукавом зимнего пальто. К ране прилипла шерсть, отчего лицо выглядело еще ужаснее. Шарф, которым Линда обвязала руку, пропитался кровью насквозь. Должно быть, Мэнди набросилась на нее как разъяренный зверь. И, в общем и целом, справилась с задачей. Большего получиться не могло.

– Ей известно достаточно, чтобы оставить ее здесь. – Брендан чуть не плакал. – Прошу тебя, Линда… я действительно всего лишь хотел…

– Так или иначе, она здесь. Теперь она должна исчезнуть.

Кейт пока не знала, как вписать в эту историю Линду Касуэлл, но понимала одно: это то самое место, где погибали девочки. Саския Моррис и, с большой вероятностью, Ханна Касуэлл. Первая, согласно рапорту патологоанатома, умерла в состоянии крайнего истощения. Их оставили на произвол судьбы, посреди безлюдья, вдали от людей и

человеческого жилья. Самый простой способ убить человека – просто закрыть за собой дверь. Брендан, вероятно, избавлялся от тел.

Но зачем? Что заставляло их это делать?

Со временем все выяснится. Теперь же надо постараться не дать им выйти из дома. Что вряд ли удастся, потому что ее не выпустят. Она представляет для них серьезную угрозу.

Кейт подумала было назваться полицейским, но опять отвергла эту идею. Этим можно еще впечатлить Сондерса, но точно не Линду Касуэлл. Какими бы ни были отношения между этими двумя, иерархия угадывалась безошибочно. Линда задавала тон. Брендан был целиком и полностью ей предан и добивался ее расположения.

Но Линду нелегко запугать, и дело даже не в том, что она больна. А то, что она больна, Кейт видела. Это читалось в ее глазах, даже если б Кейт не знала, что Линда провела некоторое время в психиатрической лечебнице.

То, что она имеет дело с полицейским, могло сделать Линду более решительной и агрессивной. До сих пор Линда видела в Кейт наивную журналистку, которая вообще не представляла бы никакой опасности, если б не мнительность Брендана Сондерса. Полицейское удостоверение заставило бы ее по-другому оценить ситуацию и, возможно, прибегнуть к более радикальным способам обезвреживания, чем оставить Кейт взаперти помирать голодной смертью. Последнее все же давало некий шанс уйти живой. Очень небольшой шанс, как догадывалась Кейт, и все-таки…

«Надеюсь, они не станут рыться в моей сумке, – подумала она. – Если Сондерс найдет мое полицейское удостоверение…»

– Вы совершаете преступление, оставляя нас здесь, – сказала Кейт. – Девушке нужна срочная медицинская помощь.

– Да что ты говоришь! – Линда покачала головой. – Девушка знает, почему я ее бросаю. В этом нет моей вины.

– Бросить и запереть не одно и то же, – заметила Кейт.

Линда пожала плечами. Кажется, у нее и в мыслях не было, что она поступает неправильно.

– Брендан, мы уходим, – сказала Линда.

– Отдайте сумку, – потребовала Кейт.

Линда покачала головой:

– Забудь, твои вещи мы заберем. Брендан, проверь телефон этой женщины. Выключи и выброс в море. Я хочу быть уверена, что нас не выследят.

Брендан послушно полез в сумку. Кейт затаила дыхание. К счастью, полицейское удостоверение его не заинтересовало. Он поднял смартфон:

– Вот!

Ни Брендану, ни Линде не пришла идея проверить электронную почту Кейт и «Вотсапп». Видимо, в глазах Линды это были ненужные хлопоты.

– Выключи, – скомандовала она.

Брендан выключил телефон, выскочил за дверь, подбежал к краю плато и по высокой дуге метнул телефон в море. Теперь вся надежда на голосовое сообщение.

Линда сплюнула на пол. Они с Бреданом попятились к двери, не сводя глаз с пленниц. Нападать рискованно, Кейт сразу отвергла эту идею. Возможно, она справилась бы с раненой Линдой, но точно не с Бренданом.

Дверь захлопнулась. Кейт услышала, как несколько раз повернулся в замке ключ.

– О боже… – прошептала Мэнди.

И упала, не в силах больше держаться. Разбитая бутылка покатилась по полу.

– Мы погибли.

Кейт присела рядом на полу и положила ее голову на колени.

– Не надо, Мэнди. Вы ведь Мэнди Аллард, так? Не отчаивайтесь, мы обязательно найдем выход.

Мэнди слабо покачала головой:

– Я все здесь осмотрела. Выхода нет.

– Вы сильная и смелая девушка, Мэнди. Идея с бутылкой гениальна.

– И чем это помогло?

– Она осталась без ключей от машины. Вы сделали бы это, если б мы с Бренданом не помешали.

– Очень любезно с вашей стороны, но я бы не справилась. Слишком больно, – Мэнди подняла правую руку.

По крайней мере, это должно было быть рукой, согласно представлениям Кейт об анатомии человеческого тела. Но то, что видела Кейт, не напоминало руку даже отдаленно. Кусок сырого, кровоточащего мяса. Линвилл содрогнулась:

– Что с вами случилось?

Мэнди повернула голову к стене. Кейт увидела кольцо с цепью и стальным «браслетом».

– Она приковала меня цепью. Я смогла вытащить руку после того, как содрала с нее кожу.

Кейт подавила внезапный порыв к рвоте. То, что осталось от руки, наводило на мысль о тяжелой инфекции. Но еще более ужасало представление о том, через что пришлось пройти этой девушке. С какой беспощадной отвагой боролась Мэнди за жизнь! Такие подвиги не бывают напрасными. Тем не менее времени оставалось мало. То, что у нее до сих пор нет заражения крови, можно считать чудом.

– Я умру здесь, – тихо повторила Мэнди. Разговор явно утомил ее. – Левая рука немногим лучше. Ожог. Я умру от истощения и жажды. Выхода нет, все кончено.

Где-то снаружи послышался звук автомобильного мотора. Брендан и Линда уезжали.

– Послушай, Мэнди, ты не можешь сдаться сейчас. Мы выберемся отсюда. Я не журналистка, как думает Брендан Сондерс. Я полицейский. Ты слышишь?

Прозрачные веки Мэнди дрогнули:

– Теперь это ни к чему.

– Я отправила сообщение в «Вотсаппе». За нами приедут, нас вытащат отсюда.

– Никто не найдет нас здесь.

– Я все подробно описала.

С описанием Кейт преувеличивала. Надежда на то, что призыв о помощи дойдет до нужных людей, оставалась весьма призрачной. Но Кейт нужно было пробудить дух Мэнди. Мобилизовать последние ресурсы ее организма, хотя бы для того, чтобы пережить следующие несколько часов.

– Прошу тебя, верь. Мы выберемся.

– Эта Линда Касуэлл совсем сумасшедшая, – сказала Мэнди. – Боже, какая она сумасшедшая… Мне не следовало садиться к ней в

машину. Но…

Она замолчала, но Кейт не составило труда закончить мысль. Линда Касуэлл – женщина, это облегчало ей задачу. Что же касается Ханны… могла ли она заподозрить собственную мать, если, конечно, ее узнала? С Саскией все было, как с Мэнди… Кейт вспомнила вечер, когда искала в Стейнтондейле Райана Касуэлла, встретила женщину на автобусной остановке, и та, ни минуты не сомневаясь, села к ней в машину. Потому что Кейт – женщина. У женщин опасность автоматически ассоциируется с мужчинами, а не с другими женщинами.

– Мы выйдем отсюда, – повторила она.

Стемнело. Теперь в комнате можно было различить лишь очертания предметов. Кейт почувствовала холод, подняла шерстяное одеяло с пола и накрыла себя и Мэнди. Девушке это не помогло. Ее продолжало трясти, как в лихорадке.

Кейт молила того, кто получил сообщение, отреагировать немедленно.

– Прошу тебя… – шептала она.

Ее никто не слышал.

8

– Проклятье! «Утес чайки» – самое распространенное название на английском побережье! – распалялся сержант Стюард. – Отели, рестораны, пабы, просто закоулки – и прежде всего в Нортумберленде. Я загуглил!

Старший инспектор Калеб Хейл тяжело оперся руками о стол:

– Нам нужно еще раз прослушать сообщение. Что она там говорит?

– Криминалисты работают над удалением фоновых шумов, – сказал Стюард. – Может, сегодня удастся разобрать еще что-нибудь…

Калеб уставился на лист бумаги, где записал ключевые слова.

– Побережье… безлюдное место… – пробормотал он. – Это ни о чем. Любое место под названием «Утес чайки» будет находиться на побережье. – Продолжил дальше: – «На юге». Хм… даже не догадываюсь, что это может значить.

– Может, в тот момент Кейт просто развлекала его непринужденной беседой, – предположил Стюард. – Если наше предположение верно и она находится во власти человека, который представляет для нее опасность или даже напрямую угрожает, она может отправлять сообщения только тайком, незаметно для него.

– Писатель… – задумчиво проговорил Калеб и нахмурился. – Либо они говорят о литературе, либо…

Слово «писатель» цепляло, словно намекало на что-то.

Конечно, время от времени на инспектора находили сомнения. Когда в дверь его лондонской квартиры позвонил этот Колин Блэр и проиграл едва внятное голосовое сообщение из чата с Кейт Линвилл в «Вотсаппе», в голове Калеба загорелась тревожная лампочка. Мысль о том, что он преувеличивает опасность, пришла позднее. Она, кстати, была и у Колина Блэра, который, судя по всему, страшно боялся поставить себя в неловкое положение.

– Какие у вас отношения с сержантом Линвилл? – спросил его Калеб.

Блэр слегка покраснел:

– Я ее друг. Ну… бывший парень, можно сказать и так. Насколько я понял, с некоторых пор у нее появился другой. Может, именно он ей сейчас и угрожает.

Кейт и ее парни, бывший и настоящий… По меньшей мере удивительно для того, кто привык считать личную жизнь сержанта Линвилл несуществующей.

Калеб скорее не разделял его подозрения, но Дэвида Чапленда следовало исключить из списка потенциальных убийц, поэтому Калеб позвонил ему. Дэвид сидел у себя в кабинете и был искренне удивлен услышанным.

– В Нортумберленде? Нет, я не в Нортумберленде, я дома. Что она там делает?

– Это то, что я хотел выяснить у вас, – ответил Калеб. – Она едет туда с кем-то в машине. У вас есть идеи, кто это может быть?

Калебу казалось, он слышит, как в голове Дэвида Чапленда ворочаются мысли.

– Кейт все еще работает над историей о пропавших девушках, – ответил он наконец. – Не то чтобы она держит меня в курсе, но…

знаете, она все делает профессионально. Все проверит и перепроверит, прежде чем выдаст хоть слово.

Все верно, Кейт профессионал, Калеб знал это. Из этого телефонного разговора он сделал два вывода. Во-первых, Дэвид Чапленд все еще считает Кейт журналисткой. И то, что она, как он говорит, «работает над историей», означает, что Кейт ведет расследование. Сержант Скотланд-Ярда под прикрытием журналистской легенды…

Калеб выругался. Ему никогда не нравилась привычка Кейт совать нос в чужие дела.

– Она делилась с вами планами на сегодняшний день? – спросил он.

Особых надежд, пусть даже на утвердительный ответ, он не возлагал. Кейт не посвящала не-полицейских в ход расследования и даже не открыла Дэвиду Чапленду свой статус именно потому, что была профессионалом.

– Сегодня утром она сказала, что ей нужно в Ньюкасл. И – да, около двух часов дня она надиктовала сообщение на мою голосовую почту. Я не мог ответить на ее звонок, потому что в этот момент разговаривал с другим человеком. Кейт говорила, что вернулась в Скарборо после очередной беседы, собирается заехать домой за кошкой, а потом будет у меня.

– Она ничего не говорила про «Утес чайки», в каком бы то ни было контексте?

– Нет. Никогда.

– Она звонила вам из машины?

– Нет. По крайней мере, не на ходу.

– Были фоновые шумы?

– Не такие, чтобы я обратил на них внимание.

– Я пришлю к вам коллег. Не могли бы вы дать им свой телефон, для криминалистического анализа звонка Кейт?

Хоть и без восторга, Дэвид согласился.

– Что вообще происходит? Она в опасности?

– Этого мы не знаем. Вы перезванивали ей, после того как получили голосовое сообщение?

– Нет, все и так было ясно. Я знал, что мы увидимся вечером. Что произошло?

– Возможно, ничего страшного. Не волнуйтесь, мистер Чапленд. К вам приедут за телефоном.

Он завершил разговор.

– Ньюкасл, – сказал Калеб Роберту.

– Что ей там понадобилось?

– Кейт напала на какой-то след там, на севере. Ньюкасл, Нортумберленд…

Некоторое время они молча думали, но ни тому, ни другому Ньюкасл ни о чем не говорил.

У Калеба в голове все еще крутилось слово «писатель». Что-то там было… причем не так давно…

– Ну конечно, – сказал он. – Теперь припоминаю, когда последний раз имел дело с писателем. Брендан Сондерс, это он так себя называл. Писатель.

Стюард посмотрел на шефа.

– И у него Мэнди Аллард прожила неделю. Пока не убежала.

– Да, но подозрения в отношении Брендана Сондерса не подтвердились. И все же Мэнди Аллард… Кейт упоминала это имя… Мое имя, Мэнди Аллард и слово «писатель»… Черт, что она задумала?

– И парень, который с ней в машине, говорит «он подозревал меня»! – закричал Стюард. – Держу пари, это Сондерс! Его мы подозревали. Она с Бренданом Сондерсом в Нортумберленде в месте под названием «Утес чайки». Оттуда она отправила это странное сообщение. У Кейт определенно проблемы.

– Тогда почему она отправила его не мне, а этому непонятному Блэру, с которым, по-видимому, решила порвать? Потому что Кейт не могла это проконтролировать. Отправила наугад, кому получилось. Судя по звукам, телефон у нее в кармане или в сумочке. Сондерс не должен был заметить, что она записывает сообщение. Ей приходилось делать это вслепую. Ей повезло, что вообще получилось зайти в «Вотсапп». Она назвала мое имя, в надежде, что сообщение будет передано по адресу.

Калеб побежал к двери, на ходу надевая пальто:

– Едем к Сондерсу, немедленно.

– Он, наверное, в Нортумберленде, – заметил Стюард.

– Неважно. Может, соседка что-нибудь знает… Сондерс – единственная наша зацепка. Плюс этот «Утес чайки». Нам придется

действовать методом исключения, постепенно сужая круг интересующих нас объектов.

Стюард закатил глаза. Проще найти иголку в стоге сена. Он кивнул вошедшей Хелен.

– Я поняла, – сказала та. – «Утес чайки».

Стюард вышел следом за шефом.

* * *

Мы едем по темноте. Брендан за рулем. Я смотрю на его профиль, сжатые губы. Мне не нравится то, что он сделал, и это его расстраивает. Бедный Брендан. Он всегда старается мне угодить, а потом сидит и смотрит на меня, как собака в ожидании награды.

Но его не всегда есть за что награждать. Иногда он совершает откровенные глупости.

Сегодня, например. Хорошо, что он заехал в «Утес чайки» и помог разобраться с Мэнди, но так ли нужно было брать с собой эту журналистку? Неужели она действительно настолько далеко зашла? Она ничего не знает, готова спорить на что угодно. И никогда не доберется до правды.

Идиот. Неприятный вывод, учитывая, что мы родственники. Седьмая вода на киселе, и все-таки…

Зато теперь у нас есть машина. Я думала о том, чтобы забрать ключи у Мэнди, но это слишком опасно, даже с Бренданом. Эта штука острая как бритва. Мэнди изрезала мне лицо, и Брендану тоже наверняка досталось бы. Боюсь даже представить себе, как сейчас выгляжу. Испуганный взгляд Брендана наводит на неутешительные выводы. Мне нужно собраться духом, прежде чем я решусь опустить зеркало над пассажирским сиденьем. Лучше сделать это дома, в ванной. Там я смогу аккуратно смыть кровь и нанести йод на этот ужасный порез. Шрам точно останется, но больше меня беспокоят губы. Они кровоточат и кровоточат, и, если не срастутся как следует, у меня навсегда останется кривой рот.

Я беру из аптечки марлевые подушечки и прижимаю к лицу. Мне приходится постоянно менять их, потому что они быстро пропитываются кровью. Но у меня такое чувство, что временны́е

промежутки между переменами становятся все больше. Значит, кровотечение унимается.

Я никогда не прощу этого Мэнди.

– Тебе действительно лучше обратиться к врачу, – говорит Брендан.

Он белый как мел, я вижу это даже в слабом рассеянном свете, единственный источник которого – наши же фары. Снаружи темно. Мы петляем по узким проселочным дорогам. Надеюсь, скоро вырулим на A1, и тогда пойдет быстрее.

– Что я скажу врачу? Что на меня напали? Он позвонит в полицию, и они захотят знать, кто, где и что… Это в нашей-то ситуации?

– Но все плохо кончится, если рану не лечить…

– Да что ты говоришь!

Если я что и ненавижу в Брендане, так это его вечное нытье. Дай ему волю, будет всю дорогу причитать, что станется с моей раной. И не предложит ничего путного. Нет, так не годится. Мне нужно подбадривать себя, а не наоборот. Не стоит поддерживать с ним эту тему.

Так или иначе, Брендану я обязана знакомством с Мэнди Аллард. Он подобрал ее на улице в тот день, когда всего-то должен был забрать мою машину из ремонта. Мэнди шла по улице и выглядела настолько жалко, что он не мог не взять ее с собой. Она прожила у него неделю, прежде чем он позвонил мне. Идеальный вариант. Как будто создана для меня. К сожалению, он даже позвонить не смог по-человечески. Мэнди подслушала и тут же убежала. Бог знает, что она подумала. Что он сообщил о ней в полицию, департамент по делам молодежи, дом ребенка, публичный дом или куда там еще… Позже Брендан сказал в полиции, что звонил маме. И она, как всегда, его прикрыла.

Так или иначе, Мэнди ушла.

То, что я несколько дней спустя увидела ее на улице, было чистой случайностью. Как ни странно, я сразу поняла, что это и есть та девушка, о которой говорил Брендан. Помимо того, что она подходила под его описание, в ней чувствовалось что-то… в общем, я не сомневалась. Было очевидно, что с тех пор она околачивалась в этом квартале. Брендан говорил, она сбежала из дома, куда ни за что на

свете не хотела возвращаться. Наконец, по тому, как она двигалась, я заметила, что у нее повреждена рука. В общем, это была она.

Но восторг Брендана остался мне непонятен. Мэнди выглядела слишком жалко. Слишком потерянно. Она совсем не походила на Ханну.

Металлическое кольцо в стене ее почти не беспокоило – для этого она была слишком измотана. Я надела ей на руку «браслет», после чего Мэнди проснулась, и тут начался настоящий ад. Я все ждала, когда она успокоится, чтобы я могла освободить ее. Но все становилось только хуже.

– Зачем ты поехала к ней? – спрашивает Брендан.

В его голосе тихий, ноющий упрек. Как я посмела поехать к ней, не поставив его в известность? Я ненавижу быть зависимой от кого-то, но Брендан иначе представляет себе наше сотрудничество.

– Я же объясняла тебе, что хотела прекратить ее мучения.

Вижу, как он сглатывает. Видимо, пытается представить себе, как бы выглядело это «прекратить».

Сама не знаю, можно ли назвать милосердием то, что привело меня сегодня в «Утес чайки». Хотела ли я убить Мэнди, чтобы смыть с нее ее вину? Я взяла шарф, который сейчас ношу на руке как повязку. Я собиралась набросить его ей на шею, и… Смогла бы я это сделать? Трудно сказать. Может быть, меня просто тянуло к Мэнди. Я хотела ее видеть. Я знала, что она слаба, а значит, можно будет все спокойно обсудить. Остальные в конце концов просто меня разозлили. Их пустые тоскливые глаза… я просто теряла к ним интерес. Но не к Мэнди. Я была очарована ею. И это не прошло даже после того, как я израсходовала огромную упаковку марлевых тампонов, чтобы унять кровь из нанесенной Мэнди раны.

Моя рука тоже пострадала, но не так, как лицо. Я должна бы ненавидеть Мэнди. И я ее ненавижу, но не могу не восхищаться ее смелостью и неукротимостью. Я не хочу обсуждать с Бренданом эти свои чувства к Мэнди. Все равно он не поймет.

– Тебе повезло, что сегодня я приехала к ней, – говорю я. – Иначе Мэнди напала бы на тебя и журналистку, и это ты ходил бы с порезами на лице.

Убеждена, что так оно и было бы. Мэнди напала бы и на двух человек, и на трех, и на пятерых.

Мне не хватило пары секунд, чтобы разобраться в том, что я вижу. Холодная вонючая комната. Высокие потолки. Я была уверена, что найду Мэнди под одеялом. То, что она укуталась так, что даже кончик носа не торчал наружу, казалось естественным с учетом стоявшего в комнате холода. Но что-то меня беспокоило, что-то было не так в открывшейся моим глазами картине. И в тот момент, когда я сообразила, что все дело в цепочке с пустым «браслетом», я уловила краем глаза движение за моей спиной и не успела отойти, как что-то ударило мне в лицо, и все заволокла страшная режущая боль. Я закричала, захлебываясь кровью. Потом то же с рукой, и ключи от машины, которые я держала, полетели на пол. Я подумала, что так, наверное, бывает, когда на тебя нападет леопард или другая большая кошка, вонзает когти и зубы в твою плоть. Потом я увидела Мэнди – скелет, обтянутый желтой кожей, с каким-то оружием в руке.

В голове пронеслось: «Откуда она это взяла?», как будто это действительно имело значение в тот момент, когда я, выставив одну руку перед лицом, отбивалась другой от бушующей передо мной дикой ярости.

Не думаю, что у меня был бы шанс, и минуту спустя Мэнди точно перерезала бы мне горло своим оружием, в котором я позже узнала бутылку с отбитым горлышком. Но, по счастью, она оказалась слишком слаба. Голод и жажда подточили ее силы. Мэнди пошатнулась. Пыталась удержаться на ногах, но упала и откатилась от меня, потому что теперь я пинала ее ногами в тяжелых зимних ботинках. Она оказалась рядом с ключами от моей машины, быстро схватила их, сунула под себя и приняла полусидячее положение, держа бутылку перед собой и оскалив зубы, в буквальном смысле.

Этим она и взяла меня – ключами. Ключ от входной двери торчал в замке. Я могла бы исчезнуть, запереть ее, бросить на произвол судьбы. Но выбраться из этого захолустья без машины – ни малейшего шанса. Тем более что я была ранена и истекала кровью.

Так мы и сидели друг против друга, и каждая ждала, когда другая свалится без сил. Я знала, что это будет Мэнди. В отличие от нее, я не была измотана голодом. У меня были ресурсы. У нее – почти нет.

Тут появился Брендан. С женщиной, журналисткой. Насколько глупым нужно быть, чтобы пустить к нам прессу в самый решающий момент… Конечно, для него это был сюрприз. Я не говорила Брендану,

что собираюсь в Нортумберленд. Он ожидал найти здесь только полумертвую безобидную Мэнди. Но сюрприз был бы в любом случае, потому что и полумертвая Мэнди представляла опасность.

– Ты хотел запереть с ней журналистку? – спрашиваю я, пытаясь понять, в чем все-таки состоял план этого идиота.

Он кивает:

– Мне не оставалось ничего другого, Линда. Она слишком близко подошла к разгадке. Только думала, что во всем виноват Райан, а ты стала его первой жертвой.

Интересная мысль…

– Что ж, пусть бы дальше так и думала, – отвечаю я. – Даже если у Райана были бы проблемы, почему бы и нет? Он заслужил это. Нельзя так обходиться с людьми.

– Она побывала в Чемберфилде, – говорит он. – Я просто боялся…

Чемберфилд, да. Если есть слово, которое я ненавижу больше всего на свете, то это оно. Ужасная клиника. Сумасшедшие врачи.

– Ладно, – перебиваю его я. – Не думаю все же, что она до чего-то докопалась, эта, как ее…

– Кейт Линвилл.

– Эта Кейт Линвилл. Но что сделано, то сделано. Они там умрут. Потом ты избавишься от тел. Вот и всё.

Он кивает, преданный и довольный. Брендан избавился от Ханны и Саскии. Избавится от Мэнди и Кейт. И хижина опять будет свободна.

Брендан скосил на меня глаза:

– Это должно прекратиться, Линда. Дальше так продолжаться не может.

Боже мой…

– Ты сам уговорил меня на Мэнди.

– Не совсем, – слабо защищается он. – Я подумал, что она может тебе подойти.

Он подумал… Он еще и думает!

К тому времени, как мы свернули на трассу, кровь почти унялась. Кстати, и тампоны в аптечке закончились. Наконец не нужно что-то постоянно прижимать к лицу. Меня охватывает усталость. Хочется зевать, но я не могу как следует раскрыть рот, поэтому подавляю зевок.

Чтобы как-то себя занять, открываю сумочку Кейт Линвилл, которую держу на коленях, роюсь в ней свободной рукой. В темноте я лишь смутно различаю предметы, которые достаю один за другим. Ключ. Бумажник. Открываю, и первое, что я вижу, – банковская карта в одном из отделений. Прищуриваюсь, с трудом различая буквы.

Кейт Линвилл. Она назвала Брендану свое настоящее имя.

Понятно, что в доме я не особенно приглядывалась к этой Кейт, у меня были дела поважнее. Теперь же, когда я пытаюсь ее вспомнить, она видится мне существом малозаметным. Серая мышь. Я не смогла бы описать ее, даже если б встретила при других обстоятельствах. Она из тех женщин, которые не запоминаются. Такие обделены жизнью, их не замечают. Они не интересуют мужчин, живут одни и умирают в одиночестве. Но Кейт повезло, она умрет с Мэнди.

Содержимое сумочки подтверждает мои догадки. Ничего из того, что носят с собой другие женщины. Никакой помады, кроме этой прозрачной жирной смазки, ни пудры, ни подводки для глаз, ни туши. Ничего такого, чем можно было бы освежить лицо в течение дня. Два свалявшихся тампона – единственное свидетельство того, что Кейт – женщина.

А это еще что такое? Маленькая черная книжечка… Удостоверение? Открываю. Действительно, удостоверение сотрудника лондонской полиции. Идентификационный номер. Под ним – фотография женщины, которую я только что видела в доме на скале. *Кейт Линвилл, детектив-сержант*.

Что, простите?

Я вглядываюсь в ее лицо, снова и снова перечитываю подпись, как будто от этого что-то изменится. Лондонская полиция? Это же Скотланд-Ярд. Эта женщина, которую Брендан по непонятным мне соображениям затащил в дом на скале, не журналистка в погоне за горячими новостями. Она – детектив-сержант Скотланд-Ярда, первого полицейского ведомства страны. И это значит, что не какая-нибудь журналистская шлюшка дышит нам в спину. Нами занимается Скотланд-Ярд. Скотланд-Ярд расспрашивал обо мне в Чемберфилде. Скотланд-Ярд посетил Брендана в его квартире. Возможно, Скотланд-Ярд пошел по неправильному пути, заподозрив Райана. Но это совсем не то, как если бы по неправильному пути пошла журналистка Кейт.

Они прекрасно обучены, чертовски умны и опытны. И они близки к разгадке.

У нее ведь есть коллеги. Детектив-сержант Кейт Линвилл не станет проводить расследование в одиночку. Где-то существуют люди, которые знают, над чем она сейчас работает, что планирует на день и каков ее следующий шаг. Может, она даже сообщила им о поездке в Нортумберленд. Брендан слишком глуп, чтобы обращать внимание на такие вещи. Господи, мы выбросили ее смартфон… Мне это показалось хорошей идеей, но сейчас были бы кстати ее электронные письма и сообщения.

– Черт! – вырывается у меня.

Брендан вздрагивает от неожиданности:

– Что такое?

Я машу удостоверением перед его носом. Хотя он все равно ничего не видит.

– Журналистка, да? Это она тебе так сказала?

– Да, а что?

– Детектив-сержант Кейт Линвилл, Скотланд-Ярд. Это катастрофа!

Лицо Брендана становится еще белее, хотя такое как будто невозможно.

– Но она сказала…

– Она сказала!.. Нужно было попросить ее представиться как следует, прежде чем впускать в дом.

Честно говоря, я поступила бы так же. Не стала бы требовать удостоверение от журналистки, поверила бы ей на слово. Все другое было бы слишком кошмарно. Но сейчас я не хочу быть справедливой по отношению к Брендану. Я ненавижу его за глупость.

Кладу удостоверение обратно в сумочку. Думаю. Усталость как рукой сняло.

– Мы развернемся при первой возможности, – говорю я.

– Зачем?

– Ситуация изменилась. Эта женщина – полицейский. Возможно, она сообщила коллегам, куда ты ее везешь.

– Нет, она не могла.

– Уверен? – кричу я. – Можешь дать стопроцентную гарантию?

Брендан молчит. Он не может этого сделать.

– Мы не станем дожидаться, когда она умрет голодной смертью. Или же когда отряд быстрого реагирования начнет штурмовать чертову хижину. Ей известно, кто ты. Это слишком рискованно, даже если она не успела сообщить им мое имя. Нам нужно вернуться, и как можно скорее.

Брендан похож на привидение. Кожа почти прозрачная.

– И что мы…

– Мы должны их убить, обеих. Прежде чем их найдет полиция. Нам нужно убить Мэнди Аллард, но прежде всего Кейт Линвилл. Развернись, как только сможешь, и жми на газ.

9

Детектив-сержант Роберт Стюард не был уверен в правильности действий шефа, но не верил, что Калеба Хейла можно остановить. Позвонив несколько раз в квартиру Брендана Сондерса, в окнах которой не горел свет, и не получив ответа, они решили побеспокоить его соседку. Ту самую, которая когда-то заявила на Сондерса в полицию. Она и впустила полицейских в подъезд.

Калеб поднес к глазам женщины полицейский значок и спросил, есть ли у нее ключи от квартиры Сондерса. К счастью, ответ был утвердительный. Старушка поливала там цветы, когда хозяина не было дома.

– Было бы хорошо, если б вы впустили нас к нему, – попросил Калеб.

Женщина согласилась без колебаний.

– Сэр, – обратился к инспектору Роберт Стюард, – то, что мы сейчас делаем, противозаконно.

– Кейт в опасности, и к тому времени, когда мы получим ордер на обыск, может оказаться поздно, – невозмутимо ответил Калеб, отпирая входную дверь и включая свет в прихожей. – Нужно тщательно здесь все осмотреть. Ищем все, что может помочь расшифровать ключевые слова – «Утес чайки».

– Коллеги здесь уже были и проводили обыск.

– Они искали другое. Следы пропавших девочек, особенно Амели Голдсби, которая, как тогда считалось, вписывается в тот же шаблон,

что и Саския Моррис. «Утес чайки» никого не интересовал.

«Это катастрофа», – подумал Роберт. Они ворвались в чужую квартиру, и единственным оправданием, которое могли бы выдвинуть позже, было голосовое сообщение от Кейт сомнительного качества. Калеб интерпретировал его как крик о помощи, но оно могло означать и нечто совсем другое.

Тем не менее командовал здесь Калеб, а не он.

Квартира Брендана Сондерса оказалась тесной и теряла еще больше пространства из-за скошенного потолка. Неуклюже обставленная излишним количеством излишне громоздкой мебели, она выглядела уютной благодаря множеству поразительно красивых растений в горшках, стоявших везде – на окнах, книжных и кухонных полках. Должно быть, цветы были страстью Сондерса. Другой страстью, судя по всему, были книги. Они стояли на полках в шкафах, громоздились стопками на полу, так что было трудно пройти.

«Нужно тщательно все обыскать…» – мысленно повторил Роберт слова шефа.

Они принялись за дело. Выдвигали ящики, открывали дверцы шкафов, листали старые календари, поднимали цветочные горшки, двигали книжные стопки, заглядывали под диван и кровать. Калеб включил ноутбук, но система, как он и опасался, затребовала пароль. Так что дальше он не продвинулся.

Коллеги недоуменно переглянулись.

– Должна быть какая-то подсказка, – пробормотал Калеб.

– Совсем не обязательно, – возразил Роберт. – Нет никакой уверенности в том, что «Утес чайки» вообще имеет какое-то значение. Это может быть не более чем указатель, который сержант Линвилл случайно увидела из окна машины.

– Это единственное, что у нас есть, – возразил Калеб. – Так что вперед.

Они продолжили поиски. Калеб сделал несколько звонков в отделение. Дальнейший криминалистический анализ голосового сообщения Кейт не дал пока ничего нового. Телефон Дэвида Чапленда – тоже. Хелен занималась «Утесами чайки» по всему Нортумберленду. Если предположить, что в два часа Кейт все еще была в Скарборо и отправила сообщение из Нортумберленда в половине пятого, можно было рассчитать примерный радиус интересующей их территории.

Если, конечно, Кейт произнесла это название сразу после того, как увидела указатель, в чем уверенности быть не могло.

Прорыв произошел примерно через час после того, как они вошли в квартиру. Стюард пролистывал книги на полке над кроватью Брендана. Толстый слой пыли указывал на то, что Сондерс к ним давно не прикасался. И как раз в тот момент, когда Роберт окончательно отчаялся что-нибудь найти, к его ногам выпала сложенная бумага.

Рекламный проспект. «Утес чайки».

– Сэр! – закричал Роберт и побежал на кухню, где Калеб снимал с полки кулинарные книги. – У меня кое-что есть, это не может быть совпадением!

Калеб посмотрел на брошюру:

– Никаких совпадений. Вот оно…

Он пролистал пожелтевшие страницы. На лицевой обложке красными буквами: «Утес чайки», ниже имя, которое зажгло в голове инспектора все тревожные лампочки: Джозеф Мейдоуз.

– Это приятель Сондерса, чью машину он забирал из ремонта. Черт, мы не должны были его отпускать. Коллеги не застали его дома, и…

Калеб не договорил. В свое время он исключил Сондерса из числа подозреваемых, а вместе с ним оставил и Мейдоуза.

«Дурак, – отругал себя Калеб. – Наивный дурак».

На первой странице – стилизованный рисунок северного пейзажа, схема проезда. Подпись: «Береговая тропа Англии», далее изображение дома и перечень того, что там можно купить: напитки, салаты, фиш-энд-чипс, бургеры.

На задней обложке фотография с видом побережья. Похоже на Нортумберленд. Название места – Алнвик. Популярное туристическое место, как будто южнее.

– Что-то вроде паба, – взволнованно заметил Роберт.

– Больше похоже на закусочную на обочине туристической тропы. Но это старая штука, – он кивнул на проспект. – Думаете, еще работает?

– Мейдоуз, похоже, владелец. Заправляет там, по крайней мере.

– Заправлял, – поправил Калеб. – Сейчас он живет в Скарборо. Это слишком далеко… – Он задумался. – Сейчас сообщу коллегам в Нортумберленде. Пусть немедленно отправят туда людей.

– Что мы им скажем? Что они должны там найти?

– Мэнди Аллард, Кейт Линвилл, Брендана Сондерса, Джозефа Мейдоуза. Не исключено, что дом придется штурмовать. Нужна вооруженная команда.

– Сэр… все это может выглядеть совершенно иначе.

– Возможно, но я не могу рисковать. Тем более когда на карту поставлена жизнь Кейт.

– Понимаю, но…

– Мы отправляемся к Мейдоузу. И на этот раз точно к нему попадем.

Роберт вздохнул. Похоже, шеф опять решил взломать чужую квартиру. Второй раз за последние несколько часов.

10

Мэнди ни на что не реагировала. Она металась в жару и несколько раз сбрасывала одеяло, которым Кейт снова и снова укутывала ее. Бредила, не открывая глаз. Кейт ничем не могла ей помочь – ни водой, ни бинтами, ни медикаментами. Девушка обессилела. Если помощь не подоспеет в ближайшее время, она вряд ли выживет.

Незаметно сгустилась темнота. Кейт различала очертания предметов и снова и снова обыскивала глазами дом в поисках лазейки наружу. Хотя и подозревала, что это бесполезно. Мэнди провела много часов, занимаясь тем же, при куда лучшем освещении. И ничего не увидела, потому что ничего не было. Но Кейт не могла просто сидеть и ждать, не зная, есть ли в этом смысл.

Она снова присела рядом с Мэнди, подвинула ее к стене и в сотый раз подоткнула одеяло. Хорошо, что на Кейт теплое пальто и ботинки. Но и в них она чувствовала себя огромной ледяной глыбой. Голод и жажда пока терпимы, но очень скоро станут главной проблемой. Они замурованы. Ни малейшего шанса вырваться на свободу. Линда проделала большую работу.

Линда Касуэлл. Женщина, которую считали первой жертвой, оказалась преступницей. Куда бы она ни уехала тогда от Райана, она вернулась. Как ей удалось так долго прожить в Англии неузнанной? Кейт подозревала, что после бесследного исчезновения Ханны

полиция не оставляла попыток связаться с ее матерью. И им это не удалось, что оставалось для Кейт большой загадкой. Вряд ли Линда вела жизнь отшельницы в этом доме. Такое было невозможно без воды и электричества на протяжении стольких лет. И без денег. Ей нужно было откуда-то получать деньги. Она водила дорогую машину. Линда могла работать нелегально, горничной или уборщицей, но арендовать жилье без того, чтобы об этом не узнали в полиции, она не могла. Допустим, работодатели позволили ей где-то жить без регистрации. Они же одолжили дорогую машину?

Или Линда жила у Брендана Сондерса, с которой ее, очевидно, связывали более тесные отношения, помимо дальнего родства.

Она похитила Ханну, в этом Кейт была уверена. Возможно, в основе этого поступка лежало вполне естественное желание матери вернуть своего ребенка. Бороться за Ханну в суде представлялось идеей безнадежной, учитывая пребывание Линды в психиатрической клинике. Она выслеживала Ханну, возможно, на протяжении нескольких дней или недель. Пока не открылась ей дождливым ноябрьским вечером на вокзале в Скарборо. Ханна, которая, вероятно, очень смутно помнила мать, могла узнать ее по фотографиям и без колебаний села в машину. Удивленная, конечно, растерянная, но ни о чем плохом не подозревающая. Она должна была тосковать на матери с таким нелюдимым, мрачным отцом. Можно представить себе, как она обрадовалась.

Но потом Ханну привезли сюда, и в какой-то момент она поняла, что Линда не собирается отпускать ее обратно. Какими бы ни были отношения Ханны с Райаном, он был ее отцом, и его дом был ее домом. Ханна вела жизнь обыкновенной школьницы, у нее были друзья, уроки, повседневная жизнь, в которую она не могла вернуться. Постепенно Ханна поняла, что оказалась во власти психически больного человека…

Кейт оглядела темную, пустую комнату. Ей казалось, она дышит отчаянием, страданиями, витавшими в этих стенах.

Что потом?

Ханну так и не нашли. Кейт предполагала, что Линда уморила ее голодом, как Саскию Моррис. В какой-то момент она просто перестала появляться в этом доме, бросив девочку умирать от голода и жажды. За

то, что та отказалась ей подыгрывать и больше не была той дочерью, о которой мечтала Линда.

Кейт вспомнила разговор с докторами в Чемберфилде. Связанные врачебной тайной, они были очень осторожны в описании болезни Линды. Маниакально-депрессивный психоз. Возможно, нездоровое желание власти над человеком, который должен принадлежать ей как собственность. Потерянность и отчаяние депрессивных фаз, перемежающихся маниакальными эпизодами. Возможно, поначалу главной движущей силой в их отношениях с Райаном была именно она, Линда. Райан тоже жаждал отношений с женщиной, но в обычных рамках. Как одинокий мужчина, которому кто-то нужен.

Итак, Линда отвернулась от Ханны и обрекла ее на смерть, потому что не могла вынести ее слез и тоски по дому. Отказ Ханны любить ее, жить с ней, должно быть, сильно ранил Линду. А Кейт была готова спорить, что Линда не из тех, кто хорошо справляется с разочарованием.

Потом она, можно сказать, вошла во вкус. Линда хотела дочь. Она решила, что имеет на это право, как женщина, родившая девочку. И вот она похищает Саскию Моррис. Переживает с ней ту же драму, что и с Ханной. Саския тоже просится домой. Умоляет об этом так же отчаянно, как и Ханна. Не проявляет ни малейшего желания принять Линду как мать. Этим она выносит себе смертный приговор. Линда отворачивается от очередной жертвы, раз и навсегда.

Кейт взглянула на Мэнди, которая не спала, только тяжело дышала рядом с ней. С Мэнди Аллард Линда сломала шаблон. Саския – девушка из благополучной семьи, застенчивая и окруженная заботой. Ханна тоже росла под опекой отца. Линда увидела в этом проблему – так появилась Мэнди Аллард. Девочка, убежавшая из дома, не привыкшая рассчитывать ни на кого, кроме самой себя. Конечно, это не сработало. Именно потому, что Мэнди нельзя запереть просто так, не встретив сопротивления. И превратить в дочь мечты.

Линда не остановится, Кейт это понимала. Классический случай серийного убийцы. Социопат, не способный на здоровые отношения с людьми и потому так жаждущий этих отношений. Кейт видела ее глаза. Их выражение – точнее, отсутствие всякого выражения. Ей приходилось иметь дело и с такими существами, совершенно не способными понять чувства других. С Линдой Касуэлл не получится

поговорить. Ее невозможно убедить ни в чем. Ее нельзя было выпускать из клиники, но закон запрещает удерживать таких в изоляции насильно. До тех пор, пока что-то не случится. Пока не погибнут две девочки, к примеру. Мэнди и Кейт, скорее всего, ждет та же участь.

«Меня будут искать, – пыталась подбодрить себя Кейт. – Дэвид не даст покоя полицейским, если вечером я не появлюсь у него дома. Он поедет ко мне. Увидит, что там никого нет, и поймет, что что-то случилось».

Что будет потом?

Возможно, сообщение в «Вотсаппе» попало к нему. Так или иначе, кто-то должен его получить… Разве если здесь вообще нет связи, тогда оно зависло. Другая проблема – тот, кто его получил, мог не разобрать слов. Или не понять намека…

Кейт смотрела в пол, обхватив руками голову. Подавила стон. Все безнадежно. То, что Линда и Брендан не убили их сразу, предоставив событиям развиваться естественным путем, поначалу вселяло надежду. Теперь Кейт все яснее осознавала ее призрачность. Шансов почти нет. Никто не найдет их в этом проклятом месте.

Она услышала шум и подняла голову. Снаружи ветреная ночь, кричат чайки, но в остальном все тихо. И все-таки она ясно слышала… как подъехала машина.

Первая мысль была – Дэвид. Он получил сообщение, правильно его понял и чудесным образом отыскал уединенный дом. Дэвид, ее герой и спаситель… Но в следующий момент Кейт узнала двигатель. Это урчание слишком хорошо ей знакомо.

К дому подъехала ее машина, и это означало, что преступники вернулись.

11

Калеб описал коллегам месторасположение дома, насколько это было возможно, опираясь только на схему на рекламном туристическом проспекте. Коллега на другом конце провода как будто не слишком воодушевился перспективой рыскания в кромешной тьме по негостеприимному северному побережью в поисках некоего «Утеса

чайки», где, по мнению инспектора Калеба Хейла, окопался серийный убийца с возможными жертвами.

– Сержанту столичной полиции грозит смерть, – попробовал подбодрить его Калеб. – Разумеется, мы должны сделать все возможное, чтобы спасти ее.

– Я понятия не имею, где может находиться этот «Утес чайки», – раздраженно проворчал коллега. – Расспрошу своих, может, кто знает… Думаете, это что-то вроде базы отдыха возле туристической тропы?

Калеб уже объяснил ему, что думал.

– Поторопитесь!

Он завершил разговор. Тем временем Стюард узнал у коллег адрес Джозефа Мейдоуза.

– Отлично, – одобрил Калеб. – Будем надеяться, что на этот раз он дома. Тогда мы наконец получим точное описание дороги к проклятой хижине.

– Если парень согласится с нами сотрудничать, – добавил Роберт.

– Он согласится, – мрачно отозвался Калеб.

Джозеф Мейдоуз жил в красивом особняке на Норд-Бэй, по иронии судьбы неподалеку от семьи Голдсби. Калеб с Робертом до сих пор у него не бывали. Другие полицейские в свое время пытались поговорить с Мейдоузом, но не застали его дома и вернулись ни с чем.

Свет в окнах не горел, на звонки никто не отвечал. Калеб заглянул в гараж через маленькое боковое окошко – пусто.

– Его нет дома, сэр, – робко заметил Роберт.

Калеб направился к соседнему дому и позвонил в дверь. Открыл молодой мужчина с беспокойно бегающими глазами. За его спиной кричали дети.

– Да?

Калеб показал ему удостоверение.

– Полиция Скарборо, инспектор Калеб Хейл. Нам нужно поговорить с вашим соседом, мистером Мейдоузом.

Молодой человек уставился на него в недоумении:

– С мистером Мейдоузом?

– Да. Разве не он живет в соседнем с вами доме?

– Живет, да. Только поговорить с ним вряд ли получится. Мистер Мейдоуз давно уже невменяем. Думаю, он даже имени своего не

помнит.

– И все еще живет здесь?

– За ним присматривает жена.

– Но сейчас в доме как будто никого нет. Она могла просто так оставить его и уйти?

Мужчина вздохнул:

– Знаете, сам толком не могу понять. Я часто вижу, как она уезжает из дома, но что с мистером Мейдоузом… Может, она накачивает его лекарствами? Или он совсем не может самостоятельно передвигаться? В любом случае, не стоит, по-моему, оставлять человека одного в таком состоянии.

– Вы общаетесь с ней?

– Практически нет. Она странная женщина. При встрече на улице даже не здоровается. И намного моложе мистера Мейдоуза. Они переехали в этот дом пять лет назад. Уже тогда мистер Мейдоуз выглядел немного не в себе. Моя жена как-то хотела пригласить их в гости, но нашла в почтовом ящике карточку с довольно недружелюбным отказом, без объяснения причины. После этого мы от них отстали. Стало ясно, что она не хочет иметь с нами ничего общего.

– Когда вы в последний раз видели мистера Мейдоуза?

Мужчина задумался.

– Месяцев шесть тому назад… да, летом. Она гуляла с ним по улице. Такое впечатление, что Мейдоуз совершенно не осознавал того, что видит вокруг. Не могу сказать, выходил ли он после этого. Я, во всяком случае, не видел.

– Не знаете, владел ли мистер Мейдоуз закусочной или пабом… в Нортумберленде?

– Без понятия, но они оба родом оттуда. Она упомянула об этом как-то в самом начале нашего знакомства. Якобы они там жили. Но больше ничего не сказала.

«Мы определенно на правильном пути», – подумал Калеб.

– У вас случайно нет ключей от дома мистера Мейдоуза?

Мужчина с сожалением посмотрел на инспектора:

– Нет, и не думаю, чтобы они доверили ключи кому-то другому. Они хотят жить сами по себе, это видно.

– Принято, спасибо.

Калеб повернулся идти. Мужчина закрыл дверь, не проявив интереса к тому, чем закончится история. К счастью.

– Нам нужно проникнуть в дом, – сказал Калеб Роберту и снова посмотрел на темный фасад. – Каким-то образом это надо сделать.

– Мы не можем туда проникнуть, сэр. И, скорее всего, это не принесло бы нам никакой пользы. Вы слышали, что Джозеф Мейдоуз не в себе. Он не сможет указать нам дорогу к хижине и, скорее всего, вообще не помнит о ее существовании.

– Возможно, и все-таки… – Калеб покачал головой. – У меня такое чувство, что нам срочно нужно туда попасть.

– Мы не можем туда попасть.

Но Калеб уже проник в сад и обходил дом. Роберт пошел за ним, ругаясь под нос.

Стеклянная дверь, выходящая во внутренний дворик, оказалась слабым местом. Калеб снял куртку, обернул ею руку и выбил стекло в одном из маленьких квадратных окошек на двери. Просунул руку, повернул замок.

– Так не пойдет, – продолжал ворчать Роберт Стюард.

Но последовал за инспектором в дом.

Калеб включил свет. Длинный стол, стулья, массивный деревянный буфет – судя по всему, они оказались в столовой. Тяжелая, громоздкая мебель, но, похоже, комнатой пользовались не слишком часто.

Они прошли столовую и попали в коридор. Здесь царил хаос. Обувь, сваленная вдоль стен, стулья, заваленные куртками, пальто, шляпами и шарфами.

– Не слишком уютно, – заметил Стюард.

– Мы идем наверх. Там, наверное, спальни, где может быть Джозеф Мейдоуз.

Но в спальнях никого не было. Их оказалось три. Одна совершенно пустая, без мебели; в двух других стояли кровати, но использовалась, похоже, только одна – та, на которой было сбитое в кучу белье. Там же по всей комнате были разбросаны женские вещи.

На кровати в другой спальне был только матрас – ни одеяла, ни подушек. Калеб открыл шкаф.

– Мужская одежда. Мистера Мейдоуза, похоже. Но где он сам?

– Может, жена сдала его в специнтернат? – предположил Стюард. – И ничего не сказала соседям, что вполне согласуется с тем, что мы о ней только что слышали… Это объясняет, почему мистера Мейдоуза давно не видели на улице. И ей в этом случае не нужно днями напролет сидеть дома.

– Хм… Но почему его одежда здесь? Нижнее белье, свитер, брюки…

– Потому что там он носит только больничную пижаму, – ответил Стюард. – И потом, мы не знаем, вся ли его одежда здесь.

Калеб нахмурился:

– В этом доме есть подвал? Если да, я хотел бы спуститься туда.

– Сэр, то, чем мы сейчас занимаемся, противозаконно…

Но Калеб уже спускался на первый этаж. Стюард выругался про себя.

Из грязного коридора на первом этаже три двери вели на кухню, в гостиную и в столовую. За последней Калеба ждала темнота и холод. Когда же щелкнули выключателем и свисающая с потолка лампочка загорелась, инспектор увидел уходящие вниз каменные ступени. В нос ударил затхлый запах, с привкусом чего-то более страшного.

– Здесь пахнет… странно, – заметил сержант. – Как будто что-то сгнило.

Калеб подумал, что, конечно, в таких подвалах могут быть дохлые крысы и мыши. Тем не менее не покидавшее его тревожное чувство усилилось.

Они спустились по крутым ступеням. Запах ощущался почти физически. Полицейские не разговаривали. Оба были крайне напряжены.

Они заглянули в две комнаты, двери которых оказались не заперты. В одной обнаружились стиральная машина, сушилка и корзина с бельем. В другой вдоль кирпичной стены шла деревянная полка с коробками кукурузных хлопьев, консервными банками и бутылками сока. Если это кладовая семьи Мейдоуз, роскошным их стол не назовешь.

Оставалась еще одна комната, за закрытой дверью. Запах становился невыносимым. Запах разложения, буквально сбивавший с ног.

Стюард застонал, зажимая ладонью нос и рот. Калеб щелкнул выключателем.

Здесь, как и в соседних помещениях, не было окон. Каменный пол, стены, потолок – подземелье. Посередине стояла кровать, и на ней лежало тело. На последней стадии разложения, как обнаружили Калеб и Стюард, осторожно приблизившись. Руки и ноги этого человека – точнее, то, что от них оставалось – были привязаны к каркасу кровати веревками.

Калеб повернулся к сержанту, стараясь дышать быстро и неглубоко:

– Думаю, это и есть мистер Мейдоуз.

* * *

Мы выходим из машины.

– Помоги мне, – говорю я Брендану.

Он смотрит на меня широко раскрытыми глазами.

– Что ты задумала?

Он напуган. Я чувствую запах его страха. Брендан думал, все получится само собой, как всегда. Но иногда требуется приложить некоторые усилия. Если кто-то оказывается настолько глуп, чтобы затащить в наше укрытие сержанта Скотланд-Ярда.

– В сарае осталось несколько канистр с бензином, – говорю я. – Принеси их сюда. И посмотри там шест или топор – что-нибудь, чем можно было бы выбить окна. Нужно будет влить бензин вовнутрь.

Брендан все еще пялится на меня:

– Что, вместе с ними?

– Нет, без них, – рычу я. – Как можно быть таким идиотом? Какой толк поджигать, если мы их выпустим?

Брендан растерян, но он никогда не возражает мне всерьез. Он полагает, что добьется моей любви, если будет послушным мальчиком. Но я никогда не любила его. Я не люблю людей, которые мне подчиняются. Я их использую и презираю.

Брендан не глуп, он чувствует мое презрение, но изменить ничего не может. Он влюблен, слишком поглощен безнадежным желанием

иметь со мной продолжительные отношения как с женщиной. Ради этого он сделает что угодно и многое уже сделал.

Брендан включает фонарик в телефоне и идет к сараю. Я слышу, как он там роется, постоянно на что-то натыкаясь. В сарай годами сбрасывалось все то, чему мы не могли найти применения. Я знаю, что там есть запас бензина, предназначенного для яхты Джозефа. Когда-то Джозеф плавал под парусом, но потом забыл, как это делается, и бензин стал ему не нужен.

Брендан возвращается с двумя канистрами, ставит их у моих ног, разворачивается и снова исчезает в сарае. Теперь он ищет лом или что-то в этом роде. Я достаю из кармана пальто сигарету и зажигалку. Иногда несколько затяжек помогают расслабиться. Но ничего не получается – кожа вокруг губ слишком натянута. И я боюсь, что опять начнется кровотечение.

Смотрю на дом, тихий и темный. Мэнди, наверное, без сознания, но Кейт Линвилл – готова спорить – бодрствует и узнала звук собственной машины. Она понимает, зачем мы приехали и что ситуация как никогда серьезна. Она нас ждет.

Есть ли у сотрудников Скотланд-Ярда оружие? Никто из нас ее не обыскивал, но я склонна полагать, что оружия у нее нет, иначе Кейт давно пустила бы его в ход. Эта Линвилл – серая мышь, и страдает от того, что сама себя недооценивает. Она бы защищалась. Я чувствую такое в других людях. Она и сейчас не сдалась бы без боя, но мы не предоставим ей такой возможности. Сделаем всё, не входя в дом.

Брендан снова появляется, с железным прутом в руке. Я говорю, что это то, что надо, и беру прут у него из рук.

– Сейчас я разобью окна, – объясняю я. – А ты поищи какую-нибудь ткань, которую можно разорвать на кусочки. Мы зальем бензин в окна, будем смачивать кусочки ткани в бензине, поджигать и бросать вовнутрь.

Последнее я поручаю Брендану, поскольку не испытываю желания сгореть вместе с Кейт и Мэнди, испачкавшись бензином по неосторожности.

– Линда… – умоляет он.

– Делай что говорят.

Я обхожу дом, чтобы начать с кухонного окна. Никто не сбежит, окно зарешечено. Они в ловушке.

Стекло толстое и прочное, и у меня только одна здоровая рука. Я дважды ударилась о решетку, прежде чем посыпались осколки. Слышно далеко, но на многие километры вокруг нет никого, кроме нас. Мне приходится напоминать себе об этом.

– Все будет хорошо, – уговариваю я себя.

Брендан появляется позади меня, с канистрой и кусочками ткани. Одновременно я замечаю движение в глубине дома. Различаю в темноте силуэт, понимаю, что это Кейт Линвилл. Битое стекло хрустит у нее под ногами. Весь пол усеян им. Я хватаю канистру, отвинчиваю крышку и с размаха вливаю бензин в окно. Кейт отступает на шаг. Только теперь она понимает, что я собираюсь сделать.

Она поднимает руку и спрашивает:

– Видите, что у меня?

Конечно, я ничего не вижу в такой темноте.

Кейт чем-то размахивает:

– Как вы собираетесь выводить отсюда машину?

Я замираю на полудвижении.

Ну конечно. Машина. Чертова машина.

Она припаркована на безопасном расстоянии. Дверцы заблокированы, ручной тормоз поднят. Плюс пересеченная местность. Нам не удастся дотолкать ее до обрыва, чтобы сбросить в море. Не говоря о том, что, скорее всего, она упадет не в воду, а на выступ ниже плато. Машину не получится зашвырнуть по широкой дуге, как телефон. И она приведет полицию прямо к Джозефу. И ко мне.

– Дайте мне ключ! – требую я.

Но Кейт не настолько глупа.

– Я – сержант-детектив лондонской полиции, – говорит она. – Мое удостоверение вы найдете в сумке. Коллеги в курсе моего расследования. Скоро они будут здесь.

– Я знаю, кто вы, – отвечаю я.

Мысли носятся в моей голове. Насчет коллег очень похоже на правду. Риск велик, во всяком случае. Насколько мне известно из книг и фильмов, полицейские ничего не предпринимают в расследовании, не посоветовавшись с начальством. И уж точно докладывают ему о своих планах.

– Еще два убийства на вашим счету, – продолжает она. – Это повлияет на приговор.

Я думаю открутить номерные знаки, но это бесполезно. Мы не сможем удалить идентификационный номер автомобиля. Я понятия не имею, где он находится, и даже если б сумела добраться до того места – разбив окно, к примеру, – уйдут часы, чтобы с ним разобраться, а у нас нет столько времени.

Можно, конечно, съездить в Скарборо за запасным ключом. Почти три часа туда и столько же обратно. Шесть часов, и это не считая времени на поиски ключа. Между тем я понятия не имею, где он у меня лежит.

– Немедленно отдайте ключи! – повторяю я.

Она не реагирует.

Поджечь машину – что толку? Я видела сгоревшие машины по телевизору и на фотографиях. Остается груда металла. Чертов идентификатор, по-видимому, не пострадает.

Я чуть не плачу от ярости и бессилия. Машина – вот наша проблема. Да, дом тоже оформлен на Джозефа. Но он пустует уже много лет, кто угодно мог использовать его в каких угодно целях. Другое дело – машина. Она зарегистрирована на Джозефа. Соседи считают меня его женой. Они думают, что я миссис Мейдоуз, и ничего не знают о Линде Касуэлл. Разумеется, я не разведена с Райаном и не замужем за Мейдоузом.

Так или иначе, я не смогу вернуться ни к тому, ни к другому. Брендану тоже придется пуститься в бега, потому что она могла передать им его имя. Нам придется покинуть страну. Бредану и мне – человеку-тени, без имени, без документов, без всего. В машине сержанта Скотланд-Ярда, которого мы только что убили… У меня кружится голова. Мысли набирают обороты, и любой из возможных путей ведет к катастрофе.

Я отступаю от окна и подхожу к Брендану.

– Не поможет, – говорю. – Нам придется вывезти отсюда машину. Нужно войти туда и отобрать у нее ключи.

Брендан смотрит на меня с недоумением:

– Что? А если она вооружена?

– Ерунда. Если б у нее был пистолет, она давно бы им воспользовалась. Она безоружна.

– Но у нее бутылка.

Господи, что за слабак!

– Разбитая бутылка сработала в руках Мэнди, потому что та напала на меня внезапно. Но теперь фактор внезапности на твоей стороне. Ты сможешь одолеть женщину и отобрать у нее чертовы ключи.

– Там две женщины.

– Мэнди едва жива. Ты будешь иметь дело с маленькой тощей Кейт Линвилл. Ты боишься ее?

Кажется, он в растерянности. Плохо, что у нас совсем нет времени. Может, у него и набралось бы достаточно мужества, чтобы сразиться с женщиной ростом ему по плечо и примерно в половину его веса. Но я не могу уговаривать Брендана целый час.

– Я войду, – говорю.

– Ты и так ранена, – напоминает он.

Я могла бы рассмеяться в ответ, если б так не стягивало изрезанные губы. Я уже ранена? Да. Но одному из нас придется туда войти, и Брендан, похоже, не собирается этого делать.

12

Кейт ожидала, что по крайней мере один из них войдет. Им нужны ключи, потому что машина – прямое указание полиции на то, кто преступник. Линда Касуэлл не из тех, кто легко сдается. Она задалась целью получить ключи, потому что видит в этом шанс выйти из этого безумия невредимой.

Кейт слышит, как открывается входная дверь, потом осторожные шаги.

Кейт стоит там, где была кухня, и не двигается. У нее складывается впечатление, что вошел кто-то один. И шаги слишком легкие для Бредана Сондерса. Это Линда рискнула войти в дом. Еще вопрос, кто лучше. Брендан крупный и сильный, но вялый. А хрупкая, маленькая Линда полна решимости.

Шаги затихают. Похоже, Линда сейчас в гостиной и осматривает ее с фонариком в руке. Ей важно убедиться, что Мэнди лежит под одеялом, а не подстерегает ее где-нибудь в углу.

И это действительно так. Мэнди лежит укутанная, только голова наружу, волосы разметались по полу. Она выглядит скорее мертвой,

чем живой. И не только выглядит. Мэнди не представляет никакой угрозы.

Снова шаги. Робкие, осторожные. Все ближе.

– Кейт Линвилл?

Голос Линды. Кейт не отвечает.

– Полагаю, ты еще на кухне, – говорит Линда. – Я иду к тебе. Мне нужен ключ.

Кейт не отвечает.

В коридоре лучик фонарика мечется по стенам, полу, потолку. Линда движется осторожно, с легкостью и собранностью большой кошки, которая знает, что опасность может подстерегать где угодно.

Свет приближается к двери. Затем возникает фигура. Линда Касуэлл.

Луч фонарика на телефоне, который она держит в руке, слабо освещает ее лицо. Высокие скулы выглядят еще более заостренными, глаза огромными. С кровавым порезом на одной стороне лица, от виска до рта, Линда выглядит зловеще. И при этом остается красивой женщиной. Кейт видит это, несмотря на опухшие губы и корку засохшей крови на лице.

Линда не из тех женщин, кому нужна защита от кого-либо, кроме самой себя. Но такие пробуждают в мужчинах желание защищать, чем Линда и пользуется. Она манипулирует мужчинами, использует их, даже после того как те перестают верить, что заботятся о хрупком и беспомощном существе.

– Ключи, – говорит Линда.

Кейт качает головой:

– С какой стати я должна вам их отдать?

– Потому что мы с Бренданом все равно их возьмем. Даже если для этого нам придется причинить вам боль.

– Что-то я не вижу здесь Брендана.

– Вы увидите его, как только я велю ему.

– Линда, он не придет. Он начинает понимать, к чему все идет. Он давно догадывается. Брендан был в Чемберфилде и интересовался состоянием вашего психического здоровья. Вы знаете об этом?

По удивленному выражению ее глаз Кейт понимает, что не знает.

– Чушь, – говорит Линда.

– Спросите его об этом сами. Я вышла на него через врачей психиатрической клиники в Чемберфилде. Готова спорить, он искал способ остановить вас в вашем безумии.

– Я не сумасшедшая, – возражает Линда.

Струйка крови стекает из уголка рта по подбородку. Рана открылась.

– И Брендан не хочет ничего останавливать. Иначе не привез бы меня сюда.

– Он запаниковал, поскольку испугался, что я сообщу о вас в полицию. Но, думаю, он давно в отчаянии от того, что вы вытворяете.

– То, что я вытворяю, не ваше дело.

– Вы убили собственного ребенка, Ханну.

– Я не убивала ее.

– Вы бросили ее здесь умирать от голода и жажды. Это безумие, Линда.

– Она не захотела со мной жить.

– Она не захотела погибать в этой ловушке. Вырванная из привычной жизни. Принуждаемая демонстрировать чувства, которых у нее и в помине не было. К любви не принуждают, Линда. Никому из нас не под силу заставить человека полюбить. Ваша идея безумна, Брендан это понимает. И хочет остановить вас, пока вы не убили больше людей.

– Ключи, – повторяет Линда.

– Я не отдам их вам.

Линда делает шаг вперед. Кейт видит ее пустые, широко раскрытые глаза и отступает назад. Стекло хрустит под ногами. В воздухе висит запах бензина.

Внезапно Линда прыгает на Кейт. Бьет ее по лицу ладонью неповрежденной руки с пятью растопыренными пальцами и одновременно коленом в живот. Кейт вскрикивает от неожиданности и боли. Сгибается пополам, и Линда использует это как возможность ударить ее предплечьем по шее. Кейт падает со стоном. Линда бросается на нее, пытаясь дотянуться до руки, в которой Кейт все еще держит ключи. На мгновение Кейт кажется, что она теряет сознание, но присутствия духа достаточно, чтобы понять, что за ключи нужно бороться до конца. Как только Линда завладеет ими, их с Мэнди участь будет решена. Линда не оставит ее в живых, для этого Кейт знает о ней

слишком много. Сообщение или никто не получил, или получивший не догадывается, что с ним делать. Так или иначе, не похоже, чтобы помощь была в пути. Не стоит на них рассчитывать.

Линда роняет телефон, и фонарик гаснет. Комната погружается в темноту.

Кейт ерзает спиной по стеклу. Дышит бензином, который все растекается по полу. Над ней Линда, бьет по лицу, пинает по чему придется. Кейт не подозревала в ней такой физической силы. Как полицейский она обучена приемам борьбы, но против напора Линды они бесполезны. Удар в живот оказался слишком сильным. Кейт борется с тошнотой и сжимает в руке ключ, сосредоточив на этом остатки энергии.

Вдруг Линда кричит:

– Брендан! Брендан! Помоги мне!

Появись он сейчас, это значило бы, что для Кейт все кончено. Вырвать у нее ключ Брендану не составит труда. Кейт не сможет противостоять сразу им обоим.

– Брендан!

Через плечо Линды Кейт видит появившуюся в дверном проеме фигуру. Нерешительную, размытую серую тень. Брендан. Кейт пробует перевернуться на живот и подмять под себя Линду, но попытка не удается. Не в последнюю очередь из-за ударивших в голову бензиновых паров.

«Вот и всё», – думает Кейт. Она умрет в этом доме у моря. Обидно, что именно сейчас, когда жизнь повернулась к лучшему…

Но потом загорается спичка, и в мерцающем свете крошечного пламени Кейт различает, что в проеме стоит не Брендан. Это Мэнди. И то, что Кейт приняла за нерешительность, – следствие физической слабости. С красным от лихорадки лицом и трясущимися руками, Мэнди напрягает оставшиеся в теле силы.

– Не делай этого! – кричит Кейт. – Не надо! Ради бога, погаси огонь!

Линда поворачивает голову. Воспользовавшись моментом, Кейт выпрямляется и изо всей силы бьет ее по лицу кулаком. Линда кричит и валится на бок, на залитый бензином пол.

– Беги! – Кейт поворачивается к Мэнди.

Откуда она взяла спички? Еще немного, и все вокруг вспыхнет.

– Не делай этого, Мэнди!

Мэнди опускается на колени. Дрожа как осиновый лист, подносит спичку к луже бензина. Взметнувшийся к потолку огромный язык пламени освещает кухню и фигуру женщины на полу.

– Иди в ад, ведьма! – хрипит Мэнди.

Наверное, она рассчитывала выкрикнуть эти слова, но не хватило сил.

Кейт вскакивает на ноги, не обращая внимания на боль в животе. Подхватывает Мэнди под мышки, встряхивает.

– Скорее наружу! – кричит она, ставя Мэнди на ноги и толкая в спину: – За дверь, быстро!

Мэнди плетется к входной двери. Линда пытается сесть. Но бензин попал ей в рот и глаза, и она, похоже, ничего не видит. Пламя разносится по комнате с головокружительной быстротой. Еще пара секунд, и Линда окажется в ловушке.

Кейт подавила все инстинкты, подсказывающие бросить ее здесь. Она полицейский и не может обречь на такую смерть даже преступницу. Кейт бросается к Линде и пытается поднять ее на ноги.

– Вставай, Линда! Вставай!

Лицо Линды залито кровью. Она выпрямляется на трясущихся ногах, но делает движение не в сторону двери, а вглубь дома. Кейт крепко сжимает ее руки, но Линда остается все такой же сильной и решительной.

– Нам пора уходить!

– Нет, – хрипит Линда.

– Пошли!

Кейт не хочет выпускать больную женщину, но ситуация становится все более опасной, нужно спасать свою жизнь.

– Нет…

Линда борется, вырывается из рук Кейт. С залитым кровью лицом, спутанными волосами, широко раскрытыми пустыми глазами, она понимает, что все кончено, и предпочитает умереть в огне, чем провести остаток жизни в тюрьме или психиатрической клинике. Кейт удается подтащить ее к двери. Взгляд через плечо Линды убеждает ее, что Мэнди исчезла, скорее всего, вырвалась наружу. Кейт не думает, что ей угрожает опасность со стороны Брендана Сондерса: тот стоит,

безвольно свесив руки, перед горящим домом и не находит в себе сил вмешаться в происходящее.

Внезапная вспышка пламени заставляет Линду отшатнуться, и Кейт удается вытолкнуть ее из кухни в коридор. Из-за дыма ничего не видно, но Кейт надеется, что они движутся в правильном направлении. Легкие горят, каждый вдох причиняет боль. Кейт судорожно кашляет, глотая дым.

«Прочь, прочь, прочь…» – стучит в голове.

Линда висит у нее на руках – тяжелое, безжизненное тело. Только ноги шевелятся, но как будто не подконтрольно сознанию. Она хрипло дышит. Кейт боится свалиться, но чудом продвигается вперед, навстречу свежему холодному воздуху. Там – спасение. Линда выскальзывает из ее рук и падает на пол. Кейт наклоняется, подхватывает ее под мышки, встряхивает.

Дым жжет глаза, они слезятся так, что Кейт почти ничего видит. Тело как будто горит изнутри, но в следующий момент поток свежего воздуха навстречу усиливается. Становится холодно, и Кейт, шатаясь, выходит на открытое пространство, волоча за собой Линду, жадно вдыхающую холодный ночной воздух, который, точно вуаль, окутал ее пылающую кожу.

Кейт падает и роняет Линду, которая тут же отползает в траву, задыхаясь и кашляя. Оглядывается на огромный костер, осветивший ночь ярким оранжево-красным светом. Там на земле сидит Мэнди, прислонясь к дереву и закрыв глаза.

Линда смотрит на Кейт.

– Я хочу умереть, – шепчет она.

Суббота, 18 ноября

Она приехала рано утром. Незнакомый Кейт коллега Калеба отвез ее домой, в Скарборо. События минувшей ночи виделись путаным потоком перетекающих друг в друга сцен, туманных образов. У Кейт не хватало сил контролировать состояние собственного сознания. Последние несколько часов она только и делала, что кашляла, до полного изнеможения.

Выбравшись из горящего дома, они повалились на траву и смотрели на огонь, пока не подоспели полиция, медики и пожарная команда. Линду и Мэнди увезли в машинах «скорой помощи», Брендана Сондерса – в полицейской машине. Кейт устроилась на жестком сиденье микроавтобуса. Ей набросили на плечи одеяло, дали горячего чаю с медом. Ее осмотрел врач, что-то пробормотал, Кейт уловила только «легкое отравление дымом». Диагноз обнадеживал – Кейт хотелось бы избежать госпитализации. Только домой. И к Дэвиду.

Откуда ни возьмись появился Калеб и рассказал, как некто Колин Блэр заявился к нему с загадочным голосовым сообщением от Кейт Линвилл. «Колин, ну конечно, – подумала Кейт. – Он, со своими навязчивыми сообщениями, висел у меня в верхней строчке мессенджера».

– Какого черта вы здесь делали? – спросил Калеб, скорее с облегчением, чем сердито.

– Линда Касуэлл, – пробормотала Кейт. – Это она похитила и убила девочек.

Лицо Калеба отразило недоумение.

– Линда Касуэлл? Мать Ханны?

– Она хотела вернуть дочь, – объяснила Кейт. – А когда с Ханной не вышло, попробовала с Саскией. Потом с Мэнди. Конечно, это не могло сработать.

– Вы можете дать показания?

Кейт кивнула, хотя в голове мутилось так, что она уже ни в чем не была уверена. Лишь по реакции собеседника Линвилл догадывалась, что говорит связные вещи. Пока наконец не расслышала произнесенную ее собственным голосом вполне осмысленную фразу:

– Я хочу домой.

– Вам нужно пройти обследование в больнице, – возразил Калеб. – У вас незначительное отравление дымом и ожог руки.

Кейт в недоумении уставилась на руку, на которую кто-то уже наложил повязку. Наверное, врач.

– Со мной всё в порядке, – ответила она. – Я хочу домой.

Калеб вздохнул. Удержать ее было невозможно. Один из его коллег на своей машине отвез Кейт домой, потому что доктора категорически запретили ей садиться за руль.

– Вашу машину подгонят вам завтра, – сказал Калеб.

Они прибыли в Скарборо около четырех утра. По дороге Кейт отправила Дэвиду текстовое сообщение с телефона полицейского, где объяснила, что у нее больше нет телефона, что она едет в Скарборо и объявится у него при первой же возможности. Кейт догадывалась, что Дэвид сильно за нее волновался.

Где-то в глубине души она надеялась, что он будет поджидать ее возле дома. Но улица лежала пустая и тихая. Только спящие дома по сторонам дороги.

– Я вам еще нужен? – обеспокоенно спросил полицейский.

Кейт уверенно замотала головой:

– Нет, поезжайте. Со мной всё в порядке.

Живот все еще болел, но это не имело значения. Кейт чувствовала себя одновременно утомленной и бодрой. С благодарностью вспоминала тот момент, когда появился Калеб и взял все на себя, позволив Кейт расслабиться после нескольких часов напряжения.

Она сделала свое дело. Спасла Мэнди, Линду и себя из горящего дома. Это благодаря усилиям Кейт они с Мэнди не умерли взаперти от голода и жажды. Теперь же Линду и Брендана можно было препоручить Калебу и коллегам.

Кейт вернули ее сумочку, поэтому она смогла отпереть входную дверь. Тут же появилась Месси и жалобно замяукала. Кейт взяла ее на руки:

– Бедняжка, ты так долго была одна, без еды…

Она включила свет, пошла на кухню, поставила Месси на пол и наполнила одну кошачью миску кормом, а другую – свежим молоком. Месси оценила ее заботу.

Сама Кейт не была голодна, но выпила полбутылки минеральной воды долгими, жадными глотками. Кашель как будто поутих, Кейт больше не задыхалась.

– И что теперь делать? – громко спросила она в пустоту дома.

Ей хотелось тут же поехать к Дэвиду, сесть с ним за большой стол на кухне, налить чаю и рассказать наконец правду о себе. А потом – что произошло за последние несколько дней и, прежде всего, за последнюю ночь. Но ни машины, ни телефона, чтобы вызвать такси, у Кейт не было. И в этот ранний час она не могла обратиться за помощью к соседке. Так или иначе, придется подождать.

Кейт долго стояла под душем, защитив раненую руку полиэтиленовым пакетом. Смыла бензин и запах дыма с волос и кожи. Если б в доме была стиральная машина, непременно воспользовалась бы ею. Пришлось сложить одежду вместе с остальным грязным бельем, чтобы в ближайшее время отнести в прачечную.

Кейт залезла в спальный мешок вместе с Месси и попыталась уснуть, что ей не удалось. Она сдалась примерно через час. Сердце колотилось слишком сильно, в крови все еще бурлил адреналин.

В половине пятого Кейт встала, приготовила себе чай и тосты. Она смотрела из кухонного окна в темноту, но видела только собственное отражение на стекле. Одинокая женщина на складном стуле посреди пустой кухни, с большой чашкой в руке…

– Мне одиноко, – сказала Кейт. – Еще пара часов, и я поеду к Дэвиду.

Она чувствовала беспокойство. Страх из-за сомнений в себе, Дэвиде, их отношениях.

«Он должен быть здесь, – говорил внутренний голос. – Ты отправила ему сообщение. Он знает, что ты в Скарборо».

«Возможно, он еще не прочитал мое сообщение, – отвечала голосу Кейт. – Я отправила его почти в полночь».

«Но как он может спокойно спать, если ты не приехала в назначенное время и как сквозь землю провалилась?»

«Кто сказал, что он спит спокойно? Дэвид свалился с ног от усталости, после того как искал меня вчера весь вечер. В моем телефоне наверняка сотни сообщений и пропущенных звонков».

Кейт потерла виски указательным пальцем, прогоняя мучительные мысли. Не было смысла ломать голову, о чем думает

Дэвид. Он мог разозлиться за то, что она не приехала в назначенное время и не отменила встречу.

«Я во всем разберусь, – решила Кейт, – и все будет хорошо».

Она попыталась сосредоточиться на чем-нибудь другом. В конце концов, преступление раскрыто, злоумышленники схвачены и обезврежены.

Но радости не было. То, что случилось с девочками, слишком ужасно. Ужасно, что Линда Касуэлл имела возможность творить безумие на протяжении стольких лет. Что влюбленный Брендан Сондерс поддерживал ее. Сколько бессмысленных страданий…

И началось все наверняка не на пустом месте. Кейт чувствовала потерянность Линды. Очевидно, еще подростком Линда высматривала людей, которые могли бы принадлежать ей. Нелюдимый Райан Касуэлл стал ее единственным шансом, но рядом с ним Линда умирала эмоционально. Дочь Ханна, конечно. Но девочка должна была почувствовать, что имеет дело с больным человеком. Не говоря о том, что никто не хотел гнить заживо в заброшенном доме на севере, служа якорем для Линды Касуэлл в океане ее одиночества. Эту женщину нельзя было выпускать из клиники.

Кейт налила себе вторую чашку чая и задумалась, как повлияет на их с Калебом отношения то, что она, вот уже во второй раз, в одиночку раскрыла преступление, которым занимался он и взял в расследовании ошибочный след. Не передумал ли Калеб брать ее на работу в свой отдел? Или он уже устал от нее и только и ждет возможности проводить Кейт в Лондон, чтобы никогда больше о ней не вспоминать?

На эти вопросы у Кейт ответа пока не было.

Она посадила Месси себе на колени, погладила, чувствуя, как успокаивается сердцебиение. Темнота рассеивалась. Из угольно-серого сумрака проступали очертания голых деревьев и кустарников за окном и сарая, где хранилась садовая мебель.

* * *

Кейт решила не торопиться и подъехала к дому Дэвида около десяти утра. Она не взяла с собой Месси, так как не была уверена, что

задержится на все выходные. В любом случае кошку можно забрать позже.

Кейт вызвала такси с телефона соседки, отмахиваясь от вопросов насчет ее собственного телефона, машины и руки. Соседка отпустила ее только после того, как Кейт пообещала прийти к ней на кофе и обо всем подробно рассказать.

Она стояла на пороге дома Дэвида и звонила в дверь, но ответа не было. Его машины также нигде не было видно. Утро субботы; похоже, Дэвид делал покупки на выходные. Кейт старалась не дать страху и раздражению овладеть собой. Дэвид отправился по магазинам, как ни в чем не бывало. Он не мог не получить ее сообщения к этому часу, и все-таки не удосужился появиться в Скалби. Может, он там сейчас, так же стоит под дверью и жмет на звонок?

«Все равно поздно, – подумала Кейт. – Если он там только сейчас, то отправился туда поздно».

Было холодно, а она даже без машины, где можно было бы подождать. И все еще без телефона, чтобы вызвать такси и вернуться в Скалби…

Кейт знала, что Дэвид прячет запасной ключ под бочкой для дождевой воды рядом с входной дверью, он сам говорил ей об этом. При этом разрешения входить в дом в любое время в его отсутствие не давал. В этом случае было бы логичным отдать Кейт ее собственный дубликат ключа. Но она достаточно хорошо знала Дэвида, чтобы понимать, что это вовсе не означает, что он будет возражать, если она войдет. Просто Дэвиду не приходила в голову подобная мысль. Такой проблемы до сих пор не возникало. Позже он, вероятно, будет удивлен, что Кейт так долго сомневалась, прежде чем воспользовалась ключом.

«Если я не войду, – подумала она, – подхвачу простуду. Дэвид поймет».

Ключ все еще лежал в углублении под бочкой. Кейт отперла дверь и поднялась наверх по крутым ступеням. Оказавшись в тепле и знакомой уютной обстановке, вздохнула с облегчением. Все хорошо.

Кейт повесила пальто на вешалку и прошла на кухню. На столе полупустая чашка с остывшим кофе, рядом открытая упаковка тостов и испачканный джемом нож. Кейт немного привела себя в порядок и почувствовала, как расслабляется. Она провела слишком много времени в этих стенах. Здесь они с Дэвидом вместе готовили и ели,

пили и смеялись, болтали, зажигали свечи. Спали вместе, а потом опять сидели на кухне, пили вино и держались за руки.

– Ты будешь жить со мной, – ответил Дэвид, когда Кейт спросила, где ей останавливаться в Скалби, после того как продаст дом.

«И он не шутил, – подумала она. – Дэвид говорил совершенно искренне».

Но беспокойство не унималось. Потому что его не было дома. Потому что он где-то пропадал уже с утра.

«Таков Дэвид, – уговаривала себя Кейт. – В отличие от меня, он ко всему относится легко. Это часть его натуры».

Кейт решила выпить чего-нибудь крепкого, успокоить нервы. Она не употребляла алкоголь с утра, но чувствовала, что сойдет с ума, если немного не расслабится. Слишком долгой и напряженной была ночь. И возвращение домой разочаровало. Кто-то должен быть рядом, взять за руки, спросить, что случилось. Выслушать ее и утешить…

«Немедленно прекрати!» – велела себе Кейт. Она знала, что, если сейчас же не перестанет жалеть себя, потом не остановится.

Линвилл прошла в гостиную, где в шкафчике Дэвид хранил запас алкоголя. Джин, виски, ром, несколько видов фруктовых бренди. Кейт достала коробку с надписью «Макаллан» – шотландский виски – и открыла бутылку.

«Браво, Кейт, – мысленно усмехнулась она. – Виски в десять утра… Ты на правильном пути».

К ее ногам упала фотокарточка. Кейт наклонилась и подняла ее. «Август 2014 года, на память о фантастической поездке в Шотландию».

Двое мужчин, оба в футболках, небритые. Стоят на берегу реки, на фоне поросшего травой склона горы. Действительно похоже на Шотландию. Счастливые, улыбаются…

Но Кейт будто парализовало. Потому что одним из мужчин был определенно Дэвид. А вторым – Алекс Барнс.

Она узнала его по газетным фотографиям – и все-таки не верила своим глазам. Дэвид и Алекс не были знакомы друг с другом до того октябрьского штормового вечера, когда вместе вытащили девушку из воды. Ни до, ни после того они не встречались. Они не могли вместе быть в Шотландии три года назад.

Что-то внутри Кейт отказывалось принять правду. Но мало-помалу до нее доходило, что объяснение может быть только одно, и по телу уже разливался ледяной ужас, а в желудке – чувство тошноты.

Единственно возможным объяснением было, что Дэвид солгал. Он не только знал Алекса Барнса, но и был его хорошим другом. И в тот вечер не случайно выбрал окольный маршрут, когда пошел проверять лодки. Либо Алекс позвонил ему и попросил прийти на помощь, либо Дэвид был вовлечен во все это с самого начала. В эту запутанную и лживую историю о мнимом похищении Амели Голдсби.

– Это не может быть правдой, – прошептала Кейт. – Это неправда…

Следующей мыслью было положить фотографию обратно в коробку, закрыть и убрать на место, как было. Но Кейт знала, что не сможет этого сделать. Забыть такое не получится. Не получится развивать отношения с Дэвидом на этой лжи. Его нужно расспросить обо всем. Абсурдно, но звучавший внутри нее чуть слышный голос надежды упорно цеплялся за мысль, что у Дэвида найдется всему убедительное объяснение и недоразумения устранятся.

«Я ведь тоже солгала ему, – думала она. – Сказала, что журналистка. Мы оба не были искренни друг с другом».

Мысль о том, кто она на самом деле, снова напугала ее. Кейт полицейский и только что узнала, что Дэвид Чапленд дал ложные показания. Она не сможет держать это при себе, что бы он ни говорил в свою защиту. Даже если ему удастся ее убедить. Если же она умолчит и правда в конце концов выйдет наружу, это будет стоить Кейт работы…

Линвилл тихо застонала. Если сейчас она позвонит Калебу и все расскажет, на отношениях с Дэвидом можно поставить крест.

Она была так напугана и растеряна, что не услышала, как к дому подъехала машина. Опомнилась только когда в замке повернулся ключ и на лестнице послышались шаги.

Дэвид.

Она хотела предупредить его, чтобы не испугался, заметив в квартире признаки присутствия чужого человека, но не могла издать ни звука, ни даже пошевелиться. Стояла в гостиной возле открытого шкафчика с бутылками, с фотокарточкой в руке.

Дэвид увидел ее из коридора и вздрогнул от неожиданности. Но быстро взял себя в руки.

– Кейт, вот ты где!.. Что произошло вчера?

Он вошел в гостиную, хотел подойти к ней, но что-то в ее лице заставило его остановиться.

– Ты повредила руку?

Она кивнула:

– Да.

– Почему не выходила на связь?

– Я отправила тебе эсэмэску.

Он с сожалением пожал плечами:

– У меня забрали телефон. Инспектор Хейл, вчера. Они хотели проанализировать твое последнее сообщение на мою голосовую почту. Что происходит? Почему ты…

Он не договорил, но Кейт подозревала, что Дэвид хотел сказать. Она выглядела ужасно – бледная, изнуренная, с темными кругами вокруг глаз, все еще красных от дыма.

– …Выглядишь такой усталой, – закончил он.

То есть Дэвид не получал ее сообщения. Еще несколько минут назад эта новость обрадовала бы Кейт, потому что объясняла, почему он ее не встретил. Дэвид просто не имел ни малейшего понятия, что происходит и где она.

Но теперь все усложнилось. Кейт хотелось бы, чтобы эта незначительная небрежность была единственным, что стоит между ними.

– Я ходил по магазинам, – сказал он. – Могу приготовить нам что-нибудь вкусненькое. Заодно расскажешь…

– У нас проблема, Дэвид, – перебила его она.

Он посмотрел на нее:

– Что за проблема?

Кейт помахала фотокарточкой:

– Вот эта.

Он потянулся к ней, внимательно посмотрел на карточку, как будто старался запомнить каждую деталь.

– Где ты это взяла?

– Я не искала специально, – ответила Кейт. – Просто решила сделать глоток виски. Фотокарточка выпала из коробки. – Она

замолчала. – Мужчина рядом с тобой… Алекс Барнс.

Дэвид положил карточку на стол, кивнул:

– Да, похоже.

– Вы вместе отдыхали в Шотландии три года назад?

– Мы познакомились в Шотландии. Я проводил экскурсию под парусом по Каледонскому каналу. Алекс участвовал. Тогда он работал и накопил немного денег на поездку. Он тоже был из Скарборо, но раньше мы не встречались.

– Похоже, он был в восторге от этой поездки. Подарил тебе виски…

– Да, но я получал подарки и от других. Обычное дело.

– Проблема не в этом, Дэвид. – Она посмотрела на него, прочитав отчаяние в его глазах. – Ты говорил, что не знаком с ним, что никогда раньше его не видел. До того вечера, когда помог ему вытащить Амели Голдсби. Ты сказал полиции…

Он нетерпеливо перебил ее:

– Да, и что?

– Ты и мне сказал то же.

– Это настолько важно? Я не хотел лишних сложностей, ни с полицией, ни с тобой.

– Алекс звонил тебе в тот вечер, чтобы ты помог вытащить Амели из воды?

Дэвид молчал. Она поняла.

– Нет, он мог бы сразу вызвать полицию. Все равно спас ее он, Алекс. У тебя была назначена встреча с этими двумя с самого начала. На случай, если возникнут проблемы, верно? Амели не должна была пострадать. Лучше иметь на подхвате двоих сильных мужчин.

Дэвид не отвечал.

– Я думаю, – продолжала Кейт, – вы с Алексом Барнсом хорошие друзья. С того самого путешествия по Шотландии. Ты замешан в этом с самого начала. Ты знал о его романе с тринадцатилетней школьницей и о том, что она сбежала к нему. Вы вместе разработали этот план, чтобы получить деньги.

Дэвид поморщился.

– Замешан… Звучит как обвинение в сообщничестве. «Ты сошел с ума!» – вот что я сказал Алексу, как только узнал, что у него роман со

школьницей. Кстати, он действительно считал ее старше, ну, а потом… она присосалась к нему как пиявка. Он не мог от нее избавиться.

– Бедняга, – вздохнула Кейт.

Дэвид холодно посмотрел на нее:

– Хочешь верь, хочешь нет, но это так. Он хотел покончить с этим, но стоило лишь намекнуть на это Амели, как она сходила с ума. Угрожала покончить с собой, это правда. Было ясно, что, как только родители что-то заметят, они сразу пойдут в полицию. Алексу грозила тюрьма. Он был в отчаянии. Амели сбежала из дома, и он не смог уговорить ее вернуться. Тогда и появился этот план похищения и спасения. Алекс уговорил Амели подыграть ему и обещал, что, если получит деньги от ее родителей, они вместе уедут за границу и начнут новую жизнь.

– Но он не собирался никуда с ней уезжать.

– Алекс хотел уехать один. Он понимал, что когда-нибудь обман раскроется и бегство – единственный выход.

У Кейт закружилась голова.

– И ты знал об этом безумии?

– Когда я прочитал в газете, что Амели исчезла, тут же позвонил Алексу, и тот подтвердил, что она с ним. Я спросил, не сошел ли он с ума, и Алекс ответил, что нужно было как-то разруливать ситуацию. И что мне оставалось делать? Сдать друга полиции? Я держал рот на замке и надеялся, что в конце концов все закончится для него хорошо.

– Ты не только держал рот на замке, – поправила Кейт. – Ты сам стал частью этой истории.

– Да, но это был план Алекса, и только его. Он позвонил мне в тот вечер, перед тем как уйти из пиццерии, где обслуживал столики, и попросил подъехать к морю в назначенное время. Алекс точно описал место встречи. Важно, сказал он, чтобы я не называл себя его другом. Нам нужно вести себя так, будто мы не знакомы. Итак, между одиннадцатью и двенадцатью часами я спустился на набережную, несмотря на ветер и дождь. Я опоздал, потому что долго сомневался, стоит ли ехать. Амели все еще висела, уцепившись за причальную стену. Ситуация более чем взрывоопасная. Но главная причина, почему Алекс вызвал меня туда, заключалась в том, что ему был нужен свидетель. Кто-то должен был подтвердить его версию произошедшего. Алекс уже тогда подозревал, что ему не поверят. Мы

вытащили Амели на берег. Я позвонил в полицию и представил все так, будто случайно проходил мимо, потому что только в этом случае мои показания имели бы какой-то вес. Даже Амели не догадывалась, что мы с Алексом знакомы. Позже он раскрыл мне свой план. Это всё.

– Все? – почти закричала Кейт. – Дэвид, как ты мог в это ввязаться? Ты подыгрывал Алексу Барнсу? Несмотря на вашу дружбу, это… чистое безумие.

Дэвид молчал, глядя мимо нее в окно.

В тишине подозрение Кейт крепло. Собственно, это было единственное возможное объяснение.

– Он предложил тебе деньги? Часть того, что собирался получить от родителей Амели. Барнс купил тебя, так?

Дэвид вздохнул:

– Мой бизнес переживает не лучшие времена. Брекзит… Англия отделяется от континента, и таким, как я, кто опирается на сотрудничество с компаниями других европейских стран, сейчас приходится очень нелегко. Понятия не имею, как долго еще смогу продержаться.

– И ты подумал…

– Алекс обещал мне десять тысяч фунтов. Это давало мне некоторую передышку, да.

– Господи… Дэвид, как ты мог?!

Его глаза снова стали ледяными, и Кейт вздрогнула.

– Ведь эта история останется между нами? Я рассчитываю на это. Так или иначе, в полиции я буду все отрицать.

– То, что вы с Алексом были знакомы, можно доказать, – возразила Кейт. – Наверняка найдутся документы, подтверждающие его участие в парусном туре.

Ледяные зрачки впились в Кейт.

– Смотри-ка, – медленно произнес Дэвид, – с тобой держи ухо востро… Послушай, Кейт, ты даже не представляешь себе, как мне приходится бороться за выживание. Ты журналист и, похоже, востребованный. Для тебя всегда найдется работа. Времена сейчас непростые, мало кто может позволить себе такое роскошное хобби, как парусный спорт. И потом… черт, у нас здесь не Лондон. Совсем другая жизнь. Посмотри на Скарборо; разве похоже, что в этом городе много денег?

Он все еще верил, что Кейт журналистка. Все это время она боялась, что Дэвид загуглит ее фамилию; странно все-таки, что он до сих пор не сделал этого. Она рассказала Дэвиду об убийстве отца, и его это не заинтересовало настолько, чтобы прочитать подробности в интернете. Потому что ему было все равно. Поэтому он и не стал особенно расстраиваться, когда вчера она исчезла и полиция запросила его телефон, чтобы проанализировать последний звонок Кейт. В его голове должны были загореться все тревожные кнопки. Он должен был осаждать полицию. Ее дом. Соседей. А вместо этого спокойно отправился за покупками на выходные. И если б Кейт не появилась у него этим утром, приготовил бы себе что-нибудь вкусное и прекрасно провел бы время без нее.

Кейт не хотела задавать следующий вопрос. От Дэвида исходил холод. Злоба на нее за то, что она все знает. Еще сильнее ощущалось стоящее за этим безразличие. Кейт давно его чувствовала. Отсюда волнение и усиливающийся страх. Она стояла на краю пропасти. Шаг вперед – и все кончено. Но и без этого шага пропасть оставалась пропастью. Кейт уже в нее падала.

– А я… – медленно начала она, почти не дыша от страха, – твои чувства ко мне… это было по-настоящему?

Дэвид долго смотрел на нее. Оценивающе оглядывал с головы до ног. И Кейт вдруг представила свои красные глаза, бледные щеки. Свою усталость, бессилие. Она старше Дэвида на несколько лет. В это утро разрыв, по-видимому, увеличился.

Дэвид улыбнулся. Это была злая улыбка. Никогда раньше Кейт не замечала в нем этого, а теперь разглядела. В нем было кое-что еще, помимо доброжелательности и обаяния. Та самая его часть, которая заставила его подружиться с Алексом Барнсом и подыгрывать ему в вымогательстве денег у родителей Амели.

«Почему я раньше этого не замечала?» – спрашивала себя Кейт.

– Тебе достаточно посмотреть на себя, – ответил он на ее вопрос.

Кровь застучала в виски.

– Так ты хотел…

– Информация, – спокойно объяснил Дэвид. – Ты одержима своим журналистским расследованием, а Алекс боялся за себя. Я тоже, признаться, потому что подыгрывал ему. И вот я подумал, что было бы

неплохо… А потом еще выяснилось, что ты дружишь с инспектором. «Игра явно стоит свеч», – подумал я.

Кейт почувствовала, как меняется ее лицо. И в сердце тоже будто что-то разбилось.

– Но… неужели было бы недостаточно…

Она не могла говорить. Ее счастливое будущее, каким Кейт его представляла, погрузилось в пучину боли и унижения.

– Разве для этой цели не было бы достаточно… просто поддерживать знакомство? Зачем нужно было вести себя так, будто ты…

– Просто потому, что так интереснее, – резко оборвал ее он.

Кейт чувствовала, что достигла дна пропасти.

– Значит… просто информация и развлечение?

Дэвид снова смерил ее долгим оценочным взглядом.

– В спальне темно, – сказал он.

Они стояли молча лицом к лицу. Всего несколько секунд, но для Кейт молчание длилось вечность. Она подумала, что примерно так же должна ощущаться смерть. Как отмирание всего живого. Как будто кто-то сбил тебя с ног, и ты понимаешь, что никогда не сможешь подняться.

Она попробовала прочитать его лицо и заметила нечто отдаленно напоминающее раскаяние. Дэвид перегнул палку. Кейт загнала его в угол, заставила давать объяснения, к которым он не был готов. Он инстинктивно защищался, как затравленное собаками дикое животное. В такие моменты не выбирают оружия. Тем более не думают о безопасности того, кто атакует.

Но все это не отменяло того факта, что Дэвид сказал правду. Для него все это было прежде всего способом выяснить, насколько ситуация с расследованием опасна для него. Возможно, некоторые моменты общения с Кейт доставили ему удовольствие. Возможно, нет. Поэтому Дэвида и не беспокоило ее исчезновение. Как и проблема с домом, и что будет значить его продажа для их совместного будущего. Для него никакого совместного будущего просто не существовало.

Но Алекса поймали. Необходимость в источнике информации отпала, потому что от информированности Дэвида теперь мало что зависело. Он отстранился, и Кейт это почувствовала. Отсюда ее страх

и растущее беспокойство. Теперь все кончено. Кейт видела это, несмотря на оцепенение. Для него же никогда ничего и не начиналось.

Он первым нарушил молчание:

– Кейт… я не хотел так говорить, но ты же не могла… ты что, действительно верила?

Каждое слово хлестало ее, как пощечины. Почему, черт возьми, она не должна была верить? Потому что он привлекательный мужчина, а она непривлекательная женщина, и у него не может быть никаких серьезных намерений относительно нее? Значит, это должно быть ясно любому, и только она, ослепшая от любви, пребывала в заблуждении? Но во что, в таком случае, должен был верить он? Что она понимала, что это не всерьез, но снова и снова ложилась в постель с мужчиной, который считает ее безнадежной и терпит только в темноте? Что она говорила ему о продаже дома только потому, что не находила лучшей темы для беседы?

Но даже если Кейт была для Дэвида не более чем источником информации и временным решением сексуальных проблем, за отсутствием лучшего варианта, ему следовало бы мягче жать на тормоза. Хотя чего еще можно ожидать от приятеля Алекса Барнса? Не только приятеля, но и подельника…

– Хочешь, я отвезу тебя домой? – робко предложил Дэвид, потому что Кейт все еще молчала. – У тебя нет здесь машины. Во всяком случае, я ее не видел.

Он хотел избавиться от нее, и как можно скорее. Похоронить историю с Кейт, как и этот неприятный разговор в гостиной. Положить фотографию с Алексом Барнсом обратно в коробку и забыть, что Кейт о ней знает. Вот каким он был, Дэвид Чапленд, и Кейт удивлялась тому, что не хотела видеть этого раньше. Он привык справляться с жизненными трудностями, прячась от них или закрывая на них глаза, либо безжалостно используя других людей, чтобы потом оттолкнуть. Он отказывался вникать во что-либо, будь то работа или отношения с людьми, из опасения навлечь на себя лишние неприятности. Шел по пути наименьшего сопротивления, избегая прозрений, какие случаются в жизни каждого человека и далеко не всегда ее облегчают. Категорически отказываясь заглянуть в самого себя.

Кейт все еще чувствовала себя разбитой и не знала, сможет ли когда-нибудь оправиться. Но какая-то часть ее жила. Другая Кейт, а не

отвергнутая, униженная женщина, которую бессердечный мужчина считал себя вправе оскорблять.

Странно, но эта Кейт все еще существовала. По крайней мере, ее часть. Странно, что ей удалось пошевелиться, вытащить из сумочки удостоверение и поднести его к носу обидчика:

– Детектив-сержант Кейт Линвилл, лондонская полиция. Вы арестованы, Дэвид Чапленд, за пособничество в совершении преступления и дачу ложных показаний.

Он в ужасе уставился на удостоверение:

– Что?!

– Вы имеете право на консультацию адвоката в любое время.

– Ты…

Кейт позволила ему разглядеть удостоверение, наблюдая, как понимание ситуации постепенно меняет его лицо.

– Так ты… не журналистка?

Она положила удостоверение обратно в сумочку:

– Нет.

– Боже мой… – Дэвид как будто только сейчас осознал, во что влип, сознавшись во всем полицейскому. – Кейт, давай поговорим… Давай…

Линвилл подошла к стационарному телефону, сняла трубку и набрала номер полиции. Дэвид не предпринял ничего, чтобы остановить ее. Он стоял посреди комнаты, совершенно ошеломленный.

Кейт вызвала патруль на Си-Клифф-роуд. Положила трубку, подошла к окну и выглянула на тихую улицу.

– Кейт, – послышался за спиной голос Дэвида. – Я не имел в виду ничего… Послушай, Кейт… ты не можешь, после того, что между нами было…

Больше она с ним не разговаривала.

Вторник, 21 ноября

Калеб Хейл совсем не был уверен в том, что Кейт откроет ему дверь. Человек в таком состоянии имеет право отстраниться от всего. Мечты об их с Чаплендом совместном будущем потерпели крах. Вместо прекрасного здания новой жизни перед Кейт лежала груда обломков.

Ее машина, которую на выходных коллега Калеба перегнал из Нортумберленда в Скарборо, была припаркована возле дома. По крайней мере, Кейт никуда не уехала.

Он позвонил. Подождал. Позвонил еще раз. Наконец послышались шаги, и дверь открылась. Кейт стояла перед ним.

Она выглядела уставшей, но не походила на человека на последней стадии отчаяния. В общем и целом, она выглядела как всегда, разве чуть более измотанной. Однако Калеб заметил, что ее взгляд стал другим. Кейт было нечего терять, это ей придавало силы.

Они посмотрели друг на друга, и Калеб сказал:

– Сожалею, Кейт. Я хотел бы… другого конца для этой истории.

– Войдете, Калеб?

Теперь в ее глазах появилась жесткость. Кейт не хотела обсуждать эту тему, только не с ним. И, наверное, ни с кем другим.

Он последовал за ней в пустую гостиную с двумя складными стульями и включенным электрическим камином, распространявшим уютное тепло.

– Я только что заварила чай, – сказала Кейт. – Присаживайтесь.

И исчезла на кухне.

Калеб остался стоять. Погладил внезапно появившуюся Месси, которая потерлась о его ноги.

«Кошка – все, что у нее осталось», – подумал он.

Калеб даже не догадывался, что произошло между Кейт и Дэвидом, но, очевидно, после того, как она выдала Чапленда полиции, о продолжении отношений не могло быть и речи. И, как бы это ни было тяжело для Кейт, это ее выбор. За это Калеб и уважал ее, еще задолго до истории с Дэвидом.

Кейт вернулась с подносом, расставила на полу чашки, сахар, молоко.

Кошка – и этот пустой дом…

– Есть новости от сбежавших арендаторов? – спросил Калеб.

Она покачала головой:

– Никаких. Не думаю, что их удастся найти. А если б и нашли, у них не хватит денег компенсировать ущерб.

– Вы все еще хотите продать дом?

– Мне нужно еще немного времени, – ответила Кейт, – чтобы разобраться, каким я хочу видеть свое будущее. Я продлила отпуск до начала следующей недели.

– Еще неделя в полном одиночестве в этих пустых стенах?

– Похоже.

– А что с вашим бывшим парнем, как его… Колин Блэр?

Кейт невесело улыбнулась:

– Он считает себя моим спасителем.

– Но это не так. Вы сами разобрались с этим кошмаром в Нортумберленде.

– Да. Слава богу, полиция приехала быстро. И он все сделал правильно, Колин Блэр. Расшифровал мое сообщение. Я ему очень благодарна, но… отправила обратно в Лондон. Не хочу иметь с ним ничего общего.

– Понимаю, – кивнул Калеб.

Они пили чай.

– Собственно, я пришел с новостями, – сказал Хейл. – Мы узнали кое-что интересное, после того как вы раскрыли это преступление.

Кейт не нашла в себе сил возразить.

– Да? – Она пристально посмотрела на инспектора.

– Насколько нам это известно на данный момент, Линда Касуэлл действительно покинула Англию в две тысячи третьем году, но, вопреки подозрениям мужа, отправилась не в Австралию, а на континент, где провела несколько лет, в основном в Испании и Италии. Она работала в ресторанной сфере в курортных местах и таким образом держалась на плаву, нигде не регистрируясь и не заключая никаких контрактов. В две тысячи восьмом году она встретила Джозефа Мейдоуза в одном из портов Испании, где он стоял на якоре со своей парусной лодкой. Завязался роман, после чего Мейдоуз забрал

ее с собой в Англию. Мы знаем, насколько это легко. Множество небольших английских лодок, круглый год курсирующих по каналу, не всегда проверяются по прибытии в порт приписки. Никто не заметил Линду.

Калеб промолчал, глотнул чаю.

– В общем, Касуэлл вернулась в Англию, где полагали, что она скрывается у родственников в Австралии, после того как покинула семью в две тысячи третьем. Именно такой информацией мы располагали, когда расследовали исчезновение Ханны. Никто не подвергал сомнению эту версию. Мать Ханны исчезла. Какие бы сценарии произошедшего ни предлагались, Линды Касуэлл не было ни в одном из них.

– Это понятно. Слишком много времени прошло.

– Никому из нас не пришло в голову проверить, где и при каких обстоятельствах Райан Касуэлл познакомился с будущей женой. Если б мы знали, что Линда находилась на лечении в психиатрической клинике… Но в Чемберфилде против Райана не было выдвинуто никаких официальных обвинений. История с пациенткой не попала в документы и не получила распространения. Мы ничего об этом не знали. Да и не особенно и углублялись в этом направлении, нужно признать.

– Кто мог подумать, что за похищением Ханны стоит ее родная мать…

– В делах, связанных с разрушением семьи, похищение ребенка одним из родителей не такая уж редкость.

Кейт покачала головой:

– Здесь совершенно другая история. Обычно в случаях, о которых вы говорите, похититель пытается заполучить ребенка всеми возможными средствами. И прежде всего заявляет о своих правах через суд. Но Линда Касуэлл просто исчезла и ни дня не боролась за дочь. Она как будто была совершенно равнодушна к Ханне. В конце концов, у Линды были все возможности забрать девочку сразу. Никто не мог ожидать пробуждения в ней материнского инстинкта спустя столько лет.

– Так или иначе, они с Мейдоузом осели в Нортумберленде, где содержали этот паб, «Утес чайки», на туристической тропе. Мейдоуз был значительно старше Линды и получал пенсию за работу

инженером на верфи. Но его психическое и физическое состояние ухудшалось – деменция. Со временем супругам пришлось закрыть паб и вернуться в Скарборо. Могу предположить, что выбор нового места – идея Линды. Она хотела быть рядом с Ханной.

– С чего это вдруг?

Калеб пожал плечами:

– Возможно, это связано с усугубляющимся психическим расстройством Мейдоуза. Линде был нужен человек, на которого она могла бы положиться и который целиком и полностью зависел бы от ее воли. С определенного момента Мейдоуз удовлетворял только одному из этих условий. Он был в ее власти, но перестал служить Линде опорой. Наоборот, она была вынуждена его поддерживать, при том, что неизвестно было, сколько он еще проживет. В общем, требовался кто-то на замену. И Линде на ум пришла Ханна.

– Линда выбрала в качестве укрытия «Утес чайки» и подготовила дом к этому, продумав все до мельчайших деталей…

Калеб кивнул:

– Дом все еще принадлежал Мейдоузу. Электричество и воду отключили, но Линду это устраивало. Были бы счета, проверки… слишком рискованно. Она не хотела привлекать к себе лишнего внимания. В остальном одинокий дом идеально соответствовал ее целям. В полиции Линда призналась, что следила за Ханной несколько недель. В тот ноябрьский вечер она хотела перехватить ее еще в Халле, но появился Кеннет Бент. Линда последовала за его машиной в Скарборо и подстерегла Ханну на вокзале. Предложила отвезти домой. Ханна узнала мать по фотографиям. Можно себе представить, как она была ошеломлена и растеряна… Тем не менее села в машину, не заподозрив ничего плохого.

Кейт опустила плечи:

– Бедная девочка… Что она должна была пережить, когда поняла, что оказалась во власти психически больного человека…

– Полагаю, она при любой возможности умоляла Линду отпустить ее домой. Как бы ни зажимал Ханну отец, по сравнению с условиями «Утеса чайки» родной дом должен был представляться ей раем. Эти слезы и мольбы решили ее судьбу.

– Линда от нее отвернулась.

– Она не могла вынести отказа. Визиты в дом на скале становились все реже, пока совсем не прекратились. После чего Ханне оставалось только умереть от голода и жажды.

– И потом…

– …Потом в игру вступил Брендан Сондерс, который забрал тело из дома на скале по наущению Линды и похоронил. Он достаточно подробно описал нам место, где покоится Ханна Касуэлл. Неподалеку от дома, на ничейной территории. Коллеги займутся эксгумацией в ближайшее время.

– А Саския Моррис?

– Ее он просто положил в кустах между переходными тропами на болотах. Из-за родителей, как сам объяснил. Якобы хотел, чтобы тело побыстрее нашли.

– Как получилось, что он стал ее пособником?

– Он кузен Линды, пятиюродный или что-то вроде того. Безнадежно влюблен в нее с юности и полностью ей подвластен. Но даже Брендан Сондерс в какой-то момент испугался и поехал наводить справки в Чемберфилд. Он наделся остановить ее каким-то образом.

– Очевидно, Брендан не тот человек, который был ей нужен.

– Слишком слаб для нее. Мог быть чем-то вроде мальчика на побегушках, не более того.

– Мэнди Аллард…

– Брендан рассказал о ней Линде. Подумал, что на этот раз может сработать, ведь Мэнди сбежала из дома и никак не планировала туда возвращаться. Брендан позвонил Линде, когда Мэнди еще жила в его квартире, но Мэнди подумала, что он разговаривает с полицией, и убежала. Позже Линда все равно добралась до нее. Было естественно предположить, что девушка бродит где-то в окрестных кварталах.

– Линда серьезно больна, – пробормотала Кейт.

– Гораздо более серьезно и опасно, чем, по-видимому, полагали ее врачи. Или же с годами заболевание прогрессировало. В какой-то момент идея сделать из Ханны «идеальную дочь» стала навязчивой. Личность девушки больше не имела решающего значения. Не получилось с Ханной – Линда переключилась на другую жертву. Но здесь произошла заминка. Линде требовалось время, чтобы свыкнуться с тем, что объект ее «опеки» не обязательно должен быть ее биологическим ребенком. Отсюда временной разрыв, заставивший

нас усомниться в связи между Ханной и остальными предполагаемыми жертвами. И здесь вы оказались проницательнее всех нас, Кейт.

Кейт не ответила. Да, она была уверена в этом. На уровне интуиции, поэтому допускала возможность ошибки.

– Колесо закрутилось, одержимость Линды набирала обороты, – продолжал Калеб. – Теперь потребовалось искать замену Ханне. И еще… – Он осекся.

– Что?

– Мы нашли Джозефа Мейдоуза в подвале его дома. Привязанный к кровати, он умер от голода и жажды. Похоже, стал слишком обременителен для Линды, и она избавилась от него, как и от девочек.

– Какой ужас… – прошептала Кейт.

– Сосед сказал, что не видел его около полугода. Поскольку Мейдоуз был серьезно болен, мы предположили, что он больше не может выходить из дома. Линда не поддерживала контактов с соседями, поэтому о нем никто не спрашивал. Кроме того, все они считали ее женой Мейдоуза. Никто из них ничего не слышал о Линде Касуэлл. Супруг умер в подвале, но и после этого пенсия продолжала поступать на его счет, и Линда без проблем пользовалась этими деньгами. Как и его машиной, и домом. Пользовалась – и давала выход своему безумию. Разоблачить ее было практически невозможно, – Калеб улыбнулся, – пока один суперсержант из Скотланд-Ярда не взял дело в свои руки.

Кейт смотрела на него. Калеб казался спокойным, но она знала, что на самом деле это не так. Он тяжело переживал очередную профессиональную неудачу. Он, старший инспектор криминального отдела полиции Скарборо, опять сбился с пути и не увидел главного.

– Калеб! – окликнула его Кейт, но он отмахнулся.

– Всё в порядке. Вы – лучшая, я вынужден это признать. Совершенно искренне.

Кейт не успела возразить, прежде чем он продолжил:

– Вы еще не надумали переводиться в мой отдел? Мне был бы кстати такой сотрудник.

Она пожала плечами:

– Не знаю. Ничего пока сказать не могу. Мне надо определиться, где жить и как строить свое будущее. Я…

Она замолчала. Голос ее задрожал, и Кейт попыталась взять эмоции под контроль.

«Она чувствует себя так, будто ее вываляли в грязи», – подумал Калеб.

– До Рождества чуть больше месяца, – сказал он и чуть не прикусил себе язык. Насколько же бестактным надо быть… Но отступать было поздно: – У вас есть планы?

– Если дом еще будет за мной, я перееду туда на праздники. Посмотрим.

– Одинокое Рождество в пустом доме… Скажу честно, меня угнетает эта мысль. Почему бы вам не приехать ко мне? Утром после Рождества мы могли бы прогуляться, позавтракать вместе, открыть подарки, поговорить…

– Вам совсем не обязательно жалеть меня, Калеб, – тихо отозвалась Кейт.

– А я вас не жалею. Мне самому не хочется остаться на праздники одному. Для меня это всегда заканчивается… ну, вы понимаете, чем.

Кейт понимала. К полудню он напьется так, что не сможет держаться на ногах.

– Я подумаю, – пообещала она, – время есть. Спасибо, так или иначе.

Калеб поставил на пол чашку и встал.

– Мне пора. На сегодня еще много работы.

– Как Мэнди? – спросила Кейт возле входной двери.

– В больнице, но с ней все хорошо. С учетом обстоятельств, разумеется. У нее была ее куратор из департамента по делам молодежи. Теперь предстоит решить, вернется Мэнди домой или поступит в приемную семью.

– Бедная девочка, – прошептала Кейт.

– Она сильная, – отозвался Калеб.

И добавил спустя некоторое время:

– Как и вы. Не забывайте об этом. Вы умная, решительная и сильная женщина. Просто в какой-то момент нужно поверить в это.

Суббота, 25 ноября

Дебора надеялась, что в этот день будет одна на побережье. В субботу утром людям есть чем заняться, кроме прогулки под неприятным моросящим дождем. Песок был мокрый и тяжелый, облака низко висели над угольно-серым неподвижным морем.

День, похожий на душу Деборы.

Она увидела вдалеке одинокую фигуру и, только приблизившись, узнала женщину из полиции, Кейт Линвилл. Укутанная в серое зимнее пальто, она как будто стала меньше. Или, скорее, тоньше. За несколько дней Кейт сильно похудела. Щеки ее ввалились, черты лица заострились, глаза стали огромными. «Она выглядит так, будто ей очень тяжело», – подумала Дебора.

Сворачивать с дороги было поздно, и она остановилась. Кейт узнала ее.

– Здравствуйте, Дебора, – сказала она.

– Кейт! Вы еще не уехали?

– Да, дом…

– Ах да, верно.

Столько всего произошло, обрушились целые миры, а женщины не знали, о чем говорить. Дебора тоже похудела, и на ее лице застыло выражение боли.

Две женщины смотрели друг на друга под дождем у моря.

– Как ваши дела? – спросила наконец Кейт.

Дебора проглотила рефлекторный ответ «все хорошо». Кейт, конечно, хотела знать реальное положение дел, и отвечать следовало правду.

– Так себе… Вы ведь знаете…

– Знаю, – кивнула Кейт.

Дебора сжала кулаки в карманах пальто.

– Впервые в жизни я не чувствую внутренней связи с близким мне человеком. Моей родной дочерью. Я перестала ее понимать, общаться с ней. Она отгородилась от меня, закрылась в себе. Как будто между нами никогда ничего не было.

– Ей нужна помощь.

– Амели поместили в психиатрическую клинику на неопределенный срок. Я пыталась говорить с ней, но это безнадежно. Она игнорирует меня и все время повторяет, что хочет к Барнсу.

– Барнс под арестом, – ответила Кейт. – И ему придется некоторое время провести в тюрьме.

– Иногда мне кажется, что Амели винит в этом меня, – сказала Дебора и почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы. – Она обращается со мной так, будто я разрушила ее счастье. С этим мужчиной. Как будто оно ждало ее, а я помешала… Но Барнс давно хотел от нее избавиться, в чем не раз признавался на допросах. Только до Амели это никак не доходит.

– Она не хочет об этом слышать, – подтвердила Кейт. – Правда для нее слишком болезненна.

– В какой-то момент ей придется посмотреть правде в глаза. И отвечать за свои поступки.

– Врачи ей помогут.

– Конечно, – согласилась Дебора без особой уверенности в голосе и вдруг добавила: – Кстати, мы уезжаем из Скарборо. Джейсон уже ищет место в клиниках Лондона и Ливерпуля. Мне все равно куда, лишь бы подальше отсюда.

– Слишком много всего произошло в этих местах…

– Да, и пресса не оставляет нас своим вниманием. Такое чувство, будто на меня все время смотрят. Может, я преувеличиваю, но мне не хочется выходить из дома. Если я это и делаю, то в плохую погоду, как сегодня.

– Возможно, начать все с начала – лучшее решение для вас.

Снова нависло неловкое молчание.

– Хорошего дня, – сказала наконец Кейт и повернулась, чтобы идти.

Дебора замялась.

– Кейт… что, если вы приедете к нам на Рождество? Не знаю ваших планов, но… почему бы вам не провести праздник с нами, со мной и Джейсоном?

Кейт задумалась, и Дебора прочитала в ее глазах то, чего опасалась: «Вы меня жалеете? Ради бога, не нужно».

– Мы были бы этому рады, – быстро добавила Дебора. – Первое Рождество без Амели… Нам будет тоскливо, и гости были бы кстати.

Но мы не хотим видеть ни любителей сенсаций, ни тех, кому полегчает от того, что нам плохо. Вы были с нами с самого начала. Вы понимаете нас и нашу ситуацию.

– Я подумаю над этим, – ответила Кейт. – Спасибо. Я напишу вам, как только приму решение. Время еще есть.

Женщины разошлись, каждая в своем направлении.

«Как она одинока, – подумала Дебора, – и в то же время свободна…»

Она подняла голову. Слезы и дождь смешались на лице.

* * *

«Уже второе приглашение на Рождество», – подумала Кейт.

Она искала в себе чувство облегчения или благодарности – и не находила ни того, ни другого. Дэвид – единственный, с кем Кейт хотела бы провести Рождество. Ему не было и не могло быть замены. И Кейт не находила в себе ничего, кроме чувства невосполнимой утраты.

Весь обратный путь от побережья до Скалби она прошла пешком. Это заняло почти час, но Кейт совсем не устала. Гулять лучше, чем сидеть дома и думать только о Дэвиде. Все лучше, чем это.

Линвилл повернула на свою улицу. Перед ее домом стояла машина. *О нет…*

Колин вышел, когда она приблизилась, и сделал несколько шагов навстречу.

– Здравствуй, Кейт, – неуверенно начал он.

Кейт вздохнула:

– Я думала, ты вернулся в Лондон.

Она не пыталась скрыть своего разочарования.

Колин кивнул:

– Да, но потом… просто я подумал, выходные, и я… – Он глубоко вздохнул. – Я не хотел оставаться один.

Как ни была Кейт потеряна и погружена в свою боль, она не могла не оценить значимости момента. Колин только что признал свою слабость. Блистательный, успешный, самоуверенный Колин, он должен был иначе объяснить свой приезд. Что вернулся в Скарборо из-

за Кейт. Чтобы помочь ей после всего, что произошло в Нортумберленде. Что он, ангел-хранитель, не мог бросить ее в трудную минуту…

Но вместо этого Колин дал Кейт возможность заглянуть в его душу. И то, что она там увидела, было одиночество, и только. До сих пор Кейт полагала, что Колин прекрасно справляется со своей жизнью, ничего другого просто невозможно было заподозрить. Только теперь она поняла, насколько он несчастен и одинок. И причиной тому был прежде всего сам способ, каким Колин пытался это компенсировать. Никто не мог разглядеть его настоящего за громкими, хвастливыми фразами.

Кейт не могла представить себе, что когда-нибудь у нее смогут возникнуть к нему чувства, подобные тем, что она испытывала к Дэвиду. Но в конце концов можно просто проводить время вместе. Разговаривать. Дружить.

– Ну, вот и ты наконец сказал правду, – пробормотала она.

Кейт подозревала, что Колин станет ее третьим вариантом на Рождество. Постепенно все усложнялось. На ум приходила расхожая фраза «жизнь продолжается», но Кейт не любила ее, прежде всего за расхожесть и избитость. Она звучала слишком красиво, и многие бездумно произносили ее только ради отрицания данного человеку природой права в некоторых ситуациях оставаться безутешным.

И все-таки Колин, Калеб, Дебора – робкие, неуверенные шаги к чему-то новому. Иллюстрация клише о продолжении жизни, которая не стоит на месте, даже когда ты сам застыл в своей безнадежности.

Кейт отперла дверь.

Месси бежала навстречу.

Жизнь…

---

notes

Примечания

1

Здесь и далее: о событиях прошлого подробно рассказывается в романе Ш. Линк «Обманутая».

2

Messy – неряшливая (*англ*.).

3

Приклопиль, Вольфганг (1962–2006) – австрийский преступник, похитивший в 1998 г. 10-летнюю Наташу Кампуш. Когда спустя восемь лет она от него сбежала, он покончил с собой. Хонка, Фриц (1935–1998) – немецкий серийный убийца.

4

21 марта 2022 г. деятельность социальных сетей Instagram и Facebook, принадлежащих компании Meta Platforms Inc., была признана Тверским судом г. Москвы экстремистской и запрещена на территории России. – *Прим. ред.*

5

Брекзит – выход Великобритании из Евросоюза в 2016 г.

6

«Сохраняй хладнокровие» (*англ*.).